

**В ПРОСТРАНСТВЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ**

КАФЕДРА ДЕЛОВОГО

ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Министерство образования и науки РФ
ГОУ ВПО «Белгородский государственный университет»

В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Сборник научных статей

Белгород 2010

Рецензенты:

- Болдырев Н.Н.** – Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина)
- Моисеева С.А.** – доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Редакционная коллегия:

д.ф.н., доц. *Беседина Н.А.* (отв. редактор),
к.ф.н., доц. *Серкина О.В.* (зам. отв. редактора),
к.ф.н., доц. *Федотова О.В.* (зам. отв. редактора),
к.ф.н., доц. *Колесников А.А., Гаврилова Е.Д.,*
к.ф.н., ст. пр. *Степаненко С.Н.,*
асс. *Нерубенко Н.В., Плотникова Ю.А.*

- В11** **В пространстве лингвистической мысли:** сб. науч. статей. /
Отв. ред. Н.А. Беседина; Министерство образования и науки РФ;
Белгор. гос. ун-т. - Белгород, 2010. – 329 с.

Сборник научных статей содержит результаты исследований, проводимых сотрудниками кафедры делового иностранного языка и отражает основные направления научных исследований, сложившиеся за 10 лет существования кафедры.

Издание адресовано лингвистам и всем, кто интересуется состоянием лингвистической мысли.

©Коллектив авторов, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Десять лет в образовательном и научном пространстве	6
Корпоративное пространство кафедры	14
Беседина Н.А. Проблемы морфологии в пространстве лингвистической мысли	31
Гаврилова Е.Д. О специфике процессов оценочной концептуализации и оценочной категоризации	46
Степаненко С.Н. Концептуализация количества в современном английском языке: средства, механизмы, факторы.	54
Федотова О.В. Знания о ситуации прикосновения и способы их репрезентации в современном английском языке.	65
Орлянская Е.Г. Знания о ситуации отчуждения и проблема их языкового представления в современном немецком языке.	73
Аносова Т.Н. Представление научных знаний через прецедентные феномены в экономических текстах	83
Камышанченко Е.А. Репрезентация отрицания в языке (на материале глаголов негативной семантики)	93
Серкина О.В. Роль абсолютной конструкции в репрезентации знаний о сложной ситуации	99
Маркова Е.И. Скриптологическое исследование рукописей как новый способ получения знаний о формировании языка.	110
Огнева Е.А. Когнитивно-коммуникативное пространство концептоферы художественного текста: результаты и перспективы моделирования	120
Морель Морель Д.А. Концепты и средства их вербализации: особенности структурирования, динамики и соотношенности	129
Лагоденко А.М. Репрезентация концепта ТРЕВОГА в современном английском языке.	139
Квасова К.А. Вербальная репрезентация понятий кредитно-финансовой сферы посредством специальной лексики	150
Малахова В.Л. Концепт ПОСЕССИВНОСТЬ как единица концептуальной системы	160
Плотникова Ю.А. Образная составляющая концепта INTEREST	166
Перельгина Т.А. Концептосфера CORPORATE CULTURE: единство лингвокогнитивного, семиотического, дискурсивного	

подходов к исследованию.	174
Глушецкая С.М. Лингвокультурологический подход к анализу немецкой лексики тематической группы "МОДА"	182
Нерубенко Н.В. Слово <i>GELD</i> как единица немецкой лингвокультуры ...	192
Раздабарина Ю.А. Имена существительные широкой семантики с когнитивной точки зрения (к постановке проблемы)	197
Дутова Т.Н. Авторские окказиональные номинации как лингвистическая проблема	204
Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика семантики языковых единиц	209
* * *	
Колесников А.А. Применение Интернет-технологий в обучении иностранному языку в вузе	215
Колоколова И.В. Особенности дистанционного обучения иностранным языкам	220
Терентьева Е.Ю., Константинова Ю.В. Использование новых информационных технологий в обучении иностранным языкам	225
Резниченко Л.В. Об исследовательской деятельности студентов в условиях проектного обучения.	231
Рослякова Е.Ф., Тарасенко Д.Г. Гуманизация процесса обучения английскому языку студентов-экономистов (начальный этап).	241
Белоусов В.Ю. Алгоритм компрессии материала при реферировании научно-технических текстов.	248
Аннотированная библиография научных и учебно-методических работ, опубликованных преподавателями кафедры делового иностранного языка за период с 2000 г. по 2010 г.	252

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник научных статей дает представление об основных сферах научных интересов преподавателей кафедры делового иностранного языка, сформировавшихся за 10 лет существования кафедры. Основное направление научных исследований коллектива связано с изучением языка как составляющей системы знаний человека о мире. Исследование языковых единиц различных уровней проводится преимущественно в двух ракурсах: с точки зрения их роли в формировании концептуальной системы человека и с точки зрения их роли в представлении различных типов знания в языке.

Кроме того, аспирантами и соискателями активно изучаются лингвокультурологические аспекты языковых единиц и современные технологии преподавания иностранных языков. Сборник включает в себя статьи как уже сложившихся в научном плане коллег, так и начинающих исследователей, для некоторых из которых эти статьи являются своеобразной пробой пера.

Структура сборника включает в себя два основных раздела: статьи по проблемам лингвистики и лингводидактики и аннотированную библиографию научных и учебно-методических работ, опубликованных преподавателями кафедры в период с 2000 по 2010 год. Она позволяет в полной мере представить достижения коллектива кафедры в области научной и научно-методической работы.

В статьях, посвященных актуальным проблемам современной лингвистики, языковые единицы рассматриваются в аспекте основных познавательных процессов – категоризации и концептуализации (Н.А. Беседина, Е.Д. Гаврилова, С.Н. Степаненко), а также с лингвокультурологической точки зрения (Т.А. Перельгина, С.М. Глушечкая). Значительная часть статей представляет результаты изучения языковой репрезентации различных типов ментальных единиц: собственно концептов, фреймов и т.д. (К.А. Квасова, А.М. Лагоденко, Д.А. Морель Морель). Статьи О.В. Серкиной, О.В. Федотовой, Е.Г. Орлянской, Е.А. Камышанченко, Т.Н. Аносовой посвящены анализу того, как знания о разных ситуациях (прикосновения, отчуждения, отрицания и т.д.) представлены языком.

Статьи лингводидактического блока показывают современные тенденции и технологии в области преподавания иностранных языков и опыт их применения в учебном процессе кафедры (А.А. Колесников, В.Ю. Белоусов, И.В. Колоколова, Ю.В. Константинова, Е.Ю. Терентьева, Л.В. Резниченко).

Публикуемые материалы будут интересны широкому кругу лингвистов, занимающихся вопросами когнитивного и лингвокультурологического анализа языковых единиц, а также преподавателям иностранных языков, совершенствующих свои навыки в обучении студентов неязыковых вузов.

Редколлегия

Десять лет в образовательном и научном пространстве

Кафедра делового иностранного языка как самостоятельное подразделение факультета романо-германской филологии приступила к работе 1 сентября 2000 года (приказ № 395-ПС от 5 июля 2000г.) в составе 5 штатных преподавателей (1 доцент, 2 старших преподавателя, 2 ассистента), двух преподавателей-совместителей и лаборанта. Коллектив кафедры был сформирован из выпускников факультета РГФ, окончивших его с отличием в разное время и работавших на других кафедрах университета и факультета. Кафедру возглавила кандидат филологических наук, доцент **Беседина Н.А.** - выпускница 1986 года, окончившая очную аспирантуру при РГПУ им. А.И. Герцена в 1995г., ранее работавшая доцентом кафедры иностранных языков БелГУ.

В состав кафедры вошли: кандидат филологических наук, ст. преподаватель **Колесников А.А.**, выпускник 1994 года, окончивший аспирантуру и защитивший диссертацию в диссертационном совете БелГУ в 1999г., ранее работавший на кафедре второго иностранного языка; кандидат филологических наук, ст. преподаватель **Серкина О.В.**, выпускница 1995 г., окончившая аспирантуру и защитившая диссертацию в диссертационном совете БелГУ в 2000г., ранее работавшая на кафедре английского языка, ассистент **Степаненко С.Н.**, выпускница 1998г., ранее работавшая на кафедре иностранных языков; ассистент **Гаврилова Е.Д.**, выпускница 1999 г., ранее работавшая в Старооскольском филиале БелГУ; лаборант **Шибика Н.В.**, выпускница немецкого отделения 2000 г.

Именно им выпала честь и ответственность стоять у истоков создания новой кафедры: разрабатывать рабочие программы (а в последствии и УМК) учебных дисциплин, направленных на подготовку высококвалифицированных специалистов в сферах экономики, туризма и информационных технологий, способных к активному использованию иностранного языка в профессиональной деятельности. Кроме того, нужно было подбирать учебники и учебные пособия, отвечающие задачам кафедры, а затем и создавать собственные, закладывать традиции в коллективе, развивать научный потенциал, искать эффективные формы внеаудиторной работы и международного сотрудничества. Словом, создавать корпоративное пространство кафедры и ее фирменный стиль.

В 2001г. на работу в штат кафедры перешла **Литвиненко С.М.** – выпускница английского отделения 2000 г., работавшая ранее по совместительству, ряды кафедры такжеполнили: **Федотова О.В.** –

совместительству, ряды кафедры также пополнили: **Федотова О.В.** – выпускница английского отделения 2001 г., **Камышанченко Е.А.**, работавшая ранее ассистентом кафедры иностранных языков БелГУ, **Зайцева С.Н.** – выпускница английского отделения 1998 г. приступила к работе в качестве лаборанта кафедры, совмещая ее с преподавательской деятельностью. В 2002 г. на кафедру были распределены выпускники английского отделения: **Мусатова Е.П.**, **Тимофеева Т.Н.**, **Чернякина Е.В.** и выпускница немецкого отделения **Гулова О.О.**, также на кафедру пришли работать выпускницы английского отделения **Фирсова Ю.В.** и **Францева Ю.В.** К работе в качестве лаборанта кафедральной лаборатории мультимедиа приступила выпускница физико-математического факультета **Яструбенко М.И.** В последующие годы в связи с продолжавшимся ростом объема учебных поручений на кафедру ежегодно приходили новые преподаватели. Все они, по традиции, были лучшими выпускниками факультета РФ.

Динамика развития численного состава кафедры за 10 лет выглядит следующим образом:

Учебный год	Объем учебных поручений (часов)	Кол-во штатных единиц (ставок)
2000-2001	4667	5,5
2001-2002	9620	9,5
2002-2003	12081	13,25
2003-2004	15652	17,0
2004-2005	19255	17,5
2005-2006	22565	20,5
2006-2007	26442	22,5
2007-2008	28614	24,75
2008-2009	30453	28,75
2009-2010	27632	28,75

По состоянию на **1 июня 2010 г.** на кафедре работают: докторов наук – 1, кандидатов наук, доцентов – 6, кандидатов наук, ст. преподавателей – 3, ассистентов – 18.

Кафедре была поручена подготовка по иностранным языкам студентов неязыковых специальностей, будущая профессиональная деятельность которых предполагает активное использование иностранного языка. Это специалисты в сфере экономики, информатики и информационных телекоммуникаций. В настоящее время кафедра осуществляет углубленную подготовку по английскому, немецкому и французскому языкам студентов, обучающихся по специальностям «Мировая экономика»,

«Информатика с дополнительной специальностью «Иностранный язык», «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем», «Прикладная информатика в экономике», «Сети связи и системы коммутации», «Радиосвязь, радиовещание и телевидение», а также бакалавров по направлениям «Экономика», «Телекоммуникации», «Математика. Компьютерные науки» (всего более 50 дисциплин). Учебная работа кафедры осуществляется в тесном взаимодействии с выпускающими кафедрами и деканатами факультетов: экономического, бизнеса и сервиса, математики и информационных технологий (ранее - физико-математического), компьютерных наук и телекоммуникаций.

С первых же дней работы преподаватели кафедры активно включились в создание ее материальной базы, методического обеспечения учебного процесса, создание учебных пособий и методических разработок по дисциплинам кафедры. Коллективом кафедры осуществляется выпуск тематических серий учебных пособий: «Let's Read and Speak English» (уже изданы три части), «Let's Talk and Write English», «English for Information Technology Students», а также пособий, направленных на развитие различных видов речевой деятельности на иностранных языках.

Современные информационные технологии в учебном процессе

Преподаватели кафедры активно используют в учебном процессе современные информационные технологии. Для этих целей в 2001 г. оборудована лаборатория мультимедиа, в которой установлено современное программное обеспечение по немецкому ("Deutsch Gold 2000") и английскому ("REWARD INTERNATIVE") языкам, используемое как на аудиторных занятиях, так и для организации самостоятельной работы.

Программное обеспечение, которым располагает кафедра, позволяет создавать собственные электронные курсы. На кафедре создано более 10 электронных ресурсов по курсам профессионального и делового английского и немецкого языков на базе системы электронного обучения «Пегас».

Неотъемлемой частью в деятельности коллектива кафедры стали **подготовка специалистов высшей квалификации** через докторантуру и аспирантуру, а также **переподготовка и повышение квалификации**. За 10 лет обучение в аспирантуре прошли: в БелГУ – Федотова О.В., Степаненко С.Н., Малахова В.Л., Глушецкая С.М., Чернова О.О., Плотни-

кова Ю.А., в ТГУ им. Г.Р. Державина – Гаврилова Е.Д., Тимофеева Т.Н., в Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов – Нерубенко Н.В. В настоящее время продолжают обучение в аспирантуре БелГУ ассистенты Перельгина Т.Н., Квасова К.А., Дутова Т.Н., Лагоденко А.М., Михайлова Ю.С., работают над диссертациями в качестве соискателей Резниченко Л.В. и Раздабарина Ю.А.

Всего за время существования кафедры **защищено диссертаций:**

Докторских – 1 (Беседина Н.А., 2007 г.)

Кандидатских – 8 (Камышанченко Е.А., 2001 г., Кудрявцева Н.Б., 2004 г., Гаврилова Е.Д., 2005 г., Федотова О.В., 2007 г., Степаненко С.Н., 2008 г., Маркова Е.И., 2009 г., Плотнокова Ю.Н., Глушецкая С.Н., 2010 г.).

Преподаватели кафедры повышали свою квалификацию как в ведущих ВУЗах и научных центрах России, так и за рубежом. В частности, за годы существования кафедры различные формы повышения квалификации в зарубежных научных и учебных центрах прошли: Серкина О.В., Колесников А.А., Беседина Н.А., Нерубенко Н.В., Глушецкая С.М., Орлянская Е.Г., Квасова К.А.

Под руководством д.ф.н. Н.А. Бесединой на кафедре формируется **научное направление** «Язык в системе знаний». В его рамках преподавателями, аспирантами и соискателями кафедры проводится изучение языка как составной части системы знаний о мире, что предполагает два ракурса исследований: исследование роли языка в формировании концептуальной системы как системы знаний о мире и исследование роли языка в представлении (репрезентации) различных типов знания. В соответствии с проблематикой научного направления на кафедре в течение пяти лет функционирует научный семинар для аспирантов и соискателей «Основы когнитивной лингвистики» (н. рук. семинара д.ф.н. Беседина Н.А.).

Результаты научных исследований находят отражение в многочисленных публикациях и докладах на конференциях различного уровня. Многие преподаватели стали постоянными участниками международного конгресса по когнитивной лингвистике и международной конференции «Филология и культура», проводимых под эгидой Российской ассоциации лингвистов-когнитологов (РАЛК). 11 преподавателей кафедры являются членами РАЛК, Белгородское региональное отделение которой одно из самых многочисленных в России.

Научные исследования по грантам и научным программам, выполненные преподавателями кафедры

2003-2004 – грант Министерства образования РФ и администрации Белгородской области на проведение научных исследований молодыми учеными - «Прототипическая семантика негативных глаголов в современном английском языке» (доц. Камышанченко Е.А.), «Морфонологические перегласовки в диахронии германских языков» (доц. Колесников А.А.);

2003-2009 – внутривузовский конкурс грантов – «Когнитивный аспект морфологии», «Концептуальное пространство морфологии», «Морфологическая репрезентация в языке» (д.ф.н. Беседина Н.А.);

2005 – конкурс Министерства образования и науки РФ по программе «Развитие научного потенциала высшей школы» - «Номинация природных объектов в языковой картине мира» (к.ф.н. Кудрявцева Н.Б.)

2008-2009 – Региональный конкурс РГНФ – «Создание мультимедийной среды для совершенствования навыков межкультурной коммуникации при обучении немецкому языку в вузе» (рук. доц. Колесников А.А.);

2009-2010 – Аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы) – «Научно-методическое и организационное обеспечение межкультурной коммуникации преподавателей и студентов в условиях сотрудничества университетов с зарубежными партнерами» (доц. Колесников А.А., Серкина О.В., ст.пр. Гаврилова Е.Д., асс. Глушецкая С.М.).

Традиционными стали студенческие дни науки, во время которых под руководством преподавателей кафедры студенты представляют результаты своих исследований на иностранных языках. Всего в рамках заседаний научных секций за это время было представлено около 200 докладов по самым разным проблемам из области экономики и информационных технологий. Студенты имеют возможность представить результаты своих научных изысканий на иностранных языках и на конференциях за пределами БелГУ. Так, в 2003 году студенты специальности «Мировая экономика» Тагильцева Ю., Гончарова Н., Чепурных А., Марченко К., Владыка Д. участвовали в международной научно-практической конференции аспирантов и студентов «Экономические интересы России в контексте современных процессов интернационализации мирового хозяйства», которая проводилась в Московском государственном лингвистическом университете.

Международное сотрудничество

Одной из важнейших составляющих в работе кафедры стало международное сотрудничество. Оно осуществляется по разным направлениям. В 1999 г. был подписан **договор о международном сотрудничестве между Белгородским и Бременским университетами**. В его рамках преподавателями кафедры совместно с экономическим факультетом было реализовано несколько проектов, охватывающих как академическую, так и научную сферы партнерства.

Координаторами проектов со стороны БелГУ были, в том числе, и преподаватели кафедры доц. Колесников А.А. и асс. Нерубенко Н.В. Немецкая сторона была представлена профессорами Института мировой экономики и международного менеджмента при экономическом факультете Бременского университета: профессор А.Зелль – директор института мировой экономики и международного менеджмента, доктор К.-Ю. Бёнкост – заместитель директора центра мультимедиа в образовании Бременского университета, М. Ваушун – научный сотрудник Института мировой экономики Бременского университета, доктор Александр Крылов – научный сотрудник Института мировой экономики и международного менеджмента.

В рамках сотрудничества в течение 2005 г. осуществлялся проект по дистанционному обучению студентов-экономистов БелГУ по корпоративному планированию через коммуникационную платформу «FirstClass», широко применяемую за границей для интерактивного взаимодействия. Каждую неделю в режиме он-лайн сети Интернет на базе лаборатории мультимедиа кафедры делового иностранного языка студенты получали задания от немецких профессоров и обсуждали с ними актуальные экономические проблемы. По окончании проекта студентам-участникам были вручены соответствующие сертификаты. Этот документ заметно повысил их престиж на рынке труда, так как явился свидетельством не только о приобретенных экономических знаниях, но и о хорошем владении иностранным языком.

Но такие встречи не ограничивались лишь виртуальным пространством. На протяжении десяти лет преподаватели Бременского университета регулярно приезжали с визитами в наш университет и проводили лекции по современным проблемам экономики. Студенты Белгородского университета ежегодно проходят стажировку по программе обменов. Всего за это время около 100 студентов воспользовались возможностью пройти стажировку в Германии.

К основным целям данной программы относятся: интенсификация имеющегося межвузовского сотрудничества и знакомство студентов экономического факультета с системой экономического образования в Бременском университете, а также с моделью экономического развития

Германии на примере Бременских предприятий и организаций. Программа стажировки состоит из 2 основных частей: лекционных курсов и ознакомительных посещений ведущих германских фирм и концернов.

Тематика лекций всегда обширна и актуальна и включает следующие проблемы: «Германия и глобализация: социальное и экономическое развитие» (проф. А. Зелль), «Интеркультурная коммуникация», «Маркетинг территорий: формирование городов-брендов и продвижение регионов», «Всемирные марки на фоне глобализации» (проф. А. Крылов), «Система образования Германии» (доктор К. Ю. Бёнкост) и т.д.

В ходе визитов студенты посетили десятки немецких предприятий, например «Tchibo GmbH», концерн «Volkswagen Golf», фабрика «Nivea», завод «Hella», фабрика «Vego», пивоваренный завод «Beck's», издательство «Weserkurier».

Не раз студенты под руководством наших преподавателей выигрывали **стипендии по программе Германской службы академических обменов (DAAD)**: Наталья Никулина (2002 г., рук. доц., к.ф.н. Колесников А.А.), Анна Марковцева (2005г, асс. Нерубенко Н.В.). В 2006 г. в Бременском университете в рамках гранта «Стипендии Леонарда Ойлера» стажировку прошли Ирина Васильева (рук. асс. Нерубенко Н.В.) и Дмитрий Орлов (рук. доц., к.ф.н Камышанченко Е.А.). В течение года они получали дополнительное финансирование в виде стипендий и занимались научно-исследовательской работой. Благодаря международному сотрудничеству между университетами, студенты получили отличную возможность стать специалистами европейского уровня.

С сентября 2003 года под руководством к.ф.н., доц. Серкиной О.В. на кафедре реализуется **интернет-проект ASIF** (Advanced Studies of International Finance). В качестве основных партнеров он включает Белгородский государственный университет и Техасский университет в г. Остин (США). Кроме того, к проекту в отдельные семестры присоединяются участники из Мексики (Instituto tecnologico Y De Estudios Superiores De Monterrey) и Китая (Shanghai Jiao Tong University). Проект разработан как гибкая система, требования которой одинаковы для всех участников. Технологической базой осуществления проекта является платформа, широко применяемая академическими учреждениями Америки – Blackboard – Техасского университета. После регистрации на Blackboard, участники высылают курирующим профессорам свои краткие биографии с перечнем основных прослушанных курсов и профессиональных интересов. Эти биографии вывешиваются на Blackboard для ознакомления, после чего каждый участник, выбирая коллег по интересам, участвует в формировании группы, для которой необходимо придумать название, выбрать тему работы и координатора группы. Каждая группа закрепляется за руководителем, роль которого, что особенно важно для придания большей самостоя-

тельности участникам международного проекта, ограничена консультационно-совещательным форматом. За участниками проекта закрепляется полная самостоятельность в решении всех вопросов – от выбора названия группы до методологии и направления исследования. В отношении окончательного варианта, проект также предусматривает гибкость. Студенты могут написать единую работу (этот вариант требует больше всего усилий в плане содержания и формы, так как стили написания научных работ в разных странах существенно различаются); могут предоставить работу, состоящую из отдельных рубрик, отвечающих ранее выбранной теме исследования и разработанных участниками группы по отдельности; либо же они могут отчитаться о проделанной работе в форме презентации в соответствующей школе, учитывая результаты работы участников из других вузов.

С 2009 года кафедра начала реализацию нового **международного проекта по сотрудничеству с Oxford Business College** (координатор – к.ф.н., доц. Серкина О.В.). Он предусматривает возможность для студентов университета пройти обучение по различным образовательным программам с целью формирования навыков, которые можно будет применить сразу в нескольких сферах профессиональной деятельности. Студентки Ладнова Оксана и Сазыкина Софья уже побывали в Oxford Business College в 2009 г. Летом 2010 года еще 10 студентов планируют пройти обучение по программе Oxford Summer Executive Management and English Programme. Данная программа предоставит студентам возможность одновременно изучать управленческие дисциплины и английский язык. В дальнейшем планируется проведение курсов и на базе БелГУ с участием преподавателей колледжа.

Навыки успешной межкультурной коммуникации формируются не только в учебном процессе, но и во время конкурсов, викторин, интеллектуальных игр и праздников, позволяющих познакомиться с традициями и обычаями стран изучаемых языков. Ежегодно преподавателями кафедры совместно со студентами организуется празднование Дня всех святых, Рождества, Дня всех влюбленных и других знаменательных дат, по-особому отмечающихся в англоговорящих странах.

Неотъемлемой составляющей в работе кафедры на протяжении всех лет является сотрудничество со школами области. В его рамках проводятся профориентационные мероприятия, оказывается помощь в организации научной работы школьников. Тесные связи сложились у кафедры с коллективами гимназий №1 и № 2, лицея № 10, средними школами № 21 и 29 г. Белгорода, с Майской гимназией Белгородского района и др.

Н.А. Беседина, О.В. Серкина, Н.В. Нерубенко

Корпоративное пространство кафедры

Беседина Наталья Анатольевна – заведующая кафедрой делового иностранного языка с сентября 2000г. по ноябрь 2003 года и с января 2009 г. по настоящее время, доктор филологических наук, доцент.

В 1995г. окончила аспирантуру при Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена и защитила кандидатскую диссертацию «Восклицательные предложения в современном английском языке (семантический, грамматический, функциональ-

ный аспекты)» (научный руководитель – д. филол. н., проф. Н.А. Кобрин). В 2006 г. окончила докторантуру при кафедре английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и защитила докторскую диссертацию «Морфологически передаваемые концепты» по специальностям 10.02.04 – германские языки и 10.02.19 – теория языка (научный консультант – заслужен. деятель науки, д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев).

Беседина Н.А. – специалист в области функционально-семиологической и когнитивной лингвистики, автор теории морфологической репрезентации в языке, обеспечивающей новое объяснение механизма формирования смысла в процессе речемыслительной деятельности. Основные положения концепции Н.А. Бесединой, отражающие особенности языкового представления знаний и формирования смысла в процессе морфологической репрезентации, важны для развития общей теории формирования смысла, а полученные в связи с этим научные выводы и обобщения, касающиеся когнитивной сущности морфологической репрезентации, являются теоретически значимыми для продолжения исследований в данном направлении. Ею введены и разработаны понятия морфологически передаваемого концепта, морфологической репрезентации, уровней концептуализации в морфологии, впервые продемонстрировано действие когнитивных механизмов абстрагирования и конфигурирования. Н.А. Бесединой разработан метод концептуально-репрезентативного анализа, представляющий собой последовательное продолжение и углубление концептуального анализа с точки зрения выявления не только содержания концепта, но и того, как это содержание представлено в языке.

Научные исследования Натальи Анатольевны, зародившиеся под влиянием традиций Санкт-Петербургской научной школы, в настоящее время развивают фундаментальные идеи первой в России научной

школы по когнитивной лингвистике (рук-ль проф. Н.Н. Болдырев), членом которой она является. Наталья Анатольевна постоянный участник Международной школы–семинара и международных конгрессов по когнитивной лингвистике, организуемых Тамбовским госуниверситетом совместно с Институтом языкознания РАН. Она активно пропагандирует идеи новой парадигмы научного знания среди студентов, аспирантов и ученых-филологов БелГУ. Наталья Анатольевна была одним из инициаторов создания и организаторов Белгородского отделения Всероссийской общественной организации «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (РАЛК), которое объединяет ученых разных поколений на факультете романо-германской филологии и относится к числу наиболее крупных в России.

С 2005 г. руководит работой научно-методологического семинара «Основы когнитивной лингвистики» для аспирантов и соискателей кафедры. С 2008 г. – член диссертационного совета Д 212.261.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина

Имеет 85 публикаций, в т.ч., 2 монографии, 2 учебника (с грифом МВД РФ), 2 учебных пособия, а также публикации в центральных журналах «Известия АН», «Филологические науки», «Вопросы когнитивной лингвистики».

Колесников Алексей Анатольевич – декан факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Работает на кафедре с 2000 г.

В 1999 г. окончил аспирантуру Белгородского государственного университета и защитил кандидатскую диссертацию «Германский умлаут как явление диахронического морфонологического процесса» по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф. В.А. Мигачев). Диссертационное исследование выполнено в рамках компаративной

лингвистики.

В период с ноября 2003 г. по январь 2009 г. возглавлял кафедру делового иностранного языка.

Имеет более 25 публикаций, из них 2 учебных пособия и 2 электронных учебных пособия, размещенных в системной оболочке «Пегас».

Серкина Олеся Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2000 г.

В 2000 г. окончила аспирантуру Белгородского государственного университета и защитила кандидатскую диссертацию «Функциоально-семантический аспект рассмотрения абсолютной конструкции в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф. О.Н. Прохорова). Диссертационное исследование выполнено в рамках функционального подхода.

Лауреат конкурса в номинации «Лучший преподаватель БелГУ» по итогам работы в 2006-07 учебном году. Координирует работу кафедрального методического семинара, является разработчиком основных УМК по дисциплинам, преподаваемым кафедрой, а также автором концепции серии учебных пособий по домашнему чтению и практике устной и письменной речи, подготовленных коллективом кафедры.

В 2002-2003 учебном году проходила стажировку в Техасском университете (Остин, США), в рамках которой повысила языковую и методическую квалификацию и ознакомилась с системой обучения в американских вузах, участвовала в работе конференций TESOL в городах Остин и Балтимор и 4-го международного симпозиума по билингвизму в г. Темпе.

Имеет сертификаты о повышении квалификации по программам: Oxford Professional Teacher Development Programme (Бремен, Германия), Business English, Teaching Methodology и Teaching Vocational English Using OWP Teaching Materials, проведенным специалистами из Великобритании. В 2009 г. сдан международный экзамен Teaching Knowledge Test по 3-м модулям (3 сертификата). Активно занимается воспитательной работой со студентами, являясь куратором группы на экономическом факультете.

Автор 26 публикаций, в том числе, 4 учебных пособий.

Коллективное пособие по обучению практике устной и письменной речи на английском языке (начальный этап) «Let's Talk and Write English» под редакцией О.В. Серкиной победило в конкурсе 2008 г. в номинации «Лучшее учебное пособие БелГУ».

Гаврилова Елена Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2000 г.

В 2005 г. окончила аспирантуру Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и защитила кандидатскую диссертацию по специальностям 10.02.04 – германские языки и 10.02.19 – теория языка на тему «Оценочные категории "GOOD" и "BAD" в современном английском языке» (научный руководитель – заслужен. деятель науки, д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев). Диссертация выполнена в русле когнитивного подхода к анализу языковых единиц. Член Белгородского отделения РАЛК.

Имеет 23 публикации, из них 2 учебных пособия и 2 учебных пособия, размещенных в системной электронной оболочке «Пегас».

Степаненко Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2000 г.

В 2008 г. окончила аспирантуру Белгородского государственного университета и защитила кандидатскую диссертацию «Средства концептуализации количества в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф. Н.А. Беседина). Диссертационное исследование выполнено в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. Член Белгородского отделения РАЛК.

В 2007 г. в БелГУ в рамках повышения квалификации прошла обучение по курсу «Информационные технологии для преподавателей ВУЗа», предусматривающему изучение основ работы в операционной системе Windows и в Интернет, а так же с прикладными программами офисного назначения.

Имеет 16 публикаций, из них 2 учебных пособия и 2 учебных пособия, размещенных в электронной системной оболочке «Пегас».

Камышанченко Елена Анатольевна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2001 г.

В 2000 г. окончила аспирантуру Белгородского государственного университета и в диссертационном совете Тамбовского государственного университета защитила кандидатскую диссертацию на тему «Семантический и функциональный аспекты глаголов со значением “нереализованность / недостаточность” в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф. Н.А. Кобрин). Диссертационное исследование выполнено в рамках функционального подхода. Член Белгородского отделения РАЛК. С 2002 г. отвечает за организацию студенческой науки на кафедре.

Имеет 19 публикаций, из них 3 учебных пособия.

Федотова Ольга Владимировна –

кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2001 г.

В 2007 г. окончила аспирантуру Белгородского государственного университета и защитила кандидатскую диссертацию «Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм “прикосновение” в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф. О.Н. Прохорова). Диссертационное исследование выполнено в рамках когнитивного подхода в лингвистике. Член Белгородского отделения РАЛК, выполняет обязанности секретаря отделения.

Имеет 14 публикаций, из них 3 учебных пособия.

Орлянская Евгения Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2008 г.

В 2002 г. окончила аспирантуру Иркутского государственного лингвистического университета и защитила кандидатскую диссертацию «Категоризация отчуждения и её языковая онтология в современном немецком языке» по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф., член-кор. РАН Ю.М. Малинович).

Диссертационное исследование выполнено в рамках функционального описания языковых единиц.

Имеет 18 публикаций, из них 2 учебных пособия и 2 учебных пособия, размещенных в электронной системной оболочке «Пегас».

Морель Морель Дмитрий Александр – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2008 г.

В 2003 г. окончил аспирантуру Белгородского государственного университета и защитил кандидатскую диссертацию «Многоуровневость структуры лексического значения (на материале наименований французского языка, соотносящихся с концептуальной сферой "Nouriture")» по специальности 10.02.05 – романские языки (научный руководитель – к. филол. н., доцент Л.М. Шашкин).

Диссертационное исследование выполнено в рамках семасиологического подхода.

В 2009 г. прошел курсы повышения квалификации по программам: «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования» (Межотраслевой региональный центр повышения квалификации и переподготовки кадров КемГУ), «Дистанционные образовательные технологии» и «Педагогическая этика преподавателя высшей школы» (НОУ ВПО «Современная гуманитарная академия»).

Имеет 87 публикаций, из них 1 монография, 2 учебных пособия, размещенных в электронной системной оболочке «Пегас».

Маркова Елена Ивановна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2007 г.

В 2007 г. окончила аспирантуру Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург) и защитила кандидатскую диссертацию «Лингвистические особенности французского рукописного текста XV века "Трактат о сохранении здоровья"» по специальности 10.02.05 – романские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф. Л.А. Становая). Диссертационное исследование выполнено в русле скриптологического подхода. Активно занимается воспитательной работой со студентами, являясь куратором группы на факультете бизнеса и сервиса.

Имеет 14 публикаций, в том числе, научную статью, опубликованную в рецензируемом журнале.

Аносова (Тимофеева) Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

Работала ассистентом кафедры делового иностранного языка БелГУ с 2002 по 2005 г.

В 2005 поступила в аспирантуру Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина и в 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию по специальности 10.02.04 – германские языки на тему «Прецедентные феномены в англоязычных текстах экономической тематики» (научный руководитель – заслужен. деятель науки, д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев). Диссертация выполнена в русле когнитивного подхода к анализу языковых единиц. После окончания аспирантуры продолжила работу на кафедре английской филологии ТГУ.

Имеет 13 публикаций, из них 3 учебных пособия.

Огнева Елена Анатольевна - доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 БелГУ.

С 2003 г. работает на кафедре делового иностранного языка преподавателем-почасовиком (французский язык).

В 2002 г., после окончания аспирантуры БелГУ, защитила кандидатскую диссертацию «Художественный текст как объект межъязыковой и межкультурной адаптации».

В 2009 г. защитила докторскую диссертацию «Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста» (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки) по специальностям: 10.02.19 – теория языка, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание (научный консультант – д. филол. н., проф. Н.Ф. Алефиренко). Является членом Белгородского отделения РАЛК с момента его создания. Научные интересы лежат в сфере когнитивно и дискурсивно ориентированной транслятологии и теории межкультурной коммуникации. Ведет работу по грантам Минобробразования РФ и администрации Белгородской области, внутривузовским грантам.

Опубликованы 83 научные работы, из них 3 монографии, 5 учебных пособий, 7 статей в изданиях, рекомендованных ВАК.

Плотникова Юлия Анатольевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2006 г.

В 2009 г. окончила аспирантуру Белгородского государственного университета и защитила кандидатскую диссертацию «Концепт INTEREST в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские языки (научный руководитель – д. филол. н., проф. И.В. Чекулай). Диссертационное исследование выполнено в рамках функционально-деятельностного подхода в лингвистике. Член Белгородского отделения РАЛК.

Имеет 9 публикаций.

Глушецкая Светлана Михайловна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2007 г.

В 2009 г. окончила аспирантуру Белгородского государственного университета и защитила кандидатскую диссертацию по специальности 10.02.04 – германские языки на тему «Диахроническая полисемия названий одежды в немецком языке: лингвокультурологический аспект» (научный руководитель – к. филол. н., проф. Н.И. Дзенс).

В рамках повышения квалификации прошла обучение по курсу «Информационные технологии для преподавателей ВУЗа», в результате чего освоила методику применения дистанционных образовательных технологий в ВУЗе (2007 г., БелГУ). Имеет сертификаты об окончании курсов: «Задачи модераторов и специфика деятельности центров модераторов в повышении квалификации учителей» (БелГУ, 2007 г.), «Немецкий язык в профессиональной деятельности» (БелГУ, 2007 г.), «Германия и Европа в глобальной конкуренции» - международные курсы немецкого языка - (г. Бремен (Германия), Высшая школа, 2009 г.), «Развитие межкультурной компетенции студентов-германистов на примере художественных произведений немецких и русских авторов» (БелГУ, 2010 г.).

Имеет 8 публикаций, в том числе, учебное пособие, размещенное в электронной системной оболочке «Пегас».

Нерубенко (Шибика) Наталья Викторовна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2000 г.

В 2006 г. окончила заочную аспирантуру государственного университета экономики и финансов (г. Санкт-Петербург). Под руководством д. филол. наук, проф. В.А. Ямшановой изучала функционирование фразеологических единиц в немецких экономических текстах.

В рамках повышения квалификации получила сертификаты об окончании курсов «Задачи модераторов и специфика деятельности центров модераторов в повышении квалификации учителей» (БелГУ, 2001 г.) и

«Развитие межкультурной компетенции студентов-германистов на примере художественных произведений немецких и русских авторов» (БелГУ, 2010 г.). В 2004 г. прошла стажировку на Международных курсах немецкого языка по программе DAAD в г. Майнц (Германия). Член Белгородского отделения РАЛК. Активно занимается воспитательной работой со студентами, являясь куратором группы на экономическом факультете.

Имеет 11 публикаций, из них 4 учебных пособия, размещенных в электронной системной оболочке «Пегас».

Чернова (Гулова) Ольга Олеговна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2002 г.

В 2006 г. окончила аспирантуру БелГУ. Выполнила диссертационное исследование в рамках специальности 10.02.04 – германские языки на тему «Отношения обобщения в предложении и тексте» под руководством д. филол. наук, проф. И.П. Солодовника.

Имеет 6 публикаций.

Малахова Виктория Леонидовна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2003 г.

В 2009 г. окончила аспирантуру Белгородского государственного университета. Изучает средства концептуализации отношения посессивности в современном английском языке. Член Белгородского отделения РАЛК.

Имеет 12 публикаций, из них 1 учебное пособие.

Перельгина Татьяна Анатольевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2005 г.

С 2007 г. обучается в аспирантуре при БелГУ. В рамках функционально-когнитивного подхода к анализу языковых единиц проводит диссертационное исследование на тему «Лингвососемантические особенности репрезентации концептосферы “Corporate Culture” в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские

языки под руководством д. филол. наук, доцента О.Д. Вишняковой.

В 2006 г. прошла курс повышения квалификации по программе «Организационно-методические основы и информационные технологии дистанционного обучения» (БелГУ). Член Белгородского отделения РАЛК.

Имеет 8 публикаций, в том числе, учебное пособие, размещенное в электронной системной оболочке «Пегас».

Квасова (Колесникова) Ксения Александровна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2007г.

С 2007 г. проходит обучение в аспирантуре при БелГУ. Под руководством д. филол. наук, доцента О.Д. Вишняковой проводит диссертационное исследование на тему «Способы вербальной репрезентации базовых понятий сферы кредитно-финансовых отношений (на материале современного английского языка)» по специальности 10.02.04 – германские языки. Исследование выполняется в рамках функционально-деятельностного подхода. В течение двух лет выполняла обязанности куратора студенческой группы на экономическом факультете.

Имеет 5 публикаций, в том числе, учебное пособие, размещенное в электронной системной оболочке «Пегас».

Лагоденко Анжела

Маратовна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре делового иностранного языка с 2005 г.

С 2006 г. – аспирант БелГУ.

Выполняет диссертационное исследование на тему «Языковые средства репрезентации эмоционального концепта «тревога» в современном английском языке» по специальности 10.02.04 – германские

языки под руководством д. филол. наук, проф. О.Н. Прохоровой.

Имеет 7 публикаций.

Раздабарина Юлия Анатольевна –

ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2005 г.

С 2010 г. является соискателем БелГУ. В рамках когнитивного подхода ведет диссертационное исследование на тему «Когнитивные основы функционирования существительных широкой семантики (на материале английского и русского языков)» по специальности 10.02.19 – теория языка под руководством д. филол. наук, проф. Н.А. Бесединой. Член Белгородского отделения РАЛК.

Активно занимается воспитательной работой со студентами, являясь куратором группы на факультете математики и информационных технологий.

Имеет 2 публикации.

Михайлова Юлия Сергеевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2006 г.

С 2010 года аспирант заочной формы обучения БелГУ. Осуществляет диссертационное исследование на тему «Функционирование языковых единиц в аспекте национально-культурной специфики (на материале названий домашних животных в русском, английском и немецком языках)» по специальности 10.02.19 – теория языка под руководством д. филол. наук, проф. Ж. Багана.

Имеет 12 публикаций.

Резниченко Людмила Владимировна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2007 г. Лауреат городского конкурса профессионального мастерства «Учитель года – 2004».

С 2010 г. – соискатель БелГУ по специальности 10.02.19 – теория языка. Выполняет диссертационное исследование на тему «Когнитивные основы субстантивации имен прилагательных (на материале английского и русского языков)» под руководством д. филол. наук, проф. Н.А. Бесединой.

В период с ноября 2007 г. по июнь 2008 г. в рамках повышения квалификации прошла курс повышения уровня языковой и методической подготовки в школе иностранных языков «Интерлингва».

Имеет сертификат участника методического семинара по проблеме «Реализация межкультурного общения в современном образовании», проведенного на факультете РГФ под эгидой Белгородской областной ассоциации учителей английского языка (2008 г.). Член Белгородского отделения РАЛК. Активно занимается воспитательной работой со студентами, являясь куратором группы на экономическом факультете.

Имеет 4 публикации.

Дутова Татьяна Николаевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2008 г.

Аспирант заочной формы обучения БелГУ с 2008 года. Выполняет диссертационное исследование на тему «Концептуальные поля сложных окказиональных номинаций на примере автобиографических произведений Томаса Бернхарда» по специальности 10.02.04 – германские языки под руководством к. филол. наук, доц. И.Р. Перевышиной.

Имеет 2 публикации.

Францева Юлия Васильевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2001 г.

Соавтор 2 кафедральных учебных пособий.

Колоколова (Митрохина) Ирина Викторовна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2003 г.

В 2004 г. сдала кандидатские экзамены по иностранному языку и философии. Имеет сертификаты о повышении квалификации в МОУ «Интерлингва» и БелГУ (по курсу «Педагогика и психология высшей школы»).

Имеет 2 публикации, из них 1 учебное пособие.

Воротникова (Ходеева) Ольга Николаевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2004 г.

В рамках повышения квалификации успешно сдала кандидатские экзамены по иностранному языку и философии.

Имеет научную публикацию.

Белоусов Владимир Юрьевич – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2006 г.

В рамках повышения квалификации прошел обучение по курсу «Информационные технологии для преподавателей ВУЗа», предполагающему изучение основ работы в операционной системе Windows и в Интернет, а так же с прикладными программами офисного назначения (2007 г., БелГУ). Имеет удостоверение о повышении квалификации по курсу «Информационные технологии» (2009 г., БелГУ). Активно занимается воспитательной работой со студентами, являясь куратором группы.

Автор 3 публикаций, в т.ч. 1 электронного учебного пособия, размещенного в системной оболочке «Пегас».

Терентьева (Шеховская) Евгения Юрьевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2006 г.

Имеет 2 публикации, 1 из которых – электронное учебное пособие, размещенное в системной оболочке «Пегас».

Мотовилова Татьяна Сергеевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2006 г.

Константинова Юлия Владимировна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2007 г.

Активно занимается воспитательной работой со студентами, являясь куратором группы на экономическом факультете.

Имеет научную публикацию.

Тарасенко Дана Геннадьевна – ассистент кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2009 г. В 2010 г. успешно сдала кандидатские экзамены по иностранному языку, философии и истории науки. Имеет большой опыт переводческой практики в сфере бизнеса и экономики.

Имеет научную публикацию.

Смирнова Юлия Михайловна – лаборант кафедры делового иностранного языка. Работает на кафедре с 2005 г.

* * *

Свой вклад в становление кафедры и формирование ее корпоративного пространства также внесли работавшие в разное время

преподавателями: Литвиненко Светлана Михайловна (2000-2005), Зайцева Светлана Николаевна (2001-2008), Чернякина Евгения Владимировна (2002-2006), Фирсова Юлия Владимировна (2002-2007), Мусатова (Бутылева) Елена Павловна (2002-2006), Бобрышева Ольга Николаевна (2003-2005), Матюхина (Чаусова) Наталья Сергеевна (2003-2007), Кудрявцева Наталья Борисовна (2003-2007), Божко Екатерина Владимировна (2005-2009), Кемпи (Васильченко) Ольга Сергеевна (2005-2006), Лопаткина Виктория Владимировна (2007-2009), Леонтьева Ольга Ивановна (2007-2010), Куксова Мария Борисовна (2008-2009), Зайдлер Кристина Андреевна (2008-2009), Данилова Юлия Олеговна (2008-2009), Кокорева Ирина Николаевна (2008-2009);

лаборантами: Шевцов Андрей Алексеевич (2002-2003), Яструбенко Марина Ивановна (2003-2004), Лесничая Елена Михайловна (2003-2005), Шатова Олеся Алексеевна (2008-2010).

Н.А. Беседина
ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ В ПРОСТРАНСТВЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В статье анализируются взгляды ученых различных эпох на проблемы морфологии и предлагается авторский подход к трактовке морфологического уровня с когнитивной точки зрения.

The author analyses views of scientists, belonging to different trends in linguistics, on the morphological level in the language and suggests her own approach to the investigation of morphology from the cognitive viewpoint.

Современное пространство лингвистической мысли весьма неоднородно. В нем в разных комбинациях представлены функциональные, коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивные исследования языка. В рамках указанных направлений основное внимание уделяется специфике лексического, фразеологического, текстового уровней. При этом на второй план отходит изучение строевых закономерностей языка, многие из которых также могут быть объяснены с точки зрения культурологических и когнитивных особенностей. В этой связи возникает необходимость обратиться к когнитивной специфике морфологического уровня в языке. Прежде чем сделать это, кратко проанализируем основные тенденции, имеющие место при рассмотрении морфологической проблематики во взглядах ученых различных эпох.

Первые попытки выделения морфологии были характерны еще для софистов и стоиков. Однако как таковая морфология в грамматической традиции была впервые выделена в александрийской школе (III в. до н.э.). В качестве самостоятельной части морфология присутствует также в трактате видного ученого-энциклопедиста М. Варрона «О латинском языке». Морфология, в понимании М. Варрона, состоит в изучении того, каким образом слова, отклонившись от вещей, для которых они были установлены, приобрели различия [Античные... 1996: 85]. В знаменитой грамматике арабского ученого Сибавейхи, наряду с фонетикой и синтаксисом, детально была описана морфология классического арабского языка. Однако граница между морфологией и синтаксисом в арабской традиции проводилась несколько иначе. Морфология ограничивалась корнем и огласовками, а изучение окончаний слов относилось к синтаксису (подр. см. [Алпатов 1998: 42]).

Представители сравнительно-исторического языкознания, формулируя свой взгляд на роль морфологии в языке, исходили из того, что в «процессах речи-мысли мысль направляется одновременно на обработку

и разработку языка и его звуков, с одной стороны, и на формирование картины мира, на познание внешней по отношению к мышлению-речи действительности – с другой» [цит. по Ольховиков 1985: 173]. Для того чтобы оба эти процесса могли реализоваться и объективно существовать, между ними должна быть некоторая необходимая им обоим связка. Эта связка была представлена в сравнительном языкознании в виде понятия морфемного уровня и понятия составляющих его единиц – морфем. Другими словами, морфемика (морфология), в соответствии с идеями сравнительного языкознания, представляет собой описание внутриязыкового механизма, с помощью которого осуществляется контакт между мыслью о звучащей речи и мыслью о мире.

Как одну из трех сущностей, определяющих язык, рассматривали морфологию младограмматики. При этом в грамматических исследованиях А. Мейе и его последователей прослеживается уклон в морфологизм синтаксиса. Это приводило к наполнению синтаксической терминологии морфологическим значением.

Обсуждая проблему разграничения морфологии и синтаксиса и анализируя сложившиеся к тому времени концепции по этому вопросу (В. Брэндалль, В. Матезиус, Г. Гугенейм, О. Есперсен, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев), В. Скаличка выделяет несколько параметров, определяющих различия между морфологией и синтаксисом. Основным, на его взгляд, является различие ономотологической и синтаксической функции (подробно о выделенных им параметрах см. в [Скаличка 1978: 72]). Устанавливая параметры разграничения морфологии и синтаксиса, В. Скаличка, тем не менее, считает, что морфология и синтаксис не отделены друг от друга герметически, и что некоторые черты синтаксиса проникают в морфологию и, наоборот [Языкознание... 1978]. Это приводит к тому, что синтаксический и морфологический компоненты с точки зрения их включения в функциональную структуру языка оказываются тесно связанными между собой структурами выражения.

Представитель женеvской школы С. Карцевский, рассматривая язык как семиологическую систему, выделяет среди четырех семиологических планов в качестве самостоятельного, и морфологический план. Морфология, в его понимании, «есть система приемов, употребляемых одним данным языком для того, чтобы выявить на фонической линии спроектированные на нее связи» [Карцевский 2000: 52].

Для работ, выполненных в духе генеративной морфологии, характерно неразличение лексических, морфологических и словообразовательных правил, а также смешение их функций. Это практически приводило к отождествлению морфологии со словообразованием, что

нашло дальнейшее отражение в теориях М. Аронова и С. Скализе. Во многих версиях порождающих грамматик деривационная морфология рассматривалась как своеобразная часть синтаксического уровня, где действуют синтаксические правила (трансформации), но в пределах слова.

Период «постгенеративизма» характеризуется более активным исследованием проблем морфологии. Это нашло свое отражение, прежде всего, в появлении авторских морфологических концепций, сформулированных в трудах Ф. Планка, Э. Селкирк, Р. Бирда, Дж. Байби, Ст. Андерсона. Сфера исследования в области морфологии расширяется за счет включения в рассмотрение функциональной проблематики, изменяются задачи морфологии и постановка ряда теоретических проблем. Для ученых в этот период характерно стремление разобраться в функциональных началах морфологии, а для этого вскрыть ее движущие силы. Все это предполагало обращение к динамическим аспектам языковой системы и определение роли морфологии в переходе от глубинных структур к поверхностным.

В качестве основных рассматриваются, например, проблемы изоморфизма в строении слова и предложения, возможность транспонировать закономерности синтаксиса в эту область, взаимодействие морфологии и синтаксиса, выявление основных морфологических процессов, действующих на уровне слова, установление специфики этих процессов, в том числе, выяснение их автономности или зависимости (детерминированности) синтаксисом и семантикой.

Существование морфологии как особого уровня, выполняющего важную роль в системе языка, убедительно обосновывается отечественными лингвистами. Наиболее четко и одновременно метафорично эта позиция выражена А.А. Реформатским. Он, в частности, пишет: «Морфология подобна «костяку» или скелету, на котором держится все остальное. Морфология – центр «языкового пространства», и для того, чтобы узнать язык, надо прежде всего понять его морфологию. Без морфологии нет языков» [Реформатский 1979: 58]. При этом А.А. Реформатский подчеркивает, что у разного типа языков своя (выделено нами – Н.Б.) морфология, но она все равно присутствует [там же]. Аналогичной точки зрения придерживается Р.А. Будагов, отмечающий, что без морфологии, так же как и без фонетики, не может существовать ни один живой язык [Будагов 2000: 187].

Существование морфологии как отдельного уровня языка аргументируется также Е.С. Кубряковой, использующей положения модулярной теории языка. Она говорит о существовании морфологического компонента языковой способности говорящих, некоего «морфологического модуля, управляющего образованием правильно оформленных

морфологических структур со статусом слова, т.е. ответственного за соблюдение правил относительно формы и строения слова при выражении им определенного содержания» [Кубрякова 1987: 27]. Это подтверждается, в частности тем, что в разных языках мира складываются некие особые приемы для создания слов и что слово выделяется в сознании говорящих в качестве отдельной единицы языка, соотносящей форму и содержание своим специфическим способом [там же: 26]. Поэтому разрывать морфологию, относя часть ее к лексикону, часть – к синтаксису, представляется Е.С. Кубряковой не только нецелесообразным, но и разрушающим онтологическую и гносеологическую целостность морфологии [там же]. При этом необходимо отметить, что в отечественной лингвистике не просто постулировалось существование морфологии как особого уровня, но и детально изучались отношения морфологии с другими языковыми уровнями.

При этом, как правило, выделяется две линии взаимодействия: с лексикой и с синтаксисом, что и определяет, в конечном итоге, ту или иную трактовку морфологии, предлагаемую различными авторами. Проанализируем подробнее эти идеи.

Из общетеоретического положения «о тесной связи между лексикой и грамматикой» исходят в трактовке морфологии Г.Н. Воронцова, А.И. Смирницкий, В.Н. Ярцева.

А.И. Смирницкий, например, придерживаясь мнения о том, что слово одновременно является необходимой единицей языка и в области словарного состава, и в области грамматики, строит свою концепцию на разделении морфологии на лексическую и грамматическую. Слово, подчеркивает А.И. Смирницкий, «представляет собой соединение лексического и грамматического моментов и имеет как лексическую, так и грамматическую стороны» [Смирницкий 1998: 21]. Для грамматики, отмечает далее А.И. Смирницкий, характерным является отвлечение от какой-либо конкретности слова, и в сфере грамматического строя оно выступает наподобие величины алгебраической.

Г.Н. Воронцова обращает особое внимание на то, что при изучении «грамматико-морфологической» системы, особенно английского языка, отвлечение от лексической стороны было бы не только неправильным, но по существу и невозможным [Воронцова 1960: 93]. Соответственно, в понимании Г.Н. Воронцовой, морфология, как учение о строении слова, о его морфемном составе, объединяет лексикологический и грамматический аспекты. В грамматическом аспекте морфология, по мнению Г.Н. Воронцовой, изучает значения форм слов, грамматические категории в наиболее допустимом для системы данного языка отвлечении от семасиологии

[Воронцова 1960: 93]. В рамках грамматической морфологии как учения о грамматическом строении лексемы Г.Н. Воронцова предлагает рассматривать и «сложные» морфологические формы, тем самым, принимая широкое толкование морфологии.

Сложные формы связи между лексическими и грамматическими явлениями, по мнению В.Н. Ярцевой, создаются за счет многоярусности средств выражения по отношению к плану содержания. «Во многих случаях, – заключает В.Н. Ярцева, – область лексики и область грамматики как бы взаимообуславливают друг друга» [Ярцева 1968: 15]. Взаимообусловленность лексики и грамматики предполагает, по мнению автора, строгое различие области морфологии и области синтаксиса.

Отношение лексики и морфологии строится, как считает В.Н. Ярцева, на основе «подчиненности лексики морфологическим категориям, представленным в данном языке, со стремлением этих категорий действовать с максимальным охватом лексического материала, но вместе с тем и с ограничениями, определяемыми этим лексическим материалом» [там же: 43]. Данная мысль получает развитие у С.Д. Кацнельсона, подчеркивающего, что «... в каждом лексическом значении содержатся некоторые моменты, определяющие грамматические потенции данного значения» [Кацнельсон 2002: 130].

Иными словами, подчиненность лексики морфологии сказывается в том, что все лексемы включаются в определенные морфологические разряды, с присущими им показателями. Морфология «охватывает» лексику, размещая ее по установленным парадигматическим разрядам (подр. см. [Ярцева 1968]). Морфологическая парадигма, в свою очередь, помогает сохранению единства лексического значения. Описанные особенности приводят в дальнейшем к появлению идеи об условности выделения лексических и грамматических значений и категорий (см., например, работы А.К. Жолковского, Е.В. Падучевой и др.).

Морфология, как уже отмечалось, взаимодействует не только с лексикой, но и с синтаксисом. На этот аспект обращают внимание А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, С.Д. Кацнельсон, П.В. Кузнецов, М.И. Стеблин-Каменский и другие. В.В. Виноградов, например, возражает против жесткого разделения на морфологию и синтаксис, считая, что границы между морфологией и синтаксисом очень неустойчивы и неопределенны. Данную точку зрения он мотивирует тем, что, во-первых, грамматика всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями и, во-вторых, в грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство [Виноградов 1972:10; 30-31]. В.В. Виноградов

рассматривает морфологические формы как отстоявшиеся синтаксические формы. «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике», – заключает В.В. Виноградов. «История морфологических элементов и категорий, – пишет он, – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими. В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса» [Виноградов 1972: 31].

Развивая данное положение в рамках теории лексической грамматики, А.Л. Шарандин уточняет, что «в морфологии не все отстаивается из того, что есть в синтаксисе». Есть категории, которые в максимальной степени синтаксичны (вероятно, считает автор, род глагола в русском языке, залог – в английском языке – Н.Б.), а есть категории, морфологические формы которых не до конца сместились из синтаксиса в морфологию. Например, категория лица глагола в русском языке. Таким образом, подчеркивается градуальный характер смещения синтаксиса в сторону морфологии [Шарандин ... 2000].

Точки зрения о невозможности резкого разграничения морфологии и синтаксиса придерживается и А.В. Бондарко. Он объясняет такое положение тем, что «употребление грамматических категорий – это проявление и модификация ее морфологического значения в предложении, в контексте, в связи и в соотношении со значением других категорий и с речевой ситуацией» [Бондарко 1962: 214]. Иными словами, в употреблении грамматической категории есть и морфология, и синтаксис, представленные в этом случае не изолированно, а в единстве и взаимосвязи. Такое взаимодействие А.В. Бондарко обозначает как «морфологический синтаксис» [там же].

И.Б. Хлебникова рассматривает морфологию и синтаксис как две стороны функционирования слова, между которыми не существует непреодолимых границ. Это и определяет, в конечном итоге, взаимосвязь морфологии и синтаксиса. Вместе с тем, точки соприкосновения, естественные для языковых элементов с многосторонними связями, по мнению И.Б. Хлебниковой, не дают права смешивать морфологию и синтаксис, и их основные функциональные единицы. Сущность разграничения морфологии и синтаксиса и их объектов, как считает И.Б. Хлебникова, состоит в том, что «морфология – это парадигматика и синтагматика знаков, образующих слово, а синтаксис – это синтагматика и парадигматика сочетаний слов, связанных определенными отношениями, от синтагмы до предложения и целого высказывания, в которых конечным

составляющим является слово в определенной форме и позиции. Морфология – установление валентности слов; синтаксис – реализация этой валентности в сочетаниях в зависимости от выражаемых отношений» [Хлебникова 1965: 131].

Разнообразие взглядов на взаимодействие морфологии с другими языковыми уровнями дало основание для рождения идеи о том, что «морфология служит синтаксису». Именно из этого положения исходит Б.А. Серебренников в трактовке проблемы взаимоотношения морфологии и синтаксиса, подчеркивая одновременно, что такое утверждение упрощает представление о реальных отношениях в языке [Серебренников 1988: 88]. Как считает Б.А. Серебренников, морфологическая форма, будучи носителем отвлеченных значений, в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств [там же]. Б.А. Серебренников, вслед за авторами Русской грамматики 80, приходит к выводу, что «морфологические формы, их значения в определенный момент существования языка взаимодействуют с синтаксическими конструкциями, с правилами их построения не как сфера подчиненная со сферой подчиняющей, а как сфера, располагающая арсеналом собственных средств, со сферой, без этого арсенала практически не существующей» [Русская... 1980: 5].

Идея о «службе» морфологии синтаксису уточняется в рамках теории морфологических категорий, разработанной А.В. Бондарко. Автор отмечает, что морфология служит синтаксису «лишь постольку, поскольку ее единицы, формы и категории включаются в структуру предложения, являются существенными для нее, но не вообще, не глобально, не абсолютно» [Бондарко 1976: 19]. Одновременно с этим, А.В. Бондарко специально подчеркивает, что морфологические категории всегда имеют отношение к синтаксису, так как каждая морфологическая категория обладает определенной синтаксической направленностью, синтаксической перспективой [там же].

В несколько ином плане, с позиции синтеза современных лингвистических концепций, рассматривает проблему В.Б. Касевич. В качестве основополагающего он выдвигает тезис о том, что «семантика обуславливает синтаксис, синтаксис морфологию и т.д.» [Касевич 1988:18]. Для объяснения закономерностей взаимообусловленности семантики, синтаксиса и морфологии он прибегает к понятию фрейма в том понимании, в котором его использует М. Минский [1979].

Для морфологического компонента языковой системы В.Б. Касевичем выделяются фреймы двух видов: семантически и

синтаксически ориентированные. Семантически ориентированные фреймы, в его понимании, представляют собой морфемные или лексемные структуры, призванные непосредственно передавать такие элементы семантического представления высказывания, как число, время и т.п. Здесь морфология непосредственно обслуживает грамматическую семантику, выступает средством выражения абстрактных значений, характеризующих ту или иную ситуацию. Синтаксически ориентированные фреймы в составе морфологического компонента представляют собой морфемные или лексемные структуры, предназначенные для указания на возможную функцию лексемы в составе синтаксических конструкций. Использование таких структур присуще языкам в разной степени, в то время как семантически ориентированные фреймы представлены в морфологическом компоненте любого языка [Касевич 1988: 26].

В теории семиологической грамматики, разработанной Ю.С. Степановым, проблема связей морфологии и синтаксиса получает более глубокое осмысление и формулируется в виде положения о том, что морфология выступает как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса». При этом в качестве принципиально важных принимаются положения о том, что: определению морфологической категории предшествует определение семантико-синтаксической сферы, применительно к которой можно говорить о данной категории; морфологические категории подчиняются некоторым общим семиологическим принципам, источником которых являются семантика и синтаксис в их взаимоотношениях; изменение морфологических категорий связано с перераспределением «длинного семантического компонента» (общего семантического компонента), а их развитие заключается в развитии самого этого компонента в целом [Степанов 2002: 296-297]. Иными словами, морфологические категории оказываются взаимообусловленными взаимоотношениями семантики и синтаксиса.

Понимание морфологии как техники взаимодействия семантики и синтаксиса получило применение и дальнейшее уточнение в теории функционально-семиологической грамматики Н.Н. Болдырева. В соответствии с ее основными установками, морфология определяется как техника языковой системы, фиксирующая типичные связи между семантикой и синтаксисом [Болдырев 1995].

Анализ представленных точек зрения на проблему взаимодействия морфологии, лексики и синтаксиса позволяет заключить, что попытки провести строгие границы между языковыми уровнями (прежде всего, морфологией и синтаксисом) фактически оказались неосуществимыми, так как постоянно исследователи наталкивались на те или иные факты

межуровневого взаимодействия, свидетельствующие, скорее, о жесткой внутриязыковой организации. Наглядно это подтверждается результатами современных функционально и когнитивно-ориентированных исследований.

Развитие когнитивно-ориентированных исследований (с 80-х годов XX века) в лингвистике поставило в новой плоскости вопрос о взаимодействии морфологии с другими языковыми уровнями. Такое положение дел представляется во многом естественным, так как вытекает из общих установок когнитивного подхода к языку.

Когнитивная лингвистика, как известно, стирает грань между областями, обособленными в интерпретации традиционной лингвистики (лексикой, морфологией, синтаксисом и семантикой), тем самым, выявляя наиболее общие принципы человеческого мышления, которые имплицитно в языковых формах. По образному замечанию О.К. Ирисхановой, «любая единица языка рассматривается здесь как некий «пусковой механизм» для глубинных когнитивных процессов, которые определяют пути и способы конструирования языкового значения» [Ирисханова 2000: 62].

Основополагающая идея, на которой строятся и когнитивная грамматика, и когнитивная семантика – это идея когнитивного моделирования результатов познания как основы формирования языковых значений. Соответственно, основная масса исследований, выполненных с позиций когнитивного подхода в зарубежной лингвистике, сосредоточена преимущественно на изучении когнитивных основ семантики языковых выражений, прежде всего, лексического уровня.

Общая платформа, на которой основывается вся когнитивная лингвистика, включает, в частности, положения о том, что: язык не обладает самодостаточностью и не может быть описан без учета когнитивных процессов; грамматика не может рассматриваться в качестве отдельной формальной системы, или уровня представления, так как лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум знаковых структур (см., например: [Jackendoff 1984; Langacker 2000]).

Это предполагает неразделимость грамматики и значения. Автономность грамматики, а, следовательно, и морфологии отрицается в когнитивной грамматике Р. Ленекера. В его теории она представляется как способ структурирования и символизации (языкового представления) концептуального содержания с помощью образно-схематических моделей. Образно-схематические модели рассматриваются как способность по-разному структурировать (форматировать) и интерпретировать содержание одной и той же когнитивной области. В соответствии с этой функцией, язык включает семантические структуры, фонологические структуры и

символические связи между ними. Р. Ленекером особо подчеркивается тот факт, что ничего другого языку не требуется [Langacker 2000]. Как следствие, в теории когнитивной грамматики Р. Ленекера отсутствует специальное рассмотрение того, что традиционно включается в морфологию (словообразовательные и словоизменительные категории). Некоторые морфологические категории, например, времени и аспекта, исследуются в связи с рассмотрением определенных когнитивных механизмов [Langacker 2000: 218-229].

На сходных представлениях строится и концептуальная семантика Л. Талми. В разработанной им теории утверждается наличие в языке двух подсистем: грамматической и лексической, – обладающих комплементарными семантическими функциями. Грамматика определяет структуру когнитивной репрезентации, а лексика – ее содержание. Автором ставится цель определить семантические и когнитивные свойства и функции структурного языкового компонента (грамматики) как единого целого. В качестве фундаментального свойства грамматической подсистемы Л. Талми выделяются семантическая и количественная ограниченность, а в качестве основной функции – структурирование мысли [Талми 1999: 94-95]. Грамматика, в широком смысле, является фактором, определяющим концептуальную структуру в языке как одной из когнитивных систем.

Таким образом, грамматический уровень рассматривается в когнитивной лингвистике недифференцированно, что естественным образом не позволяет акцентировать внимание на роли морфологического компонента языка в представлении концептуального содержания. Рассматривая идею о языковом континууме как одну из фундаментальных и методологически важных мы все же считаем необходимым акцентировать, с одной стороны, взаимодействие образующих континуум компонентов, а с другой – роль каждого из них в этом континууме. Это позволяет поставить вопрос о необходимости особого рассмотрения места морфологии в языковом континууме.

Предпосылки такой постановки вопроса создаются, в первую очередь, благодаря тем работам, которые получены отечественными лингвистами в последние десятилетия, ознаменовавшиеся интенсивным развитием новой парадигмы знания, которую Е.С. Кубрякова назвала когнитивно-дискурсивной [Кубрякова 1997].

Прежде всего, в ряде работ самой Е.С. Кубряковой, опубликованных в последние годы, сформулированы основные направления изучения когнитивных аспектов морфологии (см., например, [Кубрякова 2000, 2003]). Е.С. Кубрякова уточняет высказанную Н.А. Слюсаревой мысль о том, что морфология когнитивна, хотя на первый взгляд, выступает в виде техники

для синтаксиса [Слюсарева 1986], особо подчеркивая тот факт, что даже если бы морфология выступала исключительно «в виде техники для синтаксиса», она не перестала бы быть «когнитивной», т.е. связанной с познавательными процессами и служащей отражению и передаче их результатов [Кубрякова 2000: 25].

По мнению Е.С. Кубряковой, функции морфологии гораздо шире. Они обнаруживаются не на уровне морфем, а на уровне целостных морфологических структур, репрезентирующих разные классы слов [там же]. В этом проявляется связь морфологии с фиксацией, классификацией и распределением по категориям определенных структур знания о мире. Такая связь с процессами категоризации и субкатегоризации, а также связь последних со средствами их формального выражения позволяет выявить, как и в каких формах морфология объективирует и классифицирует знание о мире. Сказанное дает основание Е.С. Кубряковой говорить о когнитивных аспектах морфологии в различных проявлениях.

Когнитивная функция морфологических явлений, по заключению автора, определяется «их задействованностью в проведение процессов мышления, в осуществление ментальной и интеллектуальной деятельности человеческого разума – деятельности по обработке информации, ее хранению, ее сортировке и, наконец, извлечению, использованию и новому преобразованию» [Кубрякова 2000: 25-26]. Подчеркивая особую важность изучения когнитивных аспектов морфологии, Е.С. Кубрякова заключает, что такое изучение позволит выявить немало важного в понимании того, «какие детали в изображении ситуации в данном языке не могут ускользнуть от внимания говорящего (грамматическое – значит обязательное), а также какие элементы человеческого опыта уже получили отражение и классификацию в данной языковой картине мира» [там же].

Представленный анализ позволяет заключить, что дискуссионность проблемы статуса морфологии в системе языка связана со смешением двух понятий: «специфика морфологии» и «автономность морфологии». Когнитивный подход предполагает их четкое разграничение. Это позволяет утверждать, что признание специфики морфологии не означает автоматического признания ее автономности. Морфология, несомненно, имеет свою специфику, но искать ее нужно не в изоляции от других языковых уровней и не в отождествлении с ними. Морфология не автономна, она находится в постоянном взаимодействии с лексикой и синтаксисом. Специфика морфологии определяется ее ролью в репрезентации языкового знания и выполнением особой функции в системе языка – функции техники, обеспечивающей взаимодействие семантики и синтаксиса и фиксирующей типичные связи между ними. Именно поэтому

морфологические категории функционально раскрываются, главным образом, на уровне синтаксиса [Будагов 2000; Болдырев 1995].

Сказанное позволяет высказать предположение о том, что с позиций когнитивного подхода в качестве основной единицы морфологии следовало бы рассматривать морфологическую категорию, находящую свое материальное выражение в формах слова, объединяемых в парадигму.

Морфология как особый языковой уровень, обеспечивающий технику взаимодействия семантики и синтаксиса и фиксирующий типичные связи между ними, выступает как один из способов концептуализации языкового знания.

Особенность концептуализации на уровне морфологии состоит в том, что она, конфигурируя и формируя наше знание, обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определенном смысле «обслуживает» лексику. Именно эта особенность в плане концептуализации и обуславливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка, о которой говорилось выше. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями, и лексическими/тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания.

Возможности и способы морфологической концептуализации определяются онтологией самого языка, так как морфология выступает в качестве средства концептуализации закономерностей языковой репрезентации и отражает, во взаимодействии с синтаксисом, внутреннюю сущность и законы функционирования языка. Сказанное позволяет утверждать, что морфология представляет собой языковой уровень важный с точки зрения понимания того или иного языка и определения его характера и типа.

Концептуализация в морфологии осуществляется на нескольких уровнях. Под уровнями концептуализации в морфологии понимаются различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии (подр. см. [Беседина 2006]). Их выделение первоначально связано с разграничением, прежде всего, сентенционального уровня и уровня семантики лексико-грамматических разрядов слов. Оно обусловлено внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. Последние, будучи средством уточнения связи языкового знака с той или иной концептуальной категорией, передаваемой тем или иным лексико-грамматическим классом слов в

синтагматической речевой деятельности, различаются своей ориентацией на уровень сентенциональный или на уровень лексико-грамматических разрядов слов.

Морфологические категории и передаваемые ими обобщенные смыслы создают «сетку координат», в рамках которой осуществляется концептуализация мира человеком. Морфология отражает категоризацию наиболее важных (фундаментальных, базовых) участков концептуальной системы. Соответственно, морфологические категории и формы являются средством объективации особого уровня категориальных смыслов.

Категориальная часть концептуальной системы, репрезентируемая морфологически, предстает в виде морфологически передаваемых концептов. Морфологически передаваемые концепты создаются нашим сознанием с помощью языка и являются, вследствие этого, классификационными. Морфологически передаваемые концепты – это, с одной стороны, определенные единицы знания, репрезентируемые с помощью морфологических категорий и форм, а с другой стороны, – это концепты, лежащие в основе формирования собственно морфологических категорий и реализующиеся в виде конкретных грамматических смыслов (например, грамматическое время, число, аспект, наклонение и др.). Иными словами, морфологически передаваемый концепт – это выраженная морфологической формой единица знания о представлении мира в языке, т.е. единица языкового знания, передающая способ языковой репрезентации знания энциклопедического.

Морфологически передаваемые концепты в совокупности формируют концептуальное пространство морфологии и создают когнитивную основу морфологической репрезентации в языке. Они служат основой формирования соответствующих морфологических категорий и подводят существующее многообразие морфологических форм под соответствующие категории и классы, определяя их семантику.

Морфологически передаваемые концепты могут рассматриваться в качестве одного из факторов, способствующих созданию и обеспечению стабильности концептуальной системы, они отражают наиболее существенные аспекты концептуальной системы, без которых невозможно мышление о мире и формирование картины мира.

Морфологически передаваемые концепты в наибольшей степени подвергаются стандартизации на общенациональном уровне, исключая групповые, региональные и индивидуальные смыслы. Содержание данных концептов составляют основополагающие стабильные значения (элементы смысла), которые кодируются с помощью морфологических показателей. Оно включает максимально обобщенные и абстрактные характеристики,

которые в процессе активизации требуют дальнейшего уточнения и конкретизации при участии дополнительных лингвистических факторов. Эти характеристики имеют статус особых категориальных смыслов, которые служат основой для формирования собственно морфологических смыслов, составляющих содержание морфологических категорий и в дальнейшем – во взаимодействии с характеристиками концепта, на базе которого формируется морфологически передаваемый концепт – лексико-грамматических смыслов в процессе коммуникации, а также имеют принципиальную важность для выражения связей семантики и синтаксиса.

Сущность морфологически передаваемого концепта состоит в том, что его содержание, передаваясь морфологически, раскрывается только через взаимодействие с другими факторами в процессе морфологической репрезентации. Вследствие этого, морфология не просто и не столько передает собственные (морфологические) смыслы, но и, в первую очередь, служит базой для формирования широкого спектра конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов в рамках предложения-высказывания. Это объясняет тот факт, что морфология не существует изолированно от других языковых уровней, она органично вплетена в ткань языка и является необходимым компонентом формирования смысла в процессе речевой деятельности.

Специфика грамматической системы каждого языка и его концептуальной системы проявляется в наборе морфологически передаваемых концептов, который не совпадает в различных языках в силу того, что инвентарь морфологических категорий может заметно варьироваться от языка к языку. При этом существование единой концептуальной основы морфологических категорий позволяет в определенной степени «приравнять» одноименные категории разных языков на основании некоторой общей концептуальной структуры, в качестве которой выступает морфологически передаваемый концепт, а не на основании грамматической формы, так как последняя различна от языка к языку.

Обобщая все сказанное, следует отметить, что исследование морфологии в различных аспектах позволяет получить наиболее полное и исчерпывающее знание о закономерностях, обеспечивающих ведущую роль морфологического уровня в строе языка и формировании смысла в процессе языкового функционирования.

Литература

- Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учебное пособие. М., 1998.
- Античные теории языка и стиля (Антология текстов) / Под общ. ред. О.М. Фрейденберга. СПб., 1996.
- Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
- Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995.
- Бондарко А.В. В чем заключается предмет синтаксиса и какова должна быть его структура // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 1. С. 214-215.
- Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Будагов Р.А. Язык и речь в кругозоре человека. М.: Добросвет, 2000.
- Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М.: Высшая школа, 1972.
- Воронцова Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1960.
- Ирисханова О.К. О теории концептуальной интеграции // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания (материалы круглого стола, апрель, 2000). М., 2000. С. 62-68.
- Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Изд. 2-е, стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Кубрякова Е.С. Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени. М., 1987.
- Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: Теория, история, типология. М., 2000. С. 22-27.
- Кубрякова Е.С. Морфология сегодня и исследование морфологического строя в работах В.Н. Ярцевой // Теория, история, типология. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. I. М., 2003. С. 5-13.
- Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.
- Ольховиков Б.А. Теория языка и вид грамматического описания в истории языкознания. М., 1985.
- Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии. М.: Наука, 1979.
- Русская грамматика / Редкол.: Н.Ю. Шведова и др. М., 1980.
- Серебрянников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
- Скаличка В. Отношение между морфологией и синтаксисом // Языкознание в Чехословакии: Сб. статей. М.: Прогресс, 1978. С. 69-79.
- Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986.
- Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М.: Омен, 1998.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999, № 1. С. 88-115.

Хлебникова И.Б. О границах морфологии и синтаксиса // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1965. № 4. С. 124-132.

Шарандин А.Л. Грамматическая категоризация русского глагола и его синтаксических форм // Моделирование процессов функциональной категоризации глагола: кол. моногр. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000. С. 47-90.

Языкознание в Чехословакии: Сб-к статей. М.: Прогресс, 1978.

Ярцева В.Н. Взаимоотношение грамматики и лексики в системе языка // Исследования по общей теории грамматики. М.: Наука, 1968. С. 5-57.

Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge: The MIT Press, 1984.

Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization*. Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 2000.

Е.Д. Гаврилова **О СПЕЦИФИКЕ ПРОЦЕССОВ ОЦЕНОЧНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И** **ОЦЕНОЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ**

В статье рассматривается специфика процессов оценочной концептуализации и оценочной категоризации. Исследуются особенности оценочных концептов, составляющих когнитивную основу соответствующих оценочных категорий. Анализируются примеры выражения оценочного смысла в речи. Значительное внимание уделяется изучению процесса формирования оценочных категорий и их отличию от категорий естественных объектов.

The article deals with the problem of appraisal conceptualization and appraisal categorization and scrutinizes the specificity of appraisal concepts, that underlie the corresponding categories. Some analysis of expressing appraisal meanings is also presented. Great attention is attached to the difference between appraisal categorization and natural categorization.

Данная статья посвящена одному из наиболее важных и интересных вопросов современной лингвистики, а именно, рассмотрению процессов оценочной концептуализации и оценочной категоризации. Исследование проводится в рамках научного направления «Язык в системе знаний», разрабатываемого на кафедре делового иностранного языка Белгородского государственного университета. В рамках данного научного направления антропоцентрический подход и когнитивные методы исследования позволяют выявить связь языковых форм со структурами знаний и опыта человека, а также определить специфику оценочного концепта, лежащего в основе оценочной категории, что не представляется

возможным в рамках традиционного лингвистического направления. В связи с этим на передний план выступает проблема соотношения концептуальных структур нашего сознания с репрезентирующими их языковыми единицами. В решении этой проблемы ведущую роль играют такие познавательные процессы, как концептуализация и категоризация, определяющие формирование языковых значений. Изучение этих процессов позволяет раскрыть значимость языка при исследовании работы человеческого сознания, направленного на познание окружающего мира.

В процессе активной предметно-практической жизнедеятельности у человека формируется система знаний о мире, включающая различные концепты. Концепты отражают знания и опыт человека, приобретаемые им в процессе познания окружающего мира. Под концептом в данной статье понимается идеальная, абстрактная единица, отражающая результат всей деятельности человека в виде неких "квантов" знания [КСКТ 1996: 90; Болдырев 2001: 23-24]. Концепты формируются в результате мыслительного процесса концептуализации, который, согласно Е.С. Кубряковой, определяется как «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящей к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека» [КСКТ 1996: 93]. Необходимо отметить, что концепты, образовавшиеся в результате процесса концептуализации, отличаются друг от друга не только способами своего формирования, но и содержательно.

В качестве одной из наиболее важных составляющих в концептуальной системе человека, помимо системы концептов естественных категорий, можно назвать систему оценочных концептов, образующихся в результате концептуализации действительности с ценностной точки зрения, т.е. с позиции системы мнений и оценок человека. Как отмечает Н.Н. Болдырев, оценочные концепты, например, концепты GOOD и BAD, формируются на основе интерпретативного опыта осмысления мира и взаимодействия с ним [Болдырев 2005: 23]. Подобная концептуализация обусловлена субъективным фактором.

В отличие от концептуализации естественных объектов и явлений, понятие оценочной концептуализации мира еще достаточно ново, и не получило широкого описания в рамках когнитивного направления. Под оценочной концептуализацией понимается «оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании» [Болдырев 2002: 104]. Другими словами, оценочная концептуализация представляет собой процесс рассмотрения объектов действительности сквозь призму ценностной системы человека.

Очевидно, что все концепты, хранящиеся в сознании человека и составляющие его концептосферу, различаются по типу знания. Так, содержание концепта естественной категории включает в себя сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек знает об объектах мира [Павиленис 1983]. Оценочные концепты, в том числе GOOD и BAD, напрямую связаны с системой мнений, оценок, предпочтений конкретного индивида, т.е. с внутренним миром человека. Соответственно, тип знания, содержащийся в оценочных концептах, носит специфический, индивидуальный характер. Более того, это знание не может быть верифицировано, так как оно не находит непосредственного отражения в реальном мире. Между объектами действительности и их оценочной номинацией всегда стоит человек и его система ценностей. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «для того чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [Арутюнова 1999: 181]. Невозможность верификации оценки, отнесение ее к скрытой, идеальной картине мира человека, еще больше осложняют описание и анализ процесса оценочной концептуализации, носящего индивидуальный, субъективный характер. Проблематичным также представляется выявление структурных особенностей оценочных концептов, их природы и содержания.

Индивидуальный характер оценочного концепта, как отмечает Н.Н. Болдырев, проявляется в конкретном наполнении того или иного содержания, в возможности индивидуального прочтения определенного мнения или оценки, его личностной интерпретации [Болдырев 2002: 109]. Подобное утверждение не означает, что оценочные концепты не содержат элементов коллективного знания. Как известно, деятельность и поведение человека являются социально обусловленными. Это означает, что жизнь индивида в обществе подчинена установленной системе стереотипов, идеалов, образцов и т.д. Это не может не отразиться на формировании собственной системы ценностей, а, следовательно, и на содержании оценочных концептов.

Важно отметить, что определение структурных особенностей оценочных концептов, прежде всего, связано со спецификой их природы. Следовательно, выявление характера, а также описание структуры и содержания концептов становится возможным с опорой на языковой уровень. Это обусловлено тем, что доступ к описанию и определению природы концептов обеспечивает язык [Jackendoff 1993: 16]. Соответственно, он является одним из основных инструментов оценочной концептуализации мира.

Специфика оценочных концептов заключается в том, что они имеют самостоятельный, релятивный характер. Это означает, что раскрытие содержания оценочного концепта, а, следовательно, выявление его структурной организации, зависит от другой концептуальной структуры, с которой он связан. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «сам по себе оценочный концепт связан с реальным миром не напрямую, а лишь через другую структуру знания, соотнося, в то же время, эту структуру знания с идеальным миром в сознании человека – системой мнений и оценок» [Болдырев 2003: 4].

Из этого следует, что выявление оценочных структур знания, т.е. наполнение оценочных концептов конкретным содержанием, обусловлено, с одной стороны, спецификой обозначаемого ими предмета или явления, с другой стороны, установлением соответствия/несоответствия объекта и его характеристик общепринятым нормам, а также системе ценностей самого человека. Так, при оценочной концептуализации происходит наложение двух концептуальных структур, т.е. оценочные концепты представляют собой результат переосмысления реальных объектов и явлений с позиции ценностной картины мира человека.

Так как оценочные концепты имеют самостоятельный, релятивный характер и не обладают смысловой значимостью вне связи с другой концептуальной структурой, то, соответственно, конкретное содержание оценочных смыслов в речи может существенно меняться в зависимости от характеризуемых ими объектов. Например, конкретное содержание концептов GOOD, BAD предполагает различные свойства, в зависимости от того, с какими объектами оценочные концепты соотносятся в речи: *a good/bad computer, a good/bad house, a good/bad man, a good/bad weather, a good/bad book, a good/bad mark* и т.д. Оценочные концепты являются определенным способом представления действительности, так как отражают знания ценностной картины мира человека.

Согласно определению Р. Джекендоффа, концепт представляет собой некую оперативную единицу уровня ментальных репрезентаций, которая характеризуется схематическим строением и включает набор существенных признаков для определения предметов и явлений действительности [Jackendoff 1991: 8].

В отношении оценочных концептов это становится очевидным, главным образом, при языковой репрезентации. Иначе говоря, схематичность смысла, передаваемого оценочными концептами, проявляется при наложении на другую структуру знания. Дело в том, что при наложении концептуальных структур (оценочной и естественной) в ячейки оценочной схемы попадают наиболее существенные, ядерные,

конститутивные характеристики определяемой структуры. В результате такой схематизации, употребление оценочных значений в речи понятно всем носителям языка и не требует дополнительной расшифровки и информации (*a good doctor*). Однако если в ячейки попадают несущественные, непрототипические характеристики определяемого, то оценочные концепты требуют конкретизации, которая осуществляется за счет описательных прилагательных (*a good informative, useful book*).

Оценочные концепты составляют основу соответствующих оценочных категорий. Так в основе категорий "good" и "bad" лежат концепты GOOD и BAD. Концептуальное наполнение оценочных категорий в речи осуществляется за счет описательных значений, раскрывающих содержание оценочной категории в конкретной ситуации. Так, З. Вендлер, в работе «Grammar of Goodness», указывает на то, что в предложении оценочные прилагательные, как правило, отстоят дальше от определяемого, чем описательные прилагательные (по З. Вендлеру: *good heavy red table; *heavy good red table*), т.е. связь оценочного значения с объектом опосредована набором естественных характеристик, раскрывающих конкретное наполнение категории [Вендлер 1981].

Переход от описательности к оценочности в речи происходит, когда значение передает свойства, объективно нехарактерные для предмета или лица. Специфика оценочных концептов проявляется в специфике передаваемых ими оценочных значений. Оценочные концепты являются результатом переконцептуализации, т.е. концептуализации уже существующих концептов с позиции ценностной системы человека. Другими словами, при оценочной концептуализации происходит переструктурирование концептуального пространства.

Как отмечают исследователи, оценочные прилагательные имеют более высокий ранг (т.е. обладают широкой сочетаемостью), чем представления о естественных свойствах объекта (см.: [Вендлер 1981]). Так, например, высокий ранг прилагательных *good* и *bad* во многом определяется и объясняется их мобильной комбинаторикой, т.е. достаточно широкой сочетаемостью.

Одна из характеристик оценочных концептов, по мнению исследователей, заключается в том, что они соотносятся с объектом через какое-либо действие, т.е. указывают на качество выполнения объектом соответствующей функции [Taylor 2002; Болдырев 2003]. Так, в словосочетаниях *good/bad teacher, sportsman, cooker, singer, writer, worker* и т.д. в самом существительном содержится информация, указывающая на определенную функцию. Соответственно употребление оценочных прилагательных предполагает наличие класса глаголов, соотносящихся по

смыслу с определяемым существительным. При этом связь между существительными и оценочными прилагательными является опосредованной соответствующими глаголами. Так, Дж. Тейлор отмечает, что оценочное прилагательное *good* предполагает оценивание предмета с точки зрения определенной, направленной деятельности, которая выявляется в семантической структуре оцениваемого существительного [Taylor 2002: 451].

В то же время, если определяемое существительное обладает широкой семантической сочетаемостью, и класс глаголов для его определения достаточно широк, то само предложение может быть подвергнуто трансформации и дополнено глаголом, указывающим на конкретную функцию определяемого существительного, и тем самым, раскрывающим содержание оценочного концепта (*It is a good meal for you to eat*) [Вендлер 1981].

Оценочные прилагательные *good* и *bad* могут характеризовать объект в следующих случаях: с точки зрения возможной деятельности, как событийное наименование, по поступку и т.д. Однако во всех случаях характеристики, актуализируемые этими прилагательными, определяются семантикой глагола или существительного, с которыми они связаны, т.е. исходная область или качественная характеристика объекта задается другой частью речи, имеющей определенные семантические признаки: существительным или глаголом (см.: [Taylor 2002; Болдырев 2003]).

Так оценочные концепты не обладают конкретной информацией о реальном мире. В них задается лишь шкала, указывающая на смысловое движение в сторону положительного (*good*) или отрицательного (*bad*), которая требует определенного концептуального наполнения для передачи необходимого смысла. Это наполнение, как отмечалось выше, обеспечивается только при взаимодействии с другими концептами.

Названные выше особенности оценочных концептов непосредственным образом влияют на формирование оценочных категорий, в основе которых лежат соответствующие концепты. Человек не пассивен при восприятии окружающего мира. В повседневной деятельности человек сталкивается с различными явлениями, которые в свою очередь вызывают определенные реакции, эмоции, оценки. В соответствии с этими оценками человек классифицирует предметы и явления по аксиологическим категориям, в частности по категориям "good" и "bad". В данном случае речь идет о формировании оценочных категорий, т.е. об оценочной категоризации мира. Вслед за Н.Н. Болдыревым, под оценочной категоризацией мы понимаем «группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие классы и категории, т.е. систему оценочных категорий (статический аспект), или мысленное соотнесение

объекта или явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект)» [Болдырев 2002: 104].

Очевидно, что значительная роль в процессе оценочной категоризации отводится человеку, у которого создается индивидуальное видение и субъективная оценка явлений действительности. Каждый член языковой общности представляет собой уникальную, неповторимую личность, обладающую способностью оценивать окружающую действительность адекватно собственному мироощущению. В этом проявляется индивидуальный, субъективный характер оценочной категоризации.

В основе динамического процесса оценочной категоризации лежит сравнение с наилучшим образцом соответствующих категорий. Оно может осуществляться по различным параметрам: физический, функциональный, этический и т.д. При этом сравнение проводит сам человек, опираясь на универсальную систему ценностей. Универсальные или коллективные ценности отражаются в социальных нормах, стандартах поведения, культурных традициях и т.д. Из этого следует, что природа оценочных категорий определяется не только индивидуальной, но и общепринятой системой коллективных ценностей.

Сознание человека содержит различные типы знания: объективное знание, отражающее реальное положение вещей в мире (концепты естественных категорий) и знание субъективное, оценочное, раскрывающее систему мнений и предпочтений индивида (оценочные концепты). Данные типы знания соотносятся с двумя типами категоризации – естественной и оценочной. Это утверждение порождает вопрос о сходстве и различии в организации двух типов категорий.

Для категорий естественных объектов и явлений первостепенными являются сами объекты и явления окружающего мира, а также их объективные характеристики. В речи результат мыслительного процесса естественной категоризации проявляется в присвоении объекту определенного имени, т.е. происходит соотнесение объекта с конкретной категорией. Оценочные категории носят скорее субъективный характер и имеют несколько иную специфику. При оценочной категоризации на передний план выступает человеческий фактор, т.е. точкой отсчета является сам человек и его система ценностей. Следовательно, этот тип знания имеет опосредованную связь с реальным миром.

Оценочная категоризация в большей степени, нежели естественная, связана с языком. Именно в языке происходит формирование и изменение оценок. Из этого следует, что различные типы знания, несмотря на отличия, тесно связаны между собой. Эта связь, главным образом, проявляется в языке, в виде аксиологической классификации объектов. По словам Н.Н. Болдырева, основное отличие оценочной категоризации от естественной заключается в том, что в их основе лежат

разные способы восприятия и осмысления действительности: естественная и ценностные картины мира, а также дифференциация коллективного и личного опыта и знаний человека [Болдырев 2002а: 363].

В основе оценочной категоризации лежит шкала мнений и оценок. В языке оценочные слова отражают степень соответствия характеристик предмета данной шкале. Согласно Н.Н. Болдыреву, оценочная шкала может иметь различные основания, в соответствии с которыми выделяются следующие типы оценок:

- сенсорная оценка, связанная с восприятием мира с помощью органов чувств (*a good/bad view*);
- стереотипная оценка, опирающаяся на соответствие определенному стандарту (*a good/bad father*);
- эмоциональная оценка, передающая реакцию человека на окружающие предметы и явления в плане их соответствия/несоответствия его субъективной шкале (*a good crash*) (см.: [Болдырев 2002]).

Значительную роль в оценочной категоризации играют национально-культурные и социо-культурные факторы. В обществе существуют определенные социальные нормы, которые определяются различием между положительными и отрицательными факторами, релевантными для носителей данной культуры, что, несомненно, отражается в процессе категоризации мира человеком с ценностной точки зрения.

Так, в результате процесса познания мира в сознании человека формируются разные типы знания: объективное и оценочное. Они соотносятся с двумя видами категоризации: категоризацией естественных объектов и явлений действительности и оценочной категоризацией. Когнитивную основу оценочных категорий "good" и "bad" составляют соответствующие оценочные концепты, имеющие релятивный, зависимый от оцениваемой сущности характер. Специфика оценочных концептов GOOD и BAD, а, следовательно, и оценочных категорий, заключается в том, что они не имеют прямой связи с миром вещей и событий, но напрямую связаны с внутренним миром человека. В результате структурная организация общих оценочных категорий "good" и "bad" подобна мозаике, то есть включает в себя ряд частных оценочных категорий ("*good/bad car*", "*good/bad father*" и т.д.). Релятивная природа оценочных категорий, их мозаичный характер позволяют сделать вывод о том, что в основе построения общих оценочных категорий лежит принцип "семейного сходства", исключающий возможность выделения общей для всей оценочной категории характеристики. Это еще раз подтверждает субъективный, индивидуальный характер процессов оценочной концептуализации и оценочной категоризации.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.
- Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. посвящается Е.С. Кубряковой. Москва–Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 103–114.
- Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Тамбов, 2002а. С. 360–369.
- Болдырев Н.Н. Отрицание как модусно-оценочный концепт // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы науч. конф. 8-9 октября 2003. Вып. 7. Ч. I. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. С. 4–5.
- Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16–40.
- Вендлер З. О слове good // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М.: Прогресс, 1981. С. 531–557.
- КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Павиленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
- Jackendoff R. Semantic Structures. Cambridge: The MIT Press, 1991.
- Jackendoff R. X – bar Semantics // Semantics and the Lexicon. Dordrecht, 1993. P. 15–26.
- Taylor J.R. Cognitive Grammar. N.-Y.: Oxford Univ. Press, 2002.

С.Н. Степаненко

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СРЕДСТВА, МЕХАНИЗМЫ, ФАКТОРЫ

Статья представляет собой попытку комплексного изучения способов языковой концептуализации количества в современном английском языке.

The article is an attempt of a comprehensive study of the language means to conceptualize quantity in modern English.

Комплексное изучение способов языковой концептуализации количества в современном английском языке возможно осуществить с позиций когнитивного подхода, общетеоретические и методологические установки которого позволяют выявить специфику формирования знаний человека о количественных характеристиках действительности через анализ семантики языковых единиц, а также через анализ количественных

смыслов, формируемых этими языковыми единицами в рамках предложения-высказывания.

Концептуализация как процесс, связанный с осмыслением информации, поступающей к человеку по различным каналам, и её дальнейшим членением, приводит, как известно, к формированию концептуальной системы и к образованию концептов как единиц этой системы. Одним из важных свойств концептуальной системы является её неоднородность. Она выражается в наличии в общей структуре концептуальной системы участков, имеющих различную значимость: фундаментальных и нефундаментальных концептов. Концепт КОЛИЧЕСТВО, имеющий под собой онтологическое основание, т.е. структурирующий чувственно-познаваемый мир, образуется в результате обработки в сознании человека информации о количестве, количественных отношениях и количественных характеристиках действительности и относится к фундаментальным концептам (см., напр.: [Jackendoff 1984; 1990; 1996]).

Концепт КОЛИЧЕСТВО имеет нежесткую структуру, которую составляют такие компоненты как количественное представление и количественное понятие. Данные компоненты отличаются по степени абстракции и отражают объективные и субъективные количественные особенности предметов и явлений. Количественное представление понимается как отражение нерасчлененных количественных и качественных характеристик на конкретно-чувственном уровне. Количественное понятие, формируемое на абстрактном уровне, объединяет знание об абстрактном количестве как недискретном и дискретном (см. подр.: [Сайфуллаев 1974; Лепская 1990; Иволгина 2001]). Количественное представление отражает количественные и качественные характеристики нерасчлененно и формируется на довербальном этапе. Языковые же единицы различных уровней задействованы в формировании количественного понятия.

Разная природа этих компонентов в структуре концепта КОЛИЧЕСТВО дает основание разграничивать уровни концептуализации количества как группы количественных понятий и представлений, имеющих различный уровень абстракции, и уровни языковой концептуализации количества, которые определяются нами как различные способы осмысления и структурирования знания о количестве, находящие представление в языке.

Язык, будучи одной из когнитивных способностей человека, обладает возможностью создавать вариативные способы концептуализации одного и того же содержания (см. [Рузин 1996]). Концепт КОЛИЧЕСТВО имеет множественную репрезентацию в языке, получая в нем как грамматическое, так и лексическое оформление. Концептуализация

количества – сложный и многофакторный процесс, обнаруживающий свою специфику на каждом языковом уровне. Это обусловлено особенностями самого уровня с точки зрения его участия в концептуализации мира, зависит от задействованных языковых и когнитивных механизмов, а также дополнительных лингвистических факторов концептуализации. Все это дает основание рассматривать процесс концептуализации количества в каждом конкретном случае как лексическую концептуализацию и грамматическую концептуализацию.

Особенностью лексической концептуализации количества является её направленность на реализацию кодирующей функции языка. Лексическая концептуализация количества приводит к формированию вербализованного знания о количестве как онтологической сущности, отраженного в лексических значениях языковых единиц, т.е. к формированию знания о собственно концепте КОЛИЧЕСТВО, которое представлено номинативными средствами английского языка. В качестве языкового механизма лексической концептуализации выступает номинация, предполагающая использование языковых единиц различной частеречной принадлежности: существительных, прилагательных, глаголов, наречий и местоимений.

Проведенный анализ словарных дефиниций существительных *quantity*, *amount*, *number*, *measure*, символически фиксирующих концепт КОЛИЧЕСТВО в концептуальной системе, показал, что они выражают идею количества в самом обобщенном виде. Так, авторитетные лексикографические источники трактуют, например, существительное *quantity* следующим образом: *an amount that you can measure and count [COBUILD 1990: 1175]; amount; a property of things which can be measured in some way, e.g. size, weight, number [ALDCE 1992, V. 3: 6]; an amount of something that can be counted or measured [LDCE 2001: 1155]*. Приведенные словарные дефиниции иллюстрируют, что существительное *quantity*, определяемое через смежные лексические единицы, только номинирует количество.

Обобщенный смысл “количество”, получает уточнение на уровне предложения-высказывания при участии дополнительных лингвистических факторов. Ведущая роль в формировании смыслов, конкретизирующих обобщенный смысл “количество”, в основном, принадлежит контекстуальному фактору. В рамках предложения-высказывания под влиянием контекстуального фактора существительные, номинирующие количество, формируют следующие количественные смыслы: “неопределенное количество объектов /несколько объектов /много объектов /неопределенное количество вещества /неопределенная степень (доля) качества /большая степень (доля) качества /неопределенная мера качества /точное количество

объектов". Проиллюстрируем сказанное на примере существительного *quantity*.

Формирование смысла "неопределенное количество объектов", например, происходит, когда существительное *quantity* употребляется в сочетании *quantity of N*, где *N* – существительное предметной семантики, обозначающее одушевленные/ неодушевленные объекты, например, *This was a new scene to us mountaineers; the majestic oaks, the quantity of game, and the herds of stately deer were all novelties to us (M. Shelley)*. В рамках данного предложения-высказывания сочетание *quantity of game* передает смысл "неопределенное количество диких животных /птиц". В основе рассматриваемого количественного смысла лежит концептуальная характеристика "дискретность", которая носит неточный характер и выделяется в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате действия когнитивного механизма профилирования.

Когда в сочетании *quantity of N*, позицию *N* занимает существительное вещественной семантики, формируется смысл "неопределенное количество вещества", например, *... you could go into the butcher's or grocer's and purchase whatever you wanted, in whatever quantity of food you desired (E. Blai); But she drank a large quantity of beer anyway... (R.Carver)*.

В этих примерах сочетание *quantity of food* выражает смысл "неопределенное количество еды", а сочетание *quantity of beer* – смысл "неопределенное количество пива". Оба существительных имеют вещественную семантику, следовательно, в основе формирования смысла "неопределенное количество вещества" лежит базовая характеристика "недискретность", которая выделяется в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате действия когнитивного механизма профилирования.

Предпринятый анализ реальных примеров употребления существительных, номинирующих количество, показал, что они участвуют в формировании количественных смыслов, которые передают идею количества в обобщенном виде, что дает основание утверждать, что концептуальные характеристики, лежащие в основе формирования выделенных выше смыслов, составляют лишь часть содержания концепта КОЛИЧЕСТВО. Выявить содержание концепта КОЛИЧЕСТВО более детально позволяет анализ смыслов, формируемых посредством других существительных количественной семантики: 1) счетных существительных типа *a pair, a couple, a duet* и т.д.; 2) существительных, обозначающих период времени, например, *a week, a fortnight, a month, a year*,

3) существительных, которые обозначают условные единицы измерения различных величин типа *a mile, a yard, a pound* и т.д.

Существительные, обозначающие условные единицы измерения различных величин, например, выражают смысл “точное количество единиц измеряемой величины”. В основе формирования указанного смысла лежит базовая характеристика “дискретность”. Профилируясь в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО, данная характеристика может носить как точный, так и неточный характер. Под влиянием контекстуального фактора существительные этой группы формируют ряд смыслов: “точное /неточное суммарное количество”, “точная /неточная часть от целого количества”, “точный /неточный количественный параметр”.

При формировании смысла “точное суммарное количество”, например, важную роль играет контекстуальный фактор. Он проявляется в употреблении в предложении-высказывании количественных числительных в препозиции к существительным данной группы, например, *The sum mentioned had been fifty pounds (E. Blair); Ten feet from the window... stood Milabel, a rifle to his shoulder (L. Short)*. В приведенных примерах объектами счета являются денежные единицы, номинирующие точные денежные суммы и единицы измерения расстояния, номинирующие точную линейную протяженность соответственно.

Смысл “приблизительное суммарное количество” формируется под влиянием контекстуального фактора, предполагающего употребление наречий-аппроксиматоров и неопределенных наречий в препозиции к сочетанию *Num N* (модель функционирования *Adv_{appr} /Adv_{indef} Num N*), неопределенных прилагательных в препозиции к существительному (модель функционирования *Adj_{indef} N*), а также сочетаний образованных по модели *Num₁ or Num₂ /Num₁, Num₂ / Num₁– Num₂*, например, *She smiled sweetly and told him that solid silver candlesticks would fetch over thirty pounds each in New Orleans (M. Smith)* – в данном примере суммарное количество денежных единиц осмысляется как приблизительное под влиянием наречия *over*, в примере *The cove wasn't very large, the ship no more than three or four hundred yards from shore (M. Smith)* приблизительно в количественном отношении осмысляется расстояние, чему так же способствует влияние контекстуального фактора.

В основе выделенных количественных смыслов лежит активизированная при фокусировании частная характеристика “суммарность”. Последняя уточняет базовую характеристику “дискретность”, которая носит точный / неточный характер.

Смысл “точная часть от целого количества” формируется под влиянием контекстуального фактора, предусматривающего употребление

существительного, обозначающего единицу измерения, в сочетании типа *a quarter / third of N*, например: *A quarter of a mile away there were two heavy loaded tarp-covered freight wagons in tandem (L. Short)*. В рамках данного предложения расстояние осмысляется как определенная часть (четверть) от целого (мили).

Смысл “неточная часть от целого количества” формируется под влиянием контекстуального фактора, предполагающего употребление наречий-аппроксиматоров в препозиции к сочетанию *a quarter /third of a N* (модель функционирования $Adv_{appr} a quarter /third of a N$), например, *He drank off about a third of a liter before answering (J. Haslam)*. В приведенном предложении-высказывании объем выпитой жидкости осмысляется как приблизительная часть (около трети) от целого (литра).

В основе формирования выделенных смыслов лежит фокусируемая частная характеристика “партитивность”, которая уточняет базовую характеристику “дискретность”. В зависимости от контекста последняя носит точный (*a quarter of a mile*) и неточный (*about a third of a liter*) характер.

Смысл “точный количественный параметр” формируется, когда в предложении-высказывании употребляются параметрические прилагательные, стоящие в постпозиции к сочетанию *Num N*, где *N* – существительное, обозначающее условные единицы измерения какого-либо параметра (роста, возраста, веса, длины и т.д.). В этом случае модель функционирования выглядит следующим образом *Num N Adj*, например, *It was ten feet long and five feet wide, built of hard wood that showed no signs of decay (J. Wilde)*. В данном примере числительное выражает суммарное количество единиц измерения, обозначенных существительным, а параметрическое прилагательное называет сам параметр, подвергаемый измерению или исчислению – длину и ширину.

Смысл “приблизительный количественный параметр” формируется в рамках предложения-высказывания под влиянием контекстуального фактора, который проявляется, например, в наличии наречий-аппроксиматоров, неопределенных наречий и т.д. в препозиции к количественному числительному в составе сочетания *Num N Adj* (модель функционирования $Adv_{appr} /indef Num N Adj$), например, *It was over six feet long... (L. Short); In his middle twenties, he was nearly six feet tall (J. Wilde)*. Основу формирования выделенного количественного смысла составляет частная концептуальная характеристика “параметричность”, уточняющая базовую характеристику “дискретность”. Последняя в приведенных примерах носит неточный характер.

Выделенные в ходе анализа характеристики составляют лишь часть характеристик в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО. Другие лексические единицы количественной семантики прилагательные типа *dual, triple; numerous, innumerable; large, short, long*; глаголы типа *to double, to halve, to treble; to increase, to enlarge; to diminish, to reduce*; наречия типа *once, twice, repeatedly, sometimes; again, anew*; местоимения типа *both; another; all, every, everybody* в предложении-высказывании под влиянием контекстуального фактора формируют широкий спектр количественных смыслов, уточняющих обобщенный смысл “количество”. В основе формирования таких смыслов лежат базовые характеристики “дискретность” и “недискретность”, которые активизируются в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате профилирования. На фоне выделенных базовых характеристик в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО фокусируются частные концептуальные характеристики: “суммарность / периодичность / частотность / параметричность / кратность / повторность / двойственность / единичность / аддитивность / тотальность”.

В итоге лексическая концептуализация количества приводит к формированию вербализованного знания о количестве как онтологической сущности, отраженного в лексических значениях языковых единиц, т.е. к формированию знания о собственно концепте КОЛИЧЕСТВО, которое представлено номинативными средствами английского языка.

Грамматическая концептуализация реализует манипулирующую функцию языка. Она позволяет структурировать концепт КОЛИЧЕСТВО, оперируя сущностями концептуальной системы. Концептуализация количества на уровне грамматики задействует средства морфологического, словообразовательного и синтаксического уровней.

Специфика концептуализации количества средствами морфологии заключается в том, что она происходит на уровне лексико-грамматических разрядов слов. В качестве языковых механизмов концептуализации в данном случае выступают морфологические формы числа имен существительных и степеней сравнения имен прилагательных и наречий.

Формы числа существительных, например, выражают максимально обобщенные количественные смыслы “множественность” и “единичность”. В основе их формирования лежат характеристики “дискретность” и “недискретность”, активизирующиеся в результате абстрагирования. Под влиянием семантического и контекстуального факторов в предложении-высказывании названные обобщенные количественные смыслы получают уточнение. В результате формируется целый спектр лексико-грамматических количественных смыслов. Формы множественного числа в рамках предложения-высказывания формируют смыслы: “раздельная/

качественная/ порционная/ репрезентативная/ двойственная/ конкретная/ совокупная/ партитивная/ пространственная множественность". Формы единственного числа в рамках предложения-высказывания формируют такие смыслы как "расчлененная/ нерасчлененная собирательная множественность", "вещественная/ абстрактная множественность-континуум", "порция вещества", "единичное множество", "конкретная единичность".

Основу формирования перечисленных количественных смыслов составляют концептуальные характеристики, которые активизируются в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате профилирования и уточняют характеристики "дискретность"/ "недискретность".

Формы множественного числа, выражающие обобщенный смысл "множественность", непосредственно не сообщают ни о численности предметов, ни об их связях друг с другом. Данный смысл получает уточнение в рамках предложения-высказывания при участии дополнительных лингвистических факторов: семантического и контекстуального. Так, в случае формирования смысла "совокупная множественность" семантический фактор предполагает употребление в форме множественного числа существительных, обозначающих одушевленные и неодушевленные объекты, а также существительных широкой семантики. Контекстуальный фактор в данном случае подразумевает использование постпозитивных определений, выраженных: 1) предложным сочетанием: *All things of value were to be packed carefully into a large suitcase...* (L. Orde); 2) инфинитивом: *Once he came to the house, with things to sell* (D. Lawrence); 3) придаточным определительным предложением: *I just kept buying ... the small lead figures that he'd have to paint himself...* (J. Johnson); 4) сочинительным рядом: *Since then, he'd suffered a haunting phobia of enclosed spaces – elevators, subways, squash courts* (D. Brown).

Все приведенные примеры иллюстрируют, что формы множественного числа под влиянием контекстуального фактора акцентируют идею условно ограниченного множества предметов. В основе формирования данного смысла лежит характеристика "совокупность", которая профилируется в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО на фоне характеристики "дискретность".

Специфика словообразовательной концептуализации количества связана с тем, что аффиксы, количественная семантика которых рассматривается в качестве языкового механизма концептуализации, по своему содержанию уточняют категории "предметность", "процессуальность (событийность)" и "признаковость", заложенные соответственно в существительном, глаголе и прилагательном, с одной стороны, и развивают и конкретизируют значения грамматических категорий, представляющих эти

части речи, с другой стороны. На этом основании словообразовательные средства рассматриваются в числе грамматических.

Предпринятый анализ показал, что префиксы *mon(o)-*; *bi- /di-*; *tri-*; *quad- /quadri-*, *tetra-*; *quin- /quinqua-*, *penta-*; *hex- /sex-*; *octa-*; *deca-* и количественные числительные как первый элемент сложных прилагательных способствуют осмыслению количества как точного. Префиксы *multi-*, *many-*, *poly-*; *over-* и суффиксы *-let*; *-ful* способствуют осмыслению количества как неточного. Префикс *re-* и суффикс *-fold* в зависимости от контекстуальных условий могут выражать как точное, так и неточное количество. В рамках предложения-высказывания под влиянием контекстуального фактора эти обобщенные смыслы получают уточнение за счет активизации количественных смыслов, в основе формирования которых лежат концептуальные характеристики, реализующиеся в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в результате действия когнитивного механизма конкретизации.

Посредством словообразовательных формантов, выражающих, например, неточное количество, формируются следующие смыслы: 1) "неопределенное суммарное количество (много)": *The walls were hung with a manyfigured green arras of needlewrought tapestry representing a hunt...* (O. Wilde); 2) "действие, повторяющееся неопределенное число раз": *... they are believed to have been moved and rehidden several times* (D. Brown); 3) "многократно/ многократный": *It was found necessary to clear the entire pier from the mass of onlookers, or else the fatalities of the night would have increased manifold* (B. Stoke); 4) "маленький по размеру": *Masses of brassy gold ringlets bounced from her incredible coiffure* (J. Wilde); 5) "неопределенная степень качества": *I guess the old country is so overpopulated that they have not enough decent weather for everybody* (O. Wilde).

Основу формирования количественных смыслов в примерах (1-3) создает профилируемая базовая характеристика "дискретность". В результате конкретизации в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО активизируются частные характеристики "суммарность/ рекурсивность/ кратность", соответственно. Основу формирования количественных смыслов в предложениях-высказываниях (4, 5) создает базовая характеристика "недискретность". В данных случаях действие когнитивного механизма конкретизации приводит к активизации частной характеристики "параметричность".

На синтаксическом уровне языковыми механизмами концептуализации количества являются конструкции, имеющие системное количественное значение: *used to /would + Infinitive*; *be /get used to + Gerund*. Данные конструкции выражают обобщенный смысл "неточное количество".

Реальные контексты употребления этих конструкций позволяют считать их синонимичными – они используются для выражения привычных повторяющихся действий в прошлом. В предложении-высказывании они выражают смыслы “регулярно/ часто повторяющееся действие в прошлом” и “привычное действие в прошлом”, например, *I used to pick up five dollars now and then riding guard (L. Short); ... and he turned his thoughts towards the best method of eradicating the remains of my melancholy, which every now and then would return by fits (M. Shelley)*. В основе формирования выделенных смыслов лежат частные характеристики “повторяемость” и “частотность”, которые фокусируются в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО на фоне профилирующейся базовой характеристики “дискретность”, * и характеристика “неопределенность” в содержании концепта, лежащего в основе категории “неопределенность”. Их выделение происходит под влиянием семантического и контекстуального (в примерах подчеркнут) факторов.

Предпринятый анализ свидетельствует о том, что грамматическая концептуализация количества приводит к формированию вербализованного знания о языковых формах, их значениях и категориях, которые отражают специфику языковой организации и представления знаний о количестве в языке.

Анализ условий активизации концептуальных характеристик в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО позволил установить, что в результате действия когнитивных механизмов, свойственных каждому конкретному уровню, в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО константно и регулярно активизируются наиболее абстрактные концептуальные характеристики “дискретность” и “недискретность”. Это послужило основанием для отнесения их к базовым. Дополнительные, нерегулярные характеристики в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО, уточняющие различные аспекты базовых характеристик, трактуются как частные.

Выявленные в ходе настоящего исследования концептуальные характеристики позволили смоделировать содержание концепта КОЛИЧЕСТВО и проследить, что взаиморасположение и активизация указанных характеристик в содержании концепта КОЛИЧЕСТВО не имеет строгой последовательности и носит случайный характер, зависящий от условий формирования. В ходе исследования было установлено, что многочисленные средства концептуализации количества, разнообразные когнитивные механизмы и дополнительные лингвистические факторы объединены функцией формировать содержание концепта КОЛИЧЕСТВО, представленное совокупностью его базовых и частных характеристик.

Проведенное исследование показало, что знание о количестве структурируется и осмысливается в языке как понятие о количестве вообще, понятие о количественных характеристиках группы предметов и понятие о количественных характеристиках статического и динамического признаков. Поскольку ни один концепт не может быть выражен в речи полностью, все языковые средства, репрезентирующие концепт КОЛИЧЕСТВО, отражают лишь часть его концептуального содержания в их совокупности и дают лишь частичное представление о содержании концепта КОЛИЧЕСТВО в сознании носителей языка.

Литература

- Иволгина С.В. Категория количественной квалификации действия в системе английского глагола: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2001.
- Лепская Н.И. Категория количества: её формирование в онто- и филогенезе // Структуры языкового сознания. М., 1990. С. 277-290.
- Резин И.Г. Возможности и пределы концептуального объяснения языковых фактов // Вопросы языкознания. 1996. № 5. С. 39-50.
- Сайфуллаев Н.М. Логический анализ понятия количества: дисс. ... канд. филос. наук. М., 1974.
- Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, M.A.: The MIT Press, 1984.
- Jackendoff R. *Semantic Structures*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.
- Jackendoff R. *Languages of the Mind. Essays on Mental Representation* // *Cognitive Linguistics*. 1996. P. 93-129.
- ALDCE - *The Advanced Learner's Dictionary of Current English* / A.S. Hornby. Oxford University Press, 1992
- COBUILD - *Collins Cobuild English Dictionary*. Willam Collins Sons & Co Ltd., 1990.
- LDCE - *Longman Dictionary of Contemporary English*. Longman Corpus network, 2001.

О.В. Федотова

ЗНАНИЯ О СИТУАЦИИ ПРИКОСНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается совокупность знаний о ситуации прикосновения и способы репрезентации этих знаний в современном английском языке.

The author analyses the system of knowledge about the situation of touching and possible ways of its representation in modern English.

Знания о явлениях и предметах окружающей действительности, преломляясь сквозь “призму” сознания человека, находят свое представление в языке. Целью данной статьи является рассмотрение совокупности знаний о ситуации прикосновения и способов репрезентации этих знаний в современном английском языке. Знания человека о ситуации прикосновения и сопряженный с прикосновением опыт с течением времени могут расширяться и изменяться, следовательно, у человека на протяжении всей жизни формируется определенный “квант знаний” о ситуации прикосновения, который отражает в его сознании ситуацию прикосновения и при помощи соответствующих единиц репрезентирует их в языке. Этим “квантом знаний” является концепт ПРИКОСНОВЕНИЕ, содержание которого объединяет в себе всю возможную информацию о ситуации прикосновения, ее участниках, цели, результате, способе производства самого действия прикосновения и т.д. В основе этих данных лежит общечеловеческий опыт, сопряженный с прикосновением, в тоже время он дополняется индивидуальными знаниями каждого отдельного человека, его личным опытом. Ежедневно человек сталкивается с различного рода прикосновениями. Таким образом, на основе чувственного опыта и предметно-практической деятельности у него формируется представление об исследуемом действии, которое на языковом уровне находит то или иное выражение.

Как любой другой концепт, концепт ПРИКОСНОВЕНИЕ имеет определенный набор концептуальных признаков, отличающих его от других концептов и отражающих объективные и субъективные характеристики предметов и явлений. Исходя из этого, структура концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ формируется двумя группами признаков: объективно-ориентированными, которые отражают объективную сторону содержания концепта с точки зрения его онтологических характеристик, и субъективно-ориентированными, которые являются абстрактными признаками и находятся в отношении производности к признакам первого уровня.

Анализ словарных толкований лексических единиц, которые являются ключевыми в тезаурусном ряду, соотносимом с концептом ПРИКОСНОВЕНИЕ (*сущ. touch* и *гл. touch*) дает возможность выявить ряд характеристик, присущих исследуемому концепту.

Touch (noun) – act or fact of touching [OALD: 410].

Touch (verb) – be in contact with, bring a part of the body into contact with [OALD: 410].

Touch (noun) – [ACT OF TOUCHING] – what you do when you put your hand or another part of your body on or against something or someone either deliberately or not [LDOCE: 1529].

Поскольку прикосновение трактуется в словарях через понятие “действие”, а частью речи, которая номинирует действия и процессы, является глагол, то выявление основных характеристик исследуемого концепта целесообразно проводить, прежде всего, через анализ именно глаголов, репрезентирующих концепт ПРИКОСНОВЕНИЕ на языковом уровне.

Обобщив словарные толкования глаголов со значением прикосновения, можно утверждать, что любой акт прикосновения подразумевает установление контакта между двумя соприкасающимися объектами, которое невозможно без сокращения расстояния между этими объектами. Это приводит к тому, что, либо один из объектов движется навстречу другому, либо они движутся навстречу друг другу для установления контакта, прикосновения. Отсюда следует, что прикосновение, так или иначе, связано с движением.

Связь прикосновения с движением проявляется и в тех случаях, когда прикосновение ведет к перемещению объекта, на который оно направлено, либо, когда один объект перемещается по поверхности другого объекта. В последнем случае речь идет о непосредственном прикосновении. Прикосновение может иметь опосредованный характер. В этом случае субъект прибегает к использованию какого-либо инструмента для воздействия на объект прикосновения.

Таким образом, к числу признаков объективного характера, конституирующих содержание концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ с точки зрения его онтологии, можно отнести “контакт”, “перемещение”, “использование инструментов”, что подтверждается словарными дефинициями глаголов с общим значением прикосновения.

К субъективно-ориентированным признакам можно отнести “количественную оценку” прикосновения, которая базируется непосредственно на чувственном опыте, как субъекта, так и объекта. Наличие данного признака подтверждается словарными дефинициями

глаголов прикосновения, за счет использования в них соответствующих прилагательных и наречий, выражающих, например, силу воздействия на объект или скорость, внезапность производимого прикосновения.

Выявление дополнительных характеристик концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ возможно при помощи анализа семантики глаголов синонимического ряда (*push, squeeze, polish, smooth* и др.). В лексических значениях указанных глаголов фиксируются различные характеристики прикосновения, такие как тип, способ, результат и т.д. Основываясь на характеристиках исследуемого концепта, можно выделить следующие содержательные признаки: “непосредственный физический контакт”, “опосредованный физический контакт (с использованием различных инструментов) между субъектом и объектом”, “воздействие на объект с целью его перемещения”, “воздействие на объект с целью изменения его формы или размеров”, “приведение объекта в определенное состояние”.

Для того, чтобы понять, какие факторы влияют на формирование содержания концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ, необходимо помимо лингвистических данных привлечь знания о прикосновении, имеющиеся в исследованиях других областей науки, таких, как физиология, нейрофизиология, психология. Следует отметить, что нас интересуют не все данные этих наук относительно прикосновения, а лишь те, которые фиксируются сознанием, хранятся в памяти и реализуются на языковом уровне, т.е. данные, которые имеют существенное значение для анализа концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ.

В психологии прикосновение рассматривается как контакт какого-либо объекта с телом (человека) или ощущения, сопряженные с этим контактом [PDP 1995: 805]. Дж. Миллер в своей книге «Language and Perception» трактует прикосновение как ситуацию, в которой два “дискретных” объекта расположены таким образом, что расстояние между ними сокращено до нуля. Он же полагает, что сама идея прикосновения представляет собой более сложное явление, поскольку два объекта могут соприкоснуться не всей своей поверхностью, а только в одной точке (в одном месте) [Miller 1976: 61]. Обобщив приведенные факты, можно сделать вывод о том, что ситуация прикосновения предполагает наличие двух объектов окружающей действительности и контакт между двумя этими объектами может иметь “локальный” характер. Подтверждением этому служит и определение понятия “контакт”, которое трактуется Советским Энциклопедическим Словарем через понятия “соприкосновение” и “место соприкосновения” [СЭС 1988: 622].

Соприкасаться могут не только неодушевленные объекты, но и люди, которые в процессе прикосновения могут испытывать различные

ощущения. Ощущения может испытывать как человек, который подвергается прикосновению, так и тот, который осуществляет это прикосновение. Следовательно, прикосновение имеет двойственную природу, т.е. с одной стороны, оно может рассматриваться как воздействие, а с другой – как ощущение. Прикосновение выполняет когнитивную функцию, поскольку с точки зрения тактильного восприятия оно служит источником информации об окружающем мире (не только для незрячих людей). Прикасаясь к различным объектам окружающей действительности, мы получаем сведения об их форме и свойствах (вес, фактура, температура и т.д.), а также об их положении в пространстве. Так, Дж. Миллер отмечает, что для получения такого рода информации прикосновение даже более важно, чем зрение [Miller 1976]. Таким образом, прикосновение связывает человека с внешним миром.

Ф. Джелдард в рамках исследования человеческих ощущений рассматривает ощущения человека, вызванные давлением, среди которых он выделяет определенные образцы, такие как прикосновение (touch), контакт (contact), легкое прикосновение (tickle), глубокое воздействие (deep pressure) и т.д. [Geldard 1972: 290].

Поскольку, как уже было отмечено, одним из способов формирования концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ является чувственный опыт, то логично предположить, что ситуации прикосновения могут быть каким-либо образом сопряжены с переживанием определенных эмоций. Чувства и эмоции являются результатом отношения человека к тому, что его окружает [Шаховский 1987]. Переживание человеком тех или иных чувств и эмоций, отражается на выборе конкретной языковой единицы для репрезентации действия прикосновения на языковом уровне. Следует отметить, что эмоции могут выступать мотивирующей основой деятельности человека [Изард 2000: 39], поэтому не только прикосновение может вызвать у человека определенные чувства и эмоции, но и переживание определенных чувств может побудить человека к действию прикосновения. Данный факт находит отражение в систематизации видов прикосновений, которая проводилась в психологии в рамках исследования этики прикосновения. Среди выделенных Э. Смитом видов прикосновения мы находим:

случайное, непреднамеренное прикосновение (например, неожиданное столкновение во время передвижения);

прикосновение как маркер внимания при разговоре (например, прикосновение к ладони, колену или плечу для привлечения внимания партнера);

социальное прикосновение (например, пожатие руки или легкое объятие при приветствии или прощании) и другие [Smith 2001].

Последние две разновидности прикосновения имеют коммуникативную направленность, следовательно, прикосновение может реализовывать не только когнитивную, но и коммуникативную функции.

Таким образом, привлечение экстралингвистических данных дает нам более полное представление о прикосновении как феномене объективного мира, о знаниях и человеческом опыте, которые сопряжены с ним и которые определяют содержание концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ, одним из способов репрезентации которого в языке являются лексические единицы, поскольку именно лексика является «первейшим средством отражения в языке опосредованной сознанием действительности» [Слюсарева 1986].

Разрозненные знания о ситуации прикосновения упорядочиваются фреймом ПРИКОСНОВЕНИЕ, который являясь структурированным концептом, отличается более жесткой, логически организованной структурой и отражает представление о стереотипной ситуации прикосновения. Ситуация прикосновения подразумевает совершение некоторого действия прикосновения, а частью речи, которая номинирует действие, является глагол. Из этого следует, что глаголы, номинирующие действия прикосновения, передают информацию о различных ситуациях прикосновения, а следовательно, вербализуют неязыковые знания о ситуации прикосновения. Глагол, как известно, является организующим центром предложения-высказывания.

В существующих семантических классификациях глагола [Сильницкий 1986, Толковый словарь русских глаголов 1999 и др.] глаголы прикосновения, как правило, относятся к глаголам физического воздействия и в целом принадлежат лексико-семантическому классу “действие”, что дает основания положить в основу конструирования структуры фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ структуру акционального фрейма, как наиболее общей модели представления знаний, репрезентируемых глаголами действия.

Компонентами фрейма акционального типа являются несколько предметов, наделенных семантическими ролями. Эти роли соотносятся с глубинными семантическими падежами: агенс, инструмент, пациенс, цель, причина, следствие, результат и т.п. (см. [Филлмор 1981]). Как известно, семантические роли отражают характер отношений между предметными сущностями, среди которых одна, наделенная ролью агенса, является центральной.

Всё это делает возможным выявление компонентов фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ на основе анализа предложений-высказываний, центром которых выступают глаголы с общим значением прикосновения. Результаты анализа свидетельствуют о том, что в структуре фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ можно выделить такие компоненты как: “субъект прикосновения”, “предикат прикосновения”, “объект прикосновения”, которые являются облигаторными компонентами фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ, т.е. всегда справедливы для ситуации прикосновения и обязательно репрезентируются на языковом уровне при передаче любых ситуаций прикосновения. Облигаторные компоненты исследуемого фрейма передают стереотипное представление о ситуации прикосновения. В предложениях-высказываниях, в которых реализуется синтаксическая модель: “субъект прикосновения” + “предикат прикосновения” + “объект прикосновения”, в фокусе внимания находится сам факт прикосновения.

В качестве субъекта прикосновения могут выступать: человек или животное, части их тел, а также неодушевленные объекты окружающего мира и явления природы. В качестве объекта, как правило, выступают человек, животное или части их тел, а также неодушевленные объекты окружающей действительности. На языковом уровне как субъект, так и объект могут быть выражены существительными (собственными или нарицательными), а так же личными местоимениями. Предикат содержит информацию о самом действии прикосновения и отражает взаимосвязь остальных компонентов фрейма. На языковом уровне он выражен глаголом соответствующей семантики.

К числу факультативных компонентов, которые не являются фиксированными и могут активизироваться, конкретизируя общую структуру фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ в каждой определенной ситуации относятся: “способ прикосновения”, “цель прикосновения”, “причина прикосновения”, “результат прикосновения”, “инструмент прикосновения”, “средство прикосновения”, “траектория прикосновения”, “место прикосновения”, “частотность прикосновения”, “продолжительность прикосновения”, “сопутствующее прикосновению обстоятельство”. Факультативные компоненты фрейма обеспечивают широкую вариативность дополнительных знаний о ситуации прикосновения, а также способов их репрезентации на семантическом и синтаксическом уровнях.

Способность к выдвиганию на первый план одних факультативных компонентов, в то время как другие факультативные компоненты уходят на задний план, обеспечивает возможность фокусирования внимания на отдельных аспектах, значимых для конкретной ситуации прикосновения.

Облигаторные компоненты										
СУБЪЕКТ			ПРЕДИКАТ				ОБЪЕКТ			
Человек / часть тела человека Животное / часть тела животного Неодушевленные объекты Явления природы			Прикасаться				Человек / часть тела человека Животное / часть тела животного Неодушевленные объекты			
СПОСОБ	ЦЕЛЬ	ПРИЧИНА	РЕЗУЛЬТАТ	ИНСТРУМЕНТ	СРЕДСТВО	ТРАЕКТОРИЯ	МЕСТО	ЧАСТОТНОСТЬ	ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ	СОПУТСТВУЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО
Факультативные компоненты										

Однако свойства фрейма таковы, что он способен не только к переструктуризации, но и к взаимодействию с другими фреймами за счет наличия компонентов, общих для фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ и смежных с ним фреймов. Смежными фрейму ПРИКОСНОВЕНИЕ являются фреймы ДВИЖЕНИЕ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, ОЩУЩЕНИЕ. Подобное взаимодействие обуславливает способность глаголов, не имеющих значения прикосновения на системном уровне, приобретать его на функциональном уровне и, таким образом, репрезентировать фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ является такой структурой, которая позволяет объединить в единую категорию как глаголы с системным значением прикосновения, так и глаголы других лексико-семантических групп, способных на функциональном уровне приобретать значение прикосновения. Отсюда следует, что категорию глаголов с общим значением прикосновения можно представить как категорию, организованную по полевому принципу, в которой условно могут быть выделены три зоны:

1) ядерная зона, в которую вошли глаголы, которые имеют указание на прикосновение в качестве своего первого значения в дефинициях в большинстве толковых словарей (*touch, dab, kick, pat, slap* и др). Глаголы

этой зоны наиболее широко вербализуют всевозможные разновидности прикосновения, многочисленность и разнообразие которых обусловлено различием в способах прикосновения, его целях и результатах, использованием или неиспользованием вспомогательных инструментов и зависит от того, кто или что является участником ситуации прикосновения.

2) зона ближайшей периферии, которая включает глаголы, значение прикосновения которых в толковых словарях зафиксировано, но не является основным (*brush, catch, lean, rest, take* и др.) Эти глаголы активизируют компоненты фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ в определенном контексте, т.е., когда в качестве субъекта и (или) объекта выступает человек или часть его тела.

3) зона дальней периферии, которая образована глаголами, системное значение которых никак не связано с прикосновением (*be, have, place, taste, tug* и т.д.). Глаголы, составляющие зону дальней периферии, принадлежат другим лексико-семантическим группам и приобретают значение прикосновения только на функциональном уровне. Эти глаголы могут актуализировать не все компоненты фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ, а лишь те, которые являются общими как для фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ, так и для смежных с ним фреймов.

Кроме того, следует отметить, что анализ словарных дефиниций позволяет выявить, что в семантике глаголов с общим значением прикосновения могут быть заложены один или несколько компонентов фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ. В семантике отдельных глаголов (*finger, palpate, paw*) заложены как облигаторные, так и факультативные компоненты. В семантике других глаголов заложены лишь факультативные компоненты, число и комбинации которых разнообразны. В комбинаторике заложенных компонентов можно выделить определенные тенденции, на основе которых была разработана субкатегоризация глаголов с общим значением прикосновения. Подавляющее большинство глаголов прикосновения содержат в своей семантике указание на инструмент прикосновения и (или) способ прикосновения как наиболее релевантные характеристики прикосновения, что соответствует знаниям о ситуации прикосновения.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что все те общечеловеческие знания и индивидуальный опыт, сопряженный с ситуацией прикосновения, которые человек накапливает в течение своей жизни, имея разрозненный характер, объединяются концептом ПРИКОСНОВЕНИЕ. Фрейм же ПРИКОСНОВЕНИЕ упорядочивает эти знания, придавая им более жесткую, но в тоже время гибкую структуру, способную отражать различные аспекты ситуации прикосновения. Одним из способов языковой репрезентации знаний о ситуации прикосновения является глагольная лексика с общим значением прикосновения.

Литература

- Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 2000.
- Сильницкий Г.Г. Семантические классы глаголов в английском языке. Смоленск, 1986.
- Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М., 1986.
- Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 1999.
- Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
- Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987.
- Geldard F.A., Frank A. The Human Sense. N.Y., 1972.
- Smith E.W.L., Clance P.R., Imes S. Touch in Psychotherapy: Theory, Research, and Practice. N.Y., 2001.

Е.Г. Орлянская

ЗНАНИЯ О СИТУАЦИИ ОТЧУЖДЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ИХ ЯЗЫКОВОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена исследованию логико-философских аспектов семантической категории отчуждения и описанию ее языковой онтологии, проводимых на базе теоретической модели функционального описания языка, специфика которой заключается в том, что объект изучается с точки зрения закономерностей его функционирования, его связей с окружающей средой.

The article is dedicated to the analysis of logical-philosophical aspects of the semantic category of alienation and the description of its linguistic ontology on the basis of the theoretical model of the functional description of the language. The specificity of this scientific approach is that the object is studied from a perspective of its functional laws and its links with the environment.

Смещение фокуса лингвистических исследований в направлении от "человек в языке" к "язык в человеке", свидетельствующего о смене концептуальных схем теории языка, становится доминирующей тенденцией и знаменует собой становление антропологической лингвистики. Перестановка составляющих этой диады имеет принципиальное значение не только для теории языка, но и для новых поисков манифестации мира человека в языке, для вычленения и обоснования новых семантических пространств в их тесной взаимосвязи в реальном и виртуальном бытии человека [Антропологическая лингвистика 2003].

Определенное место в антропологической лингвистике занимает проблема семантики эгоцентрических категорий, активно разрабатываемая в последние десятилетия (см.: [Малинович 1989, Хантакова 1991, Фурс 1995, Агеева 1998, Прожилов 1999, Топка 2000, Палкевич 2001, Виноградова 2001, Арская 2002]). Содержательная сущность таких категорий, к числу которых относятся категории бытия, обладания, воли, желания, эмоциональной экспрессии, соматических состояний и др., определяется психофизиологической и социальной организацией человека и его ценностными ориентациями в универсуме и создает образ человека по данным языка, поскольку «...человек отразил в языке все, что узнал о себе и захотел сообщить другому: свой физический облик, свое отношение к предметному и непредметному миру, свои действия, свое отношение к другому человеку» [Арутюнова 1999: 3].

Данная статья посвящена семантической категории отчуждения и ее актуализации в современном немецком языке. Категория отчуждения представляет собой концептуально объемную категорию, характеризующую intersubъектные отношения, в основе которых лежит отношение к объектам собственности (или шире – личной сферы). Отражая имущественный модус существования человека, данная категория обсуждается в ряде наук – философии, юриспруденции, социологии, психологии, в том числе и лингвистике [Ситников 1962; Кон 1967; Курелла 1970; Кветной 1974]. Интерес к ней обусловлен общей тенденцией гуманитарных наук переосмыслить место человека и человечества в мире в третьем тысячелетии и разрешить извечный вопрос философии «Иметь или быть?», поставленный в трудах многих ученых [Хайдеггер 1993; Фромм 1998]. Анализ феномена отчуждения, в том числе с позиций науки о языке, приобретает особую значимость и в связи с исследованием отношений обладания, которые наряду с отношениями бытия, а также соотносимыми с ними отношениями принадлежности, посессивности и партитивности, лежат в основе соответствующих категорий философии и логики.

Исходным пунктом категории отчуждения является право, то есть правовое отражение практики имущественных отношений, появившееся еще в рабовладельческом обществе. Если отвлечься от наиболее ранних стадий существования человека (когда подобно существованию животного, присваивающее хозяйствование первобытных собирателей поддерживалось отчуждением вещей, уже имевшихся в природе), то всякое отчуждение предполагает, что нечто ЧУЖОЕ существует лишь как отчужденное от другого СВОЕ. Эквивалентом исследуемого термина выступают латинские слова *alienatio*, *alienus*, *alienare*, обозначающие отчуждение, связанное с собственностью на вещи, ее передачей из одних

рук в другие или ее лишением, то есть “отчуждать” означает сделать кому-то чужим нечто, бывшее ранее его собственным, отобрать или изъять в соответствии с имущественным правом. Названное значение термина “отчуждение”, являющееся его прототипическим значением, закреплено также в современных словарях: *Отчуждение* (юридическое), в гражданском праве – передача имущества в собственность другого лица; один из способов осуществления собственником правомочия распоряжения своим имуществом. Различаются отчуждение возмездное (купля-продажа) и безвозмездное (дарение) [СЭС 1983].

Отчуждение является категорией персональной и институциональной одновременно, поскольку, с одной стороны, оно ориентировано на эго человека, простирающееся в различные ментальные и физические сферы его бытия и определяющее способы его организации, и с этой позиции связано с пристрастным отношением человека к реальному миру во всем многообразии его форм существования. С другой же стороны, категория отчуждения определяется спецификой социальной организации человека и его ценностными ориентациями в социуме, позволяющими построить его отдельно взятый микромир в макромир общества.

Категория отчуждения представляет собой категоризованное человеческим сознанием взаимодействие между двумя мирами – “своим” и “чужим”, интерпретируемыми как личные сферы двух субъектов. Оно возникает при введении и выведении ими объектов из одной сферы в другую. Результатом такого взаимодействия является, с одной стороны, интериоризация (присвоение), то есть включение субъектом “своего” мира объектов “чужого” мира, а с другой – экстериоризация (самоотчуждение), то есть исключение субъектом “своего” мира объектов, лежащих в границах его пространства, и перемещение их в “чужой” мир.

Расширенное толкование терминов “свое (собственное)” и “чужое” и распространение их на явления, лежащие за сферой собственности, приводит к выделению в основе категории отчуждения бинарной оппозиции “свое/чужое”, отражающей один из фундаментальных семиотических принципов членения универсума на два мира – “свой” и “чужой”. Взаимодействие между данными мирами означает связь посессивного, экзистенциального и пространственного значений, поскольку возникновение посессивных отношений между субъектом и отчуждаемыми объектами обусловлено экзистенцией последних (чтобы обладать, надо быть), а это, в свою очередь, предполагает их пространственную реализацию. В этой связи в качестве смысловой доминанты семантической категории отчуждения выделяется признак пространственного перемещения объекта из одной личной сферы в другую; в качестве второстепенных категориальных

признаков выделяются: 1) контролируемость/ неконтролируемость; 2) временная ограниченность/неограниченность.

Рассмотрение семантических категорий вместе с системой средств их выражения в том или ином языке вызывает необходимость обратиться к понятию функционально-семантического поля. В отличие от семантической категории как понятия, целиком относящегося к плану содержания, поле представляет собой понятие, соотношенное с единством двусторонним, содержательно-формальным, охватывающим конкретные средства данного языка со всеми особенностями их формы и содержания [Бондарко 1971, 1978].

Отчуждение, возникающее между субъектами двух указанных сфер при перемещении ими объектов из одной личной сферы в другую, может выражаться в немецком языке с помощью глаголов типа *nehmen, bekommen, geben, verlieren* и т.д. При этом значение отчуждения может эксплицитно выражаться в речевом высказывании, во внешней рамке предложения, например, при отчуждении объектов неотторжимой собственности: *Mann wird dir nicht gleich den Kopf abreißen* (БНПС 1980), а может и имплицироваться в семантике самого глагола, например: *Er wurde enthauptet*.

Кроме глагольной лексики, средствами выражения отчуждения являются также имена существительные, обозначающие: а) процесс или результат отчуждения: *die Privatisierung, die Enteignung, der Verkauf, der Diebstahl* и т.д. Например: *Die Staatsanwaltschaft in Regensburg will bei den Ärzten den Gewinn abschöpfen, den sie mit dem Verkauf illegaler Tiermedikamente erzielt haben sollen* (Spiegel). *Nur der Diebstahl geistigen Eigentums wird in Deutschland überhaupt nicht bestraft* (Wirtschaftswoche); б) участников ситуации отчуждения: субъекта отчуждения – *der Verkäufer, Vermieter, Dieb, Räuber*, контрагента отчуждения – *die Witwe, die Waise* и т.д.: *Wie können sie behaupten, dass meine Braut eine Diebin ist! Marie hat niemals gestohlen* (Neutsch).

На словообразовательном уровне маркерами отчуждения выступают, как правило, отделяемые и неотделяемые префиксы со значением "лишать, отделять": *ent-, weg-, ab-* и аффикс *-los*. Так, *ent-* неотделяемый префикс глагола, указывает на удаление, движение из исходной точки, на лишение, например, *entmilitarisieren* – демилитаризовать, *entmachten* – лишать могущества, *entpersönlichen* – обезличить.

Среди лексических единиц такого рода, имплицированных в своей семантике значение отчуждения, имеет место и целый ряд прилагательных, образованных с помощью аффикса *-los*. Согласно немецкоязычным словарям [БНПС, DUW, LG, WDW], основное значение данного суффикса

состоит в указании на отсутствие чего-либо. Это значит, что при сочетании с именами существительными как конкретной, так и абстрактной семантики аффикс *-los* отрицает то содержание, которое выражается корнем (основой) данных лексем, например, *die Arbeit – arbeitslos* или *das Problem – problemlos*. Однако при сочетании с именами абсолютно неотторжимой принадлежности значение суффикса *-los* может определенным образом модифицироваться и указывать на результат неконтролируемого отчуждения. Так, интерпретация словосочетания *beinloser Mensch* как “человек, не имеющий ног”, будет не совсем правомерна, поскольку все части тела человека являются врожденными, принадлежат ему объективно и составляют предметное воплощение его “Я”. Поэтому аффикс *los-* в прилагательном *beinlos* будет указывать не на факт отсутствия ног у человека, а на факт того, что до какого-то момента времени объект неотторжимой собственности находился в микросфере человека “Я как тело”, а затем, в силу каких-то причин, был исключен из нее. То же самое можно сказать о сочетании рассматриваемого аффикса с объектами относительно неотторжимой собственности. Например, словосочетание *zahnloser Mann* с учетом вышесказанного будет трактоваться не как “мужчина, не имеющий зубов”, а как “мужчина, утративший зубы” (*der Mann, der Zähne eingebüßt hat*).

Представляется, что способы названия целого по его части зависят от важности этой части для целого и от вида этого целого. Как следствие, иерархия структуры семантических признаков, соотносящаяся с иерархией структуры денотата, влияет на способы номинации и, тем самым, на типы значений формально аналогичных образований, например, сочетание *handloser Mann* (безрукий мужчина) можно интерпретировать, во-первых, как “лишенный руки мужчина”, а во-вторых, как “мужчина без возможностей”. В то же время предложение *Mein Nachbar ist ein kopflloser Mann* понимается не как “Мой сосед – мужчина без головы”, а как “Мой сосед – глупый (забывчивый) мужчина”. Разделяя точку зрения М.А. Журиной, мы считаем, что в основе внутренней специфики рассмотренных имен прилагательных заложена их способность к метафоризации разных типов отношений между обозначаемыми, которая отражается на способе мышления носителей языка (см. [Журиная 1979]).

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что семантическая категория отчуждения выражается в современном немецком языке различными средствами, среди которых глагольная лексика занимает доминирующее положение. В ходе семантической структуризации было выявлено, что функционально-семантическое поле отчуждения характеризуется моноцентричностью, имеет сложноструктурированное стабиль-

ное ядро и подвижную периферийную часть, охватывающую зоны ближней и дальней периферии.

Сложноструктурированность ядра поля отчуждения заключается в том, что в нем имеют место центральная и периферийная зоны. В центральную часть ядра были выделены четыре глагола: *nehmen*, *geben*, *bekommen* и *verlieren*, соотносящиеся между собой как формы актива и пассива. Данные глаголы характеризуются широкозначностью, они в наиболее общем виде выражают идею отчуждения объекта и концентрируют в своем содержании большинство категориальных признаков отчуждения. В основе исходных семантических особенностей данных глаголов лежит статус их архетипов в иерархии базовых концептов личной сферы субъекта, отражающих различные степени категоризации его познавательного опыта.

Объединяющим моментом для глаголов *nehmen* и *bekommen*, так же как для глаголов *geben* и *verlieren* служат: а) признак пространственности, б) характеристика денотата подлежащего как потенциального посессора (для глаголов *nehmen* и *bekommen*) и как реального посессора (для глаголов *geben* и *verlieren*) [Селиверстова 1983]. Действительно, анализируемые глаголы в своих значениях несут информацию о том, что объект Y до описываемого момента времени t₁ находился за пределами личной сферы субъекта X-а, но в какой-то момент t₂ объект Y был включен в существование X-а. Единственное различие между указанными глаголами связано с тем, определяется ли включение действием самого субъекта или же действием некоторой, внешней по отношению к нему, силы. Так, например, *Er selber hatte sein Vermögen und seine besten Jahre verloren im Kampf für die amerikanische Freiheit* [НРСС]. Если трансформировать данное предложение, используя глагол *geben*, то получится: *Er hatte sein Vermögen und seine besten Jahre dem Kampf für die amerikanische Freiheit gegeben*. Таким образом, признак контролируемости / неконтролируемости служит дифференциальным признаком, позволяющим разграничивать ядерные глаголы в составе семантического поля отчуждения

Кроме перечисленных глаголов, которые составляют центральную часть ядра семантического поля отчуждения, мы выделили ряд глаголов, которые определяются через глагол *nehmen* в своих первых значениях и являются с ним взаимоопределяемыми, и отнесли их к периферийной части ядра. Таким требованиям отвечают четыре глагола, а именно: *greifen*, *ergreifen*, *fassen*, *packen*. Приведем фрагмент дефиниций данных глаголов:

GREIFEN	<ul style="list-style-type: none"> – mit der Hand oder einem Werkzeug nehmen, fassen, erfassen, packen (WDW);] nehmen – ergreifen, [in die Hand, packen (DDUW); – sich etwas nehmen; die Hand nach etwas ausstrecken und es festhalten oder versuchen es, mit der Hand zu fassen (LG); – erfassen, anrhren (WuW);
ERGREIFEN	<ul style="list-style-type: none"> – nach etwas greifen und es festhalten, packen, erfassen, in die Hand nehmen (WDW); – mit der Hand nach einer Person/Sache greifen und sie festhalten, [zu einem bestimmten Zweck] in die Hand nehmen (DDUW); – j-n / etwas mit der Hand fassen und festhalten (LG);
FASSEN	<ul style="list-style-type: none"> – ergreifen, packen, nehmen, erwischen (WDW); – ergreifen und festhalten (DDUW); – eine Person/Sache (mit der Hand) greifen und sie festhalten (LG); greifen, ergreifen (WuW).

Как видно из приведенных дефиниций, данные глаголы демонстрируют наличие круговых определений. Это свидетельствует о том, что глаголы, выделенные в качестве ядерных, образуют единую группу. На наш взгляд, указанная группа может быть расширена за счет включения глаголов *erfassen* и *packen*, которые, хотя и не содержат в своих дефинициях глагол *nehmen*, являются *взаимоопределяемыми* с глаголами *greifen*, *ergreifen*, *fassen*. Кроме того, данный список может быть дополнен глаголами *bekommen* и *erhalten*, см.:

ERHALTEN	<ul style="list-style-type: none"> – j-m (als Äquivalent, Bezahlung o. A.) zuteil werden, etwas bekommen (DUW); – etwas bekommen, kriegen, bewahren (WDW); – in den Besitz von etwas kommen, das einem ein anderer gibt / schickt / schenkt ~ bekommen (LG); – bekommen, empfangen (WuW);
BEKOMMEN	<ul style="list-style-type: none"> – von j-m (als Geschenk, Belohnung, Auszeichnung o. A.) erhalten (DUW); – erlangen, erreichen, erhalten (WDW); – in den Besitz von etwas kommen, das einem ein anderer gibt / schickt / schenkt ~ erhalten, kriegen (LG); – erhalten (WuW).

Несмотря на определенное противопоставление по указанному признаку, имеющее место в семантике рассматриваемых глаголов, все они

обнаруживают в своих дефинициях одну общую сему – [ПЕРЕМЕЩАТЬ ИЗ ОДНОЙ ЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ДРУГУЮ], то есть:

In (die) Hand / (den) Besitz / (das) Eigentum	nehmen , greifen, ergreifen, fassen, bekommen, erhalten, <i>geben</i> .
---	--

В пространстве ближней периферии были выделены следующие ЛСГ глаголов:

1. ЛСГ глаголов с общим значением “покупать”: kaufen, abnehmen, einkaufen, anschaffen, erwerben, ankaufen (aufkaufen, abkaufen), ersteigern, ramschen, mitnehmen, einholen;

2. ЛСГ глаголов с общим значением “нанимать”: anstellen, einstellen, engagieren, anwerben, heuern;

3. ЛСГ глаголов с общим значением “юридическое отчуждение”: beschlagnahmen, abnehmen, pfänden, enteignen, expropriieren, konfiszieren, requirieren, säkularisieren; vergesellschaften, vergemeinschaften, in Volkseigentum überführen, sozialisieren, verstaatlichen, nationalisieren, kollektivieren, entziehen, absprechen, verhaften;

4. ЛСГ глаголов с общим значением “брать в долг”: borgen, leihen, sich ausleihen, erborgen, entleihen, sich ausborgen, pumpen, anpumpen;

5. ЛСГ глаголов с общим значением “отчуждать с применением физических усилий”: gewinnen, erlangen, verdienen, scheffeln, einhamsen, abhandeln, abfeilschen, а также rauben, berauben, entführen, kidnappen, plündern, ausrauben, ausplündern, brandschatzen, ausräubern, marodieren, fleddern, sich bemächtigen;

6. ЛСГ глаголов с общим значением “отчуждать с применением ментальных усилий”: herauslocken abschmeicheln, ablisten, abluchsen, erzwingen, abringen, abbetteln, abheucheln, abknopfen, ablotsen, ablausen, abschwatzen, ausspannen, erleichtern, rupfen, angeln, а также abschwindeln, ergaunern, erschwindeln, erschleichen, prellen, hereinlegen, begaunern, neppen, ausziehen, veruntreuen;

7. ЛСГ глаголов с общим значением “отчуждать в результате кражи”: sich bereichern, stehlen, entwenden, wegnehmen, klauen, stibitzen;

8. ЛСГ глаголов с общим значением “арендовать”: mieten, heuern, pachten, chartern;

9. ЛСГ глаголов с общим значением “сдавать в аренду”: vermieten; verpachten;

10. ЛСГ глаголов с общим значением “продавать”: verkaufen, veräußern, vertreiben, versteigern, absetzen, abstossen, versilbern, verramschen;

11. ЛСГ глаголов с общим значением "увольнять": entlassen, kündigen, abbauen, fortschicken, fortjagen, verabschieden, suspendieren, entheben, emertieren, rauswerfen;

12. ЛСГ глаголов с общим значением "отчуждать объект из сферы субъекта по официальному распоряжению": vererben, vermachen, verschreiben, hinterlassen;

13. ЛСГ глаголов с общим значением "давать в долг": leihen, borgen, ausleihen, verleihen, verborgen, beleihen, vorschießen, vorstrecken, ausborgen, pumpen;

14. ЛСГ глаголов с общим значением "дарить": schenken, beschenken, bescheren, bedenken, verehren, begnaden, spendieren;

15. ЛСГ глаголов с общим значением "передать": abgeben (übergeben), hinhalten, einhändigen (aushändigen), überreichen, zustecken, reichen (darreichen), langem;

16. ЛСГ глаголов с общим значением "терять объект": einbüßen, entbehren, kommen (um + Ak), verspielen, sich verscherzen, verwickeln.

При семантической интерпретации глагольных лексем, входящих в 16 лексико-семантических (тематических) групп, было выявлено, что отношения между ними носят квазисинонимичный характер. Под квазисинонимией понимается «гипонимия, на основе которой взаимосвязанные лексические единицы объединяются в тематические и лексико-семантические группы, подклассы и классы, семантические поля и семантические сферы, что находит своё выражение в структуре идеографических словарей» [БЭС 1998: 104]. В этой связи выделяются два основных типа квазисинонимичных различий: родо-видовые (wegnehmen-abschwindeln), когда имеют место отношения включения и видо-видовые (abschwindeln-abgaunern-erschleichen), когда наблюдается их пересечение.

Суммируем все вышесказанное в аспектах выяснения понятийной онтологии отчуждения, ее мотивационной реальности и актуализации в немецком языковом сознании. Номинантами отчуждения являются субстантивные и адъективные предикаты, составляющие дальнюю периферию функционально-семантического поля отчуждения. Номинантами действий являются глагольные предикаты, составляющие ядро и ближнюю периферию поля. Проанализированные семантические модусы отчуждения не исчерпывают его содержания. Отчуждение определенным образом манифестируется и в других семантических пространствах, например, таких как "воля" и "обладание".

Литература

- Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998.
- Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории: коллективная монография к юбилею член-корреспондента РАН, доктора филологических наук Н.Д. Арутюновой. Москва – Иркутск, 2003.
- Арская М.А. Семантическая категория эстетической оценки «Прекрасное – Безобразное» и ее онтология в современном немецком языке. Иркутск, 2002.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
- БНРС - Большой немецко-русский словарь: в 2-х томах. М.: Русский язык, 1980.
- Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. М.: Наука, 1971.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978.
- Виноградова Н.Г. Категория обладания и её языковая онтология в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001.
- Журиная М.А. О выражении значения неотторжимой принадлежности в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М.: Наука, 1979. С. 295 – 347.
- Кветной М.С. Человеческая деятельность: сущность, структура, типы (социологический аспект). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974.
- Кон И.С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
- Курелла А. Свое и чужое. Новое в проблеме соц. гуманизма / Пер. с нем. Т.А. Рябушкиной и Л.А. Киселева. М.: Прогресс, 1970.
- Малинович Ю.М. Экспрессия и смысл предложения: Проблемы эмоционально-экспрессивной синтаксиса. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1989.
- Палкевич О.Я. Языковой портрет феномена иронии (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001
- Прожилов А.В. Соматические состояния человека и их языковая онтология в современном немецком языке: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999.
- Селивёрстова О.Н. Экзистенциальность и possessивность в языке и речи: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983.
- СЭС - Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 2-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1983.
- Толка Л.В. Прагма-семантическая категория некатегоричности в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2000.
- Фромм Э. Иметь или быть? Киев: Ника-Центр, 1998.
- Фурс Л.А. Эмоционально-экспрессивные предложения квазипридаточной структуры в современном английском языке: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Иркутск, 1995.
- Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет: Пер. с нем. / Состав., переводы, вступ. статья, примеч. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993.
- Хантакова В.М. Синонимия эмоционально-экспрессивных предложений современного немецкого языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1991.
- Der Spiegel. 12.11.2001. Nr. 46.
- DUW - Duden. Deutsches Universalwörterbuch. / Hg. u. bearb. vom Wissenschaftl. Rat u. d. Mitarb. der Dudenred. 3., völlig neu bearb. erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996.
- LG - Langenscheidts Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache / Hg. von D. Götz, G. Haensch, H. Willmann. Berlin u. München: Langenscheidt KG, 1993.

Neutsch E. Spur der Steine. Halle (Saale): Mitteldeutscher-Verlag, 1966.

WDW - Wahrig, Deutsches Wörterbuch. Mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. völlig überarb., Neuausg. München: Verlagsgruppe Bertelsmann GmbH und Mosaik Verlag GmbH, 1986/1989.

Wirtschaftswoche. 25.04.96. Nr. 18.

Т.Н. Аносова

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ ЧЕРЕЗ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

В статье рассматриваются прецедентные феномены, характерные для научных экономических текстов. Автором выявляется их языковая и когнитивная специфика, моделируется когнитивная матрица ЭКОНОМИКА, выступающая когнитивным контекстом формирования и осмысления прецедентных феноменов; а также определяются и описываются когнитивные и языковые механизмы, обеспечивающие этот процесс.

The article deals with the problem of precedent phenomena typical of scientific texts on economics. The author describes their linguistic and cognitive specificity and designs the cognitive matrix ECONOMICS which serves as a cognitive context to form and understand precedent phenomena. Cognitive and linguistic mechanisms that provide for this process are also described.

На современном этапе развития лингвистическая наука характеризуется повышенным вниманием к изучению прецедентных феноменов, используемых в различных видах и типах текста. Особый интерес представляют исследования этих единиц в научных экономических текстах с позиций когнитивной лингвистики, позволяющей выявить специфику представления знаний человека, в том числе и научных, в языке. Изучение прецедентных феноменов в научных экономических текстах связано, в первую очередь, с рассмотрением основополагающих вопросов, касающихся исследований в области текста в целом и научного текста, в частности.

Основными подходами к изучению текста являются: структурно-грамматический, коммуникативно-прагматический, структурно-семантический и антропоцентрический, объединяющий такие направления, как психолингвистическое, прагматическое, деривационное, когнитивное и другие. В зависимости от целей исследования ученые по-разному определяют текст. В научных исследованиях, проводимых в рамках когнитивной лингвистики, текст понимается как результат дискурсивной

деятельности человека и рассматривается как категория, отличающаяся линейностью, целостностью, связностью, завершенностью, членимостью и упорядоченностью [Кубрякова 2001: 81].

Ученые, рассматривающие научный текст, ставили перед собой разные цели и задачи – от описания его исторического становления как текста особого стиля до определения стратегий понимания и интерпретации научного текста. В настоящей статье научный текст, вслед за Т.В. Дроздовой, рассматривается как «один из членов категории текста, в котором основные свойства (или текстовые категории), присущие тексту в целом, актуализируются специфически» [Дроздова 2003: 15]. Помимо этого научный текст служит средством хранения, развития и передачи научных знаний. Научный экономический текст, в свою очередь, понимается как тип научных текстов, специально создаваемый для передачи и развития научных экономических знаний.

Под научным знанием в работе понимается «законченный и оформившийся продукт познавательной деятельности» [Будко 1990: 57], отражающий существенные и необходимые признаки объектов и явлений, и отвечающий логическим, эмпирическим и экстралогическим критериям научности [Ильин 1989: 37–94]. Научные знания становятся достоянием общества благодаря языку науки, т.е. «материализуются» в научных текстах. Научные знания в целом и экономические знания, в частности, передаются в текстах при помощи терминологической и нетерминологической лексики. Последняя включает и прецедентные феномены.

. Согласно классификации, разработанной Д.Б. Гудковым и его коллегами [Гудков 2003], такие феномены относятся к социумно-прецедентным, т.е. они хорошо известны всем представителям экономического сообщества и обращение к ним постоянно возобновляется в речи представителей этого сообщества и в научных текстах экономической тематики: Социумно-прецедентные феномены характеризуются определенными признаками прецедентности. К числу основных таких признаков можно отнести следующие: «известность», отличающуюся такими характеристиками, как наличие знаний в определенной области, популярность и общепризнанность [Ожегов 1999: 238] и реализующуюся в английском языке за счет таких языковых механизмов, как: определенный артикль, тематическая позиция в высказывании и употребление фамилии автора без инициалов; «гештальтность», которая предполагает целостность восприятия без вычленения составных частей и может передаваться утвердительными предложениями в неопределенной форме, беспереводным употреблением иноязычных цитат, встроенностью языковых единиц в общую структуру предложения; «воспроизводимость

содержания”, т.е. постоянное возобновление единства всех основных элементов целого, его свойств и связей [Ожегов 1999: 743]. Реализуется в англоязычных текстах посредством устойчивых словосочетаний, сложных слов, словосочетаниями со словами абстрактной и событийной семантики; “стандартность формы”, выражающуюся в повторяемости в неизменном виде, шаблонности, устойчивости и реализующуюся при помощи словообразовательных моделей, графических и цифровых средств; “жесткую ассоциативность”, представляющую собой когнитивную связь между определенной языковой единицей и явлением, которое она номинирует. Этот признак прецедентности передается посредством ссылок и сносок; “частотность употребления”, предполагающую многократное применение. Этот признак прецедентности передается за счет сокращений и аббревиатур, употребления фамилий авторов без инициалов, определенного артикля и тематической позиции в высказывании.

Реализация этих признаков в научных экономических текстах посредством перечисленных языковых механизмов приводит к формированию прецедентных феноменов. К числу таких феноменов, как и в художественных текстах, относятся: прецедентное имя, прецедентное высказывание и прецедентная ситуация. В качестве специфических феноменов, характерных для научных экономических текстов, выделяются прецедентный факт и прецедентная модель.

Принимая во внимание определение имени, представленное в Логическом словаре-справочнике, как «языкового выражения (слова или сочетания слов), непосредственно обозначающего, называющего определенные объекты – предметы, явления, процессы» [Кондаков 1971: 172], можно говорить о том, что к числу прецедентных имен в сфере экономики принадлежат широко известные имена и фамилии экономистов, названия организаций, занимающихся экономической деятельностью и т.п.

Определение прецедентных высказываний, характерных для научных текстов в целом и экономических текстов, в частности, вызывает значительные трудности. Учитывая существующие определения высказываний в целом [Кондаков 1971: 89; ФЭС 1998: 81], и прецедентных высказываний, в частности [Захаренко 1997; Красных 2002; Гудков 2003], можно считать, что к числу прецедентных высказываний, используемых в научных текстах, относятся цитаты, выражающие мнения ученых-экономистов, латинские цитаты и частноотраслевые термины экономики.

Основываясь на определении ситуации как некоторого динамического события, приведшего к изменению начального положения, которое существовало до того, как оно произошло [Гудков 2003], а также на понимании прецедентной ситуации как некоей идеальной ситуации, когда-

либо бывшей в реальной действительности или принадлежащей виртуальной реальности созданного человеком искусства [Красных 2002], к числу прецедентных ситуаций экономического характера в работе относятся события и ситуации, оказавшие значительное влияние на экономическое развитие того или иного сообщества.

Под прецедентным фактом понимается положение, хорошо известное представителям экономического сообщества, не требующее дополнительных подтверждений и объяснений.

В научных экономических текстах наряду с вербальным изложением информации для ее кодирования используется большое разнообразие схем, диаграмм, графиков, таблиц, уравнений, формул и т.п. По словам Т.В. Дроздовой, они призваны «не просто иллюстрировать представленную средствами естественного языка информацию, но и выразить ее другим «языком», создать иной образ описываемого концепта или понятия» [Дроздова 2003: 53]. Средства этого «другого языка» могут быть названы прецедентными моделями, т.е. такими, которые широко используются, узнаются и правильно интерпретируются представителями научного экономического сообщества. Можно выделить два вида прецедентных моделей, которые находят свое выражение в научных текстах экономической тематики: теоретические и эмпирические, включающие статистические и математические экономические прецедентные модели.

Таким образом, прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации, прецедентные факты и прецедентные модели выступают одним из способов репрезентации экономических знаний в научных текстах.

Экономические знания, по утверждению Н.Н. Болдырева, имеют матричный формат и требуют особого метода изучения – когнитивно-матричного анализа [Болдырев 2007: 31]. Он предполагает выделение концептуальных областей осмысления языковых единиц. Проведенный анализ такого характера позволил смоделировать общую когнитивную матрицу ЭКОНОМИКА и, соответственно, выделить общие концептуальные области, выступающие когнитивным контекстом осмысления различных языковых средств представления экономических знаний. Поскольку в работе представлены прецедентные феномены, функционирующие в научных текстах, то экономика рассматривается, в первую очередь, именно как научная дисциплина. Однако необходимо учитывать и междисциплинарный характер экономической науки, и ее практическое применение. Это наводит на мысль о том, что общая когнитивная матрица

ЭКОНОМИКА состоит из двух частей: НАУКА ЭКОНОМИКА и РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА.

Поскольку научные экономические знания включают знания основных теоретических и эмпирических экономических исследований, фамилий ученых, работающих в рамках данной науки, теорий, законов, методов, научных школ, терминологии данной дисциплины и т.п., то когнитивная матрица НАУКА ЭКОНОМИКА объединяет следующие концептуальные области: “Теоретические исследования”, “Экономические теории” (“Собственно экономические теории”, “Экономические школы” и “Экономические эпохи”), “Экономические законы”, “Эмпирические исследования” (“Математические расчеты” и “Статистические обработки”), “Экономическая терминосистема”, “Общэкономические факты”, “Частные факты экономики исторического характера”. Они выступают когнитивным контекстом осмысления языковых средств, в частности прецедентных феноменов, репрезентирующих научные знания в экономических текстах.

Основываясь на результатах анализа фактического материала и определении экономики как народного хозяйства, включающего отрасли материального производства и непромышленной сферы [БЭС 1997], возможно представить когнитивную матрицу РЕАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА в виде объединения таких концептуальных областей, как: “Производственно-торговая деятельность”, “Финансовая деятельность”, “Непроизводственная сфера”, “Экономические ситуации”, “Неэкономические ситуации”. Эти области выступают когнитивным контекстом осмысления знаний неэкономического характера, передаваемых при помощи прецедентных феноменов. В этой связи следует упомянуть еще одну концептуальную область – “Неэкономические науки”. Этот контекст представляет собой отдельную, независимую область, которая, при необходимости, также может рассматриваться как отдельная когнитивная матрица.

Для всех феноменов характерны свои концептуальные области, в рамках которых происходит формирование их экономической прецедентности. Каждый из прецедентных феноменов, выступающих в качестве средства репрезентации научных экономических знаний, в единстве с концептуальными областями, играющими роль когнитивного контекста, образует свою частную когнитивную матрицу. Структура такой матрицы организована по принципу “ядро – периферия” [Болдырев 2007]. Ядром частной когнитивной матрицы является тот или иной прецедентный феномен (имя, высказывание, ситуация, факт, модель), а ее периферию образуют когнитивные контексты, а именно, концептуальные области, обращение к которым необходимо в процессе осмысления языковых единиц.

В англоязычных научных текстах экономической тематики представлены прецедентные имена трех типов: 1) прецедентные имена, изначально экономического характера, которые могут переходить в общий фонд знаний (*Keynes, Smith* и др.), 2) имена, прецедентные только в экономическом сообществе (*Rostowski and Auerbach* и др.), и 3) имена, прецедентные для обыденного сознания (*Stalin, Achilles, Gosbank* и др.).

Имена в экономических текстах могут становиться прецедентными в контексте теоретических исследований, отдельных экономических теорий и законов, а также различной экономической деятельности. Это обуславливает структуру частной когнитивной матрицы, выступающей когнитивным контекстом формирования и осмысления экономических прецедентных имен. Она объединяет такие концептуальные области, как: "Теоретические исследования", "Экономические теории" ("Собственно экономические теории", "Экономические школы", "Экономические эпохи"), "Экономические законы", "Производственно-торговая деятельность", "Финансовая деятельность" и "Непроизводственная сфера".

Формирование прецедентных имен в рамках перечисленных областей происходит за счет реализации основных признаков прецедентности. Так, известность и частотность употребления реализуются за счет целого ряда языковых механизмов: сноска (*See Grahl (1979) for a criticism of macro-econometric models. Also see Green (1979), where it can be seen that the theory of the consumption function affects the size of adjustments.* (B. Fine)), ссылка ((*Kornai, 1986; Rostowski and Auerbach, 1986; Gomulka and Rostowski, 1984*). (R.I. McKinnon)), тематического употребления имен в высказывании (*In Sargent's view, the policy regime of the post World War II U.S. economy has been one of stop and go, with an inflationary bias* (E. Dolan)).

Связь когнитивного контекста и прецедентного имени обеспечивается механизмом фокусировки внимания, заключающимся в том, что из ряда работ, проводимых учеными в рамках рассматриваемой проблемы, внимание адресата концентрируется именно на данном исследовании определенного автора.

Употребление определенного артикля (*the Sraffian school, the rule of thumb* и др.), фамилии автора без инициалов (*Okun, Ricardo*) или работы без выходных данных (*General Theory, Volume I Capital*), в свою очередь, передают такие признаки, как "известность", "частотность употребления", "жесткая ассоциативность". На когнитивном уровне этот процесс обеспечивается когнитивными механизмами метонимии по принципу "часть-целое", инференции, импликации. Прецедентные имена, образованные по ряду аффиксальных моделей (*Malthusian, Marxist, Keynesianism*), реализуют воспроизводимость формы. Прецедентные имена в научных текстах могут

получать экономическое осмысление и благодаря когнитивному механизму концептуальной интеграции, предполагающему возникновение нового смысла при взаимодействии двух разных концептов (в данном случае ПОЛИТИКА и ЭКОНОМИКА):

Reagan, when he took office, had us believe that what he was about to do represented something new in the field of economics – called Reaganomics (P. Erdman).

Прецедентные высказывания в научных текстах экономической тематики представлены двумя типами: 1) высказывания экономического характера, передающие общее знание экономики. К их числу относятся высказывания ученых-экономистов, связанные с той или иной проблемой (*If an economy is not running at full capacity.., more saving might, paradoxically, result in less output rather than more* и др.), и частноотраслевые термины экономики, выступающие в качестве прецедентных высказываний особого рода, характерного именно для рассматриваемого типа текстов (*Keynesian aggregate demand* и др.); 2) высказывания неэкономического характера, выполняющие общенаучную функцию (например, латинские цитаты: *the sine qua non* и др.).

Формирование прецедентности таких высказываний осуществляется в рамках трех концептуальных областей (“Теоретические исследования”, “Экономическая терминосистема” и “Неэкономические науки”), образующих частную когнитивную матрицу, которая выступает в роли когнитивного контекста. Высказывания ученых-экономистов в научных текстах осмысляются в рамках первой области. Они, как правило, сопровождаются фамилиями авторов, имеющими статус прецедентных имен в сфере экономики. Это приводит к реализации основных признаков прецедентности, свойственных именам (“известность”, “жесткая ассоциативность”, “частотность употребления”), посредством номинации фамилии автора без инициалов и названия цитируемой работы без выходных данных. При этом осуществляется перенос этих признаков с имен на прецедентные высказывания. Например:

“There is, therefore,” Keynes wrote, “no ground for the belief that a flexible wage policy is capable of maintaining a state of continuous full employment. <...> The economic system cannot be made self-adjusting along these lines.” (Keynes, *General Theory*, 167) (E. Dolan).

Частноотраслевые термины экономики, осмысляемые в рамках второй концептуальной области, номинируют исконно экономические сущности. Об их прецедентности можно судить по уровню известности и частотности употребления в экономическом сообществе. В научных текстах они не получают дополнительных комментариев, а употребляются с

расчетом на наличие у адресата специальных знаний. При этом формирование смысла происходит на основе когнитивного механизма инференции, например:

The options/futures play would be high-risk, only for people with some money they can afford to gamble away (P. Erdman).

Прецедентность таких высказываний, как *the sine qua non* (необходимое условие), *reductio ad absurdum* (доведение до абсурдного), *ceteris paribus* (при прочих равных условиях) формируется посредством реализации следующих признаков: “стандартность формы”, “воспроизводимость содержания”, “гештальтность”, “известность”. На языковом уровне это проявляется в их беспереводном употреблении в англоязычных научных экономических текстах. Встроенность этих высказываний в общую структуру предложения (в качестве частей членов предложения, синтаксически связанных между собой, или как отдельного члена предложения), также говорит об их прецедентном характере. Когнитивной основой при этом выступает механизм инференции и концептуальная область “Неэкономические науки”.

Прецедентные ситуации в англоязычных текстах экономической тематики представлены двумя типами: 1) ситуации изначально экономического характера (*the Great Depression of the 1930s* и др.); 2) ситуации неэкономического характера, оказавшие решающее влияние на экономическую деятельность и дальнейшее экономическое развитие (*September 11th, hurricanes Rita and Katrina* и др.). Прецедентность ситуаций определяется именно их последствиями для экономики, которые выражаются в языке посредством ряда каузативных глаголов (*make, cause* и др.), лексических каузативов (*as a result of, since* и др.) и аналитических каузативов (*the events of September 11th have made prospects gloomier and even more uncertain*), репрезентирующих причинно-следственные связи. Они устанавливаются между языковыми средствами, актуализирующими прецедентную ситуацию, и соответствующим когнитивным контекстом их осмысления. В роли такого контекста выступает частная когнитивная матрица, объединяющая две концептуальные области: “Экономические ситуации” и “Неэкономические ситуации”.

В целом, прецедентность ситуаций формируется за счет таких признаков, как “известность”, “частотность употребления” и “жесткая ассоциативность”. Языковым механизмом их реализации выступает номинация ядерных (“субъект”, “действие” – *the meltdown/the crash*, “объект”) и/или факультативных (“следствие” – *the Panic*, “время” – *the 1930s*, “место” – *on Wall Street*, “оценка” – *terrorist atrocities* и др.) элементов фреймовой структуры с определенным артиклем и/или в позиции темы высказывания. В

роли когнитивной основы такого процесса выступает вышеуказанный когнитивный контекст.

Спецификой прецедентных фактов в научных экономических текстах является то, что они изначально формируются как экономические прецедентные феномены, поскольку передают знания экономического характера. В целом, факты становятся прецедентными благодаря языковому механизму их констатации и когнитивному механизму инференции. Констатация фактов предполагает их номинацию посредством утвердительных предложений в форме неопределенного времени (*as some increase in value, others decline* и др.), номинативных словосочетаний со словами абстрактной и событийной семантики (*the Securities Exchange Act of 1934* и др.), устойчивых словосочетаний (*"Dutch disease", to move through a cycle* и др.), сложных слов (*Gramm-Rudman-Hollings Act* и др.). При этом происходит реализация таких признаков прецедентности, как "гештальтность", "воспроизводимость содержания", "стандартность формы". Частотность употребления и известность прецедентных фактов реализуются за счет употребления определенного артикля, например:

More actually, it should be considered an important new phase of Europe's long-term integration that started with the 1986 Single European Act and the 1992 Single Market Project (The Economist).

Указание времени возникновения того или иного факта в номинации указывает на его исторический характер. Действие перечисленных языковых механизмов происходит в рамках частной когнитивной матрицы прецедентных фактов, объединяющей две концептуальные области: "Общэкономические факты" и "Частные факты экономики исторического характера".

Специфика прецедентных моделей, используемых в экономических текстах, заключается в особом цифровом и графическом способе репрезентации научных знаний. Прецедентность этого феномена формируется за счет языкового механизма номинации. Использование определенного артикля (*the Keynesian model, the simple inflationary gap model* и др.), тематическая позиция в предложении (*Indeed, the Sraffian model, would be made ...* и др.), а также использование аббревиатур и сокращений в названиях моделей (*the IS-LM model* и др.) способствуют реализации таких признаков прецедентности, как "известность" и "частотность употребления". Графические и цифровые средства, а именно таблицы, графики, диаграммы и формулы/уравнения (например, $M_d = pf(Y, r)$), передают еще один признак прецедентности – "стандартность формы". В качестве когнитивной основы процесса формирования и осмысления экономических прецедентных моделей выступает когнитивный контекст – частная матрица,

объединяющая такие концептуальные области, как “Теоретические исследования” и “Эмпирические исследования” (“Математические расчеты”, “Статистические обработки”).

На основе вышеизложенного можно утверждать, что представление научных знаний в экономических текстах имеет свою специфику. Она определяется особенностями лингвистического и когнитивного контекстов осмысления прецедентных феноменов.

Литература

- Болдырев Н.Н. О понятии культуры и культурологическом анализе языка // Филология и культура: мат-лы VI междунар. науч. конф. 17-19 октября 2007 года. Тамбов, 2007. С. 27–32.
- Будко В.В. Адекватность научного познания. Харьков: Основа, 1990.
- БЭС - Большой экономический словарь / Под ред. А.Н. Азрилияна. М., 1997.
- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., Гнозис, 2003.
- Дроздова Т.В. Проблемы понимания научного текста (англоязычные экономические тексты). Москва-Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003.
- Захаренко И.В. Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте// Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М.: Филология, 1997. С. 92–99.
- Ильин В.В. Критерии научности знания. М.: Высшая школа, 1989.
- Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: Наука, 1971.
- Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
- Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст: структура и семантика. М., 2001. С.72–81.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1999.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1998.
- Dolan E.G., Lindsey D. Economics. USA: The Dryden Press, 1988.
- Erdman P. What's next? How to prepare yourself for the crash of '89 and profit in the 1990's. Toronto. N.Y. London. Sydney. Auckland: Bantam Books, 1988.
- Fine V. Economic Theory and Ideology. London: Edward Arnold LTD., 1980.
- McKinnon R.I. The order of economic liberalization: financial control in the transition to a Market Economy. Baltimore, Ldn.; The Johns Hopkins University Press, 1992.
- The Economist. Dec. 1st, 2001.

Е.А. Камышанченко
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТРИЦАНИЯ В ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ НЕГАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ)

В статье рассматриваются различные подходы к определению категории отрицания в философии, логике, лингвистике и анализируется взаимодействие категории отрицания с негативной семой английских глаголов.

The author considers different approaches to the definition of the category of negation in philosophy, logic, linguistics and analyses the interaction between the category of negation and negative seme of the English verbs.

Категории отрицания и полагания, как считают А.Д. Гетманова, А.И. Бахарев и другие, появились одними из первых в ходе развития человеческого мышления и были доведены до абсолютных категорий, определяемых философами через категории бытия/небытия [Гетманова 1972; Бахарев 1980].

Аристотель придал отрицанию статус логической категории как противоположности утверждению (полаганию), употребляя понятия "отсутствие", "лишение" для выражения операции отрицания. Под отрицанием он понимает такую логическую форму, которая показывает, что вещь сама по себе не имеет чего-то, что ей свойственно иметь по природе. В утверждении высказывается наличие у предмета какой-либо характеристики, а в отрицании отсутствие таковой. Они находятся между собой в отношении противоречия. «Всякому утверждению противолежит отрицание, всякому отрицанию – утверждение» [Аристотель 1976: 96-97].

При рассмотрении отрицания как лишения, когда «нечто не имеет чего-то», Аристотель называет отрицанием одну из противоположностей противоречия. Каждая из противоположностей выступает как лишённость другой: неравенство есть лишённость равенства, несходство – лишённость сходства, порок – лишённость добродетели и так далее [Аристотель 1976: 261]. Таким образом, отрицание понимается как противоположность, результат противоречивости.

В формальной логике отрицанием называется «логическая операция, в результате которой вместо высказывания (суждения) А получается высказывание (суждение) не-А или вместо высказывания не-А образуется высказывание А» [Бахарев 1980: 5].

Отрицание используется для того, чтобы отвергнуть ложное суждение и противопоставить ему истинное. Однако истинными могут быть как утвердительные, так и отрицательные суждения. Рассмотрим примеры,

приведённые А.И. Бахаревым: «Утвердительное суждение — «Луна — спутник Земли», и отрицательное — «Неверно, что дерево металл». Эти два суждения истинны. Точно также ложными могут быть и утвердительные и отрицательные высказывания. «Следовательно, ложность и отрицание — понятия разного плана» [Бахарев 1980: 12].

Кроме отрицания суждения в целом, в классической логике рассматривается отрицание связки и отрицание предиката, которое употребляется для выражения неприсущности предмету каких-либо признаков. «Более полное представление об отрицании можно получить, рассматривая суждение как высказывание предиката о субъекте; отрицание является тогда утверждением о несоответствии предиката субъекту» [Колмогоров 1925: 650].

Концепции отрицания в философской и логической литературе сходятся в одном: утверждение и отрицание рассматриваются как противоположные по качеству суждения. Как считает В.Н. Бондаренко, это объясняется тем, «что предмет в своей качественной определённости сам либо существует, либо не существует, либо обладает каким-то определённым признаком (признаками), либо не обладает им (ими). Отсутствие какого-либо определённого признака у данного предмета, т.е. его небытие, есть действительный признак, имеющий объективную значимость... Признак предмета — это именно наличие или отсутствие у него определённого свойства или отношения. Отсутствие таковых может быть существенным признаком данного предмета, и это имеет место в отрицательных суждениях» [Бондаренко 1983: 44-45].

В лингвистике также не существует единого мнения при рассмотрении категории отрицания. Данная проблема разрабатывалась в нескольких направлениях. В психологической и прагматической концепциях отрицания данная категория определяется либо как чистый продукт психики человека, либо только как внутриязыковая функция — выражение мнения говорящего о чьей-либо мысли.

Отрицание также интерпретируется и как особая форма модальности и предикативности. Включение отрицания, понимаемого как субъективная оценка или как нереальность чего-либо, в число некоторых модальных значений, по мнению В.Н. Бондаренко, связано с неоправданно широким пониманием самой категории модальности. Предикативность же не зависит от отрицательной или положительной формы предложения [Бондаренко 1983].

Следует обратить внимание на концепцию отрицания как выражения отсутствия объективной связи.

Лингвистический энциклопедический словарь даёт следующее определение категории отрицания: «Отрицание – это элемент значения предложения, который указывает, что связь, устанавливаемая между компонентами предложения, по мнению говорящего, реально не существует» [Лингвистический словарь 1990: 354].

Однако, как считает А.И. Бахарев, нельзя так категорично утверждать, что при отрицании связь между членами предложения реально не существует. Средства выражения отрицания не только не устраняют, но и не изменяют способы синтаксической связи.

А.М. Пешковский, определяя отрицание как категорию при помощи которой «мы можем объявлять нереальными такие связи, которые на самом деле обладают абсолютной реальностью (курица – не птица), и такие реальности, которых и без того никто не предположил бы (железо – не камень)», говорит уже не о связи между членами предложения, а о связи понятийной, о реальности/нереальности связи между понятиями и категориями [Пешковский 1938: 387].

Именно отсутствие данного определённого вида связей в самой действительности, а не просто объективные связи, следует рассматривать в качестве референта отрицания. «Отрицание есть отсутствие не только объективных связей, но и самих предметов и/или их признаков, к числу которых относятся и сами объективные связи» [Бондаренко 1983: 76].

Логическое и языковое отрицание с его средствами выражения по смыслу сопоставимы, но не всегда находятся в абсолютном соответствии друг с другом. Многие лингвисты (Н.Г. Озерова, Е.И. Шендельс, Л.П. Шипулина и др.) отмечают, что основным содержанием грамматической категории отрицания является логическое отрицание. Е.И. Шендельс пишет: «Логическая категория утверждения и отрицания составляет основное содержание языковой категории, но не заполняется целиком. Языковая категория утверждения и отрицания выполняет ещё и другие функции, обладает относительной самостоятельностью и имеет свой объём значений, не адекватный логической категории. Употребление отрицательных средств в предложении может преследовать совсем иные цели, чем выражение отрицательного суждения. Иными словами, не всякое предложение с отрицанием соответствует отрицательному суждению. Оно может соответствовать положительному суждению и служить средством выражения не суждения, а запрета, вопроса и пр.» [Шендельс 1959: 130]. О.В. Трунова усматривает различие между логическим и грамматическим отрицанием в универсальности первого и его способности быть выраженным различными языковыми средствами [Трунова 1978].

В высказываниях людей встречаются различные по силе отрицания, начиная от простого, еле заметного несогласия со взглядами другого человека, до категоричного, бесповоротного отрицания. Поэтому в естественном языке присутствуют весьма разнообразные средства выражения отрицания, в связи с чем выдвигается ряд теорий, основанных на различных принципах анализа и критериях классификации категории отрицания. Разнообразие подходов к изучению этого явления можно свести к двум положениям: отрицание рассматривается либо с точки зрения формальных, либо с точки зрения функциональных показателей. В первом случае получаем бинарную оппозицию, один из членов которой маркируется введением показателя отрицания. Построенная на функциональной основе классификация включает в себя как компонент формальную классификацию и выделяет два отрицания: имплицитное и эксплицитное.

Проблема эксплицитного отрицания разработана достаточно глубоко и многопланово на материале английского языка [Jespersen 1954; Шипулина 1961; Амиров 1981; Klima 1964 и др.]. Вопрос об имплицитном отрицании не имеет однозначного ответа. Однако многие исследователи отмечали, что в английском языке существуют специальные слова с внутренним отрицанием в составе положительной словоформы.

Примером этому служат глаголы с негативной семантикой, в частности, глаголы со значением “нереализованность действия” (*fail, miss, overlook, disregard, ignore*) и глаголы со значением “недостаточность” (*lack, want, need, require*).

Глаголы *fail, miss, overlook, disregard, ignore, lack* представляют собой лексические единицы, содержащие отрицание в своей семантической структуре и являются ярким примером выражения имплицитного отрицания. Предложения с данными глаголами представляют собой утвердительные синтаксические конструкции, но предполагают отрицание:

а) совершения действия: *He failed to smile* → *He didn't manage to smile*;

б) наличия определенных характеристик: *His two top-front teeth were missing* → *He didn't have two top-front teeth*; *You lack courage* → *You don't have (enough) courage*.

Глаголы *want, need, require* традиционно рассматривались как глаголы желания. Однако в их семантическую структуру входят такие признаки как [НЕДОСТАТОЧНОСТЬ] и [ОТСУТСТВИЕ ХАРАКТЕРИСТИК]. Приведем несколько примеров:

The book wants two pages at the end.

He wants self-confidence.

The car needs headlights.

The house requires cleaning.

Данные предложения представляют собой положительную синтаксическую конструкцию, но имплицитно отрицают наличие определенных характеристик у субъекта, подобно глаголу *lack*: *The book wants two pages at the end* → *The book doesn't have two pages*; → *The car needs headlights* → *The car doesn't have headlights*; *The house requires cleaning* → *The house isn't clean*.

Формальная организация предложения с глаголами негативной семантики не соответствует его смысловому значению. Другими словами, отсутствие формальных маркеров грамматического отрицания не означает отсутствие отрицательного значения. Семантика предложений с имплицитным отрицанием, представленным негативными глаголами заключается в **утверждении отрицательных фактов**.

Эксплицитное отрицание выражается формальными показателями: лексическими и грамматическими. Поэтому присоединение грамматического отрицания к любому сказуемому (чаще всего через вспомогательный глагол) и наличие лексического отрицания по формальным признакам переводит предложение в разряд отрицательных, например: *Jake never missed a beat*; *In this we did not fail*.

В данных предложениях мы наблюдаем присутствие двух отрицаний: эксплицитного (*never, did not*) и имплицитного (*miss, fail*). Наличие грамматического и лексического отрицания указывает на то, что предложения являются формально отрицательными, однако значение всего предложения становится положительным, что соответствует закону логики о снятии отрицания при двойном его выражении, т.е. два отрицания противостоят друг другу и создают положительный смысл: *I didn't fail = I managed*.

Однако здесь нельзя говорить о лингвистическом понятии двойного отрицания, которым обозначаются два различных по своей природе языковых явления. Это, прежде всего: 1) наличие в составе предложения отрицательной частицы, отрицательного аффикса (морфемы) и средства их усиления в виде отрицательных местоимений и наречий; 2) наличие двух отрицаний при одном и том же члене предложения. В первом случае мы имеем отрицание и его усиление в отрицательной форме, во втором – отрицание отрицания [Бондаренко1983: 126]. То есть, говоря о двойном отрицании в лингвистике, мы подразумеваем наличие двух эксплицитно выраженных отрицаний, что возможно, например, в русском языке и недопустимо нормами монологических языков, в частности, в английском.

Интересным представляется характер отношений между глаголом *fail* и модальным глаголом *can* в значении "возможность" в предложениях с эксплицитно выраженным отрицанием. Приведем пример: *But her response*

was in such a loud stage whisper that Richard couldn't fail to hear. Глагол *can* в этом случае относится к вербальному комплементу *to hear* и выражает возможность реализации слухового восприятия, а лексическое значение глагола *fail* полностью нейтрализуется отрицательной частицей *not* и его роль в подобных предложениях состоит в передаче большей уверенности говорящего в возможности совершить действие. Подобное наблюдается и в сочетании глагола *miss* с глаголами каузации и модальным глаголом *can*: *He had been sure that he couldn't miss with the third shot → he could hit the target; We were eager to miss nothing → eager to see everything.*

Глагол *fail* имеет еще одну особенность в случае употребления с глаголом *can*, но уже в утвердительных предложениях. Например: *A verb can fail to carry out its prototypical verbal functions by expressing not a report of action.* В подобных предложениях нейтрализуется контраст между семантической значимостью частицы *not* и глагола *fail* и наблюдается полное совпадение значений глагола и грамматической формы отрицания.

Литература

Амиров А.Т. Имплицитное отрицание в современном английском языке. М.: Наука, 1981.

Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 3. М., 1976.

Бахарев А.И. Отрицание в логике и грамматике. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980.

Болдырев Н.Н. Концептуальные основы отрицания в языке // Филология и культура. Тамбов, 2003. С. 334-338.

Бондаренко В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. М.: Наука, 1983.

Гетманова А.Д. Отрицание в системах формальной логики. М., 1972

Колмогоров А.М. Отрицание *tetrum non datur* // Математический сборник, Т. 32 (4), 1925.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Озерова Н.Г. Средства выражения отрицания в русском и украинском языках. Киев, 1978.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.

Трунова О.В. О понятии отрицания в логике и лингвистике // Синтаксис и речевая реализация его категорий. сб. научн. трудов ЛГПИ им. А.И. Герцена, XXX Герценовские чтения. Вып. 4. Л., 1978. С. 102-107.

Шендельс Е.И. Отрицание как лингвистическое понятие // Учен. зап. 1 Моск. пед. ин-та иностр. яз. Т. 19. М., 1959. С. 125-142.

Шигулина Л.П. К вопросу о монологичности в английском языке // Вестник ЛГУ, 1961. № 2. Вып. 1 (Сер. истории языка и литературы). С. 56-63.

Klima E. Negation in English. The structure of language: readings in the philosophy of language. Ed. By J. Fodor and J. Katz, 1964. P. 246-323.

Jespersen O. Negation in English and other languages. Copenhagen: Einar Munksgaard, 1954.

О.В. Серкина
РОЛЬ АБСОЛЮТНОЙ КОНСТРУКЦИИ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ О СЛОЖНОЙ СИТУАЦИИ

Статья представляет попытку рассмотрения абсолютной конструкции в английском языке с позиций различных современных лингвистических направлений, в результате чего более четко определяется ее роль в языковой репрезентации сложной ситуации.

The article is an attempt to consider the absolute construction in English from various modern linguistic perspectives, the result of which is a clearer understanding of the role of the construction in representing a complex situation in the language.

Лингвистика текста, как одно из направлений развития науки о языке, исследует языковые явления не как изолированные единицы, а как совместно организующие самый высокий уровень репрезентации языка – текст.

В этом ракурсе для лингвистического анализа языковой единицы важным является определение ее текстового статуса, особенностей ее функционирования в тексте, сферы использования, а также изучение механизмов взаимодействия и взаимовлияния единиц текста.

Исследователи абсолютной конструкции (АК) в английском языке также придерживаются основных текстолингвистических принципов, определяя грамматический и текстовый статусы АК, ее функции, связи с основным предложением (ОП), механизмы порождения АК в речи и т.д.

Абсолютная конструкция в современном английском языке неоднократно подвергалась исследованию, и, несмотря на то, что ее статус до сих пор остается не вполне определенным (“undeveloped clause” у Г. Поутсма, “abridged clause” у Дж. Керма, “абсолютное предложение” (P. Pense, M. Pink, C. Onions), “фраза” у С. Фернальда, “предложение в зародыше” (H. Sweet), “некус” (O. Есперсен), “особый тип предикативных словосочетаний” (Б.А. Ильиш, Л.С. Бархударов, В.Н. Ярцева, Я.И. Рецкер)), факт, что АК является ярким примером языковой экономии, неоспорим.

Многие ученые, словно в подтверждение этого тезиса, пытались определить положение АК в языковой системе посредством изучения механизма ее порождения. Б.А. Ильиш, например, считал, что АК, благодаря своей выраженной предикативности, может восприниматься как эквивалент придаточного предложения или как результат его сокращения. А.И. Смирницкий, однако, полагал, что с грамматической точки зрения образование АК шло не от придаточного предложения в сторону его сокращения, а наоборот, т.е. абсолютные конструкции можно считать

“неполными, недоразвитыми предложениями”. Н.А. Слюсарева также видела в АК в большей степени предложение (clause), чем словосочетание, так как АК «не вносится в предложение в готовом виде и не может служить средством номинации единичного денотата типа *his left hand*. Она формируется в сложном предложении, подобно порождению придаточных предложений с их главной и зависимой частями» [Слюсарева 1981: 181-182]. И.М. Жилин в продолжение темы отмечает, что «некоторые обособленные обороты по функции и значению эквивалентны некоторым придаточным предложениям» [Жилин 1989: 34]. Однако, как известно, придаточные предложения и АК развивались в английском языке разными путями. Кроме того, эти явления формировались в языке в разные исторические периоды. Это, а также тот факт, что между АК и придаточным предложением нет прямого соответствия, подтверждают неправомочность обозначенного выше подхода к изучаемым конструкциям.

Отдельные исследователи, отмечая наличие у АК общих черт как с предложением, так и со словосочетанием, воздерживаются от определения ее синтаксической природы (Е.М. Гордон, Ю.Б. Дундукова); либо предлагают альтернативные наименования данному синтаксическому образованию, например «группа слов» (Л.Л. Иофик), либо отказывают АК в какой-либо предикативности и коммуникативности (С.О. Бельтюкова). Большинство ученых, однако, сходятся во мнении, что предложения с АК, следует относить к полипредикативным (Л.Л. Иофик, Н.Г. Кирвалидзе и др.), так как АК выполняет в предложении определенную коммуникативную функцию. Важным аргументом в поддержку этой точки зрения является и тот факт, что АК, так же как и предложение, имеет своим денотатом целую ситуацию, или фрагмент ситуации, и благодаря использованию рассматриваемой конструкции, предложения с АК позволяют создать более объемное или многомерное изображение ситуаций реального мира в рамках одного предложения:

With men crowding around to congratulate him, Grandpa got up on the back seat, raised his hand for silence, and shouted for everybody to follow us down to the store (O. Burn).

В силу сказанного, более оправданным представляется рассмотрение АК как единицы некоего промежуточного уровня – синтаксического оборота, находящегося «на стыке номинативных и предикативных конструкций» (Е.Э. Богданович; В.А. Алексеева, Н.Г. Кирвалидзе). По мнению Дж. Берента, «отношение, которое существует между предложениями (имеется в виду основное предложение и АК – прим. О.С.), основано на кореферентности именных конструкций» [Berent 1975: 12]. Полученное в результате такого «отношения» синтаксическое

образование – предложение с АК – полностью отвечает сути экономного использования языка, а именно обеспечивает передачу большого количества информации с использованием меньшего количества языковых средств, то есть путем сокращения плана выражения высказывания при полном сохранении его плана содержания.

В условиях современного интереса к когнитивным аспектам языка, появляется возможность пересмотреть и статус АК в предложении и особенности ее порождения в речи. Как известно, ситуация является «сценой, которую можно обозреть одновременно» [Глезер 1985: 226]. При этом каждая ситуация чрезвычайно многослойна и только особенности человеческой когниции, а также интенциональные задачи коммуникантов определяют, какие именно фрагменты данной ситуации найдут свое языковое оформление в предложении. Сложная ситуация требует более сложных способов ее репрезентации. Язык за долгие годы своей истории создал огромное количество синтаксических конструкций для удовлетворения человеческих потребностей в передаче информации более точно и с привлечением меньшего числа языковых единиц. АК как нельзя лучше удовлетворяет перечисленным условиям – она как бы «нанализует» новые ракурсы ситуации на заданный субъектно-предикатный стержень, структурно не сильно обременяя предложение, но делая его более весомым в информационном плане. Признавая за АК предикативный характер, некоторые лингвисты пытались представить эту конструкцию как некий трансформ первичной связи, который «возникает как результат свертывания обычного независимого (выделено нами – О.С.) предложения в последовательности двух или более структур предложений» [Сазонова 1969: 18]. Как известно, представители структурного метода в лингвистике считали, что всякое предложение языка либо принадлежит ядру, либо выводится из цепочек, лежащих в основе одного или более ядерных предложений, в результате применения одной или более трансформаций. К трансформациям исходного сложного предложения в АК лингвисты относят номинализацию и деривацию. Несомненно, что данные трансформации оказываются неоценимыми при проведении детального лингвистического анализа семантики АК и ее связей с основным предложением. При этом сложно представить, что, употребляя АК в речи, человеческий мозг каждый раз производит все эти трансформации. В таком случае нарушился бы один из основных принципов построения АК – принцип экономии, во многом благодаря которому АК так стремительно шагнула в 20-м веке со страниц печатных текстов на экраны телевизоров и в обыденную речь людей. Следовательно, можно предположить, что известные в современной грамматике структурные типы конструкций – АК с

причастием I, причастием II, предложной группой, прилагательным, наречием, инфинитивом, существительным можно рассматривать как вполне определенные структуры, закрепленные нормой английского языка. И при их использовании говорящий просто извлекает из запасников своих фоновых языковых знаний нужную конструкцию, руководствуясь поставленными коммуникативными задачами. Часто для представления одной ситуации набирается несколько различных схем. Облекая их в языковую оболочку, главным условием оказывается предикативный характер единицы языка на том основании, что темпоральный и модальный аспекты у единой ситуации оказываются одинаковыми. Иными словами, в отдельных фрагментах текста достаточно употребить одно «полновесное» предложение с личным глаголом в качестве своеобразного модально-темпорального стержня ситуации, а остальные пропозициональные схемы передать при помощи АК, не обремененных собственным модально-темпоральным планом, а имеющих его в «отраженном» виде. Однако при необходимости модальные и темпоральные значения АК могут получать вполне распознаваемое самостоятельное выражение.

Информационная перегруженность современного общества давно является темой многих исследований, проводимых в различных областях: социальной, психологической, лингвистической и т.д. В связи с чем, проблема языковой экономии представляется довольно актуальной, так как, познавая бурно развивающийся окружающий мир и, при этом, раздвигая границы знаний в отдельных областях, человеку необходим некий механизм, который поможет при необходимости компрессировать информацию на вербальном уровне. Несмотря на то, что понятие компрессии до сих пор не имеет в лингвистике однозначного толкования, результат ее, а именно, появление свернутой конструкции, в основном лексической или синтаксической, с сохранением объема передаваемой информации, является неоспоримым фактом. Рассмотрение АК с позиции законов языковой экономии также представляется плодотворным.

Если представить языковой механизм нашего сознания как «черный ящик, выполняющий сложное задание по обработке информации, который отображает значения в речи (или в письме или в знаках в языке глухонемых) и наоборот» [Green, etc. 1996: 178], то обязательным является наличие ментально представленных языковых правил, сообразно которым происходит такое отображение. Соответственно и формирование АК в речи должно подчиняться своим правилам. Такое понимание помогает структурировать процесс изучения языка, так как, если знание языка означает владение ментально представленной системой правил, тогда овладение языком должно включать в себя освоение этих правил каждым

человеком, что на практике иногда может приводить к «созданию своих промежуточных правил». Исследование речи детей подтверждает этот факт, в частности формирование ими форм прошедшего времени для неправильных глаголов по аналогии с правильными глаголами **comed, buyed, wented* из-за чрезмерной генерализации уже известных им правил образования форм прошедшего времени [Green, etc. 1996: 180]. Как не существует списка готовых предложений, которые наше сознание активирует в нужное время, также не может существовать готового списка абсолютных конструкций. Размеры и возможности человеческого сознания ограничены, в силу чего овладеть языком можно, по выражению А.А. Потебни, только сведя «разнообразные явления к сравнительно небольшому количеству знаков и образов» [Потебня 1958: 98]. В отношении АК также представляется возможным составление своеобразного реестра средств для передачи определенных значений. Иными словами, чтобы научиться правильно использовать АК в речи необходимо понять правила, в соответствии с которыми они формируются, и значения, которые данные конструкции могут передавать в определенном контексте. И если круг значений АК можно очертить с помощью когнитивистики, то понимание правил создания АК находится в плоскости использования языковой экономики.

Коммуникативная функция языка может быть беспрепятственно реализована всеми членами общества только в том случае, если все они владеют знанием некой языковой структуры. При чрезмерном усложнении информации передаваемой при помощи этой структуры, вступает в силу принцип экономии [Мамудян 1985: 52], являющийся общим для всех знаковых систем. В настоящее время нет надежных исследований, которые бы дали ответ, как и какие факторы экстралингвистического характера влияют на развитие языка и способствуют включению механизма экономии [Гамперц 1975: 229]. Ясным остается то, что, являясь главным средством коммуникации людей, язык не может не испытывать на себе влияние общества в целом, а также отдельных личностей в частности, оказывая при этом обратное влияние и на общество, и на отдельных его членов. Следовательно, чтобы объяснить языковую экономию, в частности в отношении АК, следует посмотреть на развитие этой конструкции в английском языке. Многие явления в истории языка обусловлены внутренними законами его развития, то есть не возникают из ниоткуда, а вырастают в языке из «старого» языкового материала, сообразуясь с новыми требованиями и откликаясь на них появлением новых форм.

При историческом рассмотрении АК многих авторов интересовал вопрос о ее происхождении, а именно можно ли считать АК исконно

английским образованием или же она является калькой с латинской конструкции *Ablativus Absolutus*. Представители западных школ, изучавшие английский синтаксис, настаивали на ее “чужеродном” для английского языка характере и на том факте, что АК ассимилировалась в этом языке лишь во второй половине XVII в. благодаря буквальным переводам с латыни. Безусловным опровержением данной “теории буквальности” явилась работа Я.И. Рецкера, который, проанализировав средневековые переводы с латинского, а также тексты английских авторов того же периода, пришел в свое время к выводу, что уже в конце XIV–начале XV в. эта конструкция развивалась вполне самостоятельно, без влияния переводов с латыни [Рецкер 1953]. В.С. Вардашева отмечает также, что решающее значение для возникновения и употребления независимого причастного оборота в английском языке имело не влияние латинского образца, а характер синтаксической структуры самого английского предложения, так как данный оборот начал формироваться именно в период «усложнения грамматической структуры индоевропейского предложения» [Вардашева 1955: 4-5]. Следуя закону диалектики о единстве противоположностей, этот процесс сопровождался использованием экономных средств языка, в частности АК. Усложняя структуру простого предложения за счет введения в него АК, язык экономил на поверхностном представлении пропозиции в новой конструкции, тем самым, реализуя принцип языковой экономии и делая ситуацию, представленную в предложении более многомерной. Как предполагают, АК прочно закрепилась в письменной речи, и долгое время рассматривалась как экономное образование при письме. Однако с бурным развитием радио и телевидения в XX в. данная конструкция очень быстро сошла в народные массы и в настоящее время не признает никаких границ в использовании, будучи замеченной во всех жанрах и направлениях.

Как уже отмечалось, отношения между АК и основным предложением основаны на кореференции. Известно, кореференция и референция представляют собой явления разного плана. Кореференция в отношении предложения с АК нами понимается как отнесенность денотатов (в результате отдельных актов референции) основного предложения и АК к одной многомерной ситуации, которая получает свое вербальное представление на уровне предложения с АК. Именно общность этой ситуации позволяет говорить об установлении определенных семантических отношений между ОП и АК. Тем более, что в качестве кореферентных, как свидетельствуют лингвистические источники, могут рассматриваться разноплановые языковые явления.

АК в английском языке может встречаться преимущественно в двух типах контекста, которые мы обозначили как дескриптивный и не-

дескриптивный. Соответственно в каждом типе контекста в зависимости от его коммуникативного назначения встречаются АК, обладающие различными семантико-функциональными и структурно-морфологическими характеристиками.

Контекст, который представляет ситуацию при помощи создания в сознании читателя образов, именуется “дескриптивным”. Контекст, направленный на передачу различных логико-временных отношений между репрезентируемыми ситуациями, является “не-дескриптивным”.

Отношения между АК и ОП в дескриптивном контексте строятся на основе кореференции к одной ситуации. Основной тон описания в данном случае задается ОП, а АК в свою очередь добавляет к этому образу отдельные штрихи, которые, по мнению говорящего, необходимы для адекватного представления ситуации. В дескриптивном контексте АК предназначена, главным образом, для того, чтобы ограничивать, квалифицировать какой-либо элемент репрезентируемой ситуации, преимущественно субъект или объект. В таком случае на грамматическом уровне к АК применим грамматический термин “адьюнкт”, которым благодаря широкому объему обозначаемого им явления могут именоваться АК в функции приложения, определения, обстоятельства или уточняющего члена. Обстоятельственная функция у АК предстает как описательное обстоятельство в четырех функционально-семантических разновидностях, например:

1) *He stood erect, his heart athrob with emotions* (F. Hardy). – описание внутреннего мира субъекта ОП.

2) *She leapt to her feet and hurried to him, her face grave with concern* (B. Bradford). – описание внешних проявлений внутренних переживаний субъекта ОП.

3) *He looked up, hands in his Levi's pockets* (R. Waller). – описание субъекта ОП по параметру “внешность”.

4) *“I fear, he was”, said Mrs. Nickleby, with her handkerchief to her eyes* (Ch. Dickens). – описание микро- или макромира субъекта ОП.

Примерами АК, выполняющих другие функции в дескриптивном контексте, могут служить следующие:

But just as the two voices changed – one going unconcerned, one very, very diffident – Mrs. Dosely approached the window (E. Bowen) – уточняющий член.

She wore a duck-egg-blue jacket, its edges embroidered in gold thread (J. Chang) – определение (в данном случае к объекту ОП).

“He ain't go'n like it, you not comin' when he said to”. I spoke hateful (O. Burn) – приложение.

Не-дескриптивный контекст, как отмечалось выше, предназначен для передачи знаний о логических отношениях между ситуациями, получающими представление в предложении с АК. Поэтому основными функциями АК в данном типе контекста являются обстоятельственные – временные (1), причинные (2), условные (3), уступительные (4), например:

1) *The last man being gone, Mr. Gregsbury rubbed his hands and chuckled* (Ch. Dickens).

2) *The Liberal Premier being conveniently ill, the letter was read in the House by the acting Premier* (F. Hardy).

3) *With those sharp edges rubbed off, she'll be as good as new* (J. Harriot).

4) *...though the decoration be different, the phrase is just* (J. Galsworthy).

Кроме отличий в функционально-семантическом плане, для АК в не-дескриптивном контексте характерным является предпочтение структурного типа АК с причастием I – в простой или перфектной форме. В данном типе контекста причастие может быть образовано от глагола *to be*, что не отмечалось в дескриптивном контексте. Показательной является и позиция АК в предложении: в недескриптивном контексте конструкции в большинстве случаев стоят в препозиции к ОП.

Таким образом, можно заключить, что тип передаваемой ситуации предопределяет характер контекста, который в свою очередь ограничивает нас в выборе семантико-функционального и частично структурно-морфологического типа АК и ее положения в предложении.

При исследовании предложений с АК некоторые ученые делают основной упор на субъект ОП, считая именно его ядром объективной ситуации. С этой позиции за АК закрепляются две основные функции (с последующим делением на подгруппы) – характеристики и спецификации. При этом признается также и ситуативная ориентация АК, т.е. ее соотносительность со всей ситуацией, репрезентируемой ядерной предикацией, в результате чего функция АК определяется как адвербиальная.

На наш взгляд, не совсем оправданным в данном подходе является практически полное элиминирование из лингвистического анализа глагольных предикующих центров, представленных личными и неличными формами глагола. Предикат, как известно, является организующим центром предложения, который задает тон при выстраивании структурной схемы предикативной единицы. Однако, как следует из определения основных признаков АК, данная конструкция не входит в структурную схему предложения. Таким образом, АК не входит в

сферу распространения действия грамматической валентности глагола в ядерном предложении. Но его семантическая валентность, как представляется, не может не отражаться на функциях АК и ее связях с ОП. В таком случае, предложения с АК являют собой яркий пример кооперации предикативных единиц в пределах текста, когда основное предложение актуализирует скрытые категории АК (время, модальность и др.) на формально-грамматическом уровне, а АК в свою очередь участвует в увеличении объема смысловой информации, содержащейся в рамках одного предложения.

Конечно, не стоит уходить в другую крайность и заявлять о доминирующей роли глагольного предикатирующего центра при определении функционально-семантических характеристик АК. Некоторые лингвисты склонны в данном случае говорить о двойной направленности (связи) АК с субъектом и предикатом основного предложения. Следует при этом оговориться, что АК может соотноситься в ОП не только с главными элементами предложения, но также с объектом и приписываемым ему признаком, например: *On Friday evening the children found him sitting beneath the trees, tears in his eyes* (J. Michener).

Важным моментом представляется также рассмотрение взаимодействия ОП и АК с точки зрения их категориального статуса. Как известно, категориальный статус предикативной единицы определяется категориальным статусом предиката этой единицы, который в свою очередь накладывает определенные ограничения на лексическое наполнение всего образования. В отношении АК данное положение требует некоторого дополнения. Не имея выраженного предиката, АК, тем не менее, передает вполне определенные предикативные отношения, которые также можно подвергнуть категориальному анализу. Следовательно, благодаря наличию в предложении АК, мы можем иметь дело с построением, элементы которого обладают различным категориальным статусом, например:

1) *Tim ... lay* (состояние) ***with his hands hanging down*** (состояние) (J. Herriot)

2) *Or sometimes he would just lie beside her* (состояние), ***always with one hand moving on her body*** (действие) (J. Waller).

Как видим, при совпадении категориальных статусов ОП и АК (1) категориальное пространство отображаемой ситуации вполне однородно, а при их расхождении (2) репрезентируемый денотат характеризуется категориальной неоднородностью.

В отечественной лингвистике недавно была предпринята попытка анализа синтаксически передаваемых концептов на основе изучения простого предложения английского языка [Фурс 2004], что представляет

собой несомненный интерес, особенно в приложении предпринятого анализа к абсолютным конструкциям. Как считает Л.А. Фурс, «активизированные когнитивные структуры в мыслительном образе ситуации получают то или иное направление и “высвечивая” тип концепта, своего рода символьную структуру ментального уровня, фокусируют тот или иной тип конструкции как средство репрезентации активизированного концепта» [Фурс 2004: 16-17]. Выделяемые при этом концепты – АКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ, СВОЙСТВО, КАУЗАТИВНОСТЬ, РЕЛЯТИВНОСТЬ и СОСТОЯНИЕ, проанализированные в работе Л.А. Фурс на примере простых предложений – могут обнаруживать определенную “закрепленность” за конкретными в структурном отношении АК. Рассмотрим кратко представленность вышеупомянутых концептов при помощи АК с причастием I. Данный тип АК более всего подходит для репрезентации концепта АКЦИОНАЛЬНОСТЬ, «передающего знание о намеренном и контролируемом действии» [Фурс 2004: 21], так как причастие способно сообщать динамические признаки субъекту конструкции. Например:

She stood very still, her eyes going around the table (H. Robbins).

They lay there a few minutes, neither one speaking (O. Burn).

Динамичность причастия I позволяет использовать его и для передачи концепта ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ, который передает «знание об участии объекта в неконтролируемом процессе» [Фурс 2004: 28]. Например:

Ross's head snapped back and he slowly slid toward the ground, blood coming from a corner of his mouth (H. Robbins).

She sat on the white sand, hour after hour, with the tears running down her cheeks, ... (W. Maugham).

В то же время данный структурный тип в силу особенностей семантики глагола может использоваться и для передачи других концептов:

- концепта СОСТОЯНИЕ, который передает «знание о существовании объекта и его вовлеченности в эмоциональную, перцептивную, ментальную, волитивную деятельность, которая характеризуется способностью длиться во времени» [Фурс 2004: 30]. Например:

For what seemed like ages I just held her, thinking nothing but the purest thoughts, my heart aching for her (O.A. Burn).

Mrs. Quest looked at her, her vigorous face wearing the dubious, puzzled expression ... (D. Lessing).

- концепта КАУЗАТИВНОСТЬ, «который передает знание о воздействии, оказываемом на объект с целью изменения его состояния или принуждения его к самостоятельному действию» [Фурс 2004: 27]. Например:

The round consisted of a soft lead slug set into an oiled paper cylinder which contained the powder and a percussion cap, the whole thing being heavily greased to protect it from dampness (B. Mather).

Many died early, with their lungs full of coal-dust, ... (L. Lee).

- концепта СВОЙСТВО, который «передает знание об особых качествах объекта, которые обнаруживаются в его действиях однотипного и регулярного характера» [Фурс 2004: 29]. Например:

There he crushed to a powder two soluble tablets, each containing a quarter of a grain of morphia (O. Henry).

It was in one of the most beautiful areas of London, with the old Georgian houses facing tree-filled private parks (S. Sheldon).

- концепта РЕЛЯТИВНОСТЬ, передающий «знание о признаках объектов, обнаруживаемых в их сопоставлении относительно друг друга» [Фурс 2004:30]. Например:

The room was large, with French windows opening on to the terrace on two sides (B. Mather).

Абсолютные конструкции можно подвергать дальнейшему исследованию с позиции когнитивной лингвистики с целью выявления структурных типов, составляющих прототип или периферию для каждого типа контекста – дескриптивного и недескриптивного, а также с целью определения репрезентируемых в АК концептов – АКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ, СВОЙСТВО, КАУЗАТИВНОСТЬ, СОСТОЯНИЕ и РЕЛЯТИВНОСТЬ, наиболее часто передаваемых в каждом из данных контекстов.

Таким образом, абсолютная конструкция представляет собой экономичное языковое образование, занимающее промежуточный уровень между предложением и словосочетанием и не стремящееся ни в одну из сторон, встречающееся в двух типах контекста и выполняющее в них определенные функции в силу передаваемых этой конструкцией концептов. Однако использование АК в контексте не следует рассматривать только с позиции компрессии структурных элементов. АК способствует более «рельефному» отображению представляемой сложной ситуации, обращая наше внимание на наиболее важные ее элементы.

Литература

Вардашева В.С. Развитие независимого причастного оборота с выраженным субъектом в английском языке (с причастием I): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1955.

Глезер В.Д. Зрение и мышление. Л., 1985.

Гамперц Дж. Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социоллингвистика. М., 1975. С. 299-319.

Жилин И.М. Эквивалентность обособленных оборотов в современном немецком языке // Семантика и функции синтаксических единиц в германских языках. Горький, 1989. С. 34-43.

Мамудян М. Лингвистика. М., 1985.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958

Рецкер Я.И. Стилистико-грамматическое значение абсолютных конструкций в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Сазонова Н.М. Предикативные структуры современного английского языка. Киев: Радянська школа, 1969.

Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М.: Наука, 1981.

Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2004.

Berent G.P. English Absolutes in Functional Perspective // Papers from Parasession on Functionalism. April, 17. 1975.

Green D.W., etc. Cognitive Science. An Introduction. Blackwell Publishers, 1996.

Е.И. Маркова

СКРИПТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ КАК НОВЫЙ СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ О ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКА

Автор статьи представляет результаты исследования французской средневековой рукописи «Трактат о сохранении здоровья», выполненного в русле скриптологии.

The article presents the results of a scriptological study of a French manuscript of the XV century "A Treatise on Conservation Health".

С позиций скриптологии, нового направления в лингвистике XXI века, рукописный текст признается элементом и отражением, прежде всего, региональной письменной традиции (скрипты), понятие которой включает в себя особенности письменного языка эпохи, известный консерватизм письма, его определенную условность и региональный характер. Исследователи-скриптологи особо отмечают, что скрипта лишь опосредованно связана с соответствующим диалектом и лишь отчасти отражает устный узус.

Первые понятие "скрипта" ('написанное'), появилось в 1948 г. в работе Л. Ремакля, посвященной изучению староваллонских хартий в сравнении с современными валлонскими говорами. Лингвист впервые отделил устную форму речи (диалект) от ее письменной формы (скрипты) и показал невозможность их отождествления. Именно эта осознанная необходимость четкого различения устной и письменной форм речи и

письменного характера старофранцузского языка привела к созданию скриптологии как особого направления в романистике.

Мы придерживаемся мнения, что единственным, достоверным и объективно доступным материалом скриптологического исследования может быть только подлинная средневековая рукопись, представленная в виде ее дипломатического или фототипического издания¹.

Изучая рукописи с точки зрения скриптологии, мы тем самым изучаем старофранцузские письменные традиции (скрипты), и все обнаруженные в них различия связаны, соответственно, с теми особенностями орфографии, лексики, морфологии и синтаксиса, которые характеризуют ту или иную скрипту.

В России основателем скриптологической школы является Л.А. Становая (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург). В докторской диссертации «Старофранцузская морфология и теория скрипты» (1994 г.) она особо отмечает, что рукописный текст представляет собой письменную традицию, а не один или несколько диалектов, как это традиционно считалось до сих пор в истории языка, опиравшейся на историческую диалектологию.

Исследование текстов с точки зрения теории скрипты отличается многообразием методов и приемов наблюдения и описания. Необходимо сочетать этимологический анализ и данные исторической и современной диалектологии, сравнительно-исторический и синхронный методы. Важно также иметь знания в области палеографии и кодикологии.

Рукописный текст является объектом исследования самых разных направлений: медиевистики, текстологии, литературоведения или собственно лингвистики в зависимости от поставленных задач. В собственно лингвистических исследованиях текст рассматривается и как объект, и как материал исследования [Становая 1990: 5].

Скриптологи придерживаются идеи дифференцированного характера каждого текста, пытаются обнаружить в каждом конкретном тексте замкнутую структуру и изучать его как представителя самого себя, а не представителя языка в целом. Поэтому выводы, получаемые в результате анализа одного из рукописных вариантов, касаются только данного рукописного текста и не могут быть распространены на все остальные рукописные варианты этого произведения.

¹ Фототипическое издание является разновидностью дипломатического издания. Разница заключается в большей, фотографической точности воспроизведения рукописного текста. В фототипическом издании сохраняются все диакритические знаки, исправления, неточности и неясности рукописи. Такое издание является, по сути, отпечатанной фотографией рукописи.

В русле скриптологии проведено исследование рукописного памятника середины XV века, представляющего собой перевод на среднефранцузский язык медицинского трактата на латинском языке «*Libellus de sanitate conservanda*» («Книжечка о сбережении здоровья»). Автор трактата – Гвидо Парато, профессор медицины и придворный лекарь герцога Миланского Франческо Сфорца. Нам удалось установить, что перевод на французский язык был сделан в 1459-1460 гг. при дворе герцога Бургундского Филиппа III Доброго и назван «*L'enseignement ou la maniere de garder et conserver la sante*²» – «Поучение или способ (как) следить и сохранять здоровье», далее – «Трактат о сохранении здоровья».

Исследованная нами рукопись хранится в рукописном отделе Российской национальной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (г. Санкт-Петербург) под шифром Fr.Q.v.VI.1³.

В соответствии с целями и задачами скриптологического исследования, мы расшифровали текст рукописи «Трактат о сохранении здоровья», выявили, изучили и описали ее художественные и палеографические особенности, осуществили лингвистический анализ ее текста и определили региональную письменную традицию (скрипту), в рамках которой названная рукопись выполнена.

В ходе анализа лингвистических особенностей французской рукописи мы установили и доказали, что исследуемая рукопись является образцом бургундской скрипты. Для решения поставленных задач нам потребовалось одновременно использовать компетенцию в самых разнообразных лингвистических дисциплинах – от фонетики и морфологии до теории коммуникативного членения и лингвистической прагматики. Мы выявили и детально изучили графические особенности текста рукописи, а именно: характерные особенности сокращения слов и написания цифр, способов членения текста, границы слов и их переноса. Четырнадцать основных видов как строго упорядоченного, так и вариативного написания фонетико-графических вариантов форм, зафиксированных в указанной рукописи, были систематизированы нами в соответствии с основными принципами, характеризующими современную французскую орфографию

² Мы используем написание, принятое в исследуемой рукописи.

³ При описании рукописей РНБ указывается их шифр, например: Fr.Q.v.VI.1. Он состоит из следующих элементов: обозначение языковой группы «Français», сокращенно «Fr.»; обозначение формата рукописи: F – рукопись в лист, Q – рукопись в кварту, O – рукопись в октаву; обозначение материала: v – «vélin» (пергамент), p – «papier» (бумага). Римской цифрой указывается отдел по систематической классификации научных дисциплин и арабской – порядковый номер по данному отделу.

(Н.А. Катагощина, М.С. Гурычева, К.А. Аллендорф): этимологическим (латинизирующим), историческим (традиционным) и региональным.

Так, этимологический (латинизирующий) принцип в рукописи проявляется:

1) В большом количестве написаний по образцу соответствующих латинских этимонов: *corps* < лат. *corpus*, *doulce* < *dulcis*, *doubte* < *dubitare*, *aulcuns* < **aliquūnus*, *il vault* < *valēre*, *faulte* < **fallita*, *aultres* < *alter*, *oultrageuse* < *ūltra*, *soubs* < *subtus*, *recepvoir* < *recipēre*, *moult* < *multu*, *estat* < *status*; *maistre* < *magister*, *oster* < *obstāre*; *tesmoingnage* < *testimōnium*; *la teste* < *testa*; *les bestes* < *bestia*; *mestier* < *ministerium*; *escorce* < *scortea*; *quaresme* < **quarēsima*; *costē* < **costātum*; *chastaigne* < *castanea*; *un enfant masle* < *masculus*; *aspre* < *asper*, *lasche* < **lascare* etc.

2) В частом употреблении латинских слов и терминов:

vif argent < лат. *argentum vivum*; совр. фр., устн. *vif-argent*, м; 'ртуть';
prenez deuz dragmes de eufrase... < *euphrasia*; совр. фр. *euphraise*, f;
бот. 'очанка';

doronici < *doronicum*, совр. фр. *doronic*, м; бот. 'дороникум';

euforbium < лат. *euphorbium*, совр. фр. *euphorbe*, f; 'молочай';

mezereon < *daphne mezereum*; совр. фр. *mézéréon*, м; бот. 'волчник обыкновенный';

elleborus < *helleborus*; совр. фр. *ellébore*, м; бот. 'морозник' и т.д.

3) В использовании латинской системы сокращений слов:

суспенсий, контракций, специальных знаков.

Значение слова «суспенсия» происходит от латинского слова *suspendo* (*pendī, pēnsūm, ere*), что значит 'останавливать, прерывать'. Так, в исследованной рукописи сокращаемое слово (существительное, глагол) переписчик прерывает отбрасыванием окончания – это простая суспенсия:

en maniere

en manie

Более сложная получается при отбрасывании и части корня слова:

assavoir

assav

Слово «контракция» < от лат. *contraho* (*trāxī, tractum, ere*) – 'стягивать, сжимать'. Используя сокращения через контракцию, переписчик как бы стягивает слово, оставляя его начало и конец:

monseigneur

monsi

В некоторых случаях сокращения незначительны, т.к. сокращаются одна или две буквы: *-ur*, *-eu*, изредка – три буквы: *-eur*.

pour

poꝛ

pluiseurs

pluis^{rs}eurs

Сокращения с помощью специальных (тиронских) знаков представлены в рукописи в таких словах, как: *qui* – в виде буквы "q" с расположенной над ней вертикальной или зигзагообразной чертой:

q̄

Слово *que* имеет идентичное написание, но с горизонтальной чертой:

q̄

В латинской графике подобные сокращения использовались для слов *qui*, *quae*, *quod* и других, основанных на букве "q".

Союз *et* часто изображается в исследуемой рукописи с помощью специального знака:

et

Позднее союз *et* при печати стали изображать лигатурой &, оставшейся в повсеместном применении вплоть до конца XVIII века [Grevisse 1980: 56].

Среди специальных знаков выделяются по частоте употребления в рукописи сокращения слогов с *-ar-*, *-ra-*, *-er-*, *-re-*, *-ri-*, основанные на букве "r": *p[ar]ties*, *doc[ri]ne*, *p[re]mier*, *p[re]server*, *prop[ri]ete*, *es[er]nuer*, *am[er]veille*.

Так, сокращение слога с буквосочетанием *-ar-* начинается от предшествующей этому слогу буквы (*p*) и представляет собой поперечную черту под ней: *p^{ar}ties* *parties*

Горизонтальная черта над буквой сокращает слог с *-ra-*:

grant

grānt

Знак сокращения, начинающийся от предшествующей буквы (*p*, *t*, *m*) и представляющий собой дугу, поднимающуюся вверх по или против часовой стрелки, обозначает сокращение слогов *-re-*, *-er-*, *-ri-*:

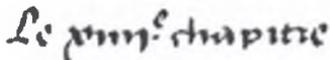
p^{re}mier

premier

Написание конечного *-us* в виде арабской цифры 9, обычное в латыни, в графике среднефранцузского периода вообще, и в исследуемой рукописи в частности, ограничивается немногими, но зато очень распространенными словами: *nous, vous, tous:*

4) В написании цифр по латинскому образцу.

На страницах манускрипта переписчик широко использует римские цифры, однако мы отмечаем некоторые особенности в их употреблении. Так, вместо латинской цифры IV он пишет IIII:

Le XIIIe chapitre

Подобное написание, также как и VIII вместо IX, было характерно для средневековой письменности [Киселева 2003: 157].

Однако в исследуемой нами рукописи для обозначения цифры девять переписчик использует латинское написание: "*Le IXe chapitre...*".

5) В использовании методов членения текста, подобных латинским.

Так, текст исследуемой рукописи разделен на главы (книги) и параграфы (периоды). В подобном членении текста мы усматриваем сохранение латинской традиции, поскольку известно, что в древних латинских текстах членение текста производилось по большим смысловым отрезкам (периодам). Бургундская скрипта, будучи наследницей античной традиции, также предписывала монастырским сcribes и светским переписчикам деление копируемого текста на смысловые отрезки или периоды.

Отличие от античных способов членения текста состоит в том, что внутри периода в исследованной рукописи переписчик применяет такие средства, как: менее жирно поставленные точки, запятые (в виде вертикальных линий или "жирных" точек), тире и другие знаки, тогда как в латинских текстах пунктуация внутри периода практически отсутствовала.

К знакам, отражающим, по нашему мнению, собственное отношение автора произведения, переписчика и декоратора к создаваемому ими тексту, относятся подчеркивание и знак, соответствующий латинскому знаку NB, который мы встречаем на листе 20-оборот французской рукописи (f. 20 verso).

Так, сентенция, достойная, по мнению автора, особого внимания, выделена переписчиком разреженным курсивом, а декоратором – с

помощью красиво нарисованной руки в кружевной манжете, указывающей на следующие слова в тексте⁴:

**Et devons bien : diligam̄nt
noter quil nest chose ou monde qui plus face de
bien au cuer que un bon : leal amy a qui len puist
francement : sans quelque soupeon descouvrir
tous les secrez de son cuer et la plaisant communica
tion dun tel amy surmo[n]te : passe la melodie de toⁿ
instrumens.**

*Et devons bien [et] diligam[m]e[n]t
noter quil nest chose ou monde qui plus face de
bien au cuer que un bon [et] leal amy a qui len puist
francement [et] sans quelque soupeon descouvrir
tous les secrez de son cuer et la plaisant co[m]munica
tion dun tel amy surmo[n]te [et] passe la melodie de to[us]
instrumens.*

'И должны мы особо отметить, что нет в мире вещи, которая более полезна сердцу, чем добрый и преданный друг, которому можно бы было искренне и без всяких сомнений и опасений раскрыть все тайны своего сердца и приятное общение с таким другом превосходит мелодию любых инструментов'.

Традиционный (исторический) принцип графики проявляется:

1) В вариативном использовании тильды: *bōne ~ bonne; persōne ~ personne; cōme ~ comme; sāte ~ sante; hūidite ~ humidite; cōserver ~ conserver.*

2) В написании графем *x*, *s* или *z* в окончаниях множественного числа и на конце слов: *soubz ~ soubz, assez ~ asses, joingz ~ joins, yeulz ~ yeulx, en eulx ~ en eulz, deux ~ deuz, principaulz ~ principaulx, cheveus ~ cheveux.*

3) В вариативном использовании графем *i*, *y*, *j*: *je ~ ie, jai ~ lai, en yaue ~ de laue, icy ~ yci ~ ici, quoi ~ quoy, le boys ~ le bois, la voie ~ aultre voye, a la foys ~ a la fois, boiaus ~ boyaus, lye ~ lie, ennemy ~ ennemi.*

⁴ Подобный знак (рука с указующим перстом) использовался средневековыми мастерами для выделения особенно важных мест в тексте и соответствовал латинскому знаку NB (nota bene! = хорошо заметь!).

Региональный (скриптуральный) принцип графики проявляется во влиянии:

1) Центральнo-французского диалекта и скрипты:

a) графическое разделение *en ≠ an*: *puissance, plaisance, commandement, (d)aventure, entendre, penser, enfonser* (совр. фр. *enfoncer*), *quantite, membres, semence, mention, francement, commencement, melancolie, ensemble* etc.;

b) вариативность *eu ~ ue ~ ou ~ o*:

– с диграфом *ou* в рукописи пишется: *honourables* (совр. фр. *honorable*, adj.), *prouffite, prouffitables* (совр. фр. *profiter, profitable*, adj.), *prouvence* (совр. фр. *Provence*), *plourer* (совр. фр. *pleurer*), *pou* (совр. фр. *peu*, adv.), *voulente (volonté, f)*;

– с чередованием в написании *ou ~ o*: *oudeur ~ odorer*,

– с графемой *o*: *pouvoir, pouvoit* (совр. фр. *pouvoir*);

– с чередованием диграфа *eu ~ ue*: *cuer ~ ceur, peut ~ puet* – и регулярно: *se meurent* (совр. фр. *se mourir*), *se treuvent* (совр. фр. *se trouver*), *douleur, honneur, dangereus, chaleur, cheveus, serviteur, leur, joieuse, songneus (soigneux, -se), seigneur, oudeur, saveur, grosseur, visceuse* (совр. фр. *viscéral*, adj., *viscère*, m), *(d)euivre*;

– с чередованием в написании *eu ~ ou*: *demourer ~ demeurer*,

2) Пикардского диалекта и скрипты: вариативность *c ~ ch ~ s*: *anciens ~ anchien, lestomac ~ estomach, escorce ~ lescorche, empescer ~ empescher ~ empeschans ~ empescee, racinne ~ rachines, commence ~ commenchans, chucre ~ sucre, chescun ~ cescun ~ saucun*.

Без вариантов в рукописи пишутся следующие слова: *pouchin < *pūllīcinu- < pullus* (совр. фр. *poulet*, m), *chinquiesme* (совр. фр. *cinquième*), *onche* (совр. фр. *once*, f), *francement* (совр. фр. *franchement*), *cherises* (совр. фр. *cerise*, f), *sesmouchier* (совр. фр. *se moucher*), *que vous le saciez* (subj.).

В некоторых случаях переписчик использует сочетание графем *sch*: *figues secches, ilz secchent* (совр. фр. *sec*, adj.); *noiaus de pecches, pecche* (совр. фр. *pêche*, f).

3) Бургундского диалекта и скрипты:

a) обозначение *r* через *ngn, gn, ng*: *bourgongne, tresdigne, besongnes, magnificence, poingnans, la vingne, angneau, ognons ~ ongnons, vergongne, ensengnemens ~ enseignemens, craingnent, la saingnier, (au) loing, (prendre) soing*;

b) s через c: *francois* (совр. фр. *français*, adj.), *soupecon* (совр. фр. *souçon*, m), *avancoie* (совр. фр. *avançais*);

c) с чередованием *-ier* ~ *-er* в глагольных окончаниях: *declairier* (совр. фр. *déclarer*), *mengier* (совр. фр. *manger*), *changier* (совр. фр. *changer*), *saignier* (совр. фр. *saigner*), *plongier* (совр. фр. *plonger*), *se chargier* (совр. фр. *se charger*), *refroidier* (совр. фр. *refroidir*), *forcier* (совр. фр. *forcer*), *enseignier* (совр. фр. *enseigner*), *efforcier* (совр. фр. *efforcer* (s')), *veillier* (совр. фр. *veiller*), *bagnier* (совр. фр. *baigner*), *engressier* (совр. фр. *engraisser*), *pignier* (совр. фр. *peigner*), *eslongier* (совр. фр. *élonger*); а также: *user*, *penser*, *monter*, *parler*, *aviser*, *passer*, *porter*, *nommer*, *empescer* (совр. фр. *empêcher*), *disposer*, *composer*, *arriver*, *presenter*, *eschever* (= *éviter*), *chanter*, *exercer*, *observer*, *exceder*, *garder*, *engendrer*.

Следует отметить, что из всех зафиксированных в рукописи примеров факт вариативного написания окончания *-ier* ~ *-er* в одном и том же слове мы можем засвидетельствовать лишь для нескольких глаголов: *traiter* ~ *traitier*, *delaisser* ~ *delaisier*, *bailler* ~ *baillier*, *purger* ~ *purgier*.

Несмотря на выявленные нами примеры вариативности написаний, их соотношение к общему объему рукописи настолько невелико, что это позволило сделать важный для диахронического исследования вывод о том, что упорядоченная графика рукописи и ограниченное количество фонетико-графических вариантов форм не подтверждает сложившееся в истории французского языка мнение о вариативности графики как отличительной черте всех французских рукописей.

Таким образом, факторами, повлиявшими на написание слов в исследуемой рукописи, мы считаем: релатинизацию, традиционный узус, усложнение графики вследствие ложно понятой этимологии, написания по аналогии, наличие региональных форм (бургундских, франсийских, пикардских и др.), а также некоторые морфологизирующие и фонетические написания.

Наличие бургундских форм в исследуемой рукописи обусловлено определенными рукописными нормами, присущими скрипториям Ключни, а их минимальное количество, по нашему мнению, свидетельствует о стремлении сcribes и переписчиков к преодолению диалектных различий, которые, безусловно, существовали в устной речи.

Регулярная графика и узко ограниченная вариативность форм, частое и привычное использование латинской системы сокращений слов, написание цифр по латинскому образцу, латинские способы членения

текста, исторический принцип написания, небольшое количество региональных форм (в основном центрально-французских, пикардских и собственных бургундских) составляют основные лингвистические характеристики исследуемого рукописного текста и бургундской письменной традиции (скрипты), в рамках которой он выполнен.

Как видим, для историка языка письменный текст оказывается не только источником, но и непосредственным объектом исследования. Он воспринимается как целостная единица и со стороны содержания, и со стороны формы, как явление сложное и многоплановое, существующее во взаимосвязанности своих частей, в определенной связи с затекстными структурами или ситуациями.

В чем же состоит коренное отличие скриптологии от исторической диалектологии? Оно заключается не только в том, что различаются понятия диалекта и скрипты, но и в том, что скриптологи обязательно привлекают к исследованию данные истории страны, истории культуры и литературы, филологии, социологии и др. наук.

Скриптология является органичным продолжением и соединением большинства лингвистических дисциплин. Находясь на стыке лингвистики, литературоведения, текстологии, палеографии, истории, социологии и других наук, она позволяет решать многие вопросы развития языка. Поскольку устная форма речи не зафиксирована в ходе развития языка, то большую роль в скриптологических исследованиях может сыграть привлечение косвенных свидетельств, например, данных современных диалектов и говоров Франции, замечаний первых французских грамматистов 13 в. и т.п.

Использованные при изучении рукописи методы (палеографический анализ, кодикологический анализ, метод количественной обработки материала, методы наблюдения, описания, сопоставления и исторического сравнения) позволили нам определить скрипту, в русле которой рукопись была выполнена, а использованная методика локализации, основанная на комплексном анализе фактов экстралингвистического и лингвистического характера, позволила локализовать рукопись, выполненную в рамках тех письменных традиций (скрипт), которые до настоящего времени не описаны. Данные методы могут быть перенесены на описание других нерасшифрованных рукописей.

Литература

Киселева Л.И. Письмо и книга в Западной Европе в Средние века: лекции по латинской палеографии и кодикологии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

Становая Л.А., Кузнецова Т.Я. Соотношение устной и письменной речи в разные эпохи языкового развития: учеб. пособие к спецкурсу по истории фр. яз. Л., 1990.

Становая Л.А. Старофранцузская морфология и теория скрипты: дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 1994.

Grevisse M. Le bon usage. Paris; Gembloux: Duculot, 1980.

Е.А. Огнева

КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО КОНЦЕПТОСФЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена анализу архитектоники когнитивных структур, формирующих концептосферу художественных текстов в их оригинальной и переводной версиях. Доказывается значимость когнитивно-сопоставительного моделирования когнитивно-дискурсивного поля концептосферы для предотвращения возможных коммуникативных сбоев вследствие трансляции художественных произведений.

The article deals with the analysis of architectonics of cognitive structures forming the conceptsphere of original and translated fiction. The author proves the importance of the cognitive-comparative modeling of the conceptsphere to prevent probable communicative failures as a result of incorrect translation of fiction.

Теория текстовой реализации концепта образует отдельную область когнитологии. Художественный текст как особый тип речевых реализаций концепта является фиксированным вариантом индивидуально-авторского концепта, задающего смысловую конфигурацию концептосферы художественного произведения.

Концептосфера текста рассматривается нами как единство художественных концептов, которые репрезентируются такими когнитивными структурами как фрейм, сценарий, сцена и др. Под художественным концептом понимается компонент художественной концептосферы, включающий те когнитивные признаки и явления бытия, которые сохранены исторической памятью народа и являются в сознании писателя когнитивно-прагматическими топиками в развитии сюжета; создают когнитивную ауру произведения и требуют от переводчика высокого уровня межкультурной компетенции [Огнева 2008б: 7].

Комплексная полевая структура художественных концептов как феноменов картины мира, их когнитивно-культурологический статус, параметры смыслового содержания вербализующих языковых единиц – всё это способствует выявлению различных конфигураций концептов в концептосфере художественного текста и определяет роль когнитивно-прагматических текстовых свойств, обеспечивающих системную речевую реализацию и трансляцию концептов, для которых характерна образность лексической репрезентации [Алефиренко 2005: 7], являющаяся метафорическим освоением внеязыковой действительности автором художественного произведения.

Коммуникативно-когнитивное пространство художественного текста и дискурса (подр. см.: [Алефиренко 2007; Макаров 2003; Манаенко 2009]) как значимых средств речевого порождения и реализации смысловых конфигураций художественных концептов задаёт типы концептов и репрезентирующих их языковых структур.

В результате исследования свойств художественных концептов нами создана их типология, в которой предложена систематизация по следующим параметрам: по смысловому наполнению: базовые и культурные художественные концепты; по культурно-прагматическим свойствам и образу функционирования в речи: угасающие, появляющиеся, актуализированные художественные концепты; по типу структуры представления знаний: фреймы – статичные когнитивные структуры текста; сцены, сценарии – динамичные когнитивные структуры концептосферы художественного текста.

Когнитивно-культурологические параметры концептосферы художественного текста, отражая единство языка, мышления и культуры, предопределяют рассмотрение когнитивно-дискурсивной ауры произведения в качестве комплексной полевой субстанции, которая формируется авторским дискурсом и включает в себя прагматически значимые для развития сюжетных контуров произведения ментальные признаки жизненных реалий.

Художественный дискурс (подр. см.: [Карасик 2004; Алефиренко 2007; Beaugrande 1997]) как среда функционирования концептосферы в процессе трансляции дрейфует от состояния первичности своих параметров к состоянию вторичности, что провоцирует комплексное осмысление предпосылок и условий адаптации когнитивных образований и вербализующих их языковых структур в когнитивно-дискурсивной ауре переводного текста [Delisle 1984].

Сопоставительное изучение концептосферы художественных произведений в их оригинальной и переводной версиях актуально

настолько, что возможно говорить о становлении когнитивно ориентированной транслятологии. Одна из важнейших задач развития когнитивно ориентированной транслятологии на современном этапе заключается в адекватном структурированном представлении этнолингвистического слоя концептосферы оригинала в когнитивно-коммуникативном пространстве переводимых художественных произведений.

Концептосфера структурируется нами как единство смыслового и формального уровней. Смысловой уровень – это иерархически расположенные когнитивные образования, где каждое последующее образование является производным от предыдущих: **компонент смысла** – это минимальная ячейка концептосферы; совокупность компонентов смысла формирует **концепт-элемент**. Единство концептов-элементов создает **субконцепт**. Совокупность субконцептов – это **концепт**. Совокупность художественных концептов – это **концептосфера** художественного произведения [Огнева 2009а: 85].

Особая организация текста свидетельствует о том, что формальный уровень концептосферы – это единство языковых структур, вербализующих форматы знаний: статичные когнитивные структуры (фреймы), динамичные когнитивные структуры (сценарий, сцена) и **Н-когнитивную структуру** – совокупность немоделируемых когнитивных структур концептосферы в силу их низкой частотности в исследуемых текстах [Огнева 2009б: 7]. Авторское понятие **Н-когнитивная структура** позволяет ограничить рамки изучаемого нами материала.

Доказано, что репрезентаторы статичной части концептосферы представляют собой следующую иерархию: **фрейм** – когнитивная структура, репрезентирующая статичную вербализованную часть концепта. Фрейм – совокупность субфреймов. **Субфрейм** реализует статичную вербализованную часть субконцепта и являет собой единство **фрейм-элементов**, в которых репрезентируется статичная часть концептов-элементов. **Фрейм-элемент** вербализуется совокупностью **номинантов**, образующих его номинативное поле. **Номинант** рассматривается как единство планов выражения и содержания языкового знака [Огнева 2009а: 85].

Структурирование двухуровневой организации концептосферы художественного текста является основой её когнитивно-сопоставительного моделирования. Под когнитивно-сопоставительным моделированием подразумевается схематическое представление номинативного поля языковых образований, вербализующих когнитивные структуры, которые репрезентируют когнитивные образования, составляющие концептосферу художественных произведений [Огнева 2009б: 7]. Моделирование выявляет

степень адаптации этнокогнитивно-коммуникативного слоя произведения к восприятию инокультурным читателем и уровень трансформации базовых и периферийных смысловых узлов произведений при переводе; вскрывает причины несоответствий параметров концептосферы текста-оригинала и перевода (одного и более).

Создание методики когнитивно-сопоставительного моделирования концептосферы художественного текста опровергает утверждение о том, что «...тексты и стили пока не подвергаются когнитивному моделированию: первоначальный этап обработки исходного материала <...> здесь значительно затруднен вследствие исключительно высокого числа параметров, которые должны учитываться при выявлении модели» [Беляевская 2009: 44].

Теория когнитивно-сопоставительного моделирования архитектуры концептосферы художественного текста, созданная нами: а) рассматривает художественный концепт в качестве глобальной ментальной единицы чувственного восприятия мира в его национальном своеобразии в ценностно-смысловом пространстве русского языка на фоне других языков; б) выявляет способы вербализации концепта; в) устанавливает закономерности трансляции познавательных структур номинативного поля концептосферы; г) доказывает, что специфика концептосферы предопределяет принципы воплощения когнитивных структур (форматов знаний) в языковых структурах.

Важно отметить, что «весь смысл когнитивного подхода исследования в постоянном соотношении разных форматов знаний (фреймов, сценариев, сцен) с языковыми форматами, их объективирующими [Кубрякова 2009: 12], т.к. именно «анализ языка в его тесной взаимосвязи с ментальной деятельностью человека предполагает соотношение языковых и мыслительных структур» [Болдырев, Магировская 2009: 7].

Когнитивно-сопоставительное моделирование номинативного поля концептосферы основано на комплексном подходе к изучению материала методом когнитивно-герменевтического исследования художественного текста в его оригинальном и переводном вариантах.

Суть предложенного нами метода заключается в системе следующих приёмов и исследовательских шагов:

– сопоставительный и контекстуальный анализ результатов эвристического перекодирования художественных концептов с их инвариантами с последующей когнитивно-герменевтической интерпретацией стилистической архитектуры текста-оригинала и перевода;

– анализ дискурсивной динамики текста, предоставляющий материал для интерпретации и когнитивно-сопоставительного моделиро-

вания речевых реализаций когнитивных структур оригинала, претерпевающих воздействие когнитивной базы переводчика;

– концептуальный анализ структуры когнитивно-коммуникативного пространства оригинального текста и переводного и герменевтическое осмысление их динамики;

– семантико-когнитивный анализ единиц, вербализующих художественные концепты в когнитивно и дискурсивно интерпретируемой ауре текста оригинала и перевода.

Результаты, полученные путём применения когнитивно-герменевтического метода, (1) демонстрируют адекватность количественного и качественного наполнения когнитивных структур (фрейма, сценария, сцены), формирующих художественную концептосферу оригинала и перевода; (2) устанавливают основные тенденции процесса адаптации компонентов номинативного поля концептосферы исходного текста в процессе трансляции на английский и французский языки; (3) являются основой для определения границ языковых изменений знака при переводе; (4) способствуют построению когнитивно-сопоставительных моделей номинативных полей языковых образований, вербализующих когнитивные структуры исследуемой концептосферы [Огнева 2009б: 7-8]. Подчеркнём, что концептосфера русского языка, созданная художественной литературой и фольклором, исключительно богата, <...> это культурно-ментальный феномен, представляющий собой духовную, одушевленную ипостась (подр. см.: [Лихачёв 1993; Wierzbicka 1990]).

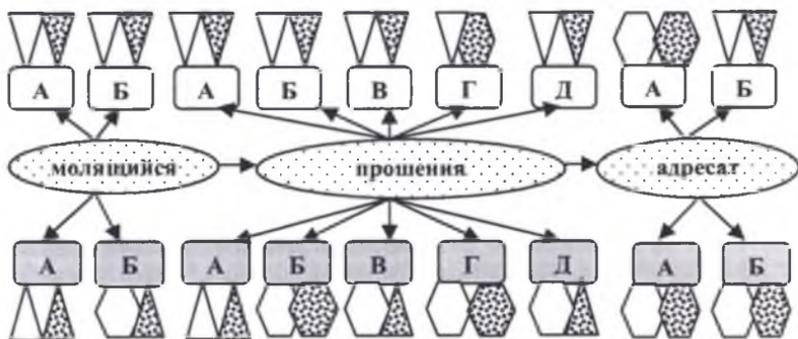
Когнитивно-герменевтический сопоставительный анализ социокультурно маркированных концептов, формирующих исследуемое нами когнитивно-дискурсивное поле концептосферы художественных текстов русской прозы и их переводных вариантов на французский и английский языки, во-первых, определил уровень соответствия дискурсивной динамики оригинального и переводного текстов, во-вторых, способствовал когнитивно-герменевтической интерпретации стилистической архитектоники текста-оригинала и перевода, в-третьих, выявил результаты эвристического перекодирования номинативного поля концептов, нежесткая структура которых, вследствие их динамики, по мнению Н.А. Бесединой, «позволяет заключить, что моделировать концепт в принципе сложно» [Беседина 2006: 105].

Нами построены когнитивно-сопоставительные модели когнитивных образований, а также репрезентирующих их когнитивных структур: а) модель фрейма [Огнева 2008в: 39-52], б) модель сценария [Огнева 2008б: 110-114], в) модель сцены [Огнева 2008а: 132-135]. В качестве примера ниже приводится когнитивно-сопоставительная модель сцены *“молитва”*. Модель была построена в результате сопоставительного анализа языковых

структур, вербализующих исследуемую сцену, в рамках которой реализуется динамичный сегмент субконцепта “молитва” как значимого компонента концепта ВЕРА.

Моделирование осуществлено в результате сопоставительного анализа языковых конструкций, вербализующих когнитивные структуры, формирующие концептосферу произведения Б. Пастернака «Доктор Живаго» и его переводов на английский и французский языки. Исследована молитва мальчика Юры: *Ангеле Божий, хранителю мой святой, – молился Юра, – утверди ум мой во истинном пути и скажи мамочке, что мне здесь хорошо, чтобы она не беспокоилась. Если есть загробная жизнь, Господи, учини мамочку в рай, идеже лица святых и праведницы сияют яко светила. Мамочка была такая хорошая, не может быть, чтобы она была грешница, помилуй ее, Господи, сделай, чтобы она не мучилась. Мамочка – в душераздирающей тоске звал он ее с неба, как новопричтенную угодницу, и вдруг не выдержал, упал наземь и потерял сознание* (подр. см.: [Огнева 2009б: 24-27]).

В модели приняты следующие условные обозначения: **верхняя часть модели** – это план выражения номинантов, **нижняя часть модели** (темная) – это план содержания номинантов, **шестиугольник** – символ симметричной адаптации репрезентанта на переводной язык, **светлый шестиугольник** – результат адаптации репрезентанта на французский язык, **заштрихованный шестиугольник** – результат адаптации репрезентанта на английский язык: **треугольник** – символ асимметричной адаптации репрезентанта на переводной язык, **светлый треугольник** – результат адаптации репрезентанта на французский язык, **заштрихованный треугольник** – результат адаптации репрезентанта на английский язык:

Когнитивно-сопоставительная модель сцены “молитва”

Построенная модель выявляет следующее:

1) структура рассматриваемой сцены состоит из трёх терминалов: “молящийся”, “прошения”, “адресат”;

2) терминалы имеют неравное количество репрезентантов: терминал-1 – 2 репрезентанта, терминал-2 – пять репрезентантов, терминал-3 – 2 репрезентанта;

3) терминал “молящийся”, воплотивший индивидуально-авторское видение субъекта молитвы, в рамках рассматриваемой когнитивной структуры концептосферы трансформирован в большей степени: план содержания только одного из репрезентантов передан симметрично на французский язык, т.е. на 50%; на английский язык все компоненты терминала транслированы асимметрично;

4) терминал “адресат”, отражающий общепринятый образ, трансформирован в меньшей степени, где только репрезентант **Б** адаптирован асимметрично в плане выражения и, как следствие, план содержания репрезентантов передан симметрично на 100%, план выражения репрезентанта – на 50%, что обусловлено наличием исследуемого терминала в культурах как русского, так французского и английского народов;

5) из пяти репрезентантов терминала “прошение” план выражения передан асимметрично на французский язык во всех случаях, на английский язык он адаптирован симметрично на 20%, тогда как план содержания передан симметрично на французский язык на 80%, а на английский язык – на 40%, что говорит о том, что структура сцены “молитва” изменена в меньшей степени при переводе оригинала на французский язык, чем на английский язык и, как следствие, франкоговорящие читатели воспринимают менее искаженный текст, чем англоговорящие.

Построенные в процессе исследования когнитивно-сопоставительные модели когнитивных образований и когнитивных структур, формирующих концептосферу художественного текста, способствовали:

1) комплексному осмыслению процессов адаптации дискурсивного пространства художественных произведений;

2) выявлению степени трансформации языковых структур, вербализующих когнитивные;

3) определению уровня адекватной трансляции социокультурного слоя изучаемой концептосферы;

4) установлению объёма соответствия русским реалиям тех образов, которые имплантируются переводами в сознание французского и английского читателя.

Применение методики когнитивно-сопоставительного моделирования концептосферы художественного текста установило: а) зависимость степени адаптации номинативного поля когнитивной структуры от её

месторасположения в когнитивно-дискурсивном поле концептосферы (ядро, приядерная зона, ближайшая, дальняя или крайняя периферия); б) обусловленность существования как статичных, так и динамичных когнитивных структур параметрами смыслового наполнения коммуникативного пространства текста оригинала.

Таким образом, когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста, во-первых, выявляет степень допустимого видоизменения её структуры в процессе трансляции, во-вторых, вскрывает причины недопонимания французскими и английскими читателями переводов русской классики, её национального духа, что может привести к сбою при межкультурной коммуникации.

Исследование тенденций трансляции плана содержания и выражения номинантов номинативных полей, вербализующих когнитивные образования концептосферы художественного текста, позволило изучить коммуникативно-прагматическую природу художественных концептов в составе концептосферы первоисточника текста и осмыслить степень их трансформации в переводном тексте, что будет способствовать решению ряда проблемных ситуаций при межкультурной косвенной коммуникации, так как:

(1) создание методики когнитивно-сопоставительного моделирования речемыслительных образований и вербализующих их языковых структур текста способствует представлению концептосферы в виде сопоставительных моделей познавательных структур в тексте оригинала и перевода, что развивает методологическую базу когнитивно и дискурсивно ориентированной транслятологии;

(2) разработка метода когнитивно-герменевтического анализа материала обеспечивает получение достоверных результатов, на которых базируется комплексное осмысление степени адаптации художественного наследия переводимых авторов к восприятию языковым сознанием реципиентов;

(3) изучение ядерно-периферийной структуры концептосферы художественных произведений путём её моделирования способствует как эксплицированию степени модификации когнитивно-коммуникативного пространства текста при переводе, так и выявлению объёма соответствия русской картины мира, отраженной в оригинале, её транслированному варианту.

Когнитивно-герменевтический подход к изучению и моделированию концептосферы художественного текста открывает новые перспективы дальнейших когнитивно-сопоставительных исследований дискурсивного пространства текстов в их оригинальном и переводном представлении, что способствует развитию и совершенствованию теории и практики когнитивно ориентированной транслятологии.

Литература

- Алефиренко Н.Ф. Вербализация концепта и смысловая синергетика языкового знака // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: мат-лы междунар. симпозиума. 22-24 мая 2003. Ч. 1. Волгоград, 2003. С. 3-13.
- Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. М.: Гнозис, 2005.
- Алефиренко Н.Ф. Текст – дискурс – язык // Русская филология. Украинский Вестник: Республиканский научно-методический журнал. Харьков. 2007. № 2-3 [33]. С. 3-7.
- Беляевская Е.Г. Когнитивное моделирование: уточнение параметров метода // Филология и культура: материалы VII междунар. науч. конф. 14-16 окт. 2009. Тамбов, 2009. С. 41-44.
- Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: моногр. М.: Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
- Болдырев Н.Н. Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.
- Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. М.: Ин-т языкознания РАН, Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв. АН. Сер. лит-ры и языка. 1993. № 1. Т. 52. С. 3-9.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
- Манаенко Г.Н. Координаты понятия «дискурс» // Дискурс, концепт, жанр: коллектив. моногр. Нижний Тагил: НТГСПА, 2009.
- Огнева Е.А. Структурирование религиозного дискурса: субконцепт 'молитва' // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008а. №1 (1). В 2 ч. Ч. 1. С. 132-135.
- Огнева Е.А. Компаративно-когнитивное моделирование сценария // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 21. 2008б. № 16 (117). С. 110-114.
- Огнева Е.А. Степень искажения фреймовой структуры текста-источника при переводе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008в. № 1. С. 39-52.
- Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: моногр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009а.
- Огнева Е.А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): Автореф. дис. ... д-ра, филол. наук. Белгород, 2009б.
- Baugrande R. de. New Foundation for a Science of Text and Discourse: Cognition, Communication and the Freedom of Access to Knowledge and Society. Norwood, N.J.: Ablex, 1997.
- Delisle J. L'analyse du discours comme méthode de traduction. Ottawa, 1984.
- Wierzbicka A. Dusa ['soul'], toska ['yearning'], sud'ba ['fate']: Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture // Z. Saloni [ed.]. Metody formalne wopisje jesukow slowianskish. Bialystok, 1990. P. 13-36.

Д.А. Морель Морель
КОНЦЕПТЫ И СРЕДСТВА ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ: ОСОБЕННОСТИ
СТРУКТУРИРОВАНИЯ, ДИНАМИКИ И СООТНЕСЕННОСТИ

В статье обобщаются результаты исследования ряда системных характеристик концептов (фрактальности, динамичности, интегративности) в свете их соотносительности с лексическими средствами их репрезентации (отношение гомоморфизма).

The present article summarizes the study of system features of concepts (fractality, dynamism, integrative properties) in the light of interdependence (homomorphism) of concepts and means of their lexical representation.

В последнее время автором исследуется ряд системных аспектов бытования концептов: особенности их структурирования и динамики, а также их соотносительности с лексическими средствами их репрезентации.

В нашей работе мы опираемся на два положения: о системности концепта (подр. см.: [Морель Морель 2009]) и о его открытости как системы [Зусман 2003].

Полученные нами результаты обобщены в нескольких разделах (по основным проблемам исследования), представленных далее.

1. Структура концептов

Анализ целого ряда работ, затрагивающих проблему организации концепта (подр. см.: [Морель Морель 2008а]), позволяет нам сделать вывод о том, что концепт содержит в себе блоки информации а) непосредственно о фиксируемой им в концептуальной картине мира (ККМ) реалии; б) об отношении представителей языкового коллектива к данной реалии; в) о связях в ККМ, в которые включает сознание представителей языкового коллектива данный концепт. Таким образом, в структуре концепта можно выделить следующие элементы: 1) облигаторное когнитивно-аксиологическое ядро, включающее когнитивную невербализованную, когнитивную вербализованную и аксиологическую составляющие; 2) периферийную область, включающую необлигаторные составляющие: нормативную [Кулинич 2000: 27; Бабаева 2002] и эмоциональную [Степанов 2001: 43], находящиеся в прямой зависимости от аксиологической составляющей [Красавский 2001]; 3) облигаторный ассоциативный ореол.

Концепт традиционно представляется в виде совокупности компонентов [Minsky 1975; Sperber, Wilson 1998; Кубрякова 1999]. Ряд французских лингвистов вслед за Б. Потье [Pottier 1992] также говорят о совокупности концептуальных признаков, составляющих структуру концепта [Thoiron 1994; Thoiron 1996; Boisson 1996]. При этом указывается, что, в

зависимости от уровня анализа, концептуальный признак сам может быть подразделен на ряд других признаков с выделением собственной внутренней структуры [Thoiron 1996: 517]. Таким образом, концепт рассматривается как иерархически организованная система, обладающая явными признаками самоподобия.

2. Фрактальность концептов

Самоподобие (масштабная инвариантность) проявляется в том, что меньший фрагмент структуры объекта подобен большему, а больший фрагмент структуры подобен структуре объекта, взятого в целом [Зинченко 2007: 43]. Наряду с наличием сложной, детализированной структуры на любом уровне рассмотрения (увеличения) данное свойство является отличительным для фракталов [Mandelbrot 2005].

На фрактальность концептов прямо или косвенно указывает целый ряд авторов. Фрактальность внутренней организации концепта прямо следует из вышеупомянутого самоподобия концепта и концептуальных признаков, в ее пользу свидетельствует также анализ полевых моделей представления концепта (подр. см.: [Морель Морель 2008б]).

Изучение иерархических моделей концептов [Убийко 2004; Приходько 2006; Sowa 2000] позволяет сделать вывод о том, что данные ментальные образования (любого иерархического уровня) и их комплексы (вплоть до концептосферы в целом) фрактальны. В организации как отдельных концептов, так и их систем устойчиво прослеживается свойство самоподобия (полного или частичного):

·1) системообразующие элементы концептов различных иерархических уровней не обнаруживают качественных структурных отличий друг от друга;

·2) любые ментальные образования (вне зависимости от критериев их выделения) могут получить полевое описание в терминах ядра и периферий, причем данная особенность структурирования облигаторно воспроизводится в организации как любого иерархического уровня в целом (от отдельного концепта до концептосферы), так и любого из элементов отдельно взятого уровня.

3. Фрактальность средств вербализации концептов

На существование фрактальных объектов (не используя данного термина, т.к. он был введен в оборот позднее) в лексико-семантической системе языка указывает Ю.Д. Апресян, отмечая принципиальный изоморфизм структур многозначного слова и семантических классов в словаре, представленных в виде графов [Апресян 1974: 187]. Исследование Н.Ю. Шведовой свидетельствует об изоморфизме организации лексического класса и структуры многозначного слова, а также частичного самоподобия

слова, лексического класса и лексики в целом [Шведова 1998]. Таким образом показано, что на собственно лексическом уровне лексико-семантическую систему языка можно рассматривать как фрактал.

Единство природы единиц структуры лексического класса и многозначного слова может быть распространено и на единицы структуры отдельного словозначения или однозначного слова – семы. Проведенное нами исследование показало, что лексическое значение имеет многоуровневую структуру, включающую макрокомпоненты (с собственной уровневой подструктурой) и компоненты (семы) [Морель Морель 2008: 191-194]. Поскольку выделяемые компоненты описываются словами естественного языка и имеют с ними одну и ту же природу, к ним можно применить процедуру компонентного анализа (в данном случае – прием развертывания словарной дефиниции) с последующим выявлением у них многоуровневой древовидной организации, аналогичной структуре лексического значения в целом. Также показано, что изменение иерархического статуса семы не влияет на ее сущностные характеристики [там же: 47-52]. Таким образом, и у лексического значения прослеживаются признаки, присущие фракталу.

Следовательно, наблюдается непрерывная цепочка отношений самоподобия внутри различных уровней лексико-семантической системы языка: от компонентов лексического значения до лексических макроклассов, что свидетельствует о фрактальности данной системы в целом.

4. Гомоморфизм концептов и средств их вербализации

На наличие устойчивых корреляций между организацией ментальных образований и языковых средств их репрезентации указывают многие авторы [Sowa 2000: 495; Попова, Стернин 2001: 89-90; Kleiber 1994; Кубрякова 1999]. Нами было выявлено наличие глубинной корреляции многоступенчатой организации 1) древовидных систем концептов (т.н. "онтологий" – см.: [Sowa 2000]), 2) репрезентирующих их лексико-семантических группировок различного иерархического уровня (от лексико-семантических рядов до обширных лексико-семантических полей), 3) верхних уровней лексического значения [Морель Морель 2008: 199-200]. Показано, что иерархия компонентов лексического значения слова в пределах основной оси ветвления страт родовых и категориально-семантических признаков (подр. см.: [там же: 56-61, 194]) в определенной мере повторяет уровневое членение нисходящих ветвей лексического класса, в который входит данное слово и, соответственно, репрезентируемого этим классом древа (или графа) концептов (термины, используемые в *Knowledge Representation Ontologies* (см., напр.: [Sowa 2000; Guarino 1998])).

Однако существование концепта не предполагает в обязательном порядке наличия репрезентирующих его вербальных средств, что приводит к обнаружению в языке лексических и семантических лакун при наличии соответствующего концепта [Попова, Стернин 2001: 46-49]. Кроме того, как индивидуальные, так и национальные концептуальные картины мира по своим масштабам значительно шире соответствующих языковых [там же: 49, 57, 89]. Следовательно, системы концептов и средств их вербализации находятся в отношениях гомоморфизма, а не изоморфизма, причем концепты выступают прообразом, а языковые средства их репрезентации – образом (см. также: [Приходько 2006: 114-115; Зусман 2003]). Учитывая то обстоятельство, что ККМ не воспроизводит окружающую действительность полностью, то есть находится с ней в отношениях гомоморфизма, выполняя функцию образа, то выстраивается следующая последовательность: объективная действительность → концептуальная картина мира → языковая картина мира. В данной последовательности каждый предыдущий элемент выступает прообразом для последующего.

5. Динамичность концептов

Одним из фундаментальных, имманентных свойств концепта как системы является его динамичность [Колесов 1992; Красавский 2001; Карасик 2006]. Подчеркнем, что концепт одновременно является динамичным и стабильным (но не статичным) образованием [Зусман 2003; Приходько 2006: 120]. Причем обе эти характеристики проистекают из сути концепта как единицы памяти [Кубрякова 1996: 90].

Динамичность концепта обусловлена необходимостью достаточно быстрого реагирования на поступающие извне потоки информации, отражающие изменения а) окружающего мира, б) нашего знания о нем, в) нашего отношения к окружающему миру (и знанию о нем). Она проявляется в изменении его содержания, структуры, характера и набора внешних связей, иерархического статуса и значимости в составе концептосферы и находит свою репрезентацию в динамике системы средств вербализации данного концепта.

Стабильность концепта является необходимым условием для успешного осуществления им своей функции по хранению и передаче (преимущественно во времени) уже накопленной в нем информации [Воркачев 2007: 16]. При этом концепт настолько стабилен, насколько стабильны фиксируемый им в ККМ фрагмент действительности, сознание (в первую очередь память), общество и присущие ему культура, системы отношений, ценностей и т.п.

Проводимое нами исследование показывает, что в процессе своего формирования и бытования концепт может развиваться в направлении

четырёх “миров” – макрорубрик категоризации мира: природного, человеческого (человек как микрокосм), социального и сверхъестественного, образующих устойчивую систему (тетраэдр), в которой каждый элемент взаимосвязан со всеми остальными [Morel Morel 2007].

Соответствующие векторы развертывания концепта являются потенциальными: каждый концепт в конкретный период своего существования может актуализировать от одного до четырех векторов. Чем выше востребованность, культурная значимость концепта, тем больше это число. Прослеживается явная корреляция между количеством одновременно реализуемых векторов развертывания и устойчивостью положения концепта в концептосфере (расширяется его пространство состояний, увеличивается вероятность конструктивного выхода системы из возможных кризисов). Таким образом, одновременное задействование всех четырех векторов развертывания является аттрактором концепта. С учетом явного доминирования “человеческого” и “социального” векторов (в силу антропоцентричности картины мира) и ослабления значимости мира сверхъестественного бассейн аттрактора будет, с высокой степенью вероятности, неизометричным по четырем осям развертывания концепта.

Говоря о динамике концептов, мы выделяем внутреннюю (изменение числа элементов системы (содержательный характер изменений) и/или связей между ними (структурный, внутрисистемный реляционный характер)) и внешнюю (изменение связей рассматриваемой системы с другими системами (внешний, макросистемный реляционный характер изменений)). Соответственно, проявления первой имеют преимущественно структурно-содержательный характер, а второй – чисто реляционный.

Перечислим основные процессы, представляющие структурно-содержательные аспекты динамики концептов:

на уровне отдельного концепта	на уровне концептосферы
1) появление новых концептуальных признаков и/или слов в структуре концепта;	1) появление новых концептов в концептосфере;
2) элиминация из структуры концепта отдельных признаков;	2) «угасание» отдельных концептов;
3) преобразование структуры существующих концептов (изменение статуса отдельных компонентов и конфигурации внутренних связей);	3) преобразование структуры концептосферы (изменение статуса отдельных концептов и конфигурации межконцептуальных связей).

Очевидно, что первые две разновидности процессов автоматически вызывают третью, которая, впрочем, в редких случаях, может наблюдаться самостоятельно.

Следует отметить, что структурно-содержательные проявления динамики концептов тесно связаны с функционально-аксиологическими, отражающими изменение отношения языкового коллектива к представляемой в ККМ данным концептом реалии. Подобное изменение может иметь ценностный и значимостный характер: т.е. отражать в первом случае смену "полярности" оценки, во втором – изменение степени значимости данной реалии для языкового коллектива [Анисимов 2001: 67-69]. По сути дела, появление (признание значимости) и элиминация (утрата значимости) новых концептов (или их компонентов) являются предельными случаями функциональных проявлений динамики концепта, между которыми лежит широчайший диапазон различных степеней востребованности, релевантности.

Что касается реляционных аспектов динамики концептов, то они представлены процессами возникновения и разрыва трех видов связей: центробежных (концепт выступает сферой-источником), центростремительных (концепт выступает сферой-мишенью) и внутренних (связи устанавливаются внутри концепта). Первые два вида относятся к внешней динамике концепта, последний – к внутренней.

6. Интегративность концептов

Частным (но от этого не менее важным) проявлением динамичности концепта является реализация им своего интеграционного потенциала, каковым, на наш взгляд, обладает каждый концепт в силу особенностей своей системной природы [Морель Морель 2008: 30].

Интеграционная активность концепта проявляется в установлении им новых и поддержании уже имеющихся связей: внутренних (формирующих его собственную структуру) и внешних (задающих определенную структуру фрагментам ККМ), и, следовательно, относится к реляционным аспектам динамики концептов. В реализации концептом его интеграционного потенциала значение имеет установление им не только центробежных, но и центростремительных связей.

Обнаруживаемая концептом интеграционная активность может быть условно подразделена на внутреннюю, пограничную и внешнюю. Первая свойственна сложным ментальным образованиям: концептам высоких иерархических уровней, объединяющим концепты-гипонимы на основе отношения подчинения (макро- и суперконцептам [Убийко 2004: 39], гипер- и макроконцептам [Приходько 2006: 119-120]), фреймам, концептам с гетерогенной структурой. Пограничная интеграционная активность

проявляется преимущественно в пересечении концептов, отражающих в ККМ пространственно и функционально смежные реалии, и основывается на метонимическом переносе как когнитивном процессе [Lakoff, Johnson 1980: 35-39; Kövecses, Radden 1998: 39]. Внешняя интеграционная активность концепта проявляется в установлении связей с понятиями удаленными ментальными образованиями преимущественно с помощью метафорического переноса [Lakoff, Johnson 1980].

По способам выявления мы условно подразделяем внешние связи концепта на логические (выстраиваемые на логико-философском, онтологическом (см. [Sowa 2000]) уровне анализа, определяющем место исследуемого концепта в системе знаний, который относится, скорее, к рефлексивному (см. [Попова 2001: 100]), а не бытийному уровню существования концептов); ассоциативные (определяемые по результатам ассоциативных экспериментов); деривационные (лексико-семантические, выделяемые в ходе анализа системы средств вербализации исследуемого концепта); дискурсивные (обнаруживаемые в ходе анализа различных видов дискурса).

7. Лексико-семантические процессы как средство репрезентации динамики концепта и реализации им интегративной функции

Особую роль в репрезентации динамичности концепта в целом и интеграционной активности в частности играют процессы семантической деривации (подр. см.: [Morel Morel 2009]).

Структурно-содержательные проявления динамики прослеживаются на всех уровнях системы средств вербализации концепта. Изменения в семантике отдельных наименований и организации ЛСГ, помимо обусловленности внутриязыковыми процессами, находятся в сильной зависимости от динамики экстралингвистической действительности. Особую роль в проявлении структурно-содержательной динамики средств вербализации концептов играют заимствования. Прослеживается корреляция между характером динамики заимствований и взаимоотношений стран языка-донора и языка-акцептора.

Связи между концептами в ККМ не являются фиксированными. Конфигурация комплекса внешних связей конкретного концепта меняется с течением времени. Возникновение, элиминация и реконфигурация внешних связей концепта вызывает различные процессы в системе средств его вербализации, что достаточно четко фиксируется как на собственно лексическом (изменение состава ЛСГ), так и на семантическом (изменение компонентного состава лексического значения отдельного наименования) уровнях.

Упомянутое выше четырехвекторное развертывание концепта может быть репрезентировано в языке семами, семемами, словообразовательными средствами, синтагматическими связями. С точки зрения динамики концептуальной соотнесенности в процессе номинации можно выделить пять видов развертывания концепта по осям.

Динамика экстралингвистической действительности (преимущественно социального мира) приводит к определенным изменениям последовательно в самом социальном мире, в концептуальной и языковой картинах мира. Протекающие при этом во всех трех системах процессы имеют во многом идентичный характер.

В динамике ККМ находят свое отражение не столько сами процессы в социальном мире, сколько их результаты. Именно они и являются экстралингвистическими факторами динамики систем средств вербализации концептов. Основными же внутриязыковыми факторами динамики данных систем являются языковая конкуренция, ослабление парадигматических связей мотивированных наименований, изменение структуры лексического значения мотивирующих наименований.

Различные виды экстралингвистических факторов приводят к различным проявлениям динамики в системах средств вербализации концептов. Так, факторы гносеологического и праксиологического характера приводят к изменениям структурно-содержательного характера. На уровне лексико-семантических группировок различного иерархического статуса происходит перегруппировка наименований, изменение связей между ними в пределах определенной ЛСГ. На уровне семантики отдельных наименований отмечается расширение / сужение концептуальной соотнесенности, изменение ее направленности. Факторы аксиологического характера приводят к изменениям функциональной значимости 1) отдельных компонентов структуры лексического значения (как повышение, так и понижение), 2) отдельных наименований (чаще понижение), 3) целых ЛСГ (выявлены только случаи повышения). Следует обратить особое внимание на системное влияние факторов аксиологического характера на динамику концептов и репрезентирующей их лексики. Изменение отношения языкового коллектива к той или иной реалии активизирует динамические процессы в соответствующем концепте, что в конечном итоге приводит к изменениям последнего в структурно-содержательном и реляционном планах. Если указанные процессы окажутся достаточно стабильными в диахронии и релевантными для языкового коллектива, то аналогичные процессы охватят и лексику. При этом к запуску последовательных процессов сначала в концептосфере затем в лексике приводит как увеличение, так и снижение функциональной значимости реалии.

Длительное отсутствие проявлений динамики в лексике свидетельствует, по всей видимости, о стагнационном процессе в концепте, что является косвенным признаком снижения его значимости.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что представленный в данной статье обзор системных особенностей концептов и средств их вербализации не является исчерпывающим, а соответствующее исследование – законченным. Концепт слишком сложный и неоднозначный феномен, что проистекает, с одной стороны, из чрезвычайной сложности организации и функционирования сознания, с другой – из онтологических характеристик бытия. Связанный с ним комплекс проблем (в том числе и рассмотренных в данной работе) требует дальнейшего всестороннего исследования с активным привлечением научного аппарата теории систем.

Литература

- Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. М.: Современные тетради, 2001.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974.
- Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 2. Воронеж, 2002. С. 25-34.
- Воркачев С.Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. 2007. Т. 66. № 2. С. 13-22.
- Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кириозе З.И. Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта; Наука, 2007.
- Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. 2003. № 2. С. 3-29.
- Карасик В.И. Эволюция и инволюция концептов // Ethnohermeneutik und kognitive Linguistik. Landau, 2007. S. 44-51.
- Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1992. Вып. 3 (№ 16). С. 30-40.
- Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.
- Кубрякова Е.С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия АН. Серия лит-ры и языка. 1999. Т. 58. № 6. С. 3-12.
- Кулинич М.А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: Автореф. дисс. ... д-ра культуролог. наук. М., 2000.
- Морель Морель Д.А. К вопросу о свойствах концепта как системы // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. Севастополь, 2009. С. 148-157.
- Морель Морель Д.А. Многоуровневая модель лексического значения наименований французского языка. М.: СГА, 2008.

Морель Морель Д.А. Проблемный характер определения, структурирования и типологизации концептов // Труды по когнитивной лингвистике. Кемерово, 2008а. С. 204-211.

Морель Морель Д.А. Фрактальность концептов и их систем // Лингвистика. Герменевтика. Концептология. Кемерово, 2008б. С. 34-44.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Приходько А.Н. Языковое картирование мира в паттерне «концептосфера – концептополе – концептосистема» // Новое в когнитивной лингвистике. Кемерово, 2006. С. 114-125.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2001.

Убийко В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник ОГУ. 2004. № 5. С. 37-40.

Шведова Н.Ю. Предисловие // Русский семантический словарь. Т.1. М.: Азбуковник, 1998. С. VIII-XXIII.

Boisson C.P. Les dénominations de la règle à calcul // Meta. 1996. V. XLI. N 4. P. 525-565.

Guarino N. Some Ontological Principles for Designing Upper Level Lexical Resources // Proceedings of First International Conference on Language Resources and Evaluation. Granada, 1998. P. 527-534.

Kleiber G. Catégorisation et hiérarchie: sur la pertinence linguistique des termes de base // Hermes, Journal of Linguistics. 1994. N 13. P. 213-233.

Kövecses Z., Radden G. Metonymy. Developing a Cognitive Linguistic View // Cognitive linguistics. 1998. Vol. 9. N 1. P. 37-77.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago; L.: U.C.P., 1980.

Mandelbrot, B.B. Fractal // Microsoft Encarta Premium 2006. СПб.: Platinum, 2005 (DVD-ROM).

Minsky M. A framework for representing knowledge // The Psychology of Computer Vision. N.Y., 1975. P. 211-277.

Morel Morel D.A. Concepts' attractors: some observations and issues // Материали за III международна научна практическа конференция «Наука и образование без граници-2007». Т. 9. София, 2007. С. 12-17.

Morel Morel, D.A. Dynamics of "Food" and "Drinks" Concepts as Parts of "Security Perimeter" // Materia y V Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji "Nauka i inowacja-2009". V. 8. Przemysł, 2009. S. 72-77.

Pottier B. Théorie et analyse en linguistique. 2-ème éd. P.: Hachette, 1992.

Sowa J.F. Knowledge Representation: Logical, Philosophical and Computational Foundations. Pacific Grove, CA: Brooks Cole Publishing Co., 2000.

Sperber D., Wilson D. The mapping between the mental and the public lexicon // Thought and Language. Cambridge., 1998. P. 184-200.

Thoiron Ph. La terminologie multilingue: une aide à la maîtrise des concepts // Meta. 1994. Vol. XXXIX. N 4. P. 765-773.

Thoiron Ph. Arnaud P., Bejoint H., Boisson C.P. Notion d'«archi-concept» et dénomination // Meta. 1996. Vol. XLI. N 4. P. 512-524.

А.М. Лагоденко
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ТРЕВОГА
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу концепта ТРЕВОГА и его репрезентации лексическими средствами английского языка. Анализ языковых средств репрезентации данного концепта представляется одним из способов исследования абстрактных понятий в концептуальной структуре. Комплексное описание позволит получить объективное представление о сущности и содержании абстрактного концепта.

The article deals with the analysis of the concept CARE and its lexical representation in the English language. The analysis of the verbal means used to represent this concept is one of the methods to research abstract concepts. A comprehensive description will allow to get a fair idea of the essence and content of the abstract concept.

В современном языкознании в отдельное направление выделяют изучение концептов класса “эмоции”. Эмоции – одна из наиболее сложно организованных систем человека. Исследованию эмоций и их репрезентации языковыми средствами посвящены многие работы (работы В.Ю. Апресяна, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, А. Зализняк, Л.Н. Иорданской, И.Б. Левонтиной и др.)

В конце XX века В.И. Шаховский ввел термин “эмотиология” в лингвистический обиход, что сделало возможным выявление степени языкового отражения наших чувств, нашего эмоционального состояния.

Для более ясного понимания сущности эмоциональных концептов необходимо определить границы и структуру дефиниций “эмоциональность” и “эмотивность”. «Эмоциональность понимается как психологическая характеристика личности, состояние и уровень развития ее эмоциональной сферы. Эмотивность – это лингвистическая характеристика слова, предложения, способная произвести эмоциогенный эффект, вызвать у языковой личности соответствующие эмоции» [Маслова 2006: 254].

Язык – это не только орудие культуры, но и орудие эмоций. Эмоции являются специфической формой человеческого отношения к миру, лингвистов же интересует их языковая интерпретация. Мысли и эмоции сливаются в процессе коммуникативной деятельности, причем эмоции могут даже превалировать. Каждая языковая личность, независимо от культурных различий, переживает одни и те же базовые эмоции, и это роднит людей различных культур. Но варьирование и интенсивность базовых эмоций у разных народов различна, что делает каждого человека уникальным [Маслова 2006].

По мнению Н.А. Красавского, известная абстрактность эмоций является основной причиной их сложной вербально-концептуальной организации. «Архитектоника, в частности лексически выраженных концептов эмоций (радость, гнев и т.п.), таким образом, сложна, поскольку трудно постигаемо само данное психическое явление. Помимо ядерной части в неё включена широкая периферия, формируемая многочисленными образно-оценочными коннотациями, своеобразными коллективно-индивидуальными результатами мыслительной деятельности человека» [Красавский 2001: 90].

Эмоции репрезентируются вербально и невербально. Эмоциональные концепты имеют различный характер вербализации: могут называться, описываться и выражаться посредством языковых знаков [Бутенко 2006]. Современная наука считает, что главное в психологической сфере человека – эмоция, которая всегда явно или скрыто сопутствует любому высказыванию и отражается в нем по-разному. «Эмоции, – отмечает Л.Г. Бабенко, – пронизывают жизнь человека, сопутствуют в любой его деятельности, они – важнейшая сторона человеческого существования. Без эмоций немислим ни сам человек, ни его деятельность» [Бабенко 1989: 3].

Специализированные в конкретной культуре, социуме эмоции формируют концепты. Результаты этого процесса – эмоциональные концепты – представляют большой интерес для когнитивной лингвистики.

Универсальность эмоциональных концептов объясняется тем, что именно эмоции «являются центральной частью жизни человека, которые и делают представителей разных этносов более или менее похожими друг на друга» [Шаховский 1996: 87]. Кроме того, психологическая природа и физиологические проявления эмоций универсальны и переживаются человеком вне зависимости от его культурной и этнической принадлежности. Эмоция «тревога», рассматриваемая в данной работе, входит в список производных эмоций зоны высокой субъективной ценности [Винарская 2001]. С другой стороны, эмоциональным концептам присуща этноспецифичность, обусловленная «индивидуальным эмоциональным трендом и национальным индексом данной культуры» [Шаховский 1996: 86].

В своей работе К.О. Погосова упоминает о существующих лингвистических концепциях эмоций, суть которых сводится к тому, что есть мир (объект) и есть человек (субъект), способный отражать этот мир. «Как языковая личность он отражает не механически все подряд, а пристрастно, только то, что ему необходимо. Данный процесс отражения регулируют эмоции, выступающие в роли посредника между миром и его отражением в языке человека. В свою очередь, вербализованная эмоция есть имя концепта эмоции, поскольку как знаковое образование существует,

функционирует в лингвокультуре и, следовательно, отражает в себе эмоциональный опыт того или иного индивида, в целом социума, оценочно категоризирует, концептуализирует окружающий мир. Лексема есть важнейшее средство вербального оформления концепта» [Погосова 2007: 14].

По мнению Н.А. Красавского, каждый эмоциональный концепт культурно обусловлен. Он рождается при определённых социально-исторических условиях в конкретной этнической общности на определённом этапе её развития. Иногда он ею может заимствоваться извне как понятие; затем рефлексироваться первоначально “чужим” для него сознанием, а впоследствии трансформироваться непосредственно в более сложный феномен – концепт [Красавский 2001].

Эмоциональный концепт Н.А. Красавский определяет как структурно-смысловое интегративное ментальное образование. «Концепт – это, прежде всего, интегративная, суммарная мыслительная конструкция, фиксирующая в вербальной форме само понятие, его ценность для концептоносителей и образы их языкового сознания. В концепте как сложно оформленной ментальной структуре фокусируются результаты освоения человеком мира» [Красавский 2001: 54-55].

В последние годы проблеме эмоций уделяется огромное внимание в рамках когнитивных исследований. Н. Бранскомб справедливо отмечает, что основное затруднение при разработке вопросов, связанных с пониманием аффекта, когниции и их взаимоотношений составляет разграничение того, что понимается под эмоцией и когницией. Н. Бранскомб говорит о том, что «аффект и когниция не могут быть поняты, если они рассматриваются в изоляции: их необходимо исследовать в соотношении с другими свойствами интеллекта» [Branscombe 1988: 5], и приходит к выводу, что «аффект и когниция не являются независимыми и не обусловлены фундаментально отличными механизмами; скорее всего, они обусловлены сознательными и бессознательными процессами (которые по своей природе могут быть как когнитивными, так и аффективными), производящими впечатление частично независимых» [Branscombe 1988: 13].

Средства вербальной концептуализации эмоций разноуровневые. В реальной речи они выступают в комплексе, придавая ей образность и экспрессию. Наиболее коммуникативными являются лексический и фразеологический уровни языка. «Лексические средства языка являются важнейшим средством репрезентации эмоционального концепта, так как наличие отдельной лексемы служит прямым свидетельством существования понятия» [Волостных 2007: 8].

Исследование эмоциональных концептов может производиться в нескольких направлениях. Например, построение “прототипического

сценария", заключается в описании не столько внешней ситуации, сколько в построении некой абстрактной когнитивной структуры. А основанием для построения эмоциональных сценариев может являться и то, что «общей для всех эмоций является последовательность нескольких фаз», включающая причину, собственно эмоцию и следствие [Ungerer, Schmid 1996: 140]. Согласно такой точке зрения, категорию эмоции следует рассматривать как организованную вокруг прототипа, который описывается следующей последовательностью состояний: состояние эмоционального покоя – причина возникновения эмоции – существование (действие эмоции) – попытка контроля – утрата контроля – действие – состояние эмоционального покоя [Kövecses 1990].

В рамках данного исследования мы занимаемся особым ментальным образованием, в основе которого лежит понятие эмоции тревоги – эмоциональными концептами. Психологическая природа и физиологические проявления эмоций являются универсальными явлениями и переживаются человеком вне зависимости от его принадлежности к различным культурным и этническим сообществам. Возьмем исследуемый нами эмоциональный концепт ТРЕВОГА. К. Изард утверждает, что большинство людей, используя термин ТРЕВОГА, даже не задумываются о том, что он в действительности обозначает. Очень многие люди, если их попросить вспомнить, что именно они чувствовали в состоянии тревоги, скажут, что были мучимы недобрыми предчувствиями, испытывали волнение, беспокойство, а возможно, даже дрожали. Все эти описания свидетельствуют о том, что в основе феноменологии тревоги лежит переживание страха. Страх, как любая базовая эмоция, может варьировать в своей интенсивности, соответственно и в тревоге он может быть выражен слабо, умеренно или сильно. «Важно понимать, что в состоянии тревоги мы, как правило, переживаем не одну эмоцию, а некую комбинацию или паттерн различных эмоций, каждая из которых оказывает влияние на наши социальные взаимоотношения, на наше соматическое состояние, на наше восприятие, мысли и поведение» [Изард 1999: 260].

Согласно электронному словарю *Roget's New Millennium Thesaurus* существительное *care* входит в следующую цепочку синонимов: *alarm, anxiety, burden, distress, fear, solicitude, trouble, uneasiness, worry* и др.

Как мы видим, существительное *fear/страх* является одним из синонимов, с помощью которого репрезентируется концепт ТРЕВОГА. В этой связи представляется необходимым заметить, что «страх» и «тревога» это два близких, а не тождественных по смыслу понятия. Современная наука разграничивает эти два понятия, а основным критерием такого разграничения является характер угрозы. По мнению В.Н. Карандашева и

др., о страхе говорят при наличии реальной объективной опасности, а при переживаниях опасения, не имеющего объективного обоснования, говорят о тревоге [Карандашев и др. 2004].

Наиболее ярко свойства эмоциональных концептов могут быть представлены через существительные. При анализе динамических свойств этих существительных можно сделать вывод о выборе сочетаемости в языке.

Отмечая комбинаторные характеристики лексем, репрезентирующих концепт CARE, можно отметить такое свойство исследуемого концепта как ярковыраженный характер обозначаемого состояния, глубину эмоции, что иллюстрируют нижеприведенные примеры из художественных произведений:

*Within a minute out of my actual pity a **frightening alarm** came to me* (H. James).

*The trouble with this situation was that it was criss-crossed with the danger and **consequent worry** which the deception in regard to Vesta had entailed, as well as with Jennie's natural anxiety about her father and the **disorganized home*** (Th. Dreiser).

Лексема *care* как ключевой репрезентант изучаемого концепта обозначает состояние постоянного или длительного беспокойства, сопровождающееся глубокой сосредоточенностью мыслей и чувств на предмете забот:

*I sympathized a while; but when the children fell ill of the measles, and I had to tend them, and take on me the **cares** of a woman at once I changed my ideas* (E. Bronte);

*It touched the heart of the innocent working-girl with hope, for hers were the years, and poverty could not as yet fill her young mind with **cares*** (Th. Dreiser).

Состояние “anxiety” целиком относится к области внутренних переживаний и указывает на еще большую степень тревоги, свидетельством чего является сочетаемость существительного *anxiety* с соответствующими прилагательными:

*In bright weather, he did choose occasions for getting a little above these lower shadows; but, being at all times liable to be called by his electric bell, and at such times listening for it with **redoubled anxiety**, the relief was less than I would suppose* (Ch. Dickens).

*Did Sebastian fall and injure himself, it was she who struggled with **straining anxiety**, carried him safely to her mother* (Th. Dreiser).

Worry и *alarm* указывают на состояние ума, осмысливающего трудно объяснимые или объективно тревожащие обстоятельства, которое сопровождается нервозностью и может проявляться внешне:

*Jennie was worried. She was looking the **worry** she felt* (Th. Dreiser).

*I could see already, in this, a touch of **alarm** in her face* (H. James).

*If the children had shown any physical evidence of **trouble**, she would have become sick with **worry*** (H. James).

Следующие примеры наглядно демонстрируют долговременность протекания эмоции, не предполагающей деятельности, направленной на устранение враждебных обстоятельств:

*In both countries, the **concern** with the political and economic effects of price increases has led governments to intervene on tariffs* (BNC).

*Incontinence is a major **concern** in many Homes, where some residents are not able to control their bladder or their bowels* (BNC).

*He was relentless in worrying him about his soul's **concerns**, and about ruling his children rigidly* (E. Bronte).

В английском языке таким состояниям соответствует следующая цепочка синонимов: *alarm, anxiety, care, concern, solicitude, trouble, worry* и др.

В своей работе А.Н. Доборович для концептуального анализа концептосферы CREATIVITY применяет такие категории, как "event", "state", "object", "instrument", "property", "amount", "product", и отмечает, что для каждой категории свойственны категориальные признаки (КП), выявленные в результате семного анализа значений лексем, с которыми сочетается исследуемое абстрактное существительное [Доборович 2006: 76-79].

Исходя из вышесказанного, в нашем исследовании для анализа концепта ТРЕВОГА мы будем применять следующие категории: "state", "object", "instrument", "property", "amount".

Категория "state" может быть представлена следующими категориальными признаками. КП "активность" актуализируется в следующих примерах:

*The **alarm** was raised by a colleague who had gone out to their van* (BNC);

*It's worrying the PM and the more reports I study the more my **anxiety** grows* (BNC);

*This study showed that the anticipation and the **worry** had as much effect as the actual admission procedure* (BNC).

КП "предотвращение, удерживание" актуализируется в комбинаторной связи лексем, репрезентирующих концепт ТРЕВОГА с глаголом *prevent*:

Mr Reynolds was also shown the ward day-room and introduced to other patients to help him settle down, but his **anxiety** about his condition **prevented** him from really relaxing (BNC);

Many vain **solicitudes** would be **prevented** many awkwardnesses smoothed by it (BNC).

Категория "state" также представлена следующими категориальными признаками:

а) "внезапное появление эмоции":

He was bitter about Sam's **sudden solicitude** (BNC);

Out of which *maladroit* delay **sprang anxieties**, disappointments, shocks, catastrophes, and passing-strange destinies (Th. Hardy).

б) "исчезновение, избавление от эмоции":

If she tried to be cheerful, **to dismiss** all **care**, to take pleasure in the daylight, the flowers, the baby, she could only be this idea to them – "Ah, she makes herself unhappy" (Th. Hardy);

On the tenth day it pleased a merciful Providence **to relieve** our household **from** all further **anxiety and alarm** (W. Collins).

в) "скрытое/явное переживание эмоции":

To Laura's secret surprise and to my **secret alarm**, he called her by her Christian name, asked if she had heard lately from her uncle, inquired when Mrs. Vesey was to receive her invitation to Blackwater, and showed her so many other little attentions that he almost recalled the days of his hateful courtship at Limmeridge House (W. Collins);

His **evident concern** on seeing the change for the worse in the young lady's looks was expressed with a mixture of tenderness and respect, with an unassuming delicacy of tone, voice, and manner, which did equal credit to his good breeding and his good sense (W. Collins).

Следующие лексемы-репрезентанты концепта ТРЕВОГА сочетаются с глаголами со значением наличия и проявления чувства.

He **concealed** it from her; but if ever he heard me answer sharply, or saw any other servant grow cloudy at some imperious order of hers, he would **show** his **trouble** by a frown of displeasure that never darkened on his own account (E. Bronte);

In 1975, the Faulks committee on libel **expressed** great **concern** about stories which added to the grief of a widow –; and recommended that relatives should be allowed to sue within five years of death (a cynical estimate, critics suggested, of the length of a widow's solicitude)(BNC).

Следуя концепции Р. Джакендоффа, суть которой заключается в семантико-синтаксическом моделировании концепта, в нашем исследовании мы выделяем следующую категорию концепта ТРЕВОГА – категорию

"property". Ученый отмечает, что, как правило, данная категория концептуализируется посредством прилагательных.

*It was a time of **great anxiety** and distress, and yet everything that was beautiful and worth while seemed more precious than ever before (BNC);*

*We are calling on Members of Parliament to support the Parliamentary campaign ensuring that the policy of "Born Too Soon"; is not adopted and that every individual is provided with the proper **medical care** regardless of age, size, race or gender (BNC);*

*Avoiding Marcus's eye, Ludens saw his own face, his dark hair unkempt, his shirt awry, his lips patted in a grimace of **nervous solicitude** (BNC);*

*Luckily poor dear Roger had been spared his **dreadful anxiety** (J. Galsworthy);*

*She added with fashionably **disguised anxiety**: "Will there be much publicity about my affair, Soames? Must it be in the papers? It's so bad for him and the girls" (J. Galsworthy).*

В следующих примерах слабая степень тревоги указывает на тревожное предчувствие, беспокойство, беспомощность:

*His implicit confidence in Miss Fairlie made him satisfied with what she had thought fit to say to him, and he was honestly innocent of the **slightest feeling of anxiety** to hear more (W. Collins);*

*Mr. Fairlie suddenly opened his eyes again, and rolled them with an expression of **helpless alarm** in the direction of the window (Wilkie Collins).*

КП "наличие чувства" репрезентируется посредством сочетания с глаголами *feel, have*:

*This is usually a very pleasant and reassuring interview for a worried old person, who can be helped to **feel** that much of the **anxiety** about her heavy housework is going to be taken off her hands; and the supervisor then tries, as far as possible, to choose just the right member of her staff to suit the needs of the applicant (BNC);*

*So far as Delicacy was concerned, I didn't **have a care** in the world, and yet I smoked and drank like a quadraplegic bankrupt (BNC);*

КП "физическое проявление эмоции" актуализируется посредством сочетаний с глаголами *show, demonstrate*:

*At the same time all concerned should look carefully for ways of meeting the needs of all children, as well as those minorities for which the Authority **demonstrated** a proper and necessary **concern** (BNC);*

Wolfgang and his sister Nannerl remained on close terms throughout his life: his early letters to her and to a Salzburg cousin, Anna Maria Thekla ("the Bäsle" as he called her) are full of juvenile high spirits, spiced with an earthy,

often *indelicate* sense of humour, while his later letters to his sister **show** a touching **solicitude** for the state of her health and spirits (BNC);

КП “умственное проявление эмоции” категории “object” вербализуется посредством сочетания глагола *think* с лексемами-репрезентантами, объективирующими исследуемый концепт:

*And he **thought with alarm** of his father (J. Galsworthy).*

КП “угасание, избавление от эмоции” актуализируется посредством сочетаний с глаголами *dismiss, reduce, minimize, fade away*:

*If she tried to be cheerful, **to dismiss** all **care**, to take pleasure in the daylight, the flowers, the baby, she could only be this idea to them – “Ah, she makes herself unhappy” (Th. Hardy);*

*This ought not to present any problems, although it is probably a good idea to emphasize the importance of the child's language and to try **to reduce** any **anxiety** or embarrassment that adults might feel at the prospect of being recorded (BNC);*

*If they agree a venous blood sample is taken and another appointment arranged within 24 hours to give the result so that the period of uncertainty and **anxiety is minimized** (BNC);*

На основании исследованного фактического материала, можно сделать вывод, что каузативные глаголы представляет особую значимость в формировании категории “instrument”:

*This very **anxiety** can unfortunately **cause** just the rift they dread because people around find it very hard to deal with the “clinging behaviour”; that often results from this worry about separation (BNC);*

*Their **solicitude made** Franca **feel** that she was going to faint (BNC).*

*Enough that I have found it out – and the finding **has caused** that **trouble and anxiety** which made me so inaccessible to you all through today (Wilkie Collins).*

Категория “amount” актуализируется посредством сочетания лексем-репрезентантов, объективирующих концепт ТРЕВОГА с различными квантификаторами, актуализирующими КП “количество”:

*With **a little care** in the giving of the evidence that will be enough, especially as 17 has left Paris – no doubt with the party in question (J. Galsworthy) – “небольшое количество”;*

*There she went, the old Queen; she'd had **a lot of anxiety** – she'd be glad to be out of it, he should think! (J. Galsworthy) – “большое количество”.*

В результате контекстуального анализа примеров лексем-репрезентантов исследуемого концепта, мы пришли к выводу, что для объективации эмоционального концепта ТРЕВОГА в английском языке наиболее продуктивны глагольно-субъектные и атрибутивные модели

синтаксиса (*feel anxiety, demonstrate concern, show solicitude, vague alarm, deep anxiety, maternal solicitude* и т.д.).

В настоящей статье для описания эмоционального концепта ТРЕВОГА используется метод концептуального анализа, который заключается в выявлении признаков, формирующих структуру концепта, их классификации, интеграции и интерпретации.

В результате проведенного анализа сочетаемости номинантов ЭК ТРЕВОГА на материале англоязычной художественной литературы были выявлены наиболее часто актуализирующиеся семантические признаки данного ЭК: “продолжительность” эмоции, то есть актуализация кратковременности или продолжительности данной эмоции:

He was bitter about Sam's sudden solicitude (BNC);

The horse has learnt to associate people with distress or pain, and will suffer chronic anxiety and possibly many problems as a result (BNC).

Однако анализ сочетаемости лексем-репрезентантов, актуализирующих ЭК ТРЕВОГА, показал, что тревогу можно также ослабить, притушить:

Obviously a person who has spent all their life avoiding such situations will never have had the opportunity to learn about the plateau stage and the gradual fading away of anxiety (BNC);

Fogg essayed to calm her anxieties and to assure her that everything would be mathematically – he used the very word – arranged (FL).

Англоязычной культурой ТРЕВОГА рассматривается как некая субстанция, заполняющая субъект, что репрезентируется в следующих примерах:

He dominated and attracted her, and at the same time filled her with anxiety (F. Fitzgerald);

It touched the heart of the innocent working-girl with hope, for hers were the years, and poverty could not as yet fill her young mind with cares (Th. Dreiser).

ЭК ТРЕВОГА также может описываться через актуализацию физиологических проявлений эмоции (плохое самочувствие, бледность и т.д.):

I felt heart-sick and faint with anxiety (W. Collins);

The Count sat down by her, felt her pulse and her temples, looked at her very attentively, and then turned round upon the doctor with such an expression of indignation and contempt in his face, that the words failed on Mr. Dawson's lips, and he stood for a moment, pale with anger and alarm – pale and perfectly speechless (W. Collins).

Анализ примеров, иллюстрирующих настоящий ЭК, показал, что ТРЕВОГА имеет “вкус”, что на языковом уровне проявляется в сочетаниях типа: *bitter anxiety, sweet care* и др.

Эмоция тревоги является отрицательной, негативно влияющей на психологическое и физическое состояние человека:

*I emphasize, but some of his followers, took the view that anxiety, for example, in children, was pathological, and they, that generation of analysts tried to bring up their children to be free of anxiety, and, and then, you still get this in a lot of popular child psychology today, the idea that **anxiety is always bad and always wrong** (BNC).*

В результате контекстуального анализа примеров лексем-репрезентантов исследуемого концепта, мы пришли к выводу, что для объективации ЭК ТРЕВОГА в английском языке наиболее продуктивны глагольно-субъектные и атрибутивные модели синтаксиса (*affected by anxiety, cause trouble and anxiety, express concern, frightening alarm, consequent worry, straining anxiety*).

Абстрактные существительные, будучи чрезвычайно интересным объектом изучения, всегда привлекали к себе внимание лингвистов, поэтому исследование абстрактных существительных в рамках когнитивной лингвистики предполагает анализ средств языковой объективации концептов в целях представления в речи разных признаков концепта.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что изучение механизмов структурирования абстрактных концептов эмоциональных состояний и выявление языковых средств репрезентации концепта ТРЕВОГА представляется одним из способов исследования абстрактных понятий в концептуальной структуре.

Литература

- Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, Изд-во УрГУ, 1989.
- Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «СТРАХ» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
- Винарская Е.Н. К проблеме базовых эмоциональных концептов // Вестник ВГУ. №3. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2001.
- Волостных И.А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007.
- Доборович А.Н. Языковые средства репрезентации концептосферы "creativity" (на материале синонимичных существительных абстрактной семантики современного английского языка): дисс. ...канд. филол. наук. Белгород, 2006.
- Изард К.Э. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999.
- Карандашев В.Н., Лебедева М.С., Спилбергер Ч. Изучение оценочной тревожности: руководство по использованию. СПб, 2004.
- Красавский Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: дисс. ...доктора филол. наук. Волгоград, 2001.
- Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.; Флинта; Наука, 2006.

Погосова К.О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Владикавказ, 2007.

Словарь русских синонимов. М.: Русские словари, 1999.

Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград, 1996.

Branscombe N.R. Conscious and unconscious processing of affective and cognitive information. Toronto, etc.: C.J. Hogrefe. 1988. P. 3-24.

Kövecses Z. Emotion concepts. New York, etc.: Springer-Verlag, 1990.

Ungerer F. & Schmid, H.-J. An introduction to cognitive linguistics. London and New York: Longman, 1996.

BNC - British National Corpus. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

FD - The Free Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thefreedictionary.com>

FL - The Free Library. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.thefreelibrary.com>

К.А. Квасова

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЙ КРЕДИТНО-ФИНАНСОВОЙ СФЕРЫ ПОСРЕДСТВОМ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В статье анализируются различные типы специальных лексических единиц и обосновывается использование данной лексики в качестве средства вербальной репрезентации понятий кредитно-финансовой сферы.

The author analyses different types of special lexical units and substantiates the use of this lexicon as verbal means that express basic notions in the monetary sphere.

Процессы интеграции и глобализации бизнеса, расширение международного сотрудничества, динамичное развитие экономических отношений способствует росту числа специальных лексических единиц кредитно-финансовой сферы в современном английском языке. Развитие системы специальных лексических единиц свидетельствует о развитии лексической системы и языка в целом, поэтому изучение специальной лексики и, в частности, терминологии не утрачивает своей значимости наряду с исследованием других аспектов языка.

Социальная и культурная среда современного человека, складывавшаяся в течение многих тысячелетий, является определяющим фактором, обуславливающим его мировоззрение и мышление. Свое культурное наследие, опыт и накапливаемые знания в различных областях человечество на протяжении всей своей истории старалось сохранить и

передать своим потомкам различными способами, одним из которых является язык. Фактически все явления, предметы и их признаки, все, с чем сталкивалось человечество, получало свое название. Процесс номинации – довольно сложное явление, и средства номинации, т.е. вся лексика языка, неоднородны по своему составу. Особое место среди средств номинации занимает **специальная лексика**. Специальные лексические единицы как нельзя лучше подходят для определения новых явлений в области науки и техники, культуры и искусства.

Несмотря на то, что отечественными лингвистами был изучен целый ряд специальных лексических единиц, в этом разнообразии обнаруживается много общего. При рассмотрении структуры специальной лексики необходимо, прежде всего, обратиться к ее определению. «В отличие от общей лексики, специальная лексика не имеет общего употребления и понятна лишь тем, кто занят в той же области, поскольку она принадлежит не общему языку как средству коммуникации в любых условиях, а отдельным подъязыкам». Вместе с тем, из данного определения не следует вывод о том, что к специальной лексике следует относить всю лексику, не имеющую общего употребления, например, слова из территориальных диалектов или архаизмы и неологизмы литературного языка, поскольку специальной лексикой можно считать ту лексику, которая «связана с профессиональной деятельностью человека». Следует также отметить, что специальная лексика тесно связана с понятиями из различных областей знаний и «создается либо для именованя вещей вообще отсутствующих в естественных условиях, либо для обозначения тех аспектов реальных вещей, которые не попадают в центр внимания человека в повседневной жизни» [Суперанская, Подольская, Васильева 2009: 25-27]. Как отмечает В.М. Лейчик, «специальная номинация гораздо более обширна, чем общезыковая» [Лейчик 2009: 17].

Неоднозначным остается отношение исследователей к статусу профессионализмов. Л.А. Капанадзе считает, что профессионализмы выступают обычно как дублиеты научных и технических терминов и никогда не составляют замкнутой системы, которым свойственна некоторая образность [Капанадзе 1965: 82]. Профессионализмам свойственна ненормированность употребления, функционально-стилевая ограниченность употребления и наличие эмоционально-экспрессивной коннотации.

С.В. Гринев отмечает, что к профессионализмам относится ряд образований, которые вряд ли можно отнести к специальной лексике, и в качестве примера он приводит выражение “без сучка, без задоринки”, “shipshape and Bristol fashion”, которое как нельзя лучше иллюстрирует данное утверждение [Гринев 1993: 51].

Вместе с тем, в экономической и общественно-политической публицистике часто используются профессионализмы. Например, использование профессионализма *greenmail*:

Although the ostensible purpose of the Patent Defense Fund was to protect its big investors, some executives saw an implicit threat when IV approached. It was "the greenmail pitch," says Jim Huston, a former patent and licensing executive at Intel, now at Blueprint Ventures, a South San Francisco VC outfit. "If you don't invest, you're our No. 1 target" (BusinessWeek).

В данном случае бывший сотрудник организации дает объяснение процессам, происходящим в инвестиционной сфере, и определяет, что все действия компании – это «зеленый шантаж», т.е. все действия направлены на выкуп своих акций по повышенной цене у фирмы, купившей значительное число ее акций и угрожающей поглощением. Использование этих лексических единиц в качестве средства вербализации кредитно-финансовых понятий не характерно для научных текстов.

Занимаясь вопросом изучения специальной лексики, исследователи постепенно уточняют круг единиц, которые к ней относятся. Неоднородный характер единиц специальной лексики и особенности их употребления в различных сферах требуют дифференцированного подхода к ней. Основной единицей специальной лексики является термин. Согласно О.С. Ахмановой, «термин – слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 1966: 476]. В данном определении обнаруживается разграничение соотносимых с термином референтов на понятия и предметы, в то время как ряд исследователей соотносят термин лишь с понятием.

А.А. Реформатский понимает под терминами «слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей» [Реформатский 2005: 115]. Вероятно, под вещами исследователь подразумевает то же, что О.С. Ахманова под предметами. С.В. Гринев характеризует термин «как номинативную специальную единицу (слово или словосочетание) специального языка, принимаемую для точного наименования специальных понятий» [Гринев 1993: 32]. И.В. Арнольд именует термином «слово или устойчивое словосочетание, служащее уточнением наименования понятия, специального для какой-нибудь области знания, производства, культуры» [Арнольд 1966: 263].

В определениях, данных С.В. Гриневым и И.В. Арнольд, подчеркивается номинативная функция термина как средства фиксации

специального понятия. Особую функцию термина выделяет Г.О. Винокур. По его мнению, термин – «это слово в функции названия понятия» [Винокур 1939: 5-6]. Таким образом, не каждое слово со специальным значением является термином.

Г.О. Винокур впервые разделил термины и номенклатурные знаки, рассматривая их как разные виды специальных лексических единиц. По его мнению, не следует смешивать термин как обозначение объекта мышления с именем собственным или с номенклатурными элементами и словами. Характерными для номенов отличительными чертами являются, как отмечает ученый, абстрактность и условность. Он понимает под номенклатурой «систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которых состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [Винокур 1939: 8].

Номенклатурные знаки (называемые также номенклатурными обозначениями, номенклатурными наименованиями или номенами) отличаются от терминов, причем основное отличие исследователи видят в том, что термин отражает понятие в определенной области знания, а номен служит для маркировки отдельных объектов (С.В. Гринев, Г.О. Винокур, А.А. Реформатский, В.М. Лейчик и др.).

О.С. Ахманова проводит разграничение между терминологией как совокупностью специальных лексических единиц, служащих для обозначения общих понятий определенной области науки, и номенклатурой как совокупностью специальных лексических единиц, служащих для обозначения единичных понятий – конкретных предметов в этой области [Ахманова 1966: 6].

В.М. Лейчик отмечает, что номенклатурные единицы присваиваются всему множеству предметов, имеющих данный отличительный признак, и от терминов они отличаются тем, что при систематизации номенклатурных единиц происходит не выделение видовых названий из родовых (как в терминах), а объединение нескольких номенклатурных единиц в единый ряд, который потом может быть продолжен: ЗИС-5..., затем ЗИЛ-130 и др. Наличие рекламной функции у номенов, которая особенно ярко проявляется в товарных знаках, обуславливающая их экспрессивность, не присущую терминам, также разграничивает эти два типа специальных лексических единиц [Лейчик 2009: 27-29].

Следует отметить, что экономические и общественно – политические публицистические тексты характеризуются широким

использованием номенов в качестве средства вербализации понятий сферы кредитно-финансовых отношений. Рассмотрим следующие примеры:

In the US, borrowers are rated either as 'prime' – indicating that they have a good credit rating based on their track record – or as 'sub-prime', meaning their track record in repaying loans has been below par (The Economist).

'Our mission is giving loans to the poor' (The Tribune).

Banks warned against giving big unsecured loans (Gulfnews).

Как видно из примеров, в общественно-политических публицистических текстах среди знаков, репрезентирующих понятия кредитно – финансовой сферы, все большее место занимают не термины, а номенклатурные знаки. В данном случае используется номенклатура услуг, предоставляемых физическим и юридическим лицам: *repaying loans, giving loans*.

Следующие примеры также иллюстрируют особенности употребления номенклатуры в публицистике:

The euro fell for a third day against the dollar and the yen on speculation that Europe's recovery from last year's recession is slowing (BusinessWeek).

The Swiss franc declined against the dollar and the euro, prompting speculation the central bank sold the currency to safeguard the economic recovery. (BusinessWeek).

The peso declined, touching an almost five-month low, as investors bet the government will pursue a weaker currency without Redrado (BusinessWeek).

В данном случае мы наблюдаем употребление номенклатурных знаков денежных единиц: dollar, euro, yen, peso, которые очень часто встречаются в публицистических текстах общественно-политического характера.

Как отмечает В.М. Лейчик, «нарицательные имена, в том числе термины, номенклатурные единицы (как подкласс терминов) и собственно имена – это три основных класса лексических единиц современного языка, с помощью которых обозначаются различные предметы (соответственно классы предметов, части классов и отдельные предметы) и выражаются понятия (соответственно всеобщие, частные и единичные понятия), прежде всего, в так называемых специальных сферах человеческого общения» [Лейчик 2009: 22]. Это важно отметить, поскольку финансово-кредитная сфера относится к сфере специальной коммуникации.

Различие между термином и именем собственным в том, что имя собственное (оним) – это «особое индивидуальное обозначение предмета (одушевленного или не одушевленного), термин – это своеобразное имя уникального понятия» [Суперанская, Подольская, Васильева 2005: 30].

Следует подчеркнуть, что термин связан с понятием, (выступающим в роли его денотата) в то время как оним связан с именуемым им предметом (денотатом). Денотат термина, в отличие от денотата онима, неосязаем и неощутим. Таким образом, имена собственные не являются носителями логического содержания, поскольку они не связаны с понятием. Рассматривая имена собственные в рамках экономической терминологической системы, можно отметить, что их ключевой функцией обычно является уточнение, конкретизация значений терминов. Например:

Scottish & Newcastle shares rose 5.5 pence to close at 724.5 pence (International Herald Tribune).

В данном случае речь идет о компании *Scottish & Newcastle*, акции которой выросли. В сочетании *Scottish & Newcastle shares*, обозначающем название компании, термином является лексема *shares*, а именем собственным - *Scottish & Newcastle*, которое лишь конкретизирует данное понятие.

Следовательно, по способу обозначения предметов имя собственное схоже с номеном, так как номенклатурные единицы предназначены для маркирования или этикетирования отдельных объектов, и в основе собственных имен лежит, как правило, отличительный признак.

Наряду с такими, представляющими интерес для нашего исследования, средствами номинации как термины и номены существуют другие способы, посредством которых может вербализоваться понятие из области профессиональной деятельности, например, предтермины и квазiterмины, которые были впервые выделены и изучены В.М. Лейчиком.

Предтермины – это специальные лексемы, используемые в качестве терминов для называния новых, недавно сформированных понятий. Данная лексема обычно представляет собой описательный оборот (многословное номинативное словосочетание, используемое для называния понятия и позволяющее точно описать его сущность), сочинительное словосочетание, сочетание, содержащее причастный или деепричастный оборот. Предтермины используются для именованя новых понятий, то есть до того, как понятие было достаточно изучено, осмыслено и могло бы быть вербализовано посредством подходящего термина. Поскольку научная мысль не стоит на месте, и происходит постоянное уточнение данных, относительно изучаемого явления или предмета, предтермины отличаются временным характером и неустойчивостью формы. В большинстве случаев постепенно предтермины вытесняются терминами, но в ряде случаев этот процесс приобретает длительный характер, и предтермин закрепляется в специальной лексике, приобретая устойчивый характер и становясь квазiterмином [Гринев, Лейчик 1999: 7].

Еще одним способом вербальной репрезентации базовых понятий сферы кредитно-финансовых отношений может являться терминоид. Эта специальная лексическая единица была выделена А.Д. Хаютиным. Под терминоидами он понимает «единицы терминологии, либо еще не ставшие терминами, либо не удовлетворяющие требованиям, предъявляемым к терминам, либо, наконец, употребленные в нетерминологических материалах и, в результате утери функции терминов, фактически детерминологизирующиеся и тем самым переставшие быть терминами» [Хаютин 1972: 104]. Таким образом, терминоид используется для называния недостаточно устоявшихся, неоднозначно понимаемых понятий, не имеющих дефиниций. Данная лексическая единица отличается колебаниями формы и значения, и для нее не характерна контекстуальная независимость.

Исследования донаучного периода развития специальной лексики привели к выделению С.В. Гриневым еще одного ее типа – прототермина, наименования специального представления в донаучный период развития специальных знаний. С появлением науки прототермины становятся терминами или функционируют наряду с терминами в качестве “народных” терминов [Гринев 1993: 48]. Поскольку прототермины появились и применялись в донаучный период, они называют не понятия, которые возникают с появлением науки, а специальные представления. На настоящий момент прототермины сохранились в дошедшей до нас в ремесленной лексике и бытовой лексике, поскольку с тех пор многие специальные представления вошли в общий обиход. При появлении научных дисциплин, в которых специальные предметные представления в различных видах деятельности теоретически осмысливаются и преобразуются в научные понятия, часть устойчиво закрепившихся в специальной речи прототерминов переходят в научную терминологию. Следовательно, многие базовые термины когда-то были прототерминами. Если прототермины не закрепились в специальной речи, они могут существовать, либо в виде общеупотребительной лексики предметных областей, в которых ещё не сформировались научно-теоретические основы, либо, как уже было отмечено, могут функционировать в виде “народных терминов”, которые используются параллельно с научными терминами, но не связаны с понятийной системой.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предтермины, квазитермины, терминоиды и прототермины являются определенным звеном в цепи научного познания, занимавшим промежуточное место, прежде чем результаты познания были обобщены и систематизированы, а затем закреплены в соответствующем термине.

Поскольку понятия сферы кредитно-финансовых отношений являются неотъемлемой частью современного общества, и терминология данной сферы употребляется не только в специальной научной литературе, но и в других жанрово-стилистических видах произведений, что обуславливает ее близость к общеупотребительному пласту литературного языка, возникает немаловажный в этой связи вопрос о разграничении терминологических единиц и единиц лексики не относящихся к терминологии и специальной лексике в целом.

Рассматривая различия термина и общеупотребительного слова, исследователи отмечают искусственность создания термина. «Искусственность акта именованья определенного понятия закрепляется в дефинициях – кратких словесных определениях, поясняющих, что есть данное понятие» [Суперанская, Подольская, Васильева 2009: 31]. Наличие дефиниции как отличительная особенность термина отмечается Т.Л. Канделаки, согласно данному ею определению, «под термином понимается слово или лексикализованное словосочетание, требующее для установления своего значения в соответствующей системе понятий построения дефиниций» [Канделаки 1977: 7]. В.В. Виноградов также характеризует термин как «слово с дефинитивной функцией», т. е. с функцией определения понятия [Виноградов 1947: 13].

С.В. Гринев полагает, что «разница между дефиницией термина и общеразговорным толкованием слова, то есть между термином и словом отражает разницу между понятием и представлением». Очевидно, что толкование общеупотребительного слова отражает черты именно представления, которое является чувственно-наглядным, обобщенным образом предметов и явлений действительности, не раскрывающим внутренних связей предметов, в то время как понятие – это обобщение предметов некоторого класса по их специфическим признакам [Гринев 1993: 31-32]. Следовательно, в отличие от наивных понятий, которые имеют толкования, научные понятия имеют дефиниции, которые можно найти в специальных словарях, посвященных терминологии определенной области знаний.

В.М. Лейчик также указывает на сознательность номинации в сфере науки «где научные “предметы, свойства и отношения” выражаются терминами», что объясняется наличием терминологических стандартов [Лейчик 2009: 14, 17].

Вместе с тем, между тремя крупными классами номинативных единиц языка (терминами, номенами и именами собственными) существуют взаимные переходы. Имя изобретателя может дать название его изобретению и впоследствии закрепиться в качестве термина.

В этой связи интересно рассмотреть следующий пример из публицистического текста:

Bonuses on Wall Street are bouncing back, even though its banks may only be alive thanks to government support (The Economist).

В данном случае *Wall Street* употреблено не в прямом значении названия небольшой узкой улицы в нижней части Манхэттена в городе Нью-Йорк, ведущей от Бродвея к побережью реки Ист-Ривер, а в значении фондового рынка США.

Итак, противопоставление общеупотребительного слова и термина обусловлено во многом существованием оппозиции наивного понятия и научного понятия, поскольку в общеупотребительных словах выражается информация о чувственно воспринимаемых предметах и явлениях окружающей действительности, об эмоционально волевых состояниях сознания, связанных с воздействием на него этих предметов и явлений. В терминах на первый план выходит информация о логических обобщениях каких-то сторон и признаков предметов. То есть в качестве знака термин «является “овеществлением” абстракции объекта специальной сферы» [Шеллов 2003: 5].

Л.О. Чернейко отмечает, что «термины, составляющие метаязык, фиксируют устойчивые, объективные характеристики познаваемого явления» [Чернейко 1997: 177]. Таким образом, появление термина есть результат научного осмысления и вербализации понятия как элемента понятийного поля. Термин, являясь структурообразующим и смыслообразующим элементом научного текста, выступает в роли основного компонента языка научного общения, что противопоставляет его слову, которое является компонентом языка для повседневного общения. Таким образом, «исходя из оппозиции функциональных сфер термина и слова, термин не может не противопоставляться слову, даже, несмотря на признание наличия в нем “языкового субстрата” [Алексеева, Мишланова 2002: 96].

Подводя итог, следует отметить, что термин следует в первую очередь относить к общему классу лексических единиц, и его принадлежность к специальной лексике является вторичной, специфической чертой, и эта специфика, прежде всего, обусловлена соотношением и, в частности, оппозицией с общеупотребительной лексикой. Можно сделать вывод, что термины свободно функционируют в языке подобно общеупотребительным лексическим единицам, и в то же время эти лексемы имеют характерную номинативную функцию – название специального понятия – обуславливающую их особые признаки и требования, предъявляемые к ним.

Таким образом, базовые понятия кредитно-финансовой сферы могут вербализоваться посредством специальных лексических единиц (предтерминов, квазитерминов, терминойдов, прототерминов, терминов, номенов и онимов) в том числе и профессионализмов. Исследования текстов различных стилей показали, что для публицистики характерно использование в качестве средства вербальной репрезентации наряду с терминами и других специальных лексических единиц. Для научных текстов характерно использование терминологии как основного средства вербализации понятия кредитно-финансовой сферы.

Литература

- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.
- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.-Л., 1966.
- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Виноградов В. В. Русский язык. М.-Л., 1947.
- Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИИФЛ. т. 5, М., 1939. С. 5-6.
- Гринев С.В. Введение в терминоведение. М., 1993.
- Гринев С.В., Лейчик В.М. К истории отечественного терминоведения//Научно-техническая информация. № 7. М., 1999. С. 1-13.
- Канделаки Т.Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977.
- Капанадзе Л.А. «О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 75 - 86.
- Лейчик В.М. Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке. М.: Либриком, 2009.
- Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 2005.
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Терминогическая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2005.
- Суперанская А.В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Либриком, 2009.
- Хяутин А.Д. Термин, терминология, номенклатура. Самарканд, 1972.
- Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб, 2003.
- BusinessWeek. February 01, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.businessweek.com/news/2010-02-01/argentine-bonds-rally-after-redrado-resigns-central-bank-post.html>.
- BusinessWeek. February 12, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.businessweek.com/news/2010-02-12/euro-near-1-week-low-as-eu-s-greece-measures-may-not-be-enough.html>.
- BusinessWeek. February 12, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.businessweek.com/news/2010-02-12/swiss-franc-weakens-versus-euro-dollar-on-snb-sale-speculation.html>.

BusinessWeek. July 3, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.businessweek.com/magazine/content/06_27/b3991401.html.

Gulfnews. March 21, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gulfnews.com/news/gulf/uae/crime/banks-warned-against-giving-big-unsecured-loans-1.167529>

International Herald Tribune. January 11, 2008. P.15.

The Economist. October 11, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://discovery.bits-pilani.ac.in/Homepage/disciplines/ecofin/economist.pdf>.

The Economist. February 25, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.economist.com/markets/indicators/displaystory.cfm?story_id=15580584.

The Tribune. August 12, 2006. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tribuneindia.com/2006/20060812/saturday/main2.htm>

В.Л. Малахова **КОНЦЕПТ ПОСЕССИВНОСТЬ КАК ЕДИНИЦА КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Статья посвящена анализу концепта ПОСЕССИВНОСТЬ и связанных с ним концептов ОТНОШЕНИЕ, СУБЪЕКТ и ОБЪЕКТ. Автор рассматривает основные характеристики, составляющие содержание названных концептов. Кроме того, описываются некоторые особенности отношения посессивности и процесса его концептуализации.

The article covers the analysis of the concept POSSESSION and the relative concepts RELATIONSHIP, SUBJECT and OBJECT. The author describes the main characteristics of these concepts, as well as some peculiarities of possession and its conceptualization.

Понятие “концепт” является одним из центральных в когнитивной лингвистике. Это обусловлено тем, что концепты представляют собой результат познания окружающего мира в сознании человека. Концепты и концептуальные структуры репрезентируют действительность в многообразии ее внешних и внутренних связей. Их совокупность образует концептуальную систему человека.

По определению Е.С. Кубряковой, концепт – это «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 90]. Человек оперирует концептами в процессах мышления, они отражают содержание опыта и знания, результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания [там же].

Возникая в связи с концептуализацией мира, концепты оказываются результатами освоения того или иного фрагмента реальности,

итогами опыта и обобщения. Они формируются в процессе познавательной деятельности человека и являются единицами концептуального уровня, на котором накапливается и перерабатывается огромный поток информации, поступающий из окружающего мира. Концепты формируются при упорядочивании и систематизации определенных областей знания, они рождаются в актах наблюдения и подытоживания опыта в конкретных сферах человеческой деятельности.

Посессивность выражает отношения одного предмета к другому предмету, явлению, действию, качеству. Она по-разному вписана в систему того или иного языка и получает разнообразное выражение, в зависимости от структурного типа языка. Посессивность представляет собой определенным образом организуемый комплекс взаимозависимых и взаимообусловленных значений, составляющих целостную систему отношений посессивности.

В большинстве случаев посессивность трактуется через понятие отношение. Так, Н.А. Слюсарева отмечает, что посессивность выражает особые отношения, устанавливающиеся между некоторыми предметами, лицами или между лицами и предметами [Слюсарева 1986]. А.В. Бондарко говорит о посессивности как о широком круге отношений обладания, принадлежности, включая соотношение части и целого [Бондарко 1996]. По мнению О.Н. Селиверстовой, в основе общего отношения посессивности лежит распространение одного объекта (посессора) на другой или на некоторое множество других (обладаемые) [Селиверстова 2004].

Таким образом, посессивность в целом указывает на отношение некоего объекта к другому объекту или лицу и имеет релятивный характер. Складывающиеся между субъектом и объектом отношения могут возникать как между отдельными предметами или лицами окружающего мира, так и внутри самого предмета или лица.

Представления об отношении посессивности, получаемые человеком в процессе его жизнедеятельности, есть результат концептуализации и категоризации фрагментов реальности, связанных с данным феноменом, результат познания и осмысления различного типа отношения посессивности, закрепленного в языке. Это знание предстает в виде концепта ПОСЕССИВНОСТЬ, складывающегося в процессе сравнения и сопоставления получаемой информации, ее фильтрации и в последующем фокусировании внимания на наиболее значимых ее компонентах, а также абстрагировании и структурировании полученного опыта.

В процессе концептуализации отношения посессивности происходит объединение нескольких элементов в единую концептуальную

структуру и установление определенных типов отношений между ними, т.е. происходит формирование концепта ПОСЕССИВНОСТЬ. Концепт ПОСЕССИВНОСТЬ включает в себя различные связи отношения посессивности с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания, и когнитивные механизмы, лежащие в основе процесса концептуализации отношения посессивности и формирования данного концепта. Концепт ПОСЕССИВНОСТЬ тесно взаимосвязан со структурами языкового и неязыкового знания, содержащими информацию о существовании различных типов данного содержания. Образованный концепт ПОСЕССИВНОСТЬ получает в дальнейшем языковое выражение, т.е. за ним закрепляются соответствующие языковые единицы. Языковые средства репрезентации концептуального содержания посессивности показывают способы и формы осмысления мира человеком, а также те характеристики окружающего мира, которые фиксируются в тех или иных языковых формах.

Иными словами, концепт ПОСЕССИВНОСТЬ отражает знание об определенной области действительности и представляет его в виде организованной определенным образом структуры, в рамках которой складываются специфические иерархические отношения, происходит заполнение конкретной информацией, причем языковое оформление зависит от понятийной структуры данного концепта и его места в системе. Сложность формирования концепта ПОСЕССИВНОСТЬ объясняется тем, что данный процесс является взаимодействием результатов концептуализации и категоризации окружающего мира и языковых форм, неязыковых и языковых знаний.

Концепт ПОСЕССИВНОСТЬ репрезентирует идею отношения и поэтому непосредственно связан с концептом ОТНОШЕНИЕ. В свою очередь, содержание концепта ОТНОШЕНИЕ включает знания о различных типах зависимостей в различных вещах, т.е. внутренние отношения, и между различными вещами, т.е. внешние отношения, сформировавшиеся на основе различных типов познавательной деятельности. Соответственно он включает разные типы отношения, например, временные отношения, пространственные, причинно-следственные, субъектно-объектные, отношения части и целого, формы и содержания, действий и т.д. Отношения представляют собой иерархическую систему, их характер зависит от свойств как самих объектов, так и свойств окружающего их мира. Внешняя форма взаимодействия отражает внутреннее содержание отношений.

Определение отношения, как правило, дается через такие понятия как "связь", "зависимость", "взаимодействие" (см., например, [Словарь русского языка 1989]). Особенностью отношения является то, что изменение

одного объекта предполагает определенное изменение другого. Отношение предполагает наличие взаимного структурного соответствия объектов, обусловленного фактом их появления и пребывания в рамках того или иного целого. Кроме того, отношения обладают способностью направлять и контролировать осуществление связей. Поэтому концепт ОТНОШЕНИЕ можно представить в виде взаимной зависимости компонентов системы.

Структура концепта ОТНОШЕНИЕ включает в себя несколько компонентов: основание, носители (объекты), механизм, результат, законы, условия. Основным из них являются носители отношения, поскольку именно они главным образом задают все прочие характеристики элементов структуры и свойств отношения.

Носителями, элементами отношения являются субъект и объект, между которыми возникает это отношение. Концепты СУБЪЕКТ и ОБЪЕКТ формируются в нашем сознании не только с учетом неязыковых знаний и опыта событий, происходящих в реальном мире, но и опыта отражения этих событий в языке, т.е. языковых знаний. Содержание данных концептов включает знание того, что в каждом событии есть элемент, который выделяется как его инициатор или источник (субъект), и элемент, на который направлено действие субъекта или который затрагивается или вовлекается в это действие тем или иным образом (объект).

Концепт СУБЪЕКТ содержит знание того, что все события окружающего мира могут быть представлены в языке как действия, процессы, состояния, свойства или отношения. Соответственно этому субъект может быть производителем намеренного или ненамеренного действия, источником свойства или процесса, носителем состояния, элементом отношения (см. подр.: [Болдырев 1995]). В силу этого в содержании концепта СУБЪЕКТ обнаруживаются характеристики различного рода. Поскольку для данного исследования интерес представляет субъект отношения, рассмотрим более детально характеристики, свойственные данному типу субъекта.

Отношение как языковая категория отражает различные типы логических отношений между элементами события в его статическом аспекте: тождество, различие, соответствие, принадлежность, партитивность и т.д. Соответственно, субъект отношения, в отличие от всех других типов субъекта, полностью исключает какую-либо характеристику по признаку активности. Так, основными характеристиками субъекта отношения являются инактивность, одушевленность или неодушевленность, креативность [Болдырев 1995]. В качестве еще одной характеристики субъекта отношения может быть выделена его конкретность, определяемая степенью референтной определенности субъекта. Следовательно, субъект

отношения на языковом уровне может быть конкретным, неопределенно-личным и обобщенно-личным [Болдырев 2002].

Концепт ОБЪЕКТ включает знание о том, что это тот элемент события, который выделяется в качестве его неактивного (в противоположность субъекту) участника. По определению А.В. Бондарко, объект выступает как зависимая неактивная субстанция [Бондарко 1996].

В зависимости от представления события (действие, процесс, свойство и т.д.) будет отличаться и тип объекта: объект физического или ментального действия, обобщенный объект свойства, элемент, с которым связано определенное состояние субъекта, объект отношения, косвенный объект или объект (цель) движения (см. подр.: [Болдырев 1995]). Как следствие, концепт ОБЪЕКТ также отличается многоаспектностью характеристик, составляющих его содержание. Взаимодействие характеристик определяет роль и место каждого отдельного типа объекта в структуре категории объекта.

Как и в случае с субъектом отношения нас интересует такой тип объекта, как объект отношения. Особенностью такого рода объекта является то, что какое-либо воздействие на него со стороны субъекта или его видоизменение как таковые отсутствуют. Это обуславливается тем, что между сущностями, представленными в предложениях субъектом и объектом, нет никакого реального взаимодействия. Это взаимодействие имеет только внутриязыковой, т.е. условно-грамматический характер [Кобрина и др. 2007]. Следовательно, основными характеристиками объекта отношения являются инактивность и комплетивность [Болдырев 1995].

Специфика процесса концептуализации отношения посессивности заключается также в том, что отношение данного типа объективирует не только знания о мире, но и знание языка, знания возможностей его использования в процессах коммуникации. Отношение посессивности является не только языковым феноменом, но и феноменом общественной жизни, отражающим социальную структуру общества, т.к. его формирование в значительной степени обусловлено концептосферой данного социума.

В то же время участие языка в процессе концептуализации и создании концептуальной системы предполагает получение сведений о стоящих за средствами выражения отношения посессивности ментальных сущностях – концептах и концептуальных структурах. Значительная роль языка в концептуализации отношения посессивности подтверждается наличием в языке разнообразных средств передачи концептуального содержания данного типа отношения. В свою очередь, существование сложной разветвленной системы языковых средств и языковых форм, по

утверждению Е.С. Кубряковой, свидетельствует о значимости того или иного концепта в концептуальной системе человека [Кубрякова 2004].

ПОСЕССИВНОСТЬ как базовый концепт концептуальной системы имеет множественную репрезентацию в языке, получая в нем как лексическое, так и грамматическое оформление. Наличие в языке целой системы средств выражения концепта ПОСЕССИВНОСТЬ подтверждает его значимость для концептуальной системы вообще и для формирования концептуального пространства языка в частности. По мнению Е.С. Кубряковой, чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен [там же].

Отношение посессивности представляет собой сущность концептуального характера, которая, с одной стороны, обращена к единицам гносеологического порядка, а с другой стороны – к языковой системе.

Литература

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. Тамбов, 1995.

Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Тамбов, 2002. С. 360-369.

Бондарко А.В. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб, 1996. С. 99-100.

Кобрин Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Высшая школа, 2007.

Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова. М.: Русский язык, 1989.

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986.

Ю.А. Плотникова
ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА INTEREST

В статье рассматриваются некоторые особенности структурной организации одного из концептов внутреннего мира человека – концепта INTEREST, а также анализируются способы языковой репрезентации пространственных признаков данного концепта.

This article focuses on some structural peculiarities of the concept INTEREST which is one of the concepts included in the sphere of a person's inner world. The author also analyses the linguistic representation of the spatial characteristics of this concept.

В настоящее время представители лингвистической науки все чаще обращаются к проблеме языковой концептуализации абстрактных сущностей, описывающих внутренний мир и интеллект человека. Подобные метафизические сущности характеризуются многогранностью и познавательной сложностью, представляя собой объемные по своему содержанию когнитивные структуры, которые становятся доступными восприятию и пониманию благодаря их языковой объективации.

Настоящая статья ставит целью кратко изложить нашу точку зрения на природу одного из концептов внутреннего мира человека – концепта INTEREST, а также описать некоторые особенности языковой репрезентации образной составляющей данного концепта (на примере пространственных признаков).

Концепт INTEREST представляет собой абстрактный концепт. Как единица мыслительной деятельности, отражающая содержание полученных знаний, рассматриваемый концепт не существует обособленно от других подобных себе единиц, а входит в состав одноименного домена (наряду с концептами CARE и AMBITION), представляющего собой высоко организованные фоновые знания, учет контекстов которых обеспечивает понимание описываемого концепта. Данный домен имеет сложную структуру, обусловленную концептуальной интерпретацией основных сфер личности: рациональной, эмоциональной и волевой. При этом концепт INTEREST представляет рациональную сторону, «обозначая предрасположенность субъекта суждения к получению информации о каком-то лице, существе, предмете, феномене и т.д.» [Чекулай 2006: 209].

Содержание концепта INTEREST структурируется в виде трех взаимосвязанных компонентов: образное содержание, понятийное содержание и интерпретативно-оценочное содержание (см. подр.: [Воркачев 2004]). Данные компоненты включают концептуальные признаки, отличающиеся по степени абстрактности, отражая результаты

многоуровневого процесса концептуализации познавательного интереса. Образное содержание представляет результат чувственного восприятия мира, что выражается в концептуализации познавательного интереса через уподобление концепта INTEREST концептам мира физического. Понятийное содержание формируется на уровне понятийного осмысления концептуализируемой сущности и включает наиболее абстрактные, устойчивые и регулярные признаки концепта. Интерпретативно-оценочное содержание отражает осмысление познавательного интереса с точки зрения субъекта познания, который интерпретирует или оценивает тот или иной аспект изучаемого концепта.

Ограниченные рамки статьи позволяют раскрыть лишь некоторые особенности образной составляющей концепта INTEREST и сосредоточиться на рассмотрении пространственных признаков данного концепта.

Образное содержание рассматриваемого концепта было выявлено в результате исследования контекстов употребления лексем-репрезентантов. Оно представлено концептуальными признаками, формирующимися в результате метафорического осмысления концептуализируемой сущности. Под метафорой в данном случае подразумевается когнитивный процесс, в основе которого лежит понимание одной области через призму другой. Метафоризация предполагает перенос из "области-источника" в "область-цель/мишень" тех когнитивных структур, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику. По сравнению с областью-целью область-источник обычно представляет собой более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью [Лакофф, Джонсон 2008].

Образные концептуальные признаки концепта INTEREST дифференцируются на основании представлений носителей английского языка о живой и неживой природе. Неживая природа представлена признаками стихий, вещества и предметов, живая природа – витальными, антропоморфными и фитоморфными признаками. Кроме этого, познавательный интерес может получать определенную пространственную ориентацию, поэтому в структуру анализируемого концепта также входят пространственные признаки.

Пространство занимает важное место в человеческом сознании. Пространственные отношения используются не только для моделирования физического мира, но и для описания внутреннего мира человека. Немецкий философ Э. Кассирер, уделявший большое внимание изучению языка и его роли в категоризации мира, по этому поводу писал: «...в наиболее общих выражениях, создаваемых языком для обозначения духовных процессов совершенно ясно проявляется решающее участие пространственных

представлений. Даже в самых развитых языках встречается эта «метафорическая» передача духовных характеристик пространственными» [Кассирер 2001: 134].

С точки зрения М.В.Пименовой, различные физические и эмоциональные состояния в народных представлениях рассматриваются как «вместилища» или как некие «пространства» [Пименова 2004: 296]. Познавательный интерес, уподобляясь пространству, может вмещать в себя человека и отдельные части его тела (голову, нос, глаза). Такое представление свидетельствует о том, что рассматриваемый концепт может репрезентироваться в терминах метафорической модели «интерес – вместилище для человека». Способом языковой объективации данной модели является употребление конструкции «предлог места *in* (в, внутри) + субстантивная номинация концепта». Показательны в этой связи следующие примеры:

I listened in curiosity (букв. я слушал в любопытстве) *to the noises behind the gate* (A. Radasky).

Heads turned in curiosity (букв. головы повернулись в любопытстве) (BNC).

He stepped gravely, his nose lifted a little sideways in real curiosity (букв. его нос в настоящем любопытстве). *He desired now to understand things French.* (J. Galsworthy).

He ... raised his empty glass and cried, 'Hip, hip – hooray!' and when all eyes turned toward him in curiosity (букв. глаза в любопытстве), *he yelled it again.* (T. Carver).

Модель «интерес – вместилище для человека» актуализируется также посредством сочетания лексем-репрезентантов концепта с глаголами *absorb, consume, get the better of, possess*, обозначающими способность познавательного интереса «поглотить», «охватить» человека. Например:

She kept her black eyes wide open...all absorbed in interest (букв. она была полностью погружена в интерес) (Ch. Dickens).

I am suddenly consumed with a ridiculous curiosity (букв. Я внезапно поглощен нелепым любопытством) (BNC).

When he said no more, curiosity got the better of her (букв. любопытство поглотило ее) *and she asked...* (BNC).

After a while I became possessed with the keenest curiosity (букв. меня охватило сильное любопытство) *about the whirl itself* (BNC).

Как представляется, в приведенных выше примерах состояние заинтересованности связывается с нахождением человека в закрытом пространстве, лишаящем его связи с внешним миром. Подобно этому, если

человек сосредоточен на интересующем объекте, он отстранен от остального мира.

Анализ фактического материала, иллюстрирующего интерпретацию познавательного интереса через призму вместилища, позволяет выявить в содержании концепта INTEREST признак “объем”.

Другим способом структурирования описываемого концепта в сознании носителей языка является метафорическая модель “интерес – субстанция внутри тела человека”, которая проявляется в пространственном признаке “быть внутри тела человека”. Заполнение интересом всего пространства человеческого тела выражается на языковом уровне использованием слов *interest, curiosity, inquisitiveness* в составе словосочетаний типа *fill with, full of, filled with, charged with, fraught with* и др., в семантике которых преобладает сема “наполнение”. Данные сочетания могут употребляться в предложении в функции сказуемого, именной части сказуемого, определения. При этом репрезентанты концепта выступают в качестве дополнения, обозначая субстанцию, за счет которой заполняется пространство. Последнее в таких предложениях представляет собой тело человека. Например:

‘You fill me with interest (букв. Ты наполняешь меня интересом),’
said Holmes (A. Doyle).

And Mr Carker was full of interest (букв. Мистер Каркер был наполнен интересом) and praise (Ch. Dickens).

Frederica drank a lot of wine and said nothing, but watched everyone in turn, charged with unsatisfied curiosity (букв. наполненная неудовлетворенным любопытством) as they lay and lazily tossed ideas between them (BNC).

He was a very genial man, **overflowing with interest** (букв. переливающийся через край от интереса) in his geological work, and also abounding in information on other subjects (BNC).

Рассматриваемая модель может получать языковую экспликацию за счет использования предлогов *in, within* (в, внутри) с личным местоимением в объектном падеже, обозначающим человека. Например:

That curiosity about life which Lord Henry first stirred in him (букв. любопытство в нем) ... seemed to increase with gratification (O. Wilde).

...I was not long in letting him know of the interest which Captain Paul had inspired within me (букв. интерес внутри меня) (BNC).

На факт локализации познавательного интереса в пространстве, возможно внутри человека, также указывают ниже следующие примеры. В них лексема *curiosity* комбинируется со словосочетанием *take the place*,

которое буквально обозначает способность интереса “заменить” другое эмоциональное состояние, в данном случае чувство страха:

His feeling of terror had passed away, and curiosity had taken its place (букв. любопытство заняло свое место) (O. Wilde).

I have already described the unnatural curiosity which had taken the place of my original terrors (букв. любопытство, которое заняло место моих первоначальных страхов) (BNC).

В эмпирическом материале было зафиксировано достаточное количество примеров, анализ которых позволил заключить, что для описываемого концепта свойственны пространственные признаки “быть глубоким”, “быть глубоко”. Предположительно, эти признаки также указывают на сосредоточение познавательного интереса внутри тела человека. При этом, как представляется, чем “глубже” располагается интерес, тем интенсивней он переживается. На языковом уровне названные концептуальные признаки объективируются благодаря использованию препозитивных определений, выраженных лексемами *deep*, *deepen*, *deeply*, в семантике которых ярко представлен элемент “глубина”, в сочетании с номинантами концепта:

All were watching somebody in the garden with deep interest (букв. глубокий интерес), *their three faces close together...* (Th. Hardy).

He inspected his napkin curiously and with deep interest (букв. глубокий интерес), *for it was of a very dainty and beautiful fabric, then said...* (M. Twain).

We want our children to have a growing and deepening intellectual interest (букв. углубляющийся интерес) *in at least one curriculum area* (BNC).

Curiosity deepened (букв. любопытство углубилось) (BNC).

Willie was standing before the mirror, deeply interested (букв. глубоко заинтересованный) *in smoothing down the blond grass-plot on his head...* (O. Henry).

Как видно из выше приведенных примеров, признак “быть глубоким” актуализируется посредством использования прилагательного *deep* (глубокий) в качестве препозитивного определения к ключевой номинации рассматриваемого концепта; признак “быть глубоко” – посредством употребления глагола *deepen* (углубляться) в форме причастия первого в качестве определения, выполняя признаковую функцию по отношению к существительному *interest*, а также за счет употребления этого глагола в функции сказуемого, выражая предикативный признак, носителем которого является подлежащее *curiosity*. Последний из приведенных выше примеров иллюстрирует факт употребления наречия *deeply* (глубоко), передающего количество признака, который выражает

номинант концепта *interested*, выступающий в предложении в качестве определения.

При изучении языковых фактов были зафиксированы случаи, свидетельствующие о том, что внутри человеческого тела интерес может занимать конкретные локусы. Наиболее частотны случаи сосредоточения познавательного интереса в глазах. Некоторые примеры указывают на способность интереса располагаться в голове, душе и сердце человека. Интерес также может находиться не внутри тела человека, а на его поверхности, в частности на лице. Подтверждают вышеизложенное следующие примеры, содержащие средства языковой репрезентации следующих признаков:

"быть в глазах":

...and observing a strong interest in the boy's eyes (букв. интерес в глазах мальчика) (M. Twain).

They treated her with more respect, she thought, took quite a tender interest in what she said, and looked at her with eyes that plainly betrayed curiosity (букв. глазами, которые явно выдавали любопытство) (L. Alcott).

"быть в голове":

Somewhere, at the back of my mind, there was a frightened furtive seed of curiosity (букв. в задней части моего ума находилось семя любопытства) that grew slowly and stealthily... (BNC).

"быть в душе":

I never saw a man 'carry on' so, make over it, take such a whole-souled interest (букв. интерес, заполняющий всю душу) in all those little things which supposedly made for its health and well-being (Th. Dreiser).

An icy chill ran through my frame; a sense of insufferable anxiety oppressed me; a consuming curiosity pervaded my soul (букв. любопытство заполнило мою душу)... (BNC).

"быть в сердце":

Curiosity and wonder possessed all hearts (букв. любопытство охватило все сердца), but respect restrained all tongues till the holy rite was over. (L. Alcott).

"быть на лице":

Margaret was right when she said that he was not handsome, but his clean-shaven face was full of interest (букв. лицо было наполнено интересом) to so passionate an observer of her kind (W. Maugham).

He turned to look at her then, curiosity on his face (букв. любопытство на его лице) (BNC).

Как следует из приведенных примеров, объективация указанных пространственных признаков осуществляется в самых разнообразных

синтаксических построениях. Представление познавательного интереса в образе субстанции, занимающей определенное место внутри тела человека или на его поверхности, может быть вербализовано как эксплицитно – при помощи использования предлогов места *in, on*, предикатов типа *be full of, pervade*, передающих идею заполнения, так и имплицитно – за счет контекста.

В структуре концепта INTEREST обнаруживаются также пространственные признаки, указывающие на реализацию модели “интерес – верх”. Дж. Лакофф и М. Джонсон, рассматривая ориентационные метафоры “верх – низ”, отмечают то, что общее позитивное состояние направлено вверх [Лакофф, Джонсон 2008: 35-45]. Такую же ориентацию получает познавательный интерес как разновидность положительного эмоционального состояния. Модель “интерес – верх” может быть выражена признаками “нахождение вверху”, “движение вверх”, “быть высоким”.

Концептуальный признак “нахождение вверху” получает языковую экспликацию за счет употребления словосочетания *keep up one's interest*, в котором обстоятельство места *up* указывает на факт локализации интереса вверху. Приведем пример:

Zoophagous patient still keeps up our interest (букв. держит наш интерес вверху) in him (B. Stoker).

Следующие примеры содержат средства вербализации признака “движение вверх”, который выражает усиление познавательного интереса к чему-либо. Указанный признак может репрезентироваться при помощи атрибутивной группы, которая образована комбинацией причастия первого *mounting*, выражающего значение “поднимающийся вверх”, и существительного *interest*, номинирующего рассматриваемый концепт. Другим способом актуализации признака “движение вверх” является сочетание глаголов *get, leap*, использующихся в качестве сказуемого, и наречия *up*, выполняющего роль обстоятельства места и обозначающего движение снизу вверх. Сочетание сказуемого с обстоятельством места указывает на характер действия, совершаемого подлежащим, которое представлено в приведенных предложениях лексемами *curiosity* и *interest*. Например:

For the first time since the beginning of the interview, Warren Trent was conscious of a mounting interest (букв. поднимающийся вверх интерес) in what the banker had to say (A. Hailey).

But when we had looked a bit longer our fears went down and our curiosity got up (букв. наше любопытство поднялось вверх) (Ed. Nesbit).

Gradually it leaked out that Scarlett Trent was the buyer, and public interest leaped up (букв. интерес подпрыгнул вверх) at once (E. Oppenheim).

Признак “быть высоким” получает языковую экспликацию при помощи прилагательного *high* (*высокий*), использующегося в функции определения к слову *interest*. Например:

His message delivered, he retired to the chair between his sister and me, on my right. I regarded him with high interest (букв. *высокий интерес*) (J. Salinger).

Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном мы полагаем, что в основе метафорического осмысления здесь лежит соотношение прямой позы человека с позитивными эмоциями, склоненной – с печалью и депрессией [Лакофф, Джонсон 2008: 36].

Таким образом, в результате изучения контекстов употребления номинантов концепта INTEREST были обнаружены следующие пространственные метафоры и соответствующие им концептуальные признаки: “интерес – вместительность для человека”: “объем”; “интерес – субстанция внутри тела человека”: “быть внутри тела человека”, “быть глубоким”, “быть глубоко”, “быть в глазах”, “быть в голове”, “быть в душе”, “быть в сердце”; “быть на лице”; “интерес – вверх”: “быть высоким”, “движение вверх”, “нахождение вверх”. Проведенное исследование показывает, что в концептуализации познавательного интереса немаловажное значение имеют пространственные признаки. Носители английского языка склонны представлять интерес в образе некоей субстанции, которая способна, с одной стороны, сосредоточить в себе человека и, с другой стороны, проникнуть внутрь его тела. Характерно также то, что познавательный интерес как положительное эмоциональное состояние направлен «наверх».

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
- Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2. С. 7-16.
- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004.
- Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. Т. 1. М., СПб.: Университетская книга, 2001.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. /под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. 2-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Пименова М.В. Душа и дух: особенности. Кемерово: Графика, 2004.
- Чекулай И.В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке: моногр. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

Т.А. Перельгина
КОНЦЕПТОСФЕРА *CORPORATE CULTURE*:
ЕДИНСТВО ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО, СЕМИОТИЧЕСКОГО,
ДИСКУРСИВНОГО ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ

В статье обосновывается возможность комплексного исследования концептосферы *CORPORATE CULTURE* на основе применения лингвокогнитивного, семиотического и дискурсивного подходов.

The author proves a possibility of a comprehensive analysis of the conceptsphere *CORPORATE CULTURE* based on applying lingvocognitive, semiotic and discursive approaches.

В современной когнитивной лингвистике исследуются различные когнитивные модели, в рамках которых осуществляются попытки создания целостной концепции взаимодействия языка и мышления и выявления особенностей отражения окружающего мира в языковом сознании человека и всего общества. При этом естественный язык представляет собой особую целостную знаковую систему, характеризующуюся динамикой и способностью к саморегуляции.

Согласно теоретическим представлениям функционально-когнитивной парадигмы (В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев, Н.Ф. Алефиренко, W. Chafe, Ch. Fillmore, T. Givon, K. Langacker, G. Lakoff, L. Talmy и др.), категория языкового значения рассматривается как знание, зафиксированное в знаке и нашедшее в нем свое особым образом обработанное отражение, редуцированное в определенную концептуальную структуру. Сам же языковой знак как единое взаимосвязанное устойчивое материально-идеальное образование, состоящее из означающего и означаемого, репрезентирует предмет, свойство, явление, факт окружающей действительности.

В результате взаимодействия концептуальной и семиотических сфер в рамках речемыслительной деятельности человека языковой знак приобретает ряд важнейших функционально-когнитивных свойств, проявляющихся в аспекте реализации основных функций языка (гносеологической, репрезентативной, номинативной, коммуникативной, прагматической, экспрессивной, апеллятивной, иллюкутивной) и обусловленных дискурсивными и контекстуальными особенностями речевой ситуации.

В русле актуальной когнитивной парадигмы современные лингвисты рассматривают категорию концептосферы как области знаний, составленной из единиц – концептов – идеальных сущностей,

формирующихся в сознании человека. Содержание концептов, отражая специфику индивидуального и общественного сознания, социально-культурные особенности той или иной языковой общности, находит свое вербальное выражение с помощью единиц различных языковых уровней. Процесс развития и изменения концептосферы прежде всего объективируется в речевой деятельности человека. Как отмечает Д.С. Лихачев, «богатство языка определяется не только богатством «словарного запаса» и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы» [Лихачев 1993: 8].

Исходя из концепции отражения окружающей действительности в языковом сознании отдельного индивида и общества в целом, нам представляется возможным говорить о существовании особой концептуальной сферы корпоративной культуры (CORPORATE CULTURE) как неотъемлемого элемента концептуальной картины мира в английском языковом сознании. Данная мыслительная сфера тематически объединяет различные концепты, отражающие процессы управления и жизнедеятельности любой корпорации (организации), непосредственно влияющие на эффективность и результативность ее деятельности. В настоящее время развитие общества немислимо без осознания необходимости формирования сильной корпоративной культуры, явления, давно и прочно вошедшего в бизнес практику всего делового западного мира, главным образом, англоязычного.

Под корпоративной культурой сегодня принято понимать «некую систему материальных и духовных ценностей, норм поведения и взаимодействия, присущих данной организации, отражающих ее индивидуальность» [Персикова 2007: 5]. Несмотря на многочисленные попытки изучения феномена корпоративной культуры в организационных исследованиях (E.H. Schein, G. Morgan, R.W. Price, M. Hatch, M. Schultz и др.), в среде менеджмента (G. Johnson, R. Whittington, K. Scholes, A.M. Pettigrew и др.) и маркетинга (A.M. Wilson), в русле лингвистики анализ данного явления не осуществлялся, что предопределило научный интерес к данному исследованию.

Исследователями подчеркивается сложный, многоаспектный характер феномена корпоративной (организационной) культуры. Как отмечает Л. Догерти в своем докладе, посвященном проблематике дефиниции "corporate culture", существующие теории данного явления выступают производными общей теории "culture". По мнению исследователя, "corporate culture" может определяться и измеряться различными способами. Л. Догерти, в частности, пишет: «Подобно тому, как

не существует единого способа определить корпоративную культуру, и единой теории о том, что такое культура, как она существует, как ее следует изучать, маловероятно, что существует одна «идеальная» система взглядов для определения корпоративной культуры...» [Daugherty 2007: 25]. Тем не менее, автор подчеркивает необходимость поиска четкого и лаконичного определения «corporate culture» для полного понимания, как сущности данного явления, так и его важности для функционирования организации, компании.

Рассматривая язык как один из основных инструментов познания окружающего мира, была предпринята попытка исследовать природу и содержание концептосферы CORPORATE CULTURE за счет изучения языковых средств (главным образом, словесных знаков), выступающих актуализаторами данной лингвоментальной сферы. Важно также отметить, что исходя из потенциальных возможностей развития ассоциативных сфер концепта, составной единицы концептосферы, был сделан вывод о взаимодействии нескольких концептуальных пространств в ментальной среде англоязычного социума, связанной с концептосферой CORPORATE CULTURE.

Важнейшим источником сведений о корпоративной культуре компании и особенностях когнитивного отображения этого явления в языковом сознании является текст – знаковый продукт дискурса. Несмотря на то, что в области дискурсивного анализа проделана огромная работа, исследованы различные типы дискурса, аспекты его существования (Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова, А.А. Кибрик, Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Ю.С. Степанов и др.), на сегодняшний день не существует общепринятого определения данного понятия.

Так, согласно антропологической парадигме современной науки, дискурсивная деятельность осуществляется в рамках особого социального контекста и рассматривается как «речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1997]. Согласно определению Е.С. Кубряковой, дискурс – это «форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека» [Кубрякова 2004: 525]. Выделяя ряд характерных особенностей дискурсивной деятельности (целесопадание, привязанность ко времени, адресантность, интеракциональность, интенциональность), исследователь акцентирует проблему извлечения разнообразной информации в процессе понимания дискурса и текста (как его результата). По мнению ученого, извлеченная информация (выводное знание) носит инферентный характер.

Каждый тип дискурса со своими участниками коммуникации, целями, условиями, прагматическими установками предоставляет возможность через язык «воссоздать картину “возможного мира”», представленную в этом типе дискурса» как особую социальную и лингвистическую данность [Кубрякова 2004: 530]. Реализуя цель создания особого “мира”, дискурс является неотъемлемой частью коммуникативного процесса между людьми, отражая когнитивное видение мира. Следовательно, главной целью лингвокогнитивного анализа дискурса является изучение всего многообразия языковых средств, составляющих своеобразие репрезентации “мира” того или иного типа дискурса.

Таким образом, в рамках функционально-когнитивной парадигмы лингвистического знания появляется возможность проследить особенности когезионного функционирования концептуальной и семиотической сфер в контексте отражения концептосферы CORPORATE CULTURE в дискурсивной деятельности англоязычной личности.

Необходимо отметить, что исходя из специфики явления корпоративной культуры, был сделан вывод о целесообразности выделения трех видов дискурса, в рамках которых осуществляется актуализация концептосферы CORPORATE CULTURE: **научного организационного дискурса, корпоративного публичного дискурса, бизнес публицистического дискурса.**

Научный организационный дискурс, как любой дискурс, репрезентируется в виде иерархии текстов с общей коммуникативной задачей – популяризацией научного знания данной сферы. Следует отметить, что в литературе по теории организации не существует единого общепринятого определения корпоративной культуры. Это детерминировано, на наш взгляд, гетерогенностью подходов к изучению данного явления, связанных с разносторонностью преследуемых исследователями целей, и сложностью определения явления “culture” в антропологии.

Согласно анализу языкового материала, в научном организационном дискурсе, манифестируется специальное понятие культуры организации. Отметим в этой связи, что здесь под понятием мы понимаем одну из разновидностей концепта, содержащую «наиболее общие существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики» [Болдырев 2001: 36].

Основными актуализаторами данного понятия и исследуемой концептосферы выступают словосочетания *corporate culture, organizational culture*. В этой связи следует отметить существующую тенденцию в сфере

организационных исследований рассматривать любую фирму, компанию, корпорацию (вне зависимости от характера деятельности) в качестве организации. Вероятно, именно эта тенденция детерминирует популярность именованного *organizational/organization culture* в научном организационном дискурсе. Понятие корпоративной/организационной культуры, выступает термином данного вида дискурса. Наличие дефиниции понятия в специализированных изданиях справочного характера подтверждает его терминологический характер.

Энциклопедия бизнеса *Encyclopedia of business* определяет корпоративную культуру как «the shared values, attitudes, standards, codes and behaviors that characterize members of an organization and define its nature as a socioeconomic unit» [Encyclopedia of business 1995: 314-315]. В словаре *Dictionary of Business terms* корпоративная культура рассматривается как «general organizational environment including ethical and value structures. It is all-encompassing, affecting employees, management, and customer relations, extending to the types of products and services the organization creates, and including production methods, marketing practices, advertising, and service quality» [Dictionary of Business terms 2000: 145].

Обращаясь к этим и другим дефинициям, можно констатировать репрезентацию базисных компонентов феномена корпоративной культуры (ценностные и этические приоритеты организации), номинацию основных субъектов данной сферы (работники, руководство, клиенты организации), вербализацию сфер проявления корпоративной культуры (производственная, маркетинговая, рекламная деятельность компании; качество обслуживания клиентов).

Тем не менее, несмотря на множество уже существующих в научной литературе определений, проблематика корпоративной культуры (трактовка понятия и роль в организационном функционировании) столь актуальна, что вызывает постоянные дискуссии в организационной среде ученых и практиков. Как пишут S. Linstead & R. Grafton-Small (1992), культура организации – это определенный “текст”, который необходимо уметь правильно “прочитать и понять”.

В рамках научного организационного дискурса позиционируются ключевые характеристики данного понятия – концепта: многоплановость, абстрактность, уникальность, индивидуальность, ценностно-этическая направленность, функциональная значимость. Важно также отметить, что частотной стратегией когнитивно-коммуникативного характера по репрезентации содержания понятия – концепта выступает метафоризация (как форма образного научного мышления). Знаки двузначности (метафоры)

в текстах данного вида дискурса, являясь прагматически обусловленными, преследуют цели наиболее оптимальной репрезентации научной мысли.

Привлечение текстов научного организационного дискурса позволяет также говорить об актуализации концепта корпоративной культуры в сфере исследований организационного менеджмента с целью повышения результативности деятельности фирмы (руководства, стратегического бизнес планирования, внутреннего контроля, структурных изменений), в рамках исследований организационного климата, маркетинга (репутации, имиджа компании). Таким образом, в рамках научного организационного дискурса актуализация концептуальной сферы CORPORATE CULTURE осуществляется за счет активирования понятийного элемента концептуального целого в тесном взаимодействии с рядом концептуальных пространств, имеющих отношение к успешному функционированию организации, в ментальной среде англоязычного научного сообщества.

Под **корпоративным публичным дискурсом** понимается ментально-лингвистический потенциал текстов из дискурсивной практики корпораций и корпоративного менеджмента. В процессе исследования языковых средств апелляции к исследуемой концептосфере, были рассмотрены различные тексты корпоративного публичного дискурса: тексты корпоративных слоганов, тексты заявлений о миссии компании, тексты корпоративного веб-сайта.

Языковой знак в текстах корпоративных слоганов и заявлений о миссии компании, передающих сообщения рекламного характера, выполняя определенные коммуникативные цели (иллюзии) в соответствии с выполняемыми функциями сообщения, реализует также металингвистическую функцию высказывания.

Металингвистическая функция высказывания выражается в том, чтобы передать сущность компании, сформировать определенный образ о ней и/или ее продукции (услугах). Содержание сообщений, мотивированное данным контекстом, вызывает определенные смысловые ассоциации и формирует корпоративный образ (имидж) в общественном сознании, создает репутацию компании. Формирование определенного корпоративного образа (corporate image) и поддержание корпоративной репутации как особенности, исключительности (corporate identity) являются действиями, присущими любой компании, из сферы маркетинга по продвижению товаров и услуг.

Корпоративный веб-сайт компании, выступая простым и удобным средством общения компании с партнерами, потребителями продукции,

клиентами, инвесторами, является важным источником сведений об особенностях корпоративной культуры в той или иной компании и дальнейших векторах ее развития. С лингвокогнитивной точки зрения, семиотическое целое корпоративного веб-сайта компании имплицитно объективирует концептуальные составляющие лингвоментальной сферы CORPORATE CULTURE.

Благодаря знаковому потенциалу представленных на корпоративном сайте текстов, репрезентантов корпоративного публичного дискурса, актуализация концептосферы CORPORATE CULTURE демонстрирует самые разнообразные смысловые ассоциации, связанные с деятельностью современной успешной компании. Следовательно, обращаясь к проанализированному материалу текстов корпоративного публичного дискурса, можно констатировать, что вербализация концептосферы CORPORATE CULTURE осуществляется за счет знакового потенциала значений в рамках взаимодействия, взаимного пересечения и развития ассоциативных сфер таких ключевых концептуальных сущностей, как: "corporation", "(profit-making) organization", "marketing", "management", "business".

Привлечение текстов **бизнес публицистического дискурса** позволяет выделить три сферы, в рамках которых репрезентируется исследуемая концептосфера: ценностно-нормативную сферу (определенные ценности, верования, этические взгляды, отношения, разделяемые членами организации и ведущие к формированию норм поведения внутри организации), сферу корпоративного управления, сферу ежедневной корпоративной действительности. Понятия и явления каждой сферы, выступая актуализаторами знаний о CORPORATE CULTURE, формируют ряд содержательно-структурных единиц – концептуальных образований. Следует отметить, что проведенный анализ показал присутствие обоюдных отношений и множественных внутри и межконцептуальных связей в контексте репрезентации CORPORATE CULTURE.

В результате исследования текстов известных англоязычных бизнес изданий (*Financial Times, The Economist, Business Week, Fortune, Wall Street Journal*), был сделан вывод о том, что концептосфера CORPORATE CULTURE репрезентируется за счет множества языковых знаков, объективирующих разнообразие значений, в рамках пересечения и взаимодействия концептуальных образований "corporate ethics – values" ("корпоративные этические принципы – ценности"), "corporate management" ("корпоративный менеджмент"), "corporate patterns of behavior" ("корпоративные модели поведения").

Таким образом, изучив обширный языковой материал, репрезентирующий конкретные знания и составляющие элементы концептосферы CORPORATE CULTURE, можно говорить о тесном взаимодействии концептуальных и семиотических пространств в процессе дискурсивной репрезентации данной сферы, объективирующей некий синтез языкового и энциклопедического знания о корпоративной культуре в человеческом сознании. Необходимо подчеркнуть, что языковые средства репрезентации концептосферы CORPORATE CULTURE показывают способы и формы осмысления концептуального содержания этого явления человеком посредством языка, однако же, при этом репрезентируется лишь часть всего концептуального поля, так как ни один из концептов не может быть полностью репрезентирован в речи. Но, тем не менее, именно благодаря важнейшей роли языкового знака в процессе концептуализации объективируется феноменология знаковой репрезентации действительности.

На основании всего выше сказанного, можно сделать вывод о возможности комплексного исследования концептосферы CORPORATE CULTURE на основе применения лингвокогнитивного, семиотического и дискурсивного подходов. Подобная синергия подходов в исследовании вполне соответствует преследуемой когнитивной лингвистикой цели наиболее оптимального изучения отражения окружающего мира в языковом сознании человека и общества в целом.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по англ. филологии. Тамбов, 2001.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004.
- Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.
- Персикова Т.Н. Феномен корпоративной культуры в современной России (сопоставительный анализ корпоративных культур в российских и иностранных организациях): автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 2007.
- Daugherty L. Defining Corporate Culture. How Social Scientists Define Culture, Values, and Tradeoffs among Them, 2007 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rand.org/pubs/working_papers/WR499/.
- Dictionary of Business Terms. Jack P. Friedman, ed. 3rd ed. Hauppauge, NY: Barron's Educational Series, Inc., 2000.
- Encyclopedia of business / Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 1995.

С.М. Глушецкая
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ
НЕМЕЦКОЙ ЛЕКСИКИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ “МОДА”

В статье обосновывается необходимость синхронно-диахронного подхода к анализу лексических единиц, предполагающего сочетание этимологического и лингвокультурологического анализа, что в дальнейшем может стать основой для разработки лингвокультурологического словаря по теме “Мода”.

The author substantiates the necessity of a synchro-diachronic approach to the analysis of the lexicon, including both etymologic and linguocultural analysis which can further result in creation of a linguocultural dictionary about fashion.

Одним из ключевых вопросов лингвокультурологического подхода является выявление соотношения “слово – вещь”, “знак – значение – культурологический смысл”, знание которого представляет собой часть общей прагматической этно- и межкультурной компетенции, что особенно актуально для подготовки специалистов – филологов и переводчиков как посредников в межкультурном общении. В этом плане необходимо исследование как универсалий (межъязыковых эквивалентов), так и этнореалий, или национально-культурных номинаций, к числу которых принято относить как понятийные национально-культурные номинации (безэквивалентные единицы, обозначающие национально-специфические реалии), так и фоновые национально-культурные номинации (языковые единицы, обнаруживающие наряду с чертами общности также и национально-специфические значения или оттенки значения/семантические компоненты).

К числу малоисследованных областей (в плане этнокультурологического, сравнительно-исторического, типологического и трансляционного аспектов) относится лексика тематической группы “Мода”. Трудность перевода многих реалий заключается в том, что они, сохраняясь в течение многих десятилетий и столетий, обозначают в различные исторические эпохи предметы одежды, значительно различающиеся как по функции, так и в плане дизайна (покрой, длина, наличие/отсутствие рукавов, воротника и отделки), при этом данные различия нередко носят региональный характер: тот или иной вид одежды имеет свою специфику в различных регионах и провинциях страны (в Германии это обусловлено длительным периодом раздельного существования германских племен на территории Европы, а в эпоху средневековья – феодальной

раздробленностью страны на несколько десятков малых государств со своим правителем, своей культурой, своим языком общения).

Лексика тематической группы “Мода” является подсистемой вокабуляра, обладающего огромным культуроносным потенциалом, но не отражающего зачастую во “внутренней форме” свои национальные особенности, поэтому наряду с лингвистическим необходим лингвокультурологический подход к анализу этнореалий и их межъязыковых соответствий.

“Скрывающиеся” за языковой формой факты культуры, являющие собой нечто существенное, характерное, специфически национальное, ставят исследователей перед необходимостью диахронического подхода к анализу языка и культуры, поскольку формальная структура слова не всегда “отдает” заключенную в нее культурологическую информацию [Верещагин, Костомаров 2000: 101], что требует от лингвиста серьезного, тщательного исследования этимологии слова и исторического развития обозначаемого им денотата: слова “хранят” информацию о предшествующих этапах развития национальной культуры, поэтому с точки зрения динамики семантического развития в семантической структуре слова следует различать синхронические и диахронические составляющие лексического фона, при этом диахронические “семантические доли” лексического фона усваиваются членами каждой этнокультурной общности в процессе обучения и социализации; хранилищем этнореалий прошлого являются тексты (художественные, научные, публицистические), поэтому диахронические аспекты лексического фона остаются актуальными на протяжении длительных периодов общественного развития [Верещагин, Костомаров 2000: 101-102].

Поскольку слова являются хранителями культуры и исторической “памяти” о характере обозначаемых ими явлений действительности, возникает необходимость исследования отношения “слово – вещь” с точки зрения соотношения лингвистических и экстралингвистических факторов. Данная установка нашла свое языковое отражение в системе взглядов и деятельности Школы “слов и вещей”, восходящей к лингвистическим воззрениям австрийского лингвиста к. XIX – н. XX вв. Гуго Шухардта. С 1909 г. до начала 40-х гг. XX в. в Германии издается журнал «Wörter und Sachen» под редакцией Р. Мерингера, выдвинувшего идею сопоставительного анализа “языковых волн” и “волн культуры” (или «волн вещей») с целью выявления взаимосвязи в развитии языка и материальной культуры. Соответственно школа “слов и вещей” ставила задачу изучения истории слов, основываясь не только на лингвистическом анализе, но и на истории

самой вещи; при этом анализу подвергаются и заимствования (слова, заимствованные вместе с обозначаемыми ими вещами) [АОР 1975: 493-494].

Следует отметить, что в современных лингвистических исследованиях, например, в рамках когнитивной лингвистики в настоящее время формируется новое направление: диахроническая сопоставительная концептология, основной задачей которой является сопоставление социально-значимых концептов двух или более культур с целью выявления содержательной и структурной организации сравниваемых концептов, выявления и объяснения причин межкультурных различий составляющих их элементов в определенный период времени. Указывая на такое важное свойство концепта, как динамичность, В.Г. Кузнецов отмечает необходимость двух подходов к реконструкции концептов: ономаσιологического и семасиологического. Ономаσιологический подход предполагает обращение к данным многих наук – этнопсихологии, истории культуры, искусства, художественной литературы, публицистики исследуемого периода. Семасиологический подход в диахронии предполагает реконструкцию концепта и его структуры на основе различных лексикографических источников: этимологических, исторических, толковых, синонимических словарей, тезаурусов. Этимологический анализ дает возможность установить мотивирующее основание словесного выражения концепта, его первоначальную вербализацию, лежащую в основе национально-культурной особенности концепта. Диахронический подход имеет эксплицирующую, объяснительную силу. Реконструкция концепта осуществляется на основе истории развития значений лексических единиц как средств его вербализации [Кузнецов 2007: 133-136].

Таким образом, концептуальному анализу должен предшествовать этимологический и лингвокультурологический анализ, позволяющий в дальнейшем составить представление о вербализируемых лексическими единицами концептах, при этом первым шагом является исследование “слов и вещей” применительно к каждому конкретному языку, а лишь затем возможно сопоставление соответствующих лексико-семантических групп и репрезентируемых ими концептов в двух или более языках.

Анализ (и систематизация) реалий все далее уходящих от нас времен, зафиксированных, однако, в письменных источниках и требующих от нас адекватного восприятия, в настоящее время становится все более актуальным: так, объектом исследования становятся номинации оружия разных исторических эпох, обозначения одежды на материале английского и немецкого языков, обозначения реалий русской культуры (Ю.С. Степанов) и многое другое, при этом исследование все чаще осуществляется методами, характерными для различных, но близких лингвистических школ,

поскольку предмет исследования составляет “пограничную зону” интересов лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и истории языка.

Понятия и представления, связанные с определенными реалиями, преобладающие в определенный период в сознании социума и составляющие семантическую основу национально-культурных номинаций, входят в число социально значимых концептов (СЗК), имеющих одновременную причастность и к культуре (вхождение в концептосферу социума и в социокультурные программы, формируемые индивидом в процессе социализации и инкультурации), и к языку (семантические, стилистические, мотивационно-номинативные характеристики, формирующие отношение “субъект – вещь – слово”). Р.А. Будагов одним из первых обратил внимание на существенность такого направления исследования, как анализ ключевых слов в языке определенной эпохи с позиций их разной темпоральной и социальной «локализации», отметив необходимость анализа “слов-ключей” в диахроническом аспекте (цит. по: [Кузнецов 2008: 38]).

Основополагающим признаком социально-значимых концептов является их динамизм: социально-значимые концепты наиболее чутко реагируют на изменения, происходящие в обществе и общественном сознании, что на лексическом уровне проявляется в плане развития полисемии, синонимии или омонимии лексем, в расширении их деривационных возможностей в плане широкого употребления социально-значимых концептов в качестве опорных слов в рамках композитов или словосочетаний, более активного образования устойчивых словосочетаний, метафоризации и переноса наименований из одной терминологической сферы в другую. Это обусловливается тем, что удельный вес социально-значимых концептов – величина переменная, зависящая от факторов социально-исторического, политического, идеологического характера [Кузнецов 2008: 38-41]. О.Н. Трубачев отмечал необходимость синхронно-диахронного подхода к анализу лексических единиц, т.е. распространения системного подхода к диахронии и сочетания этимологического анализа с учетом статуса соответствующей лексемы в соответствующем семантическом (концептуальном) поле лексической системы конкретного языка на разных этапах его развития [Трубачев 1980: 3-14].

Синхронно-диахронный подход к анализу лексических единиц предполагает как ономазиологический, так и семасиологический подходы к исследованию лексического материала: изучение СЗК в синхронии и диахронии позволяет внести большую ясность в понятие динамического аспекта развития значения слова, представляет интерес для исследования когнитивных основ номинации и словообразования [Кузнецов 2008: 45], выявления изменчивого статуса лексем в лексической системе (вследствие

перераспределения их значений в рамках семантических микрополей, тематических и лексико-семантических групп), обусловленного экстралингвистическими (социокультурными) факторами.

Для исследования лексем концептуальной сферы системно-диахронный подход является довольно актуальным и насущно необходимым, поскольку тот или иной предмет моды, меняя свою структуру (покрой, длину, характер ткани или другого материала), обретая социально-сословную или социально-групповую “знаковость”, влечет за собой модификацию концептуального содержания обозначающего его слова, и устаревший термин влечет за собой неопределенность референции (нарушается отношение “слово – вещь”). Относясь к определенному ряду предметов и обретая в нем новый статус, меняющийся предмет моды требует своего нового обозначения, которое либо создается вновь, либо заимствуется из другого языка (на основании переноса наименования в силу значительного сходства формы и функции соответствующих модных предметов в рамках обеих культур), при этом нередки случаи, когда новая модель заимствуется вместе с обозначающим его словом (в данном случае происходит дифференциация номинаций для различных видов однофункциональных модных предметов). Вместе с тем возможно сужение значения одних и генерализация (переход в родовое понятие) других слов.

Таким образом, актуальным является рассмотрение следующих аспектов проблемы:

а) развитие семантико-понятийной структуры отдельных национально-культурных номинаций на основании учета экстралингвистических факторов (характер модного предмета, его социокультурная знаковость, изменение конфигурации, перенос обозначения на другие модные предметы или детали исходного предмета);

б) системные изменения семантики номинаций в рамках лексико-семантических групп (перераспределение значений, становление диахронической полисемии и синонимии, расширение или сужение значения, метафоризация как источник синонимии либо переноса наименований на другие предметы вне концептосферы «Мода»);

в) формирование родовых и видовых понятий, словообразовательных гнезд;

г) формирование фразеологизмов, отражающих древние значения анализируемых лексем.

Остановимся на анализе немецкой этнореалии *Kleid*. Установка на диахронический анализ номинаций предполагает обращение как к этимологии соответствующих лексем, так и к истории развития их значений, связанного с изменениями обозначаемых ими денотатов (предметов

костюма), чем и обусловлено разграничение двух рубрик: этимология и лингвокультурологический аспект развития значения.

1. Этимология (форма и первичное значение)

Этимология слова *kleid* является предметом дискуссий. Одни исследователи возводят данное слово к древнегерманской основе *klei* (жирный глинозем, глина). В процессе изготовления сукна (в процессе свойлачивания) для уплотнения ткани использовался особый вид глинозема, обозначение которого легло в основу номинации изготовленной таким образом ткани, а затем и одежды, сшитой из этой ткани [Duden-7 1963: 332] (таким образом, в основе названия одежды лежит двойной метонимический перенос). Предположительно, слово *kleid* является причастной формой с первичным значением “*das mit Klei gewalkte*” [там же]. Я. Гримм также возводит происхождение этого слова к процессу ткачества, однако за основу берет обозначение противовеса (комка), который использовался в вертикальном ткацком станке для натягивания нитей – ср.: норв. *kljåstein*, исл. *kljær* (мн.ч. *kljar*) [Grimm-5 1873: 1069].

Другие исследователи, отмечая отсутствие слова *kleid* в див. языке (VIII–XI вв.), более склонны считать его заимствованием из среднелатинского (*clēda*) либо славянского (*gijet*) (см.: [Grimm-5 1873: 1069-1080]).

Данное слово представлено во всех германских языках, что свидетельствует о том, что номинация *kleid* восходит к единому источнику и появляется в период совместного или контактного развития германских племен (или народностей), ср.: англосакс. *clāp* (VIII в.), др.фриз. *klāth/klēth*, средненидерл. *cleet/ceed*, др.скандин. *cladi*, свн. *kleit* (род. пад.: *kleides*); в др. саксонском и готском языках лексема отсутствует; на современной немецкой территории наличествует не во всех регионах [Kluge 1934: 306; Paul 1959: 330-331].

Г. Пауль, отмечая родство англосаксонских лексем *klīdan* (прилипать) *clāp* (ткань, одежда) со словом *clipe* (репей), которому в немецком соответствует *Klette* (репей, прилипала), кладет в основу этих слов первичное значение «клеить, склеивать» [Paul 1959: 330-331]. Это косвенно подтверждает изложенное выше мнение о скреплении ворсинок шерсти с помощью земли в сукновальном процессе; первичным значением слова *Kleid* Г. Пауль также считает обозначение ткани [там же].

Ф. Клуге отмечает распространение данного слова с северо-запада на юг, где данная лексема закрепилась не во всех диалектах: в баварском доминирует *Gewand* (с нейтральным значением, в отличие от литературной нормы), в швабском - *hās*, эльзасском и баденском - *plunder*; кроме того, на юге Германии широко распространена лексема *Pfeid* [Kluge 1934: 306]. Э. Вассерциер считает шутовское слово *Kledage/Kledasche* производным от

древнегерманского корня *kleid* (с добавлением “модного” французского суффикса для создания комического эффекта) [Wasserzieher 1971: 120].

Все выше сказанное свидетельствует, скорее, о германском происхождении слова *Kleid*, связанном с появлением ткачества (сукновального дела) в германском ареале. Данное слово сохраняется в языках северных германских регионов с незначительными изменениями фонетического облика: в северонемецком – *kleed*, в датском и шведском – *klåde*, в англ. – *cloth*, шотландском – *claiith*.

II. Лингвокультурологические аспекты развития значения (изменение отношения “слово – вещь”)

1. Первоначально лексемой *Kleid* обозначали кусок ткани, полотна для целевого пользования, без искусственной обработки, и в этом значении данное слово конкурировало с лексемами *Tuch* и *Decke*, обозначающими изделия из более тонких, хорошо обработанных тканей, ср. нвн. *Tischtuch/decke* – скатерть [Grimm-5 1873: 1070]. Значение ткани для пошива одежды (*Gewandstoff*) сохраняется за этим словом вплоть до XVI-XVII вв. [Lexner 1966: 110].

2. В дальнейшем данное слово обозначало шерстяные вещи, изделия из шерстяных тканей различного функционального предназначения. Производные с данным словом образуют значительное словообразовательное гнездо, ср.: *tinnelkeit*, *rossekleit*, *satelkleit*, *deckekleit*, *bankleit*, *wischkleid* [Grimm-5 1873: 1070] (= попона, накидка, покрывало, постилка на скамью и т.п., ткань для протирания чего-л.).

3. С XII по XVII вв., наряду с остальными значениями, слово имело общее значение “мужская и женская одежда” [Wisniewski 2005: 148], при этом в качестве денотата мог выступать любой модный предмет, откуда такие номинации, как *Beinkleid* (пantalоны, штаны; досл.: одежда для ног), *Kleiderschrank* (шкаф для различных принадлежностей гардероба), *Kleidung* (собирательное значение) и *Kleidungsstück* (отдельный предмет гардероба). Таким образом, слово *Kleid* получает родовое значение [Paul 1959: 330-331; Lexner 1966: 110]: “платье” (= одежды, гардероб), подобно соответствующему русскому слову в его широком значении.

4. Лексемой *Kleid* в XV-XVI вв. обозначали также совокупность украшений, орнамент, и в этом значении данная лексема вступала в синонимические отношения с лексемами *Zierung*, *Gezierde*, *Ornamentum* “украшение” [Grimm-5 1873: 1071; Lexner 1966: 110], откуда: *kleidern* – украшать [Lexner 1966: 109].

5. В XVII в. за лексемой *Kleid*, наряду с родовым значением “одежда” прочно закрепляется также значение “женское платье”, что явствует из следующих производных слов: *Hochzeitskleid*, *Ballkleid*,

Umstandskleid и др. [Grimm-5 1873: 1071]. В Северной Германии в ряде регионов до сих пор слово *Kleid* сохраняется как обозначение женской верхней одежды [Paul 1959: 330-331].

6. В XVIII-XIX вв. слово *Kleid* получает расширение значения и обозначает совокупность одежд, костюм, одеяние в широком смысле слова и конкурирует с лексемой *Gewand* и своими производными: *Kleidung*, *Bekleidung*. Форма *Kleider* продолжает, однако, сохранять и свое прежнее собирательное значение, обозначая все составляющие модного гардероба: одежду, обувь, белье, аксессуары [Grimm-5 1873: 1070].

7. В XX в. слово *Kleid* в основном обозначает женское платье, а в некоторых регионах Южной Германии мужской пиджак [Paul 1959: 330-331], сохраняя, более ранние производные со значением мужской одежды (*Matrosenkleid*, *Priesterkleid*, *Jagdkleid*, *Ordenskleid* и др.) и довольно большую группу производных слов, обозначающих одежду в собирательном смысле (костюм, одежда), при этом в данном значении функционируют многие обозначения мужского костюма (как сохранившиеся по традиции, так и вновь созданные).

Значения женской одежды и верхней одежды в целом (родовое понятие верхней одежды) в лексикографических источниках трактуется неоднозначно: одни словари основным значением считают родовое понятие *Oberbekleidung* [Wahrig 1984: 2122], другие – обозначение женской одежды [WDG-3 1970: 2109]. Большой немецко-русский словарь приводит два эквивалента: для ед.ч. (*платье*) и для мн.ч. (*платье, одежда*) без дальнейшей конкретизации этих понятий [БНРС-1 2004: 716]. Таким образом, в качестве основного признается родовое понятие, собирательное значение слова *Kleid*.

В настоящее время лексема *Kleid* в значении “платье”, “одежда”, “наряд” обнаруживает достаточно продуктивное словообразовательное гнездо:

а) наименования на основе обозначения материала, из которого сшита одежда: *Woll-, Tuch-, Atlas-, Tüll-, Flor-, Kattun-, Spitzen-, Krepp-, Leinen-, Samt-, Seiden-, Falt-, Daunen-, Feder-, Stachel-, Schotten-, Karo- Kleid*;

б) наименования по целевому предназначению одежды: *Kirchen-, Haus-, Staats-, Pracht-, Reit-, Trauer-, Ehren-, Bade-, Garten-, Schul-, Strand-, Straßen-, Sterbe-, Tanz-, Wasch-, Abend-, Morgen-, Nacht-, Sommer-, Sonntags-, Winter-, Ball-, Berufs-, Cocktail-, Fest-, Gesellschafts-, Hochzeits-, Jagd-, Konfirmations-, Sport-, Reise-, Tauf-, Tennis-, Umstands-, Ordens-, Über-, Übergangs-, Unter-, Zivil- Kleid* [WDG-3 1970: 2109];

в) наименования по гендерному признаку владельца одежды: *Dirndel-, Jungmädchen-, Kinder-, Frauen-, Männer-, Umstands- Kleid*;

г) наименования, отражающие стиль и форму одежды: *Hemd-, Jacken-, Kittel-, Mantel-, Prinzess-, Stil-, Modell-, Trachten- Kleid*.

8. Фразеологический фонд языка насчитывает большое количество фразеологических оборотов с лексемой *Kleid*, которые отражают более раннее представление о предназначении одежды, ее ценности и социально-статусной знаковости.

ein neues Kleid einweihen – “обновить” платье, т.е. надеть его впервые (здесь отражен средневековый обычай одеваться согласно официальной “табели о рангах”, предписывающей определенные типы одежды придворным и представителям различных сословий: одежда “освящалась” законом, одежда не по рангу запрещалась и изымалась сразу же после первого “появления в свете” его владельца, отсюда дословное значение данного оборота: “освятить новое платье”);

(drei Tage) nicht aus Kleide kommen – не ложиться спать (в течение трех суток) – досл. “не раздеваться” (здесь отражена средневековая традиция рыцарей во время ночевки не снимать доспехи, если есть опасность внезапного нападения врага: одевание доспехов – процесс длительный, требующий помощи слуги);

das Kleid macht den Mann; Kleider machen Leute - одежда делает человека (отражена ценностная шкала в оценке одежды: хорошая одежда поднимает престиж, а в эпоху средневековья свидетельствовала о ранге человека, его социальном положении; личные достоинства бедняка ничего не стоили);

Grobes Tuch gibt kein feines Kleid (досл.: из грубого сукна не сошьешь богатого (изысканного) платья);

schlechte Kleidung ist leichter abzulegen als schlechte Sitten (досл.: избавиться от плохой одежды проще, чем от дурного нрава).

9.- Слово *Kleid* имеет целый ряд вторичных значений на основе метафорического переноса, ср.:

9.1. *Kleidholz, Schanzkleid* (опалубка, защитное сооружение из бревен);

9.2. *das Kleid, Kleidchen* “околоплодный пузырь”;

9.3. “оперение” (зоол.): в период линьки птицы теряют старые перья и обретают новое оперение, которое в зоологии обозначается терминами *Hochzeitskleid, Sommerkleid*, в то время как старое получает названия *Herbstkleid, Winterkleid*; ср. родовое понятие *Federkleid* [Grimm-11: 1072];

9.4. “рубашка”: в судоходном деле лексемой *Kleid* обозначают старый парус или старые канаты, которыми оборачивается кабель или другой канат, подверженные трению [Grimm-5 1873: 1073].

9.5. Выражение *Sie haben ein neues Kleid angezogen* в XIX-XX вв. в ряде случаев используется для обозначения ремонта дома, закончившейся внешней отделкой.

9.6. В поэзии состояние растительности и природы в целом часто обозначается словом *Kleid* (в значении: общая картина, "наряд"):

Natur, wie schön in jedem Kleide! Auch noch im Sterbekleid wie schön!
(Voss) [Grimm-5 1873: 1073].

9.7. *Kleid* служит для образного обозначения внешней, материальной оболочки, в отличие от внутреннего содержания:

...und wie sich unser Aug am Kleid der Dinge stößt... (как наш глаз наталкивается на внешнюю оболочку вещей, т.е. видит внешнее в объектах) [Grimm-5 1873: 1073].

Результаты данного исследования могут послужить основой для создания лингвокультурологического переводческого словаря по теме "Мода", поскольку перевод лексических единиц данной тематической группы предполагает знание их диахронической полисемии, что обуславливает выбор правильного эквивалента, поскольку использование только первичного значения, свойственного лексемам современного немецкого языка, может стать причиной грубых переводческих ошибок.

Литература

АОР – Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В. Очерки по истории лингвистики. М.: Наука, 1975.

БНРС – Большой немецко-русский словарь / Под ред. Москальской О.И. Т1. М.: Русский язык, 2004.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Дом бытия языка. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логозпистемы. М.: ИКАР, 2000.

Кузнецов В.Г. Социально-значимые концепты в синхронии и диахронии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 38–45.

Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // Вопросы языкознания. 1980. № 3. С. 3–14.

Duden-7 – Das Herkunftswörterbuch. Die Etymologie der deutschen Sprache. Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1963.

Grimm – Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm (in 32 Teilbänden). Leipzig: S.Hirzel, 1854–1971.

Kluge Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin/Leipzig: de Gruyter, 1934.

Lexner – Matthias Lexners mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Leipzig: S.Hirzel, 1966.

Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle/Saale: Niemeyer, 1959.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. München: Mosaik, 1984.

Wasserzieher E. Kleines etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Leipzig: Bibl. Inst., 1970.

Wisniewski C. Kleines Wörterbuch des Kostüms und der Mode. Stuttgart: Philipp Reclam, 2005.

Н.В. Нерубенко СЛОВО *GELD* КАК ЕДИНИЦА НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается лексическая единица *Geld* и семантические особенности ее репрезентации в языке на примере пословиц.

The author analyses the lexical unit *Geld* and some semantic characteristics of its representation in proverbs.

Концепция собственности и богатства принадлежит к константным элементам модели мира в любом обществе. Деньги представляют собой главный элемент богатства. На разных этапах развития человеческого общества ученые обращались к теме "Деньги. Денежное обращение".

На первый взгляд обычное в семантическом плане ничем не выделяющееся слово "деньги" таит в себе множество тайн и загадок. Для человека деньги – это и радость и в тоже время причина бед, например: *Viel Geld, viel Freunde; Hat der Bauer Geld, hat er die ganze Welt; Wenig Geld, wenig Sorge*. Аналогично и в русском языке: *При деньгах Панфил всем людям мил; без денег Панфил никому не мил* или *У Фомушки денежки, Фомушка Фома; У Фомушки ни денежки, Фомка Фома*.

В толковом словаре русского языка деньги трактуются как:

«металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях – особые товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления, т.е. сокровищем (применительно к золотым и серебряным монетам);

капитальные средства, например, большие деньги; сумасшедшие деньги» [Ожегов 1992: 162].

В этимологическом словаре немецкого языка слово *geld* имеет следующую дефиницию:

Geld (< 9 Jh.) mhd. *gelt*, ahd. *gelt* „Entgelt; Belohnung“; as. *geld* „Vergeltung, Lohn“; aus *Geld* „Geld-a-n“ „Vergeltung, Entgelt“ auch in gt. *gild* „Steuer“, anord. *gjald* „Bezahlung, Gabe, Bußgeld“, afr. *jeld* „Kaufpreis“. Die Bedeutung „geprägtes Zahlungsmittel“ seit dem 14 Jh. Das Wort ist eine Ableitung von germ. *geld-a* „entgelten“ [Kluge 1995: 309].

Из данного определения следует, что слово *деньги* восходит приблизительно к 9 в.; свн. *gelt* означает «оплата, возмещение убытков, вознаграждение; платеж, долговое требование, цена, средство платежа». С 14 в. получает значение «чеканное платежное средство». Слово *geld* является производным от германского глагола *entgelten* (поплатиться, искупить).

Понятие деньги является объектом изучения разных наук. В экономических текстах деньги выступают в качестве специального термина. В других типах текста, слово *geld* является словом общеупотребительного языка, т.е. в дефиниции слова не применяются специальные знания, а знания, понятные обыденному сознанию, т.е. деньги рассматриваются с позиции закрепленных за ними моральных суждений.

В рамках данной статьи мы рассматриваем слово *geld* как единицу немецкой лингвокультуры, в которой закреплены принятые в социуме нормы морали и стереотипы поведения. Объектом исследования служат пословицы, которые репрезентируют концепт GELD.

Весь исследованный эмпирический материал (300 единиц) можно условно разделить на две группы, отражающие основные сферы, в которых представлен концепт GELD – научную (в первую очередь, сферу экономики) и житейскую, бытовую.

К условно названной **экономической** сфере относятся пословицы (99 единиц), в которых слово *geld* реализует свое прямое значение, а именно деньги как денежная единица. В семантике таких пословиц можно проследить сходство с пониманием функций денег в экономике.

Известно, что в экономике деньги выполняют 4 основных функции: деньги – как мера стоимости, средство обращения, средство платежа и средство накопления [Белоглазова 2004: 15].

В метафорической форме слово *geld* реализует все четыре из вышеназванных функций денег:

как средство обращения:

Geld ist Macht;

Geld macht den Markt;

Geld ist gute Ware;

So Geld, so Ware;

Das Geld geht aus einer Hand in die andere;

Geld ohne Gewerbe geht bald auf die Sterbe;

Geld und Gut fahrende Habe;

Das Geld ist rund, es rollt gern;

Das Geld ist tot, aber schafft Leben und Brot;

как средство накопления:

Geld ist gern bei Geld;

Wo Geld ist, da kommt Geld hin;

Erspartes Geld so gut wie gewonnen;

Geld im Beutel kommt nicht aus der Mode;

Geld ist gut mit;

как средство платежа:

*Für Geld kriegt man Zucker;
Nicht für Geld und gute Worte;
Heute für Geld, morgen umsonst;
Für Geld kann man den Teufel in ein Glas sehen;
Für wenig Geld macht man keinen fetten Kauf;
Für Geld und gute Worte kann man alles haben;*

как мера стоимости:

*Gute Tage kosten Geld;
Hat der Bauer das Geld, hat's die ganze Welt;
Wo Geld fehlt; da ist das Brot teuer;
Auf sich halten kostet kein Geld.*

Пословицы, в которых слово *geld* выступает в качестве **средства обращения**, образуют ядро группы (57 единиц). Можно говорить о значимости денег в данной функции, отражающей развитие товарно-денежных отношений, для концептосферы немецкого народа.

Во многих случаях пословицы буквально фиксируют известную формулу товарно-денежных отношений "деньги – товар": *Geld ist Macht; Danach Geld, danach Ware; Wenn dumme Leute zu Markt kommen, kriegen die Kaufleute Geld; Der Weizen auf dem Feld ist noch kein Geld; Geld hält das Feld; Kein Geld, keine Ware; Der hat das Geld nicht verloren, der bekommen, was er gewollt.*

Пословицы прямо называют деньги "душой бизнеса": *Geld ist die Seele des Geschäfts; Kein Geld, keine Arbeit.*

Группу пословиц, в которых слово *geld* реализует **функцию накопления**, составляет 25 единиц. Когнитивная структура пословиц данной группы репрезентирует знание о необходимости беречь, накапливать деньги: *Gulden liege auf Gulden und gibt es keine Schulden; Geld, zu rechter Zeit veracht't, hat oft grossen Nutzen bracht't; Geld und Mädchen muss man wohl verschliessen.* В пословицах представлены сочетания с различными препозитивными определениями: Деньги бывают с *трудом заработанные (alt)*, *накопленные (erspart)*.

В пословицах обыгрывается круглая форма монет, позволяющая им быстро исчезать из рук владельца: *Das Geld ist rund, wer's haben kann, der hält's; Das Geld ist rund und muss rollen.*

Группа пословиц, в которых слово *geld* выступает как **средство платежа**, представлена 17 единицами. Деньги позволяют приобретение чего-либо, причем пословицы фиксируют возможность приобретения за деньги не только материальных ценностей, но и других, более высоких

“благ”: *Für Geld und gute Worte kann man alles haben*. Порой, заплатив деньги, можно получить в ответ побор и оплеухи: *Für Geld kriege ich Feigen; Für Geld und gute Worte kann man Ohrfeigen kriegen*. Альтернативным средством платежа могут выступать просьбы, уговоры и другие речевые действия: *Es ist wolfeier mit Geld als mit Bitten kaufen*.

Малочисленную группу составляют пословицы, в которых деньги выступают как **мера стоимости** (4 единицы).

Для наименования денежных знаков большей частью используется слово *geld*. В некоторых случаях употребляются обозначения национальных денежных знаков. Это придает пословицам специфическую национально-культурную окрашенность, поскольку эти лексемы представляют собой наименования исторических реалий, например: *Gulden liege auf Gulden und es gibt keine Schulden; Armer Leute Pfennige sind auch Geld; Drei Heller sind auch Geld*. Особенностью данной лексемы является тот факт, что семантика слова *geld* выражает некоторое количество данного материального блага: *Geld macht den Markt* или *Geld macht all Laden auf* (имплицуруется наличие денег).

Пословицам, которые мы условно отнесли к экономической сфере, противостоит многочисленная группа примеров, в которых роль денег определяется через различные жизненные ситуации (201 единица). В этом случае концепт GELD соотносится с семантической сферой моральных суждений: *Wenn mit dem Taler geläutet wird, gehen alle Türen auf; Frauen und Geld regieren die Welt; Erst Geld, dann Recht*.

Широко представлено в пословицах (74 единицы) эмоциональное отношение к деньгам: *Geld ist Macht; Geld ist Trumpf; Geld ist der Herr der Welt; Geld ist Talisman der Welt; Geld ist Königin; Geld ist Blut und Seele der Menschen; Dem Geld gehört alle Welt*. Эти пословицы представляют собой предложения безусловного тождества, в которых предикат может быть описан словами со значением “то же самое, что”, “равно”, “равняется”, т.е. деньги – это сила, власть (*Macht*), козырь (*Trumpf*), талисман (*Talisman*), кровь и душа людей (*Blut und Seele der Menschen*).

К пословицам, смысл которых можно в общем виде сформулировать в сентенции “деньги – это всё” (*geld ist alles*), примыкают пословицы, объединенные смыслом “деньги могут всё” (*geld kann alles*): *Das liebe Geld kann alles; Geld führt den Krieg; Geld verführt die Welt; Geld regiert die Welt und der Kuppel den Menschen; Frauen und Geld regieren die Welt; Geld zwingt alles; Geld zwingt die Welt*. Обращает на себя внимание рифма “*geld – welt*” в этой группе примеров. Существенным представляется тот факт, что в пословицах зафиксировано представление о том, что власть закона, правовых норм уступает власти денег, например: *Geld hat keinen Herrn; Erst*

Geld, dann Recht; Geld geht vor Recht. Пословицы такого рода позволяют судить о внеправовых действиях с использованием денег, например, подкуп юридического лица (*Ein blinder Richter hört auch Geld klingen*), дачу взятки (*Geld macht stumm; Geld macht taub*), взаимодействие с адвокатами (*Geld macht die Advocaten tanzen*).

Народная мудрость представляет деньги как существенную ценность в жизни человека с другими безусловными ценностями – в первую очередь – здоровьем, мудростью, честью: *Gesundheit und Geld durchstreiten die Welt; Geld, Weisheit und Gesundheit sind gut zur Winters- und Sommerszeit; Geld und Gut ist wetterwendig, Kunst und Tugend bleibt beständig.*

Важность денег в жизни такова, что они могут быть мерилom других ценностей, а лексема *geld* может приобретать предикатную функцию: *Zeit ist Geld.*

В обеих приведенных выше группах пословиц имеет место олицетворение денег: они управляют миром и ведут войны, переходят из рук в руки: *Geld hat keinen Herrn*, заставляют людей молчать: *Geld macht stumm*. Большую группу образуют, однако, пословицы, в которых на передний план выступает человек, обладающий деньгами. При этом подчеркиваются преимущества, вытекающие из наличия денег, и отрицательные последствия в случае отсутствия денег у человека: *Wer Geld hat, wird überall verstanden; Wer Geld hat, lässt blasen; Wer Geld hat, ist fromm genug; Hat der Bauer Geld, hat er die ganze Welt, Wer kein Geld hat, muss Honig im Munde haben; Wer kein Geld hat, reitet zu Fuss; Wer kein Geld hat, der zahlt mit der Haut; Wer kein Geld hat, muss Bürger stehlen; Wo Geld fehlt, da ist das Brot teuer; Kein Geld, keine Arbeit.*

Несмотря на то, что в подавляющем числе пословиц деньги, точнее их наличие, постулируются как безусловное благо, ряд пословиц противопоставляет ему другие, более высокие ценности – дружбу, любовь, репутацию; искусство, здоровье: *Besser in der Tasche kein Geld als ohne Freund in dieser Welt; Geld kann viel, Liebe alles; Ein guter Name ist besser als Bargeld; Geld und Gut verlieren sich, ein guter Nam´ bleibt ewiglich; Geld vergeht, Kunst besteht; Geld und Gut liebt man sehr, aber die Gesundheit noch viel mehr.*

Как известно, есть вещи, которые нельзя купить за деньги: *Geld stillt keinen Hunger; je mehr Geld, desto mehr Sorgen.* Другими словами, не в деньгах счастье: *Geld macht nicht glücklich.*

Говоря о моральных ценностях, следует отметить, что они характерны не только для концептосферы немецкого народа. Они являются общепринятыми ценностями в языковой картине мира многих народов. Только в единичном примере говорится о приоритете денег над

моральными ценностями: *Gewalt, Geld und Gunst schwächen Recht, Ehr und Kunst*.

В заключение хотелось бы обратиться к словам Ю.С. Степанова, который считает, что деньги рассматриваются с точки зрения того блага, добра, которое с их помощью можно совершить, свободы, которую можно приобрести, могущества, которое можно достичь. Иными словами, духовное отношение к деньгам не отделяется у человека от экономической деятельности, которая в свою очередь связана со всей остальной жизнью [Степанов 2004].

Литература

- Байер Х., Байер А. Немецкие пословицы и поговорки. М.: Высшая школа, 1989.
Деньги, кредит, банки / Под ред. Белоглазовой Г.Н. М.: Юрайт-Издат, 2004.
Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002.
Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академия, 2004.
Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, bearbeitet von E. Seebold, 23., erweiterte Auflage. Berlin - New York: Walter de Gruyter, 1995.

Ю.А. Раздабарина ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ С КОГНИТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

В статье определяются возможные направления исследования имен существительных широкой семантики с позиций когнитивного подхода в современном английском и русском языках.

The article determines possible directions for studying nouns of broad semantics in modern English and Russian in a cognitive perspective.

Известно, что сначала в языке получили наименование конкретные объекты, доступные органам чувств человека. Затем, в процессе выделения общих сторон окружающей действительности, в речь вошли более абстрактные номинации. Появление слов широкой семантики, по мнению А.Л. Ленца, является «свидетельством важности самого процесса выделения человеком общих сторон окружающего мира, их обобщенного

закрепления и представления в процессе номинативной деятельности за отдельными словесными единицами» [Ленца 1990: 36].

Существительные широкой семантики представляют собой довольно обширную группу имен, таких как *действие, вещь, дело, факт, идея* и т.д. в русском языке и *thing, problem, matter, fact, act* и т.д. в английском языке. Данные единицы получили различное терминологическое обозначение – имена общей семантики [Vendler 1968], широкозначные лексемы [Boliger 1977], существительные с абстрактным значением [Halliday, Hasan 1976], слова-контейнеры [Кубрякова 1981], слова-оболочки или раковины (*shell nouns*) [Schmid 2000]. Подобные слова обладают способностью не только указывать на широкий класс объектов или событий, но и имеют размытость концептуального содержания. По мнению О.К. Ирисхановой, их распространенность в речи заставляет задуматься об их роли по отношению к различным типам и структурам знаний, природе и видах семантической диффузности, о том всегда ли неопределенность значения отдельной лексемы снимается контекстом, и таким образом может разрешаться противоречие между неконкретностью семантики языковой единицы и нашим желанием предоставить слушающему достаточно полный объем информации [Ирисханова 2008: 149]. Т.Н. Гарьковская отмечает, что именам существительным широкой семантики присуща семантическая опустошенность и контекстуальная обусловленность. При этом такие существительные имеют свое номинативное значение, которое сохраняется, хотя и частично десемантизируется [Гарьковская 2004: 324].

Существительным широкой семантики присуща функциональная открытость, возможность выполнять разнообразные функции – концептообразующую, характеризующую, дейктическую и т.д. Эта особенность лексем позволяет некоторым исследователям причислить их к функциональному классу слов. Они были рассмотрены в контексте фактуальности [Vendler 1967], событийности [Арутюнова 1988], модальности [Schmid 2000] и др.

Так, Х. Шмид, используя понятие имен-оболочек, выделяет внутри группы функциональные подгруппы, включающие в себя существительные, обозначающие факты (*fact, thing, problem*), вербальные действия (*news, message, rumour*), ментальные состояния (*idea, notion, belief*), модальность (*possibility, truth, permission*), события (*act, move, reaction*), обстоятельства (*situation, context, place*). Т.Н. Гарьковская также выделяет определенные подгруппы имен существительных широкой семантики. В предложенной ею классификации существительные обозначают: предметность – *thing, stuff*; выделенность в пространстве – *place*; принадлежность к человеческому

роду – *people*, map; эмотивную оценку – *danger, problem, regret, advantage*; пропозитивное значение – *fact* [Гарьковская 2004: 324-327].

Основной функцией имен существительных широкой семантики является, по мнению Х. Шмида, способность «обрамления» любого типа опыта, который нельзя передать обычным конкретным словом, в конкретно-зависимые концептуальные гештальты [Schmid 2000: 47]. Автор считает, что существительные с обобщенным значением, выполняют когнитивную функцию формирования временного концепта. Они позволяют инкапсулировать сложную по структуре информацию во временные именные концепты с достаточно жесткими и хорошо очерченными границами. С одной стороны, как и полнозначные существительные, они создают впечатление, что тот опыт, который они инкапсулируют в качестве концепта, относится к классу вещей. С другой стороны, природа их содержания временна, непостоянна, так как это содержание меняется в зависимости от ситуативного и языкового контекстов, в которых они функционируют [Schmid 2000: 47].

В семантике широкозначных существительных, как отмечает Т.Н. Гарьковская, происходит уравнивание объемов грамматической и лексической абстракции, вследствие чего такие существительные способны замещать любую единицу того грамматического класса, с которым соотносимо их широкое значение [Гарьковская 2004: 324]. Широкозначное существительное, обладающее лексической абстракцией, вызывает представление не об одном конкретном предмете, а о целом ряде различных предметов, обладая одновременно свойствами, репрезентируемыми каждым из них. Такое существительное характеризуется категориально-обобщенным сигнификативным значением. Степень индивидуализации признаков при его обозначении минимальна. Так, английское существительное *thing* способно замещать практически любую единицу класса существительных, поскольку его категориально-широкое значение соотносимо с грамматическим категориальным значением класса существительных. В таких случаях существительное *thing* может быть заменено словом конкретной семантики.

Рассмотрим несколько примеров:

*She remembered that Sed had said to Gloria that swimming was not their thing...*⁵ В данном случае под словом *thing* подразумевается *kind of occupation*.

⁵ Этот и последующие примеры на английском языке взяты из «British National Corpus»/www.natcorp.ox.ac.uk/

Sit on that obscene stone thing. Здесь широкозначное существительное *thing* употреблено вместо существительного *bench*.

And I remembered an early line from "Othello" where Iago says something like, «I'll get that bloody if it's the last thing I do in my life». Существительное *act* или *action* замещается здесь существительным *thing*. При этом во всех приведенных примерах полностью сохраняется смысл высказывания.

На примере русского языка также можно провести ряд подобных аналогий с эквивалентом английского существительного *thing*, русским существительным *вещь*:

Я уже слышал такую вещь, что они просто взяли и поделили эту нефть между собой...⁶ Существительное *вещь* употребляется вместо *новость* или *информация*.

И даже такое священное понятие как организм – читай особь, биологический индивид, оказывается вещью редкой и необязательной. Слово *вещь* заменяет здесь существительное *создание, существо*.

Какую первую вещь вы съгнали самостоятельно, будучи еще совсем маленьким? Вещь в данном случае музыкальное произведение.

Как отмечает О.К. Ирисханова, функциональное разнообразие подобных слов обусловлено тем, что благодаря семантической неопределенности данные существительные имеют повышенную «контексто-проницаемость» [Ирисханова 2008: 152]. Имена существительные широкой семантики способны принимать любое значение, необходимое в данный момент в зависимости от контекста. Среди многообразия русских имен существительных широкой семантики О. К. Ирисханова выделяет слово *дело*, которое является одним из наиболее типичных и интересных случаев проявления данного феномена. Область потенциальной референции существительного *дело* включает в себя события, подразумевающие целенаправленные действия участников – любую проблемную ситуацию (решить/завершить дело, весь в делах), предприятие, бизнес (открыть собственное дело), разговор (у меня к тебе дело), обязанность (это мое дело), работу (говорить о деле), физические действия и поступки (его рук дело), судебное разбирательство (выиграть дело) и пр. [Ирисханова 2008: 153]. Таким образом, изначальная семантическая неопределенность существительного *дело* предоставляет ему широкие возможности в передаче самых разнообразных смыслов.

Широкозначные существительные за счет максимально обобщенного значения не принадлежат к какой-то определенной сфере. Нейтраль-

⁶ Этот и последующие примеры на русском языке взяты из «Национального корпуса русского языка»/seach.ruscorpora.ru/

ность номинаций этого типа способствует их употреблению практически во всех ситуациях. Существительные широкой семантики довольно часто используются как в устной речи, так и в письменных текстах различных стилей и жанров. Так, Н.П. Кудрявцева отмечает, что существительные широкой семантики, будучи неспецифическими, нейтральными единицами, являются неотъемлемой принадлежностью любого субязыка [Кудрявцева 1989: 65]. Указывая на какой-то фрагмент текста, существительное широкой семантики, замещает его. Обозначая какой-либо общий признак, присущий огромному числу предметов, такие существительные могут замещать предметы, явления окружающей действительности.

Для полной реализации своего значения существительным широкой семантики необходим контекст. По словам Г.Б. Давыдовой, подобные существительные являются информативно необходимыми элементами структурной и смысловой организации текста [Давыдова 1989: 164]. Существительные широкой семантики способны выполнять функцию связности текста. Помогая соединять между собой отдельные части текста, делают его более информативным, так как не допускают повторения единиц. Так, в следующем примере, слово *вещь* помогает избежать повторения слова *подарки*.

Если жених беден и не может купить таких подарков, он берет эти вещи на время у родственников.

Сказанное выше наводит на мысль о том, что за подобными существительными стоит знание матричного формата, которое может быть представлено в виде когнитивной матрицы. Когнитивная матрица, по определению Н.Н. Болдырева, объединяет в себе несколько когнитивных контекстов, на фоне которых происходит формирование и понимание соответствующих языковых значений, проявляется их специфика [Болдырев 2008:49]. Важным является то, что компоненты матрицы имеют доступ к различным концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной или доминирующей [Болдырев 2008: 49]. В примерах, приведенных выше, можно проследить формирование значений английского существительного широкой семантики *thing* в различных контекстах. Все контексты не связаны друг с другом и не зависят один от другого. *Swimming* – представляет область занятий спортом, *bench* – объект реального мира, *action* – любое действие, но все они в определенный момент высказывания представлены в языке словом *thing*. Словари (в частности *Longman Dictionary of Contemporary English*) дают более 40 толкований существительного *thing*, что позволяет предположить огромное количество контекстов его употребления. То, какой смысл вкладывает говорящий в слово *thing*, зависит еще и от его социального

статуса и языка, которым он владеет. Поэтому содержание компонентов матричной модели, как отмечает Н.Н. Болдырев, «может варьировать в пределах от обыденного до экспертного знания, а так же в зависимости от языковой и социальной принадлежности человека» [Болдырев 2008: 49].

Хотя когнитивные контексты разноплановы и индивидуальны, их можно представить в виде отдельных компонентов единой матрицы, которые открывают доступ к концептуальным областям. В качестве компонентов могут выступать те или иные аспекты соответствующих понятий и их конкретное содержание. Например, для английского существительного *thing* компонентами, передающими его содержание, могут являться: object (**bench**), fact (*A horrible thing happened yesterday*), feeling (*What a stupid thing this sadness*), idea (*A wonderful thing came up to me*), situation (*How are things with you?*), equipment (*I left my swimming things at home*), clothes (*Pack your things*), person (*you poor thing*), animal (*What an unlucky thing this terrier*) и т. д.

Формирование значений русского существительного широкой семантики *вещь* также процесс сложный. *Толковый словарь русского языка* дает более 400 значений этого существительного и, соответственно, еще большее количество контекстов его употребления. Приведем некоторые примеры функционирования существительного *вещь* в различных контекстах. Словом *вещь* может обозначаться: движимое имущество (*В комнате из моих вещей остался только диван*), мусор (*Во дворе были бесполезные, ненужные вещи, хлам*), находка (найденная вещь), футляр (вещь для хранения от порчи), раритет (редкая вещь), тюк (большая связка вещей), случай (положение вещей), фетиш (обожаемая вещь), барахло (подержанные, старые вещи), реестр (перечень вещей) и т. д.

Приведенные в статье примеры показывают как многообразие контекстов употребления существительных широкой семантики, так и многообразие формируемых ими смыслов. Исследование данных существительных в русле когнитивно-дискурсивного подхода позволяет определить когнитивные основания их функционирования в английском и русском языках через исследование их семантики и описание репрезентируемых ими концептов, а также выявить когнитивные и языковые механизмы, которые обеспечивают функционирование существительных широкой семантики в английском и русском языках.

В заключение следует еще раз отметить, что существительные широкой семантики являются часто используемым эффективным средством передачи как предметных, так и абстрактных сущностей окружающего мира. Когнитивная природа их такова, что обладая концептуальной формой и непостоянным концептуальным содержанием, они способны представлять

любой тип опыта человека. То, какая информация будет содержаться в концептуальных рамках существительного широкой семантики, зависит от контекста. Именно дискурс создает широкозначному существительному благоприятные условия для реализации своего ситуативного значения и дальнейшего изучения.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Болдырев Н.Н. Концептуализация мира в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Коллективная монография. М.: Тамбов; 2008. С. 25-78.
- Гарьковская Т.Н. О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) // Бытие и язык. Новосибирск, 2004. С. 324-330.
- Давыдова Г.Б. Функциональный анализ конструкций с широкозначными словами в современном английском языке // Вопросы системной организации речи. М., 1987. С. 154-171.
- Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.
- Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. Языковое абстрагирование в именах категорий // Известия АН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66. №3. С. 1-11.
- Кудрявцева Н.П. Особенности дистрибуции субстантивной лексики в разговорном и техническом субъязыке // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1989. С. 62-69.
- Ирисханова О.К. О типах знания и семантической неопределенности (дело о деле) // Когнитивные исследования языка. Вып. 3. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов. Москва-Тамбов, 2008. С. 148-158.
- Ленца А.Л. Эврисемия в гносеологическом освещении // Структурно – семантические и прикладные исследования. Кишинев, 1990. С. 32-37.
- Толковый словарь русского языка: В 4т. Т.1 /Под редакцией Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935-1940.
- Bolinger D. Pronouns and Repeated Nouns. Indiana, 1977.
- Dictionary of Contemporary English. NY: Longman, 2001.
- Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. NY: Longman, 1976.
- Schmid Hans-Jorg. English Nouns as Conceptual Shells. From Corpus to Cognition. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Vendler Z. Facts and Events/Linguistics in Philosophy. Ithaca, NY, 1967. P. 12-146.
- Vendler Z. Adjectives and Nominalizations. The Hague: Mouton, 1968.

Т.Н. Дутова
**АВТОРСКИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА**

Автор статьи рассматривает понятие "окказионализм", приводя ряд определений этого понятия и его краткую характеристику. Также затрагивается проблема разграничения окказиональной лексики и неологизмов.

The author analyses the concept of occasionalism reviewing some definitions of this concept and its characteristics. The author also turns to the problem of distinguishing between occasionalisms and neologisms.

Проблема авторских окказиональных новообразований как в немецком, так и в других языках, очень актуальна на сегодняшний день. Сам факт, что пока в языкознании не существует общепринятого определения термина "окказионализм", говорит сам за себя. Читая художественную немецкую литературу, невозможно не обратить внимания на лексику, которую автор создает для определенной стилистической окраски. Такие авторские новообразования часто являются характерной чертой художественного стиля того или иного автора. Данные слова создаются согласно существующим словообразовательным моделям языка (потенциальная окказиональная лексика) или по аналогии определенного существующего слова под влиянием контекста (собственно-окказиональная лексика).

В современной науке о языке первое появление термина "окказиональное" датируется 1926 годом. Однако этот термин не получил широкого распространения вплоть до 1957 года, когда вышла статья Н.И. Фельдмана «Окказиональные слова и лексикография». Н.И. Фельдман говорит об окказиональных словах, к разряду которых относит слова, которые представляют собой результат необычного сочетания словообразовательных элементов или слова, созданные по необычным словообразовательным моделям. По мнению автора, главнейшим признаком окказиональности служит необычная форма таких слов. Проблема же окказионального значения слова, то есть не общепринятого для данной формы слова, не рассматривается. После 1957 года появилось множество публикаций, связанных с явлением окказиональности.

Термин "окказиональность" происходит от латинского слова *occasionalis*, что в переводе звучит как случайный. По определению Г.О. Винокура окказионализмы – речевые явления, возникающие под влиянием контекста, ситуации речевого общения для осуществления какого-либо актуального коммуникативного задания, главным образом для выражения смысла [Винокур1959: 33].

В русском языке существует множество терминов для обозначения данной лексики: “индивидуальные слова”; “авторские” или “индивидуально-авторские неологизмы”; “стилистические” или “индивидуально-стилистические неологизмы”; “неологизмы контекста”; “одноразовые неологизмы”; “литературные неологизмы”; “слова-самоделки”; “слова-экспромты”; “слова-метеоры”; “неологизмы поэта” или “поэтические неологизмы”. В немецком языке используют следующие термины: “Okkasionismus” (окказионализм), “Augenblicksbildung” (сиюминутное образование), “Gelegenheitsbildung” (случайное образование), “nichtusuelle Bildung” (неузуальное образование), “ad-hoc-Bildung” (индивидуальное образование).

Также для обозначения окказиональной лексики используют термин “стилистические неологизмы”. Неологизм буквально значит “новое слово” (от греч. *neos* – “новый”, *logos* – “слово”). Однако в лингвистической литературе этим термином называют обычно не просто новое слово, а очень новое, совсем недавно появившееся слово, новизна и “свежесть” которого ощущается говорящим.

Неологизмы относятся к пассивному составу языка, не входят в активный словарный запас. Они до тех пор остаются неологизмами, пока не станут общеупотребительными, пока воспринимаются носителями языка как слова, имеющие оттенок необычности. Стоит лишь новому слову стать привычным, повседневным, как оно теряет характер неологизма.

В языкознании существует две точки зрения на определение неологизма. Узкое понимание неологизма представлено в трудах Е.А. Земской, А.Г. Лыкова. Этот подход подчёркивает необходимость отграничивать от неологизмов контекстуальные образования. Таким образом, окказиональные образования не могут рассматриваться в одном ряду с неологизмами.

Е.А. Земская отличает окказиональные слова от неологизмов, подчеркивая тот факт, что окказионализмы сохраняют свою новизну независимо от реального времени их создания. Отстаивает узкое понимание неологизма и А.Г. Лыков. Окказионализм, по его мнению, в отличие от неологизма является безотносительным к историческому времени, имеет авторство, обладает всегда новизной, свежестью, не входит в язык.

Широкое понимание неологизмов отражено в *Лингвистическом энциклопедическом словаре* под редакцией В.Н. Ярцевой. Данный подход является более традиционным, распространенным в русской лингвистике. В нем предлагается наряду с общеязыковыми неологизмами рассматривать и речевые (окказиональные), созданные писателями, журналистами, общественными деятелями. Следовательно, окказионализм можно рассматривать как вид неологизма.

Рассматривая разные точки зрения лингвистов в современной литературе, посвященной вопросам словотворчества, мы приходим к выводу, что окказионализм можно рассматривать как вид неологизма, так как неологизм – это любое новое явление в языке или речи.

В своей работе мы также хотим выделить признаки, которые отличают окказиональную лексику от узуальной.

1. Индивидуальная принадлежность

Важный признак окказиональной лексики – ее принадлежность отдельному лицу. Неслучайно окказионализмы часто называют индивидуальными образованиями. «Для окказионализма его “авторская принадлежность” является принципиальным условием пребывания в окказиональном статусе» [Лыков 1972: 16].

2. Творимость

Окказиональное слово как чисто речевое явление не принадлежит к языку: оно не воспроизводится, а творится, заново создается всякий раз для каждого конкретного случая его употребления. Для окказионализма каждый конкретный акт его употребления является единственным случаем его речевой реализации.

3. Ненормативность

Ненормативность окказиональных композитов признается большинством исследователей. Так, например, А.Г. Лыков утверждает, что ненормативность – характерная особенность окказионального слова.

В.М. Павлов пишет, что “искусственность” таких образований «делает их сомнительными с точки зрения обычных норм немецкого языка и действительно массовой речи» [Павлов 1985: 24].

4. Принадлежность к речи

Принадлежность к речи – наиболее широкий и наиболее важный признак окказионального слова. Все остальные названные признаки представляют собой воплощение именно этого наиболее общего признака. В окказиональном слове содержится противоречие между фактом речи, с одной стороны, и системой и нормой языка – с другой. Факт создания (и употребления) окказионального слова – это факт речи. Речь в этом случае можно интерпретировать как конкретную реализацию (актуализацию) синтагматических отношений, как “свободное” комбинирование готовых морфем в такие слова-цепочки морфем, которые (цепочки) не имеют прецедента в речевом опыте носителей данного языка. А. Гардинер, пытаясь разграничить язык и речь, писал: «Когда я говорю, что определенное явление в данном тексте принадлежит “речи”, но не “языку”, я разумею, что, если вы исключите из теста все традиционные элементы, которые следует называть элементами языка, получится остаток, за который говорящий несет полную

ответственность, и этот остаток является тем, что я понимаю под фактом речи» [Гардинер 1960: 16]. Оказиональное слово и принадлежит к такому, по выражению А.И. Смирницкого, «сверхязыковому остатку», то есть к речи [Смирницкий 1954: 29].

5. Эффект неожиданности

В качестве критерия окказиональности иногда выдвигается наличие у композитов неожиданности, когда композит при восприятии вступает в противоречие с «нормой ожидания». Если новообразование нельзя предсказать, то у слушающего возникает эффект неожиданности. Такой эффект часто достигается автором при словотворчестве, когда сложный детерминативный композит содержит семантически не сочетаемые элементы. Эффект неожиданности тесно связан с экспрессивностью.

По А.Г. Лыкову, обязательная экспрессивность – характернейшая черта окказиональных слов. Рассмотрим, например, следующее предложение:

Ich habe sehr oft das besondere Wesen und die absolute Eigenart dieser meiner Mutter-und Vaterlandschaft aus (berühmter) Natur und (berühmter) Architektur erkennen... (Т. Bernhard).

Если бы мы заменили окказиональное образование *Mutter-und Vaterlandschaft* на узуальное нейтральное *Landschaft*, смысл предложения не изменился бы, но изменился бы сигнификативно-ассоциативный план, выразительность, образность произведения.

В своей работе мы обратились к творчеству Томаса Бернхарда, произведения которого вызвали у нас большой интерес, так как буквально наполнены окказиональной лексикой. Мы приведём только малую часть примеров.

Die Nächte sind ihm eine Beobachtungsschule der Verwahrlosung der Schlaftäle in den öffentlichen Erziehungsanstalten und in der Folge überhaupt der Erziehungsanstalten und immer wieder in diesen Erziehungsanstalten, die von ihren Eltern, wie er selbst, aus dem Kopf und aus der Hand in die staatliche Züchtigung gegeben sind... (Т. Bernhard).

По ночам мальчик **наблюдал**, какая полная беспризорность царит в спальнях этих так называемых государственных воспитательных заведений, да и во всех закрытых заведениях вообще, куда родители со всей округи, сбывая с рук, вычёркивая из памяти своих детей, передавали их государству на воспитание, на муштру... (Т. Бернхард).

... aber dieser schwache charakterbrüchige Mann als Onkel Franz brauchte eine solche Gemüts- und Charakterverheerungsmaschine wie den Präfekten, um im Internat bestehen zu können, er hatte sich, von sich ausgesehen, ein richtiges ausgesucht... (Т. Bernhard).

...но дядюшке Францу, человеку слабому и бесхарактерному, необходимо было иметь около себя **такую машину, губительную для ума и сердца воспитанников**, потому что только с помощью такого человека он мог удержаться в интернате, и с точки зрения своей выгоды, он правильно выбрал именно этого, нужного ему человека... (Т. Бернхард).

*Und die **Erziehungsverbrechen**, wie sie überall auf der ganzen Welt in den Erziehungsanstalten an den zu Erziehenden begangen werden, werde immer unter den Namen einer solcher außerordentlichen Persönlichkeit begangen, heißt diese außerordentliche Persönlichkeit Hitler oder Jesus und sofort* (Т. Бернхард) .

И это **преступление, называемое воспитанием**, которое совершают по отношению к своим несовершеннолетним воспитанникам все воспитатели мира в закрытых учебных заведениях, - эти преступления всегда совершаются во имя какой-нибудь выдающейся личности, как её не называя Гитлером, Христом или как-нибудь ещё (Т. Бернхард).

*Der in dieser Stadt nach dem Wunsche seiner Erziehungsberechtigten, aber gegen seinen eigenen Willen Aufgewachsene und von früherster Kindheit an mit der größten Gefühls- und Verstandesbereitschaft für diese Stadt einerseits in den Schauprozeß ihrer Weltberühmtheit wie in eine perverse Geld und Widergeld produzierende **Schönheits- als Verlogenheitsmaschine**, andererseits in die Mittel- und Hilfslosigkeit seiner von allen Seiten ungeschützten Kindheit und Jugend wie in eine **Angst- und Schreckensfestung** Eingeschlossene, zu dieser Stadt als zu seiner **Charakter- und Geistesentwicklungsstadt** Verurteilte, ...* (Т. Бернхард).

Я вырос в этом городе не по своему желанию, по решению своих воспитателей и с самого раннего детства видел, как **все красоты этого всемирно знаменитого города становились предметом спекуляции и наживы**, - а с другой стороны, этот город стал для меня **тюрьмой, крепостью, где в тоске и страхе** проходило моё беспомощное, никем не защищённое детство, где я был **обречён расти и развиваться** (Т. Бернхард).

Так или иначе окказиональная лексика является индивидуальным продуктом словотворчества автора и представляет собой интереснейший объект для исследования.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1996.
Бернхард Т. Избранное: рассказы и повести / пер. с нем. М.: Радуга, 1983.
Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
Гардинер А.А. Различие между «речью» и «языком» // Звегинцев В. А. История языкознания 19 и 20 веков в очерках и извлечениях. М., 1960.

- Гильченко Н.Л. Практикум по переводу с немецкого на русский. СПб., 2005.
- Дегтярь И.Г. Некоторые особенности окказиональных слов // Проблемы лексической и словообразовательной семантики: межвуз. сб. науч. трудов. Пятигорск, 1984.
- Земская Е.А. Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании. Самарканд, 1972.
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973.
- Кривенко Б.В. Из жизни окказионализмов // Русская речь. №3. С. 122-124.
- Лопатин В.В. Рождение слова. М., 1973.
- Лыков А.Г. Русские окказиональные слова: автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 1972.
- Лыков А.Г. Современная русская лексикология. М., 1976.
- Павлов В.М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
- Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.
- Смирницкий А.И. Объективное существование языка. М., 1971.
- Фельдман Н.И. Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. №4. С. 54-73.
- Bernhard T. Die Ursache. Eine Aedeutung. Salz.: Residenz Verlag, 1975.

Ю.С. Михайлова
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА
СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

В статье анализируются теоретические проблемы изучения национально-культурной специфики семантики языковых единиц. В качестве примера рассматривается национально-культурная специфика языковой единицы «свинья» в русском, английском и немецком языках.

Theoretical problems of the study of national cultural specificity of language units' semantics are analysed in this article. The author gives an example of examining of national cultural specificity of the language unit "pig" in the Russian, English and German languages.

Актуальность исследования национально-культурной специфики признана в последнее время мировой наукой и практикой, что хорошо согласуется с общей тенденцией разных наук помещать культуру в центр теоретических построений, так или иначе связанных с изучением человека. Следует, прежде всего, отметить, что к рассмотрению национально-культурной специфики исследователи подходят с разных позиций: одни

берут за исходное язык; для других исходной является культура, языковое сознание членов определенной лингвокультурной общности.

В лингвистике за последние десятилетия уже сложилась традиция изучения отражения национально-культурной специфики в языке и речевой деятельности, в большинстве случаев это исследования, касающиеся лексики различных языков.

Так, Н.Л. Шамне выделяет два аспекта изучения национальной специфики семантики лексической единицы: первый аспект связан с изучением национально-специфической семемы (семем) в семантической структуре слова, причем эта семема является безэквивалентной, хотя может и иметь некоторые переводные соответствия; в рамках второго аспекта исследуется наличие национально-специфических компонентов в структуре значений лексических соответствий, эти несовпадающие компоненты значений выявляются при анализе векторных соответствий, при словарном рассмотрении единицы [Шамне 1999: 173].

За разные виды национальной специфики семантики, как утверждает И.А. Стернин, отвечают разные макрокомпоненты значения. *Национально-культурная* специфика, обнаруживаясь в случаях полной (мотивированной) безэквивалентности или отсутствия/наличия определенных компонентов значения, обусловленном отсутствием/наличием соответствующих признаков в называемых словом объектах материальной и духовной культуры, сосредоточена в денотативном и эмпирическом компонентах значения; *национально-концептуальная* специфика, выявляемая в случае немотивированных лакун и межъязыковых родовидовых несовпадениях, сосредоточена в денотативном компоненте; *национально-оценочная* и *национально-эмоциональная* - в коннотативном; *национально-языковая* специфика, отражающая различия между единицами двух языков, связанные с исторически сложившейся системой языков и не связанные с культурой или особенностями мышления народа, представлена в структурном макрокомпоненте значения [Стернин 1987: 116-120].

А. Гудавичюс обнаруживает в лексической семантике поверхностный и глубинный уровни отражения культуры [Гудавичюс 1993: 17]. Поверхностным уровнем отражения культуры исследователь называет такой, «... когда особенности культуры народа находят непосредственное выражение в особых единицах лексического уровня языка (безэквивалентная лексика) или в характере этих единиц (словообразовательная мотивированность, метафоризация). К этому же уровню отражения относится и стилистическая дифференциация лексики...» [там же: 18]. Глубинный же уровень кроется в природе самого значения как «сокращен-

щенного» понятия, сигнализирующего об объектах действительности (или концептах) при вторичной референции в актах речи [Гудавичюс 1993: 18].

Д.О. Добровольский разграничивает два взгляда на национально-культурную специфику языковых явлений, утверждая, что, согласно первому взгляду, национально-культурный компонент усматривается только в значении так называемых слов-реалий типа *самовар*, а второй взгляд восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и воплощении в языке «духа народа» [Добровольский 1997: 39]. Первый подход исследователь называет сравнительным. Важно оговорить, что культурно значимыми оказываются не все межъязыковые различия, а лишь те из них, которые являются неслучайными и имеют культурно обусловленные причины и/или культурно значимые следствия. Второй подход признается интроспективным, так как все специфическое в данном языке исследуется вне сопоставления с другими языками [там же: 40]. В данном случае речь идет о представлениях носителей языка, о национальной маркированности тех или иных единиц своего языка вне сопоставления с другими языками [Добровольский 1997: 48].

Национальной спецификой обладают, прежде всего, реалии – «слова, называющие предмет, вещь, материально существующую или существовавшую» и специфическую для жизни данного народа. Лексические единицы, обозначающие названия животных (фаунонимическая лексика) - взятые сами по себе и как компоненты устойчивых выражений – широко представлены во всех языках мира и относятся к одним из самых древнейших и распространённых. Это особый микромир языка, раскрывающий характерные особенности отражения картины мира народа [Куражова 2007: 3].

В нашем исследовании мы рассматриваем национально-культурную специфику названий домашних животных в русском, английском и немецком языках. Научную новизну данного исследования обеспечивает то, что впервые производится сопоставительный анализ национально-культурной специфики названий домашних животных в трёх указанных выше языках.

Взаимосвязь языков и культур, необходимость их изучения в неразрывном единстве не вызывает сомнения. Существенные особенности языка и тем более культуры вскрываются при сопоставлении, при сравнительном изучении языков и культур.

Человек всегда хорошо воспринимает разницу в звучании слов иностранных языков, их грамматическое оформление по сравнению с родным языком. Что касается содержательной стороны слова, значения, то ему в этом смысле «не повезло». Разница в значениях слов, обозначающих

одно и то же, но принадлежащих разным языкам, не столь очевидна. Но именно это различие в значениях представляет особый интерес для лингвистов, так как словарный состав, как никакая другая сторона языка, самым тесным образом связан с действительностью.

Проблемы взаимодействия языка и реальности, языка и культуры играют важнейшую роль как для совершенствования форм и эффективности общения, так и для преподавания иностранных языков; их игнорированием объясняются многие неудачи в международных контактах и в педагогической практике.

Материальная и духовная культура общества есть продукт деятельности человека как существа разумного и социального, обладающего специфическим способом познания окружающей его действительности в виде абстрактного мышления. В этом смысле материальная и духовная культура опосредованы человеческим мышлением. Это отражено и в языке. Исследования позволили учёным сделать вывод о том, что «семантический объём слов, сходных в отношении выражаемого ими понятия, чаще всего не совпадает» [Гак 1967: 37-38].

При сравнении единиц разных языков выявляется национальная специфика семантики лексических единиц. «В самом общем виде национальная специфика семантики какой-либо лексической единицы – это её отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения» [Стернин, Флекенштейн 1989: 23].

З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют национальную специфику семантики какой-либо языковой единицы как её отличие по компонентам значения от сходных единиц языка сравнения [Попова, Стернин 2003: 36].

Далее в данной работе формулируются важные методологические выводы:

1. Национальная специфика значения единицы какого-либо языка выявляется только при сопоставлении с конкретным другим языком и является таковой только по отношению к данному конкретному языку;

2. Национальная специфика семантики лексической единицы языка А относительно языка Б может не совпадать с национальной спецификой единицы языка Б относительно языка А;

3. В лингводидактических целях целесообразно осуществлять одновременное описание национальной специфики семантики только одного языка, второй при этом выступает как зеркало, отражающее национальную специфику первого [там же: 36].

С понятием национальной специфики семантики связано также явление лакуарности/безэквивалентности единиц, представляющее собой крайний, предельно яркий случай проявления национальной специфики

слова. В связи с этим И.А. Стернин уточняет понятие национальной специфики семантики и отмечает, что «национальная специфика семантики лексической единицы представляет собой отличие её по составу семантических компонентов от значений близких по семантике слов другого языка, включая случаи полной безэквивалентности значения» [Стернин 2004: 78].

Продемонстрируем выявление национально-культурной специфики на примере языковой единицы «свинья» в русском, английском и немецком языках.

Толковый словарь Ожегова даёт следующее определение языковой единицы «свинья»: «1) парнокопытное млекопитающее с крупным телом и короткими ногами, домашний вид которого разводят для получения мяса, сала, щетины; 2) перен. о том, кто поступает низко, подло» [Ожегов 2000: 691].

Согласно толковому словарю немецкого языка Duden «свинья» (Schwein) определяется как: «1) kurzbeiniges Säugetier mit gedrungenem Körper, langlichem Kopf, russelartig verlängerter Schnauze, rosa bis schwarzer, mit Borsten bedeckter Haut und meist geringeltem Schwanz; 2) kurz für Schweinefleisch; 3) (oft als Schimpfwort) jmd., den man wegen seiner Handlungs- oder Denkweise als verachtenswert betrachtet; 4) jmd., der sich oder etw. beschmutzt hat» [Duden 1996: 1214].

В английском языке «свинья» (pig) – это: «1) domestic and wild animal; 2) (colloq) dirty, greedy or ill-mannered person» [OALDCE 1982: 126].

Сравнивая толкования языковой единицы «свинья» в трёх языках, приходим к выводу, что, бесспорно, *свинья* понимается носителями русского, английского и немецкого языков, прежде всего, как крупное домашнее животное, разводимое для получения мяса и сала и как дикое животное. Вторым основным значением данного слова в указанных выше языках является грубое обозначение человека, который подло поступает или склонен к нечистоплотности. На фоне данных универсальных значений ярко выделяются национально-специфичные значения, которые для исследования представляют, несомненно, больший интерес. Например, в немецком языке *Schwein* служит для обозначения мяса – свинины (Schweinefleisch), в то время как в русском и английском языках существуют отдельные языковые единицы для обозначения данного вида мяса: *свинина* и *pork* соответственно.

В немецком языке *Schwein*, входя в состав устойчивых фразеологических оборотов, приобретает дополнительные значения:

1) *Schwein haben* – кому-л. здорово (чертовски) везёт, улыбается счастье. Фразеологизм восходит к временам рыцарских турниров,

состязаний стрелков и различных других состязаний. Последним выигрышем (призом) на этих состязаниях был поросёнок. Сомнительный характер такого выигрыша очевиден из того, что этот выигрыш старались унести домой, пряча его от глаз других.

2) kein Schwein – ни один чёрт, ни одна собака, никто.

Вообще, следует отметить, что в отличие от русского и английского языков, немецкая языковая единица *Schwein* (свинья) имеет гораздо больше значений (прямых и переносных) и употребляется в большем количестве устойчивых и фразеологических сочетаний. Это, видимо, объясняется тем, что на территории Германии издревле обитало большое количество кабанов. Распространенность этого животного и его роль в жизни населения отражались в обычаях страны и в языке. Например, после возвращения из церкви у католиков имела место праздничная трапеза, неизменным блюдом которой была свинина (или свиные колбаски) с квашеной капустой. Свинья, как вид домашнего животного, являлась в немецком ареале символом благоденствия, богатства. Новогодние поздравления „Viel Glück zum Jahreswechsel“ сопровождаются часто изображением поросёнка. Не случайно, конечно, традиционная форма денежной копилки имеет также форму поросёнка.

Национальная специфичность языка, как и национальная специфика семантики слова в виде её частного проявления, являются наглядным отражением этносоциокультурных реалий общества, подтверждая существование уникальности и неповторимости национальной картины мира и её народа, говорящего на языке, отличающимся национальным своеобразием. В настоящее время актуальной является задача обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур. И решение этой задачи заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром культуры народов, говорящих на этих языках. Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого нужно преодолеть барьер культурный. Этому и способствует выявление национально-культурной специфики языка (семантики языковых единиц, речевой деятельности и т.д.).

Литература

Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1975.

Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики (семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур) // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М.: Наука. 1967. С. 77-85.

Гудавичюс А. Глубинный уровень отражения культуры в лексической семантике // Исследования по семантике. Уфа, 1993. С. 16-23.

Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37-48.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967.

Куражова И.В. Имена животных как отражение ценностной картины мира в английской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 4-е, стереотип. М., 2000.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж. 2002.

Стернин И.А. Контрастивная лингвистика. Воронеж: Истоки, 2004.

Стернин И.А. Структурная семасиология и лингводидактика // Русское слово в лингвострановедческом аспекте. Воронеж, 1987. С. 104-121.

Стернин И.А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии: учеб. пособие: В 2 ч. Halle, 1989.

Шамне Л.Н. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. Волгоград, 1999.

Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. A – Z; Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich. Dudenverlag, 1996.

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / Hornby A.S., Cowie A.P. Moscow, Oxford: Russian language Publishers, Oxford University Press, 1982.

А.А. Колесников **ПРИМЕНЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ОБУЧЕНИИ** **ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ**

Автор отстаивает точку зрения о том, что использование современных информационных и коммуникационных технологий приводит к пересмотру принципов и методов учебного взаимодействия. В качестве основных средств, повышающих активность обучаемых в изучении иностранного языка, рассматриваются синхронная и асинхронная коммуникация.

The author argues that modern information and communicative technologies cause the changes in principles and methods of interaction in the process of teaching. Synchronous and asynchronous communication are treated as basic ones in rising student's activity while learning foreign languages.

Взаимодействие в ходе учебного процесса, осуществляемого на базе современных коммуникационных технологий, требует от преподавателя

давателя не только педагогических, но и специальных технических навыков, опыта работы с современными техническими средствами.

Задача преподавателя состоит в том, чтобы создать условия практического овладения языком для каждого учащегося, выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому студенту проявить свою активность, своё творчество, а также активизировать познавательную деятельность учащегося в процессе обучения иностранным языкам. Современные педагогические технологии такие, как обучение в сотрудничестве, проектная методика, использование новых информационных технологий, Интернет ресурсов помогают реализовать лично-ориентированный подход в обучении, обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию обучения с учётом способностей детей, их уровня обученности и склонностей.

Интернет технологии позволяют наряду с текстовой информацией активно использовать графическую информацию, звуковые файлы и видеозаписи. Образовательные Интернет технологии существенно стимулируют активность обучаемых. Интернет технологии позволяют в ходе учебной дискуссии обмениваться мнениями не только студентам и преподавателям данного вуза, но и привлечь студентов родственных вузов из других городов, регионов, стран. Дискуссии в рамках международных виртуальных классов требуют большей активности обучающихся, поскольку им приходится вырабатывать мнение и принимать управленческое решение в более сложном и разнообразном социально-культурном контексте. Более того, возможность проведения учебной дискуссии в асинхронном режиме на базе Интернет-технологий снимает ограничения, типичные для линейной дискуссии в традиционной форме, все желающие могут высказаться по обсуждаемому вопросу. Создание журналов учебных дискуссий стимулирует активность обучающихся.

Основной целью обучения иностранным языкам является формирование и развитие коммуникативной компетенции, то на базе Интернет технологий выделяют синхронную и асинхронную коммуникацию.

Средства синхронной коммуникации – средства общения, позволяющие общаться в режиме реального времени (чат, форум, видео и аудио конференции).

Средства асинхронной коммуникации – средства общения, позволяющие обмениваться информацией с задержкой во времени (форумы, электронная и аудио почта, сайты, блоги, вики).

Простое понятие асинхронной коммуникации имеет серьёзное прикладное значение. Обычно контакты между людьми проходят в синхронном режиме. Это означает, что во время разговора два человека

обмениваются мнениями одновременно и могут находиться в одном месте. К достоинствам синхронной коммуникации обычно относят возможность обсуждать вопросы без задержки и поправки на временные интервалы. В то же время асинхронная коммуникация осуществляется последовательно без наложения и прерываний. Связь не является одновременной.

Асинхронная коммуникация – это наиболее эффективное средство коммуникации, используемое в учебном процессе, так как студентам предоставляется возможность подумать, прежде чем дать ответ. В ходе асинхронного взаимодействия решаются следующие задачи:

1) происходит освоение правил телекоммуникационного этикета, принятых в Интернет; 2) формируются навыки умения чтения; 3) совершенствуются навыки аудирования; 4) формируется устойчивая мотивация к изучению иностранного языка; 5) совершенствуются навыки пользования Интернет сетью.

Блог – это асинхронное вебсредство коммуникации, которое также может использоваться студентами и преподавателями в определённых целях.

Блог может содержать различного рода программы учебных курсов, информацию по изучаемому предмету, домашние работы студентов, задания, применяемые на занятиях по иностранным языкам. Блог – это пространство, в котором как преподаватели, так и студенты имеют возможность размещать информацию для основной аудитории. Он лучше всего подходит для совместного обсуждения и выступает в роли внеучебной классной комнаты. Блог может быть также заранее создан преподавателем. Помимо этого любой студент имеет возможность создать индивидуальный блог, который становится его личным сетевым пространством. В этом блоге студенты могут написать о том, что их интересует, чем они увлекаются, о проблемах, которые их волнуют в современном обществе. Они также могут отправить по почте комментарий относительно блогов других студентов. Преимущество этого блога в том, что он предоставляет учащимся больше выбора и больше чувства «собственности» их нового виртуального места письма.

Есть много причин, по которым мы могли бы включить блоги в учебный процесс. Одна из основных – это возможность обеспечить реальную аудиторию для студенческих работ. Обычно преподаватель – единственный человек, который читает письменные работы студента. С weblogs студенты пишут для реальной аудитории (для преподавателя, таких же студентов как они сами, студентов из других стран, их родителей), и потенциально любой, имеющий доступ в Интернет, может участвовать в чтении.

Блог – это эффективное средство обучения иностранному языку. При использовании блогов преподавателями обеспечивается возможность создания реальной аудитории для студенческого письма. Это средство позволяет излагать студентам свои мысли более свободно и раскрепощенно. Студенты могут использовать блоги, чтобы делать записи того, что они изучают, а преподаватели могут использовать блоги, чтобы делать записи того, что они внедряют в учебный процесс. Особенность блогов заключается в том, что только владелец блога может производить изменения, корректировки в своём тексте, а все остальные могут только оставить свой комментарий о том или ином материале. Лишь создатель блога имеет возможность вносить и редактировать информацию. В процессе использования блогов совершенствуется навык чтения и письменной речи.

Аудиоблог – средство для совершенствования навыков аудирования и говорения. Аудиоблоги – те же сетевые дневники только в формате MP3, основное содержание которого - это голосовые записи, которые публикуются в открытом для всех доступе, к нему можно также оставить комментарий.

Аудиоблоги открывают перед студентами огромные возможности: любой студент может записать свою речь на сайте, используя средства сайта, а также разместить звуковые файлы, записанные в других программах или с диска, но в MP3 формате. Работа с данными сайтами позволяет студентам совершенствовать навыки аудирования и говорения. В данном типе блога разрабатывается синтезатор речи, который превращает печатный текст в звук. Всё произнесённое можно не только прослушать, но и сохранить у себя на диске, чтобы при необходимости вернуться к прослушиванию, не заходя в Интернет, или можно сохранить и разместить записанный материал в своём аудиоблоге.

Преимущество аудиоблога над блогом в том, что надиктовать свои мысли и новости – это намного быстрее, чем записать их в дневник. Эффективность постоянных записей и прослушивания своего голоса, а также устной речи других студентов позволяет сделать произношение учащихся более четким и структурированным.

Подкастинг – это метод публикации в Интернете тематических аудио программ с возможностью их загрузки и прослушивания в любое время на компьютере или в MP3 плеере. Подкаст - это сжатая в формат MP3 радиопередача, которая вполне может быть создана непрофессионалом в домашней обстановке. Иначе говоря, это звуковой MP3 файл.

Вики - средство для создания коллективных творческих проектов. Это вебсайт для сбора и структуризации письменной информации, т.е. такой сайт, где каждый его посетитель может размещать информацию, править ее или вообще удалить. Таким образом, собирается информация на сайте, когда каждый дополняет ее и в итоге получается совместная творческая работа. Вики - хорошее средство, позволяющее создавать коллективные письменные и творческие работы. Каждый посетитель может создать свою страничку на Вики. Наиболее эффективным будет использование этого сайта на занятиях иностранного языка в качестве средства создания студенческих коллективных творческих проектов. Вики может также выступать в качестве средства сплочения коллектива, а также совершенствования навыков чтения и письма.

Если блог – это вебсайт, основное содержание которого это регулярно добавляемые записи, статьи, которые публикуются в открытом доступе и к ним можно добавить комментарий. Вики отличаются от блогов тем, что любой, имеющий доступ к этому сайту, может не только оставить комментарии по поводу того или иного текста, но также внести свои изменения, что-то исправить, или даже удалить.

Таким образом, используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать целый ряд дидактических задач на занятиях по иностранному языку:

- формировать навыки и умения чтения, непосредственно используя материалы сети разной степени сложности;

- совершенствовать навыки аудирования на основе аутентичных звуковых текстов сети Интернет, а также текстов, подготовленных учителем;

- совершенствовать умения письменной речи;

- пополнять свой словарный запас как активный, так и пассивный, лексикой современного английского словаря, отражающего определённый этап развития культуры народа, социального и политического устройства общества;

- знакомиться с культуроведческими реалиями, включающими в себя речевой этикет, особенности речевого поведения различных народов в условиях общения, особенности культуры, традиций страны изучаемого языка;

- формировать устойчивую мотивацию иноязычной деятельности учащихся на уроке на основе систематического использования «живых»

материалов, обсуждения не только вопросов к текстам учебника, но и актуальных проблем, интересующих всех и каждого.

При работе с компьютерными технологиями меняется и роль педагога, основная задача которого – поддерживать и направлять развитие личности студентов. Отношения со студентами строятся на принципах сотрудничества и совместного творчества. В этих условиях неизбежен пересмотр сложившихся сегодня организационных форм учебной работы: увеличение самостоятельной индивидуальной и групповой работы студентов, отход от традиционного урока с преобладанием объяснительно-иллюстративного метода обучения, увеличение объёма практических и творческих работ поискового и исследовательского характера. В данном виде сотрудничества Интернета и занятия часто используется проектная форма учебной деятельности.

Современные информационные и коммуникационные технологии существенно изменяют, приводят к пересмотру принципов и методов учебного взаимодействия. Интернет-технологии способствуют развитию индивидуальных образовательных траекторий, позволяют в большей степени адаптировать содержание учебного материала к индивидуальным особенностям обучаемых, уровню их знаний и умений.

И.В. Колоколова
ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье рассматриваются особенности системы дистанционного образования и практическая реализация обучения иностранному языку в рамках дистанционного обучения в Белгородском государственном университете.

The author examines the main features of distance education and the practical implementation of the distant learning of foreign languages at Belgorod State University.

Образовательные потребности современного общества и личности, а также глобальное развитие телекоммуникационной инфраструктуры привели к структурной перестройке системы образования. Возникла необходимость широкого доступа к образованию и высокого качества образовательных услуг, системы подготовки и непрерывного поддержания квалификационного уровня профессионалов независимо от

местонахождения участников учебного процесса. Развитие системы дистанционного обучения, основанного на использовании современных информационных и коммуникационных технологий, призвано решить поставленные задачи.

Дистанционное обучение, по определению, это обучение на расстоянии, т.е. преподаватель и обучаемый разделены пространственно. В работах Е.С. Полат, А.Е. Петрова, М.Ю. Бухаркиной, М.В. Моисеевой дистанционное обучение рассматривается как новая форма обучения и, соответственно, дистанционное образование (как результат обучения, как система) – как новая форма образования. Дистанционное образование представляет собой комплекс образовательных услуг для широких слоев населения посредством компьютерных телекоммуникационных сетей.

Как и любая система обучения, дистанционное обучение имеет те же компонентные составляющие: цели, определенные социальным заказом, содержание, методы, организационные формы и средства обучения. Что же касается дидактических принципов организации педагогического процесса и управления деятельностью обучающихся в рамках дистанционного обучения (принципы научности, преемственности, последовательности и системности, принцип наглядности, принципы развивающего обучения, самостоятельности и активности, дифференциации и индивидуализации обучения, принцип доступности и посильности и т.д.), они также должны быть реализованы в рамках дистанционного обучения, но с учетом особенностей компьютерной телекоммуникационной среды.

Основными особенностями организации учебного процесса в системе дистанционного обучения, по мнению М.Ю. Бухаркиной, являются:

- обязательная компьютерная грамотность;
- местонахождение обучающихся и преподавателя, а также время занятий не имеет значения;
- большой акцент на самостоятельную работу учащихся;
- высокий уровень интерактивности, обеспечиваемой возможностями Интернет;
- мультимедийный потенциал новых информационных технологий в целом [Бухаркина: электронный ресурс].

Как же реализуется обучение иностранным языкам в рамках дистанционного образования, ведь ранее заочная форма обучения иностранным языкам не применялась столь широко, как в других областях? В традиционных формах обучения наряду с печатными средствами широко использовались возможности аудиозаписи, видеозаписи, записи на компакт-дисках и телевидение. Но без систематической обратной связи с квалифицированным преподавателем обучение практическому владению

иностранным языком являлось делом практически недостижимым. Принципиальное отличие заочного обучения от дистанционного состоит в том, что последнее обеспечивает систематическую и эффективную интерактивность, причем не только между учителем и учащимися, но и между самими учащимися. Непрерывное взаимодействие, что особенно значимо для обучения иностранному языку, осуществляется благодаря современным компьютерным телекоммуникациям, которые позволяют воссоздать все признаки учебно-воспитательного процесса на расстоянии (учитель, учебник, средства обучения, соответствующие методы обучения и организационные формы), чего нельзя сказать о заочной форме обучения. Упор же на самостоятельные виды деятельности в настоящее время считается приоритетным не только при дистанционных и заочных формах обучения, но и на очных отделениях.

Разработка учебно-методических основ дистанционного образования посредством компьютерных телекоммуникационных сетей должна основываться на специфике предмета обучения. С.В. Роганина, выделяя специфику иностранного языка как предмета, отмечает необходимость учитывать следующие фундаментальные проблемы: проблему интегрированного обучения языкам, проблему оптимального темпа обучения, проблему закономерностей и механизмов забывания усвоенного языка, проблему языковой поддержки, проблему управления динамикой мотивов при обучении иностранным языкам [Роганина: электронный ресурс].

И, наконец, в отличие от других дисциплин, конечным результатом обучения иностранному языку является не усвоение языковых знаний и не создание у учащихся системного представления о языке, а навыки для решения коммуникативных задач, формирование языковой компетенции, что означает обучение всем видам речевой деятельности: рецептивным – чтению, аудированию, продуктивным – говорению, письму. Непосредственное, “живое”, общение играет при этом исключительно важную роль. Межличностное общение является наиболее естественным способом обмена опытом деятельности, при котором задействованы визуальный, аудитивный, кинесический каналы воздействия на обучающихся.

Задачу погружения обучаемого в языковую среду и вовлечения его в процесс активного усвоения знаний помогает решить компьютерный мультимедийный учебник – он объединяет такие технические средства обучения, как магнитофон, телевизор, DVD-проигрыватель и погружает обучаемого в искусственно созданную языковую среду, где он является активным участником учебного процесса. Обучаемый имеет возможность

слушать иноязычную речь необходимое число раз, отрабатывая произношение.

Как отмечают А.А. Андреев, В.А. Леднев, Т.А. Семкина, чтобы внедрить Интернет-технологии в обучение в вузе, необходимо не только разработать учебно-методическое обеспечение, но и системно решить ряд других задач:

- организовать материально-техническое обеспечение (компьютеры, программы, каналы);
- сформировать управленческую структуру, ответственную за внедрение Интернет-технологий;
- подготовить кадры (преподавателей, методистов, технологов);
- подготовить обучающихся;
- спланировать процесс обучения;
- провести адаптацию системы документооборота;
- мотивировать коллектив;
- заручиться поддержкой руководства [Андреев, Леднев, Семкина 2009: 89].

В Белгородском государственном университете перечисленные выше задачи успешно решены. Сетевая технология дистанционного образования (обучение с использованием сети Интернет) реализована в виде портала электронного обучения "Пегаc". Она обеспечивает непрерывное взаимодействие преподавателей и обучающихся, а также имеет функции контроля и самоконтроля. Именно через портал "Пегаc" обучаемые получают доступ к дистанционно-ориентированным учебникам необходимых дисциплин, многие из которых, в частности по иностранным языкам, были разработаны сотрудниками кафедры делового иностранного языка.

Успешное внедрение дистанционно-ориентированных учебников по английскому языку стало возможно благодаря четко поставленным целям, определяющим, что обучаемый должен изучить. Эти цели предельно конкретизированы, т.е. известно, что обучаемый должен уметь в конце курса, кроме того задана последовательность действий для успешного освоения курса. Учебный материал, представленный в структурированном виде, позволяет получить систематизированные знания по каждой теме. Структура учебных пособий дает возможность обучающимся самим определять, какой материал им уже известен и при необходимости пропускать его, выполняя только тестовые задания.

Обязательным элементом дистанционных курсов по иностранному языку является промежуточное тестирование после каждого блока – модуля, что обеспечивает контроль, самоконтроль и самокоррекцию

учебной деятельности. Модульность дает возможность обучающимся четко отслеживать свое прохождение от модуля к модулю, оценивая свой прогресс и определяя проблемные зоны.

Вся необходимая информация дидактического и справочного характера отражена в учебных пособиях. У студентов нет необходимости в дополнительных грамматических справочниках, словарях, учебниках, что экономит их время и финансовые затраты на обучение.

Все учебные материалы по обучению иностранным языкам перенесены на диски. Студенты изучают материал на своем компьютере (кейсовая технология дистанционного обучения) и по мере необходимости выходят на связь с преподавателем через Интернет. Электронный учебник можно копировать неограниченное число раз и при необходимости распечатать. Помимо этого, при изучении полученного материала обучающиеся сами могут регулировать графические параметры – устанавливать размер и тип шрифта, изменять цветовую палитру, убирать и перемещать рисунки, что способствует большей индивидуализации обучения и может способствовать в конечном итоге лучшему усвоению материала.

Анализ опыта Белгородского государственного университета в данной сфере показывает, что дистанционное обучение иностранному языку является достаточно эффективным и имеет хорошие перспективы для дальнейшего совершенствования.

Литература

Андреев А.А., Леднев В.А., Семкина Т.А. E-learning: некоторые направления и особенности применения // Высшее образование в России. 2009. №8. С. 88-92.

Бухаркина М.Ю. Особенности организации учебного процесса школьников в системе дистанционного образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ode.susu.ru/e-journal/numerol/pedag/art3>.

Демкин В., Гульбинская Е. Особенности дистанционного обучения иностранным языкам // Высшее образование в России. 2001. №1. С. 127-129.

Немцев А., Беленко В. Система непрерывного профессионального развития кадров на основе ДО // Высшее образование в России. 2009. №8. С. 120-125.

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие / Под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2001.

Полат Е.С., Петров А.Е. Дистанционное обучение: каким ему быть? // Педагогика. 1999. №7. С. 29-34.

Роганина С.В. О некоторых проблемах дистанционного образования в процессе обновления методики преподавания иностранных языков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pk.admin.tstu.ru/sputnik/index/str/resurs.files/ict.edu.ru/vconf/files/7255>.

Е. Ю. Терентьева, Ю.В. Константинова
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В
ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В статье анализируются основные методы использования информационных технологий в преподавании иностранному языку, цели и функции их использования, основные принципы их применения в обучении.

The authors analyse the basic methods of using information technologies in teaching foreign languages, the aims and functions of this use, as well as the main principles of their application in education.

Создание искусственной иноязычной среды в процессе обучения иностранным языкам – один из важных проблемных вопросов современной методики. С ним в первую очередь связана реализация массового обучения двум из четырех основных видов речевой деятельности: аудированию и говорению (условно-коммуникативному или коммуникативному). Для достижения этой цели используются технические средства обучения.

Современный этап развития системы обучения характеризуется переходом к информационным технологиям. Такие комплексы и системы обладают универсальными дидактическими возможностями: они позволяют вести обучение в диалоговом режиме с учетом индивидуальных возможностей обучаемых, обеспечивать дистанционное обучение с использованием современных технологий [Дмитриева 1998: 15]. В процессе обучения иностранным языкам в современной системе обучения используются светотехнические и звукотехнические средства.

В процессе теоретического и практического изучения функции применения компьютерных технологий были объединены в две большие группы:

функции, при реализации которых компьютер (далее ПК) выполняет роль одного из участников учебного процесса (преимущественно обучающего);

функции ПК в качестве инструмента деятельности.

Функции преподавателя и учащегося взаимно дополняют друг друга, поэтому процессы компьютеризации их деятельности тесно взаимосвязаны, компьютерные средства, имитирующие определенный аспект деятельности обучающего, являются одновременно инструментом работы обучаемого. Например, справочно-информационные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как средства, реализующие информативную функцию преподавателя, а с другой стороны, в качестве инструмента информационной поддержки деятельности обучаемого.

В качестве инструмента деятельности и преподаватели, и обучаемые используют преимущественно компьютерные средства общего назначения, специально не предусматривающие выполнения задач обучения. К таким средствам относятся, прежде всего, разнообразные текстовые редакторы, обеспечивающие техническую поддержку процесса обучения и позволяющие пользователям тиражировать учебные материалы, оформлять задания (рефераты, курсовые и контрольные работы), работать над созданием новых текстов.

Информационную поддержку процесса обучения оказывают различные программы типа баз данных и информационные ресурсы системы Интернет, с помощью которых преподаватели и обучаемые могут получить актуальную и исчерпывающую информацию по многим интересующим их вопросам. Реализация общения обучаемого с помощью компьютера стала возможной благодаря специальным устройствам связи, позволяющим передавать и получать информацию на базе компьютера (электронная почта e-mail, осуществляемая с помощью модема).

Профессиональная поддержка деятельности преподавателя с помощью компьютера как инструмента деятельности осуществляется с использованием специальных средств, создаваемых для этих целей. К таким средствам относятся преимущественно генеративные программы и экспертные системы.

Ю.С. Яценко выделяет следующие основные принципы использования компьютерных технологий в обучении английскому языку: обусловленности, необходимости, информативности, надежности.

Принцип обусловленности предписывает четкое определение условий применения ПК в зависимости от содержания, целей и этапа обучения, возрастных особенностей пользователей, а также используемой методики обучения.

Принцип необходимости обуславливает применение ПК только в том случае, если это позволяет повысить эффективность учебного процесса по какому-либо параметру, а именно: увеличить скорость усвоения материала, активизировать речевую деятельность, достичь учебной цели наиболее рациональным способом, облегчить работу преподавателя или обучаемого, сократить время обучения.

Принцип информативности раскрывает преимущества компьютера в качестве средства справочно-информационного обеспечения учебного процесса, поскольку ПК позволяет пользователю получить максимальное количество информации за кратчайшее время. Кроме того, среди ТСО компьютер наиболее всего соответствует информативно-речевому характеру обучения иностранному языку.

Принцип надежности указывает на необходимость проведения экспериментальной проверки каждой компьютерной программы для обучения, а также на наличие этапа организационной подготовки к занятию с использованием ПК [Яценко 2007: 15].

Теперь подробнее остановимся на возможностях использования сети Интернет на уроке английского языка, для этого рассмотрим тестирование он-лайн, обучение аспектам языка с помощью Интернета, возможности для самообразования преподавателя.

В настоящее время Интернет является одним из инновационных источников информации, который активно используется в практике преподавателей иностранного языка в ВУЗах, обеспечивает доступ к обширному спектру заданий, электронным учебникам и он-лайн тестовым ресурсам. Этот ресурс стал особенно актуальным в свете единых реформ в сфере образования, который подтверждает востребованность использования он-лайн обучения, контроля, самоконтроля и их эффективность.

В масштабах страны интересным для анализа является опыт использования проекта ФЭПО. Целью данного проекта является оказание помощи вузам в проведении эксперимента по введению федерального экзамена в сфере высшего профессионального образования (см. [www.fero.ru]).

Основными принципами ФЭПО являются:

- принцип полного доверия вузам по вопросам соблюдения технологии проведения экзамена;
- проведение экзамена в единое время по единым измерительным материалам;
- два режима проведения экзамена: on-line / off-line.

ФЭПО – это тестирование студентов совокупности образовательных программ или одной образовательной программы всех вузов Российской Федерации с использованием среды Интернет в режиме off-line или в режиме on-line. ФЭПО позволяет объективно оценить степень соответствия содержания и уровня подготовки студентов требованиям государственных образовательных стандартов, сравнить результаты освоения стандарта студентами данного вуза с результатами других вузов и эффективно использовать результаты экзамена при самообследовании для комплексной оценки вуза.

Обязательное участие вузов в тестировании, по мнению создателей ФЭПО, будет способствовать созданию системы обеспечения качества подготовки студентов на основе независимой внешней оценки.

Методисты выделяют при этом следующие аспекты: обучение лексике, чтению, устной речи, письму и аудированию [Азимов 2001: 22].

Обучение лексике предполагает работу по введению новой лексики, активизацию лексического материала, лексические игры.

В частности, чтобы разнообразить приёмы введения новых лексических единиц, можно познакомить учащихся с сайтом www.thinkmap.com, представляющим собой пространственную трёхмерную карту лингвистических ассоциаций, которая позволяет наглядно продемонстрировать взаимоотношения и связи между парами слов, частями речи или контрасты в их использовании.

Интернет не менее хорош и для закрепления лексики по изучаемой теме. Задача преподавателя при этом заключается в подборе полезных и информативных сайтов, связанных с нужной темой. Например, изучая тему "Путешествие. В гостинице" можно воспользоваться сайтом www.adnams.co.uk/hotels, фактически дающим информацию для туристов, но представляющим интерес своим лексическим богатством и иллюстрациями описываемых гостиниц.

При наличии локальной сети, можно воспользоваться возможностью поиграть всей группой, когда учащиеся могут взаимодействовать друг с другом, или найти собеседника за рубежом.

Обучение чтению с помощью Интернет может быть весьма разнообразным из-за наличия в нём множества текстов разных жанров. Особенно полезными зарекомендовали себя, прежде всего, он-лайн версии зарубежных газет, детективные рассказы.

Неоспоримое достоинство версий газет, представленных на сайтах Интернет, в сравнении с их печатными версиями – их актуальность. Естественно, что чтение и обсуждение последних мировых новостей вызывает больший интерес, а как следствие оказались более полезными, чем работа со старыми печатными версиями изданий. Так как в Интернет новости постоянно обновляются, они всегда свежи и позволяют учащимся ориентироваться в более широком кругу событий и заголовков, будучи удобно сгруппированы по темам и соответствующим ссылкам. В качестве примера можно предложить учащимся выбрать из любой англоязычной газеты три заголовка, которые привлекут их внимание, переписать их в форме трёх грамматически полных предложений, высказать предположения относительно содержания статьи до её прочтения, а затем прочитать статью и проанализировать – это позволяет развивать аналитические навыки студентов, которые оказываются необходимыми при чтении текстов с высокой информативной и лексической нагрузкой, а также способствуют развитию языковой догадки, темпа чтения и т.п. Не менее полезным может оказаться рассмотрение события с разных точек зрения. Например, можно сравнить то, как английские, американские и российские газеты освещают

каждую новость или какие новости разные газеты выбирают для своих первых полос. Подобные задания могут стать отличной возможностью обсудить различие культур, менталитетов разных народов и что их объединяет.

Однако было бы неверно воспринимать Интернет лишь как средоточие новостей о текущих событиях. Во “всемирной паутине” можно найти все виды и жанры текстов, многие из которых позволяют читателю так или иначе поучаствовать в работе над текстом. Наиболее продуктивным для творчества и увлекательным жанром является детектив. С точки зрения языка, он хорош тем, что требует повышенного внимания к видовременным формам глагола, к использованию экспрессивной лексики, чётким определениям и описаниям места действия, персонажей, фона событий. Рассказы можно вывести на печать в необходимом количестве, а при желании студенты могут читать рассказы прямо в Сети и затем принять участие в обсуждении прочитанного в форуме или даже выиграть небольшой приз [Harris, Kington 2002: 5].

Обучение устной речи кажется наиболее органичной и неотъемлемой частью работы с Интернет. Главное – поощрять использование английского, а не родного языка. Глобальная сеть может предложить массу тем для обсуждения с красочным и постоянно изменяющимся иллюстративным материалом. Например, интерактивный музей Сан-Франциско предложит вам обсудить вопросы и проблемы человеческого интеллекта, памяти, мышления и многое другое – стоит только заглянуть на www.exploratorium.edu или же на сайте NASA www.nasa.gov вам позволят заглянуть в тайные уголки далёкой Красной планеты, а вы организуете дискуссию о темпах развития современной науки, её плюсах и минусах.

Обучение письму выглядит не менее органичным аспектом работы с Интернет, прежде всего из-за возможностей работы с электронной почтой. Все виды текстов (писем, открыток, документов), обучение работе с которыми является частью обязательной программы изучения, в частности, при подготовке к ЕГЭ, можно не просто изучать в классе или дома, выполняя задания в рабочей тетради, но и отправить домашние работы на электронный адрес учителя, что приблизит учебную ситуацию к реальной жизни. Многочисленные сервисы Интернет предлагают найти друзей по переписке – так, например, с помощью поисковых систем можно найти адреса английских или американских школ или учащихся этих заведений. В таком случае студенты будут более мотивированы участвовать в переписке, так как общение будет происходить с реальными людьми, а не с вымышленными персонажами.

Объём мультимедийных материалов, хранящихся в глубинах Интернет, поражает даже самое богатое воображение – на языке оригинала вы можете прослушать концерт интересующего вас исполнителя, и интервью с известным человеком, и трансляцию популярного радиоканала и даже посмотреть новинки кино, что является неоценимым подспорьем при обучении аудированию.

Все вышесказанное подтверждает, что компьютерные технологии являются одними из новейших и успешных средств в обучении иностранному языку, однако, несмотря на это следует учесть и недостатки использования данных элементов в обучении:

- диалог с программой обычно лишен эмоциональности, что может снизить общий мотивационный фон;

- программисты не всегда могут учесть особенности конкретной группы учащихся и отдельных индивидуалов в частности;

- использование Интернета не способствует развитию речевой, графической и письменной культуры учащихся;

- помимо ошибок при изучении целевого предмета, которые студент может делать и на традиционных уроках, появляются еще технологические ошибки - ошибки работы с программой;

- материал на компьютере, как правило, подается в условной, сильно сжатой и однообразной форме;

- контроль знаний ограничен несколькими формами - тестами или программированными опросами [Голубева 2004: 6]

Современность предъявляет всё более высокие требования к обучению практическому владению иностранным языком в повседневном общении и профессиональной сфере. Использование информационных технологий раскрывает огромные возможности использования компьютера как средства обучения. Компьютерные обучающие программы имеют много преимуществ перед традиционными методами обучения. Они позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в разных комбинациях, помогают осознавать языковые явления, сформировать лингвистические способности, создавать коммуникативные ситуации, автоматизировать языковые и речевые действия, а также обеспечивают возможность учёта ведущей репрезентативной системы, реализацию индивидуального подхода и интенсификацию самостоятельной работы ученика.

Помимо использования мультимедийных обучающих программ, компьютер является незаменимым помощником для подготовки и проведения тестирования, мониторинга учебного процесса, собственного информационного наполнения инструментальных сред для разработки

компьютерных уроков, подготовки дидактических мат-лов, использования ресурсов и услуг Интернета для аудиторной и самостоятельной работы, а также проектной деятельности учеников.

Таким образом, можно прийти к выводу, что использование новых информационных технологий, в частности, компьютера в условиях высшей школы является эффективным, поскольку оно создало комфортные условия для проведения процесса обучения, расширило их языковую и социокультурную компетенции, изменило в положительную сторону мотивы изучения английского языка.

Литература

Азимов Э. Г. Материалы Интернета на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. 2001. №1.

Голубева Т. И., Релина С. О. Применение информационных технологий в обучении иностранному языку. Оренбург, 2004.

Дмитриева Е.И. Основная методическая проблема дистанционного обучения иностранным языкам через компьютерные телекоммуникационные сети интернет // Иностранные языки в школе. 1998. №1.

Яценко Ю. С. Интеграция информационно-коммуникационных технологий в процесс обучения иностранным языкам // Труды 5-й международной научно-практической Интернет-конференции «Преподаватель высшей школы в XXI веке». Сборник 5. Часть 2. Ростов на Дону, 2007.

Harris S. and Kington A. Innovative classroom practices using ICT in England, National Foundation for Educational Researches. Slough: UK, 2002.

Л.В. Резниченко ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматривается метод проектов и его использование в практике обучения иностранному языку.

The article deals with the project method and its application in the process of teaching foreign languages.

Современные условия жизни выдвигают на первый план необходимость непрерывного личного совершенствования и развития. Сегодня мы можем констатировать, что однажды полученное хорошее образование уже не является гарантом будущей эффективной профессиональной деятельности. Успех каждого человека в жизни теперь во многом зависит не только от его умения применять полученные знания на практике, но и от его инициативности, мобильности, готовности к

решению разного рода проблем. Очевидно, что наиболее востребованными становятся такие дидактические методы и технологии, которые делают процесс обучения развивающим и личностно-ориентированным. К методам личностно-ориентированного подхода относят обучение в сотрудничестве, метод проектов и разноуровневое обучение. Однако это не означает, что данными технологиями исчерпывается понятие личностно-ориентированного подхода, но именно с помощью этих технологий обучения этот подход обычно реализуется в мировой педагогической практике.

В данной статье мы проанализируем возможности применения метода проектов, а также исследовательскую деятельность студентов в условиях проектного обучения. В последнее время метод проектов приобретает все больше сторонников, что часто приводит к смешению или даже подмене понятий. На наш взгляд, следует различать широкое толкование проекта как понятия и непосредственно метода проектов. Принятое понятие проекта предполагает разработку замысла, идеи, детального плана того или иного практического продукта, изделия и т.п. При этом имеется в виду разработка не только главной идеи, но и условий ее реализации.

Метод является дидактической категорией; совокупностью приемов, операций овладения определенной областью практического или теоретического знания той или иной деятельностью; путем познания, способом организации процесса познания. Поэтому, если мы говорим о методе проектов, то имеем в виду именно «способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы. Разработка должна завершиться вполне реальным, ожидаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [Полат 2000: 4]. Чтобы добиться такого результата, необходимо научить студентов самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения.

Метод проектов возник еще в начале XX века, когда педагоги и философы старались найти способы, пути развития активного самостоятельного мышления ребенка, чтобы научить его не просто запоминать и воспроизводить знания, которые дает им учебное заведение, а уметь добывать их и применять на практике. Первоначально метод проектов назывался проблемным. Американские педагоги Дьюи, Килпатрик, австрийский педагог Штайнер считали необходимым обращение к активной познавательной и творческой совместной деятельности детей при решении одной общей проблемы.

Проблемному методу внимание уделялось и в отечественной дидактике (М.И. Махмутов, И.Я. Лернер). Однако у нас проблемный метод не связывался с методом проектов. А главное, он не был технологически проработан, поэтому после того, как в 30-е годы XX века он не нашел широкого и правильного применения на практике, о нем почти забыли на многие десятилетия.

Только на современном этапе развития отечественной методики метод проектов стал восприниматься как нечто необходимое, разумное, важное для образования студентов. В условиях использования метода проектов студенты учатся самостоятельно приобретать знания, получают опыт познавательной и учебной деятельности. Несомненно, если студент получит в университете исследовательские навыки ориентирования в обширном потоке информации, научится анализировать ее, обобщать, определять тенденцию, сопоставлять факты, делать выводы и заключения, то, в силу достижения им более высокого образовательного уровня, ему легче будет адаптироваться к меняющимся условиям жизни и, следовательно, он сможет правильно выбрать будущую профессию.

Теперь рассмотрим, в чем заключается целесообразность обращения к методу проектов в преподавании иностранных языков. Целью обучения иностранному языку в высшей школе, как известно, является не система языка, а иноязычная речевая деятельность межкультурного взаимодействия.

Предметом речевой деятельности является мысль. Язык же представляет собой средство формирования и формулирования мысли. Отсюда, чтобы сформировать у студентов необходимые умения и навыки в том или ином виде речевой деятельности, необходимо перенести акцент с различного вида упражнений на активную мыслительную деятельность студентов, требующую для своего оформления владения определенными языковыми средствами. Метод проектов позволяет решить эту дидактическую задачу и превратить учебные занятия по иностранному языку в дискуссионный, исследовательский клуб, в котором решаются интересные, практически значимые для студентов проблемы на основе межкультурного взаимодействия.

Чтобы решить лежащую в основе проекта проблему, студентам требуется не только знание языка, владение большим объемом разнообразных предметных знаний, но и интеллектуальные, творческие и коммуникативные умения. К интеллектуальным умениям можно отнести умение работать с информацией, с текстом, анализировать информацию, делать обобщения, выводы, а также умение работать с разнообразным справочным материалом. К творческим умениям психологи относят, прежде

всего, умение генерировать идеи, для чего требуются знания в разных областях; умение находить не один, а много вариантов решения проблемы; умение прогнозировать последствия того или иного решения. К коммуникативным умениям относятся, прежде всего, умение вести дискуссию, слушать и слышать собеседника, отстаивать свою точку зрения, подкрепленную аргументацией, умение находить компромисс с собеседником, умение лаконично излагать свою мысль. Таким образом, для грамотного использования метода проектов требуется значительная подготовка, осуществляемая в целостной системе обучения в высшей школе.

Перечислим основные требования, выделенные Е.С. Полат, к использованию метода проектов:

- наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы (задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения);

- практическая, теоретическая значимость предполагаемых результатов;

- самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность студентов на учебном занятии;

- структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов и распределением ролей);

- использование исследовательских методов: определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования, выдвижение гипотезы их решения, обсуждения методов исследования, оформление конечных результатов, анализ полученных данных, подведение итогов;

- корректировка, выводы.

В отношении разработки структуры проекта и его проведения выделяют 6 основных этапов:

- 1) представление ситуаций, позволяющих выявить одну или несколько проблем по обсуждаемой тематике;

- 2) выдвижение гипотез решения поставленной проблемы ("мозговой штурм"), обсуждение и обоснование каждой из гипотез;

- 3) обсуждение методов проверки принятых гипотез в малых группах, возможных источников информации для проверки выдвинутой гипотезы; оформление результатов;

- 4) работа в группах над поиском фактов, аргументов, подтверждающих или опровергающих гипотезу;

- 5) защита проектов (гипотез, решений проблемы) каждой из групп с оппонированием со стороны всех присутствующих;

- 6) выявление новых проблем [Полат 2000: 6].

Другая технологическая модель проектно-ориентированного обучения, состоящая из семи компонентов, была впервые предложена Т. Копферманом и Р. Зигле в книге *Projekte im Deutschunterricht* (подр. см.: [Белогрудова 2005: 8]). Согласно этой модели, любой проект начинается с намерения, конкретной ситуации, проблемы, которая требует решения (первый компонент). Следующая составляющая модели – подготовка проекта, которая предполагает формулировку темы, постановку целей и поиск средств для их достижения (второй компонент).

Третий компонент модели включает фазы работы над проектом, в рамках которых устанавливаются качественно новые отношения между преподавателем и студентами (четвертый компонент модели). В своей модели авторы отражают также интеграцию всех составляющих проектной работы: студентов, преподавателей, населения, предметов изучения (пятый компонент). Т. Копферман и Р. Зигле отмечают, что «во время работы над проектом у студентов и преподавателей могут возникнуть проблемы, не связанные непосредственно с самим проектом» (цит. по: [Белогрудова 2005: 10]). Поэтому в свою модель они включают шестой компонент – организацию учебного процесса. Седьмой компонент подразумевает завершение проекта, представление его результатов и рефлексию.

В.П. Белогрудова к модели, разработанной Т. Копферманом и Р. Зигле, добавляет еще один существенный компонент – дальнейшую жизнь проекта. По ее мнению, проект должен продолжать свою жизнь даже после завершения работы над ним (презентация проекта в местной печати, на конференции, на городской выставке) [Белогрудова 2005: 11].

Чтобы продуктивно использовать проекты в обучении иностранному языку, необходимо хорошо разбираться в типологии проектов. Рассмотрим общедидактическую типологию проектов. Прежде всего, определимся с типологическими признаками:

- доминирующие в проекте метод или вид деятельности: исследовательский, творческий, ролево-игровой, информационный, практико-ориентированный и т.п.;

- предметно-содержательная область: монопроект (в рамках одной области знания) и межпредметный проект;

- характер координации проекта: с открытой, явной координацией (непосредственный) и со скрытой координацией (неявный, имитирующий участника проекта);

- характер контактов (среди участников одного университета, группы, города, региона, одной страны, разных стран мира): внутренний или региональный, и международный;

- количество участников проекта (индивидуальные, парные, групповые);

- продолжительность проекта (краткосрочный, средней продолжительности, долгосрочный).

В качестве примера проектного обучения можно рассмотреть исследовательские проекты. Они позволяют решить существенную для методики задачу – создание языковой среды и на ее основе создание потребности в исследовании иностранного языка на практике. Такие проекты требуют хорошо продуманной структуры, четко обозначенных целей, обоснования актуальности предмета исследования, обозначения источников информации, продуманных методов и результатов. Они полностью подчинены логике небольшого исследования и имеют структуру, приближенную к подлинно научному исследованию или полностью совпадающую с ним.

Исследовательские проекты проводятся нами на основе семи компонентов технологической модели Т. Копфермана и Р. Зигле с использованием некоторых этапов разработки проекта, предложенных Е.С. Полат. Приведем пример исследовательского проекта.

Как утверждают немецкие исследователи, проект вытекает и развивается из конкретной ситуации. Эта ситуация обычно возникает в процессе работы над какой-либо учебной темой. В ходе обсуждения прочитанной статьи, когда обнаруживается недостаток знаний или выявляется неспособность решить возникшую задачу, что может мотивировать дальнейшее исследование создавшейся проблемы.

Так, при работе над темой "Economic Environment" студенты III курса экономического факультета специальности "Мировая экономика" затронули тему глобализации. В процессе разговора выяснилось, что многие студенты не знают, почему в мире на сегодняшний день существует мнение за и против этого явления. Создавшаяся на занятии проблемная ситуация побудила студентов начать изучать это явление глубже.

В ходе поисков и исследований определилась тема проекта "The Case For Globalisation". Далее студентам было предложено составить план будущего проекта. В нашем случае план проекта выглядел следующим образом:

1. Date:
2. Name:
3. Academic year, major:
4. The Theme:
5. The Content:
6. The aim of the project:

7. Sources of information you are going to use:

8. Period of working on the project:

Для успешного решения проблемы студенту было необходимо хорошо продумать структуру проекта, обозначить цели, аргументировать актуальность темы для исследования, обозначить задачи исследования, определить методы исследования, источники информации, выдвинуть гипотезы решения обозначенной проблемы и определить пути ее решения.

Обсуждение полученных результатов происходило во время промежуточных отчетов. В ходе этих обсуждений проявлялись логические несоответствия, противоречия, недостаточность или избыточность в раскрытии темы, ошибочная интерпретация и другие проблемы. Для того чтобы преодолеть выявленные в ходе промежуточных отчетов несоответствия, преподаватель, в нашем случае, старался выступить в роли консультанта, координатора, помогающего студенту учиться, направляющего его познавательную деятельность.

На этапе представления результатов проекта студенту было предложено выступить с докладом на тему исследования. При этом обязательным условием являлось наличие компьютерной презентации, где в графической форме отражались результаты исследовательской деятельности. В качестве плана подготовки к устной презентации проекта студентам можно было использовать следующую схему:

Introduction.

Welcome audience.

Introduce yourself.

State your topic.

Say why your topic is important for the audience.

Describe the structure of your talk (the main points and when you will be dealing with them).

Say how long the talk will be.

Say when you will answer questions.

Say whether there are handouts.

Main part.

Briefly state your topic and objective(s) again.

Then introduce your three (or two or more) main points and give details.

Main point 1:

Main point 2:

Main point 3:

Signal the end of the main part

Conclusion

Signal the end of your talk.

Summarize the key points.

Highlight one important point.

Explain the significance.

Make your final statement.

Invite questions.

После презентации проектов студенты задавали докладчику вопросы. На этом этапе происходила отработка определенного языкового материала (вежливые вопросы). Например:

Could you tell me ...?

Do you mind if I ask ... ?

May I ask ... ?

Do you mind telling me ... ?

В обсуждении результатов проекта участвовали все присутствующие студенты. В ходе оценивания выступлений предлагалось охарактеризовать следующие моменты.

– The manner of presentation

• *to have a well-balanced lay-out(structure)*

• *to show the ability to describe and comment on smth. (to explain, summarize and develop the idea)...*

• *to speak distinctly and clearly*

• *to be inarticulate (incoherent)*

• *to use a wide range of simple language*

• *to do smth. with flick-of-the-eye rapidity*

– The command of the language

• *... the speaker has (possesses / shows / can boast of) a good (poor, adequate, appropriate, relevant) command of the language*

• *the wide(limited) range of the active does the speaker credit(is not to the speaker's credit)*

• *to be (not) up to the mark*

• *... the mistakes were quite occasional (unfortunately rough)*

• *to have mispronouncings (slips of a tongue) ...*

– The gist of the presentation

• *to know the pro and contra of smth.*

• Here the speaker has undoubtedly hit a blot. - Здесь докладчик, безусловно, нашел самое слабое место.

• The speaker was in some ways trying to make the best of a bad job. (Делать хорошую мину при плохой игре).

• ... the speaker wasted time vainly trying to ...

• to find the correct approach to the subject

• to be concise, but to the point

• My impression of the presentation is (quite / next to / far from / broadly speaking) favourable ... At first glance, ...

• It is my perception that...

На наш взгляд, функцию оценки результатов исследовательской деятельности не должен полностью брать на себя преподаватель. Очень важно, чтобы студенты самостоятельно оценили свое устное выступление с помощью следующей анкеты.

Organization

Was my presentation the right length?

too long

too short

just right

Communication

How was my body language?

Good

bad

Why?

Did the audience understand me?

yes, all the time

yes, most of the time

yes, some of the time

no

Did I have trouble expressing myself in English?

yes, all the time

yes, most of the time

yes, some of the time

no

What were some words or phrases I needed but didn't know?

Parts of the presentation

Introduction

Did I tell the audience the purpose of my talk?

yes

no

Did I explain the structure of my talk?

yes

no

Did I tell the audience why the talk was relevant to them?

yes

no

Can I improve the introduction?

yes

no

Main part

Did I state my main points clearly?

yes no

Did I use effective signposting?

yes no

Did I emphasize key points?

yes no

Did I summarize key points after each section?

yes no

Did I present my visuals well?

yes no

Can I improve the main part?

yes no

Conclusion

Did I summarize the key points?

yes no

Did I tell the audience what to do (call to action)?

yes no

Did I leave a lasting impression?

yes no

Can I improve the conclusion?

yes no

Questions

How well did I deal with questions?

very well well fairly well badly

Why?

What questions were asked that I didn't anticipate?

How can I improve the way I deal with questions?

На наш взгляд, проектная деятельность, как одна из форм учебной деятельности, может сделать учебный процесс для студентов лично значимым, а следование описанной модели обучения может оказаться полезным при планировании и проведении проектов, поможет избежать трудностей организационного характера и настроить студентов на позитивную волну исследовательской работы.

Литература

Белогрудова В.П. Об исследовательской деятельности учащихся в условиях проектного метода // Иностранные языки в школе. 2005. № 8. С. 6-11.

Брейгина М.Е. Проектная методика на уроках испанского языка // Иностранные языки в школе. 2004. № 2. С. 28-32.

Дубинина Г.А., Драгинская И.Ф., Матявина М.Ф. Английский язык. М.: Экзамен, 2003.

- Колкова М.К. Обучение иностранным языкам. СПб.: КАРО. 2003.
- Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2-3. С. 3-10.
- Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам. М.: Астрель, 2008.
- Grussendorf M. English for Presentations. Oxford: University press, 2007.

Е.Ф. Рослякова, Д.Г. Тарасенко
ГУМАНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ
СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ (НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)

В статье анализируются некоторые компоненты гуманизации обучения английскому языку студентов-нефилологов. В основу обучения положены фрагменты аутентичных художественных фильмов, идиомы-афоризмы и реалии, способствующие гуманизации обучения.

The authors analyze some methods of applying human aspects of teaching English to students of non-linguistic departments, based on using authentic English recordings, audio texts and fragments from films.

Идея гуманизации образования, необходимость достижения профессионального, нравственного и духовного совершенства становится одной из наиболее важных тенденций вузовской подготовки специалистов. Современные условия социально-экономического развития диктуют необходимость выдвигания на первый план гуманистической и социокультурной миссии в системе образования. Необходимость наполнения процесса обучения социокультурными компонентами, гуманизация образования приобретают сейчас особую остроту.

В понятие "гуманизация" процесса обучения мы вкладываем широкое значение, включающее опору на систему ценностей, возвышающую человеческую личность, формирующих социальную справедливость и человеческое достоинство, способность сострадать и помогать людям, вырабатывающую нравственное и духовное совершенство [Волчкова 2007: 2].

Включение в содержание обучения (в данном случае английскому языку) гуманистических компонентов направлено не только на формирование "вторичной языковой личности" [Исаева 2007], то есть человека, который усваивает ценности другой культуры через иностранный язык, но и овладение такими характеристиками личности, как доброта, милосердие, уважение к окружающим людям. В обучении иноязычному общению важной задачей является изучение языковых единиц, наиболее ярко отражающих национальные особенности культуры народа – носителя

языка, то есть реалий (обозначений предметов и явлений, характерных для одной культуры и отсутствующих в другой). При этом культурологическая и страноведческая ценность, ориентация на современную действительность, функциональность являются важнейшими критериями отбора национально-культурного компонента содержания обучения иностранному языку.

Обучение иноязычной речевой культуре студентов специальности "Мировая экономика" на занятиях по английскому языку должно включать просмотр фрагментов фильмов, информационная насыщенность которых способствует глубокому проникновению в диалог культур и позволяет моделировать ситуации общения с учетом дипломатии общения, например – табу / не табу. Анализ специально отобранных фильмов или фрагментов из них позволяет проследить эволюцию проблемы иноязычной культуры, ее нынешнее состояние и более прочное усвоение дипломатического языка общения с точки зрения содержания и его формы.

Изучение иноязычных социо-культурных и гуманистических компонентов является важнейшим условием успешного овладения иностранным языком и оно, в свою очередь, должно входить в более широкий круг культурно-исторических контекстов, отражающих социальную действительность; их усвоение – важное условие использования языка как средства общения.

Одним из средств гуманизации процесса обучения можно рассматривать анализ материалов, отражающих проблемы "Generation Gap" или "Youth Versus Age", обсуждение которых может способствовать воспитанию гуманного отношения к наиболее уязвимым слоям общества. Понимание конфликтов и трудностей поможет преодолеть возможное противоборство поколений и, опираясь на знание, опыт, инновации и ценности людей, оздоровить политику, экономику, этику и нравственность государства [Холостова 2003: 43].

Благодаря смещению духовных приоритетов общества в пользу гуманизации, необходимо формировать у студентов (в данном случае студентов начального этапа специальности "Мировая экономика") понимание того, что в их будущей профессиональной деятельности важно будет учитывать человеческий фактор, гуманное отношение к человеку как обязательное условие обновления общества [Волчкова 2007: 1].

Проецируя дипломатический язык и гуманистические компоненты на образовательный процесс, на основе Госпрограммы [Рабочая программа ... 2009: 7] представляется целесообразным предложить реализацию цели на основе тем: "Семья: семейные ценности, проблемы поколений", где более ярко можно проследить понятия, суждения, нравственно-этические аспекты, социо-культурные особенности отечествен-

ной и зарубежной культуры. Необходимость специального отбора и изучение иноязычных социо-гуманных компонентов ощущается во всех случаях межкультурного общения, как в непосредственной, так и в опосредованной форме.

Задачей данной работы является отбор на основе аутентичных художественных фильмов и фонограмм ярко выраженных социо-гуманных образцов общения с учетом дипломатического языка в плане содержания, например:

non taboo: weather; traveling; food and drink; visiting/receiving guests; holidays; a working day;

taboo: religion; health; sex; politics; clothes; government; wages и т. д.;

а в плане формы (некатегоричность высказывания), например:

They have a problem. – They seem to have a slight problem.

It's cold in here. – It's a bit cold in here, isn't it?

That'll be very difficult. – That might be quite difficult.

That'll be very expensive. – That might be quite expensive.

Can we meet again next week? – Perhaps we could meet again next week?

Can I interrupt for a moment? – Could I just interrupt for a moment [Emerson 1999: 35]?

В качестве материала для обучения дипломатическому языку и гуманизации процесса предлагаются фрагменты из фильма "Scent of a Woman" и диалоги из аудиоматериалов.

Этапы работы в обучении социо-гуманным иноязычным компонентам с применением фильмов и аудиоматериалов включают:

1. Введение в тему фильма, аудиоматериала (pre-watching, pre-listening activities)

Предлагается прослушать мини-лекцию о фильме "Scent of a Woman". Listen to a mini-lecture:

"Scent of a Woman" is about Charles Simms (Chris O'Donnell), a Boston prep school senior, and the Thanksgiving weekend he spends working as the aide and companion of Lt. Colonel Frank Slide (Al Pacino), an embittered, lonely, blind veteran. The job, which begins as onerous task performed principally for money, becomes a tour of self-discovery when Slade decides to make an unexpected visit to New York City. There, the lieutenant's actions force Charlie into making an emotionally painful – and potentially dangerous decision. Upon returning to the school on Monday, Charles is facing expulsion and a ruined future because of his honesty, and integrity.

II Толкование, анализ лексических единиц и понятий

- Before you listen / watch explain the differences between the words in each group, for example:

an extended family; a nuclear family; a single-parent family;

to keep someone company; to be/not be good company; to keep company with a (group of people);

a childminder; a babysitter; a nursery school.

- Выбор предложений, наиболее точно отражающих семейные проблемы в России. Tick the following sentences which are true to family problems in Russia:

These days more and more men are prepared to help their partner with childcare.

The extended family system is breaking down.

Young people are leaving home earlier than they used to.

As a result of economic pressures, more and more mothers are going out to work.

The divorce rate is on the increase.

Because of work pressures, many children almost never see their father during the week.

III. Знакомство с фрагментами фильма

- Просмотр фрагмента фильма "Scent of a Woman". Watch the fragment from the film.

- Чтение просмотренного фрагмента фильма "Scent of a Woman". Read and analyze the following:

"There was a time I could see. And I have seen. Boys like this, younger than these, their arms torn out, their legs ripped off. But there is nothing like the sight of an amputated spirit. There is no prosthetic for that. You think you are merely sending this splendid foot soldier...back home to Oregon with tail between his legs, but I say you are executing his soul ... I heard these words "cradle of leadership." Well, when the bough breaks, the cradle will fall, and it has fallen here. It has fallen makers of men, creatures of leaders. Be careful what kind of leaders you are producing here. I don't know if Charlie's silence here today ... is right or wrong; I am not a judge or jury. But I can tell you this: he won't sell anybody out to buy his future! And that, my friends, is called integrity. That's called courage. Now that's the stuff leaders should be made of. Now I have come to the crossroads in my life. I always knew what the right path was. Without exception I knew, but I never took it. You know why? It was too damn hard. Now there's Charlie. He has come to the crossroads. He has chosen a path. It's the right path. It's a path made of principle...that leads to character. Let him continue on his journey. You hold this boy's future in your hands, committee. It's a valuable

future. believe me. Protect it. Embrace it" [Script of the film "Scent of a Woman", 1992 by Bo Goldman].

IV. Анализ лексического материала с целью выделения социогуманных компонентов, изучения и закрепления социо-культурных особенностей их применения

- Обсуждение лексических единиц и реалий фрагментов фильма.

Discuss the following word combinations from the film:

Cradle of leadership, the sight of an amputated spirit, to buy one's future, a path made of principle, to embrace a valuable future.

- Выбор из числа предложенных лексических единиц фильма пяти наиболее важных качеств для родителей, друга, мужа/жены, вашего босса, экономиста. List the 5 qualities you feel are most important in 1) parents, 2) a friend, 3) husband/wife, 4) a boss, 5) an economist.

- Make up a list of negative and positive adjectives:

adventurous	flexible	obsessed	shy
amateurish	gadget freak	outgoing	spectacular
ambitious	generous	patient	strict
brave	good	polite	stunning
caring	good listener	punctual	tedious
compassionate	hard-working	quick-minded	thoughtful
daft	honest	reliable	trustworthy
disappointing	intelligent	respectful	unconvincing
emotional	kind	romantic	well-educated
fascinating	neat	self-confessed	witty

- Анализ идиом, афоризмов, отражающих некоторые аспекты конфликта поколений. Analyze the following idioms revealing generation gap.

A. Young people speaking about aged people are likely to use:

будто бельмо на глазу	a source of constant irritation; sticks out like a sore thumb [Lubensky 1995: 13];
отставать от времени	X lays behind the times или X can't keep with the times [Lubensky 1995: 84];
списать в тираж	X was put out of pasture [Lubensky 1995: 696];
отжить свой век	X has lived his life , X has already had a long life [Lubensky 1995: 46];
старая карга	old bag/hag, bat, crone [Lubensky 1995: 283];
песенка слета	X's song is over; X's goose is cooked [Lubensky 1995: 458].

B. Old people often evaluate young people in the following way:

яйца курицу не учат	Don't teach your grandmother to suck eggs [Lubensky 1995: 833];
молодо-зелено	X you are too young to know any better; X you are young and green [Lubensky 1995: 377];
молоко на губах не обсохло	X is wet behind the ears [Lubensky 1995: 377];
молодой да ранний	X is a young upstart; X has come too far too fast; X is a brash young fellow [Lubensky 1995: 377];
по молодости лет	being young and inexperienced [Lubensky 1995: 377];
набраться ума-разума	X should get some sense into his head или X doesn't know any better [Lubensky 1995: 731];
жить своим умом	X thinks for himself; X lives his own life [Lubensky 1995: 736];
жить чужим умом	X lives as others tell him to; X lets other people think for him [Lubensky 1995: 736].

V. Трансформация категоричных высказываний в дипломатичные

Прослушивание аудиозаписи, выделение категоричности высказываний и их замена на более дипломатичные. Listen to the dialogues, underline categoric statements and make them more diplomatic:

1.

A: Can you switch off your laptop now, sir?

A: Could you just switch off your laptop now, sir? We are about to land.

B: Oh, yes, of course.

B: Oh, yes, of course.

2.

A: Can I have an alarm call at half past 6 tomorrow morning?

A: Excuse me. Do you think I could have an alarm call at half past 6 tomorrow morning?

B: Certainly, madam. Can I have your room number, please?

B: Certainly, madam. Could I have your room number, please?

3.

A: I'm afraid I'll have to check you hand luggage too, madam.

A: I'm afraid I'll have to check you hand luggage too, madam. Could you

Can you open this side pocket?
Er, will you mind not smoking,
please.

B: Oh, I'm sorry. I didn't realize.

open this side pocket? Er, would you
mind not smoking, please.

B: Oh, I'm sorry. I didn't realize
[Powell 2005: 130].

Учет проблем молодого и пожилого поколения поможет преодолеть противоборство и создаст благоприятные условия их взаимодействия и взаимопонимания и, следуя канонам вежливости, обидные фразы должны исчезать из обиходной речи, что также будет способствовать гуманизации процесса обучения.

Выделенные этапы подготовки к овладению социо-культурными и гуманистическими компонентами иноязычного общения обеспечат взаимопонимание между разными слоями общества и дипломатичность межкультурного общения и помогут обучаемым не только достичь концептуальной социализации, но и стать в определенной мере носителями духовных морально-этических приоритетов общества в пользу гуманизации.

Литература.

Волчкова В. Гуманизация технического образования через гуманитаризацию как педагогическая возможность в условиях нового социального заказа // Наука, образование, общество. Интернет журнал СахГУ, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://journal.sakhgu.ru/work/php?id=62>.

Исаева О.Н. Сущность профессионально-ориентированного обучения иностранному языку студентов-нефилологов // Вестник СамГУ. 2007. № 1 (51). С. 127-135.

Рабочая программа дисциплины иностранный язык / Английский. Основной. Специальность: 08010 – Мировая экономика. Белгород: БелГУ, 2009.

Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми. Учебное пособие. М., 2003.

Emerson P. Business Grammar Builder. Macmillan, 1999.

Lubensky S. Russian-English Dictionary of Idioms. New York: Random House, 1995.

Mark Powell. In Company. Intermediate. Macmillan, Spain, Eldelives, 2005.

Script of the film "Scent of a Woman", 1992 by Bo Goldman. Режим доступа:

http://www.script-o-rama.com/movie_scripts/s/scent-of-a-woman-script.html

В.Ю. Белоусов
АЛГОРИТМ КОМПРЕССИИ МАТЕРИАЛА
ПРИ РЕФЕРИРОВАНИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В данной статье рассмотрена последовательность действий для сжатия информации при реферировании научно-технических текстов, позволяющая подготовить студентов к грамотному составлению рефератов на английском языке.

The author presents the algorithm for compression of information when summarizing scientific-and-technical texts that allows students to make skilful summaries in English.

Основная задача, на которую ориентировано обучение английскому языку на неязыковых специальностях, – научить студентов пользоваться англоязычной литературой по специальности в профессиональных целях и уметь высказываться на английском языке по вопросам, связанным с будущей профессией. Одним из методов обучения английскому языку является развитие у студентов навыка аналитико-синтетической обработки информации на английском языке. Под этим понимаются творческие процессы, включающие осмысление, анализ и оценку содержания оригинального текста для извлечения необходимых сведений. Достижению этих целей наилучшим образом соответствует процесс реферирования текста, т.к. в его основе лежат два метода мышления: анализ (выделение основного и главного) и синтез (краткое формулирование этого главного).

Анализ позволяет выделить наиболее ценную информацию, отделить второстепенные сведения и данные, т.е. совершить определенные аналитические операции, без которых невозможно извлечь основное содержание оригинала. Одновременно с процессом анализа текста происходит процесс его синтеза, т.е. соединение в логическое целое той основной информации, которая получена в результате аналитических операций. Таким образом, очевидно, что недостаточно усвоить информацию оригинала в целом или по частям, необходимо научиться выделять главное содержание, кратко его сформулировать и представить в логической последовательности, создавая, таким образом, вторичный текст – реферат. Создавая вторичные тексты, студенты приобретают навыки самостоятельного извлечения, обработки, кодировки информации.

Лаконичное обобщение информации не является легкой задачей для студентов. Очевидно, что для её решения нужны определенные умения и навыки и этому необходимо специально обучать. Можно рекомендовать пользоваться следующей последовательностью действий:

1. Проводится беглый просмотр первичного документа и ознакомление с общим смыслом. Обращается внимание на заголовки, графики, рисунки и т.д.

2. Текст читается вторично более внимательно для ознакомления с общим содержанием и для целостного восприятия. На данном этапе определяются значения незнакомых слов по контексту и по словарю. Необходимо полностью понять все нюансы содержания, разобраться в научно-технической стороне освещаемого вопроса и, если необходимо, то пополнить свои знания по этому вопросу из других доступных источников. Большую помощь тут могут оказать различные энциклопедические справочники, специальная литература на родном языке.

3. Определяется основная тема текста.

4. Проводится смысловой анализ текста с целью выделения абзацев, содержащих информацию, которая подтверждает, раскрывает или уточняет заглавие текста, а, следовательно, и основную тему. Абзацы, содержащие информацию по теме, отмечаются знаком (+), где нет существенной информации знаком (-). Абзацы, требующие проведения дополнительного анализа, отмечаются знаком (?).

5. Перечитываются абзацы, вызвавшие трудность в понимании. Если возникает необходимость, делается перевод. После выяснения смысла отрывка он помечается знаком (+) или (-).

6. Распределяется весь материал статьи на три группы по степени его важности:

а) выделение наиболее важных сообщений, требующих точного и полного отражения в реферате;

б) выделение второстепенной информации, которую следует передать в сокращенном виде;

в) выделение малозначительной информации, которую можно опустить.

7. Определяется ключевая мысль каждого абзаца, отмеченного знаком (+), которая записывается с номером абзаца. Таким образом, составляется логический план текста. Желательно все пункты плана формулировать назывными предложениями, оставляя на бумаге после каждого пункта плана свободное место для последующего формулирования главной мысли этого раздела. Назывные предложения плана легче всего преобразовать в предложения, формулирующие главную мысль каждого раздела и важнейшие доказательства, подкрепляющие эту мысль, что и составляет сущность самого реферирования. Главная мысль и доказательства записываются одним или двумя краткими предложениями. Завершив таким образом обработку всех пунктов плана, необходимо

сформулировать главную мысль всего первоисточника, если это не сделано самим автором.

8. Составляется реферат. Реферат, как правило, включает следующие части:

- Библиографическое описание первичного документа;
- Собственно реферативная часть (текст реферата);
- Справочный аппарат, т.е. дополнительные сведения и примечания.

Текст реферата рекомендуется строить по следующему плану:

1) *Вводная часть*, где говорится о цели и методике исследования или разработке. Вводная часть начинается с предметной рубрики, наименования области и раздела знания, к которой относится реферируемый материал. Далее указывается тема реферата, т.е. более узкая предметная отнесенность статьи.

2) *Описательная часть*, которая включает конкретные данные о предмете исследования или разработки, его изучаемых свойствах; временные и пространственные характеристики исследования. Описательная часть начинается с главной мысли первоисточника. Обычно в статье главная мысль становится ясной лишь при чтении всего материала, в реферате же с нее начинается изложение содержания, она предшествует всем выводам и доказательствам. Такая последовательность изложения необходима для того, чтобы с самого начала изложения сориентировать читателя относительно основного содержания источника. Выявление главной мысли источника становится весьма ответственным делом для студента и требует от него вдумчивого отношения к реферируемому материалу. Иногда эта главная мысль самим автором даже не формулируется, а лишь подразумевается. Студенту необходимо суметь сжато сформулировать эту главную мысль, не внося в нее своих комментариев. Далее содержание реферируемого материала излагается в последовательности первоисточника. Как правило, дается формулировка вопроса, приводится вывод по этому вопросу и необходимая цепь доказательств в их логической последовательности.

3) *Заключительная часть*, которая содержит выводы автора по реферируемому материалу. Безусловно, выводы автора вытекают из главной мысли, поэтому выявление главной мысли помогает понять и выводы автора. Иногда выводы автора отсутствуют, и тогда этот пункт реферата выпадает.

9. Завершить реферат кратким комментарием по схеме:

- актуальность материала;
- на кого этот материал рассчитан;
- степень прогрессивности материала.

10. Составив полный текст реферата, его следует перечитать и при необходимости внести стилистические поправки, стремясь соединить отдельные пункты реферата в единый связный текст, добиваясь логического развития единой для всего материала мысли.

Реферирование научно-технической литературы создает благоприятные возможности объединения специального и гуманитарного образования, способствует личностному росту обучаемых, расширяет их кругозор, обогащает их словарный запас научно-популярной, научно-технической и специальной лексикой, терминологией, а также знакомит с реалиями страны изучаемого языка.

Литература

- Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста. М., 1985.
- Вейзе А.А. Реферирование технических текстов (английский язык). Минск: Высшая школа, 1983.
- Блюменау Д.И. Проблема свертывания научной информации. Л.: Наука, 1982.
- Гаврилов Л.А. Основы реферирования и аннотирования. М., 1981.
- Маркушевская Л.П., Цапаева Ю.А. Аннотирование и реферирование (Методические рекомендации для самостоятельной работы студентов). СПб., 2008.

АННОТИРОВАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

научных и научно-методических работ, изданных преподавателями кафедры делового иностранного языка за период с 1 сентября 2000 по 1 сентября 2010 г.

I. НАУЧНЫЕ РАБОТЫ

А) ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Дисс. ... доктора филол. наук. – Тамбов, 2006. – 354 с.

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. – Тамбов, 2006. – 38 с.

Диссертационное исследование посвящено изучению роли и места морфологии в объективировании и классификации знаний о мире в такой их разновидности как языковое знание, а также комплексному описанию морфологических категорий и форм в контексте познавательных процессов – концептуализации и категоризации.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, морфология, репрезентация знаний в языке, морфологические категории и формы, морфологически передаваемый концепт, уровни концептуализации в морфологии, концептуализация, категоризация.

Гаврилова Е.Д. Оценочные категории *good* и *bad* в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 172 с.

Гаврилова Е.Д. Оценочные категории *good* и *bad* в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2005. – 16с.

Диссертационное исследование посвящено изучению процессов оценочной категоризации и оценочной концептуализации. Значимым является определение когнитивных и языковых механизмов, лежащих в основе формирования оценочных смыслов. Вышеназванные процессы рассматриваются на примере оценочных категорий *good* и *bad*.

Ключевые слова: оценочный концепт, оценочная категория, когнитивный механизм, языковой механизм оценочной категоризации, оценочная концептуализация.

Глушецкая С.М. Диахроническая полисемия названий одежды в немецком языке: лингвокультурологический аспект: Дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 188 с.

Глушецкая С.М. Диахроническая полисемия названий одежды в немецком языке: лингвокультурологический аспект: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 23 с.

Диссертационное исследование посвящено анализу процесса становления диахронической полисемии названий предметов одежды в немецком языке, изучению структуры семантического поля лексико-семантических групп тематической сферы «Одежда» на различных

синхронных срезах истории немецкого языка и культуры, а также изучению перераспределения значений между членами ЛСГ в синхронно-диахронном аспекте.

Ключевые слова: диахроническая полисемия, этимология, лексико-семантические группы, тематическая сфера «Одежда», лингвокультурологический аспект, лексико-семантическое поле, взаимодействие языка и культуры.

Камышанченко Е.А. Семантический и функциональный аспекты глаголов со значением «нереализованность/недостаточность» в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2001. – 197 с.

Камышанченко Е.А. Семантический и функциональный аспекты глаголов со значением «нереализованность/недостаточность» в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2001. – 19 с.

Диссертационное исследование посвящено изучению семантико-функциональных особенностей подкласса глаголов с дерогативной семой нереализованность/недостаточность. Данное явление рассматривается на примере английских глаголов *fail, miss, overlook, disregard, ignore, lack, want, need, require*.

Ключевые слова: когнитивная семантика, прототипический подход, дерогативная сема.

Кудрявцева Н.Б. Гетеронимативность в семантическом поле номинаций-фитонимов: Дисс. ... канд. филол. наук. - Белгород, 2004. – 200 с.

Кудрявцева Н.Б. Гетеронимативность в семантическом поле номинаций-фитонимов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - Белгород, 2004. - 21 с.

Объектом данного исследования являются фитонимы немецкого языка. Автор рассматривает их с позиций антропологического и лингвокультурологического подходов.

Ключевые слова: номинация, фитоним, поле, антропология, лингвокультурология.

Маркова Е.И. Лингвистические особенности французского рукописного текста XV века «Трактат о сохранении здоровья» (СПб., РНБ, Fg.Q.v.VI.1): Дисс. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 265 с.

Маркова Е.И. Лингвистические особенности французского рукописного текста XV века «Трактат о сохранении здоровья» (СПб., РНБ, Fg.Q.v.VI.1): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Санкт-Петербург, 2009. – 23 с.

Диссертационное исследование посвящено изучению лингвистических особенностей французской средневековой рукописи. Устанавливается скрипта, в традициях которой выполнен манускрипт, анализируются и систематизируются виды фонетико-графической вариативности форм, осуществляется палеографический и кодико-логический анализ рукописи.

Ключевые слова: бургундская скрипта, этимологический, исторический и региональный принципы написания, фонетико-графические варианты слов.

Плотникова Ю.А. Концепт INTEREST в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 169 с.

Плотникова Ю.А. Концепт INTEREST в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2010. – 22 с.

Настоящая работа посвящена рассмотрению особенностей концептуализации познавательного интереса в современном английском языке. Автором были выявлены и описаны средства репрезентации познавательного интереса; установлено содержание концепта INTEREST, представляющего собой совокупность понятийных, образных и интерпретативно-оценочных признаков; содержание анализируемого концепта представлено в виде модели, наглядно представляющей распределение выявленных концептуальных признаков по структурным компонентам.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация, структура концепта, содержание концепта, концептуальный признак.

Степаненко С.Н. Средства концептуализации количества в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 205с.

Степаненко С.Н. Средства концептуализации количества в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2008. – 23с.

Диссертационное исследование посвящено изучению роли языка в формировании содержания концепта КОЛИЧЕСТВО как одного из фундаментальных в концептуальной системе человека. Объектом исследования являются английские языковые единицы количественной семантики. Предметом исследования являются смыслы, формируемые языковыми единицами количественной семантики в рамках предложения-высказывания.

Ключевые слова: языковая концептуализация количества, уровневая концептуализация количества, когнитивные механизмы концептуализации, языковые механизмы формирования количественных смыслов, дополнительные лингвистические факторы концептуализации, концептуальный анализ, когнитивно-дискурсивный подход.

Федотова О.В. Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ в современном английском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 178 с.

Федотова О.В. Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ в современном английском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2007. – 22 с.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению функционально-семантических особенностей глаголов, репрезентирующих фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ в современном английском языке. Исследование выполнено в рамках когнитивного подхода с использованием методов концептуального анализа и фреймовой семантики.

Ключевые слова: когнитивная семантика, фреймовый подход, прототипический подход, концепт, фрейм, внутрифреймовые и межфреймовые связи.

Б) МОНОГРАФИИ

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 214 с.

Монография посвящена изучению роли и места морфологии в объективировании и классификации знаний о мире в такой их разновидности как языковые знания. Объектом исследования являются морфологические категории и формы, которые рассматриваются как средства репрезентации в языке концептуального содержания. В работе устанавливаются когнитивные основания, принципы и механизмы морфологической репрезентации. Продемонстрировано действие выявленных принципов и механизмов на основе изучения концептов, получающих морфологическую репрезентацию в современном английском языке.

Издание адресовано научным работникам, преподавателям и аспирантам филологических специальностей, занимающимся исследованиями в области когнитивной лингвистики и грамматики языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, морфология, морфологически передаваемые концепты, принципы и механизмы морфологической репрезентации.

Беседина Н.А. Уровни концептуализации в морфологии // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. монография. / ИЯ РАН, ТГУ им. Г.Р. Державина. – М.; Тамбов, 2009. – С. 182-231.

В работе исследуется концептуальная организация морфологии. Выделяются уровни концептуализации и предлагается авторская таксономия морфологических категорий. Подробно анализируются механизмы и закономерности репрезентации идеи времени с помощью

морфологических категорий времени и аспекта (вида) в современном английском языке.

Ключевые слова: морфология, уровни концептуализации, таксономия морфологических категорий.

Морель Морель Д.А. Многоуровневая модель лексического значения наименований французского языка. – М.: СГА, 2008. – 243 с.

В работе с позиций семасиологии исследуется структура лексического значения наименований французского языка, соотносимых с макроконцептом «NOURRITURE» («ПИЩА»). Предложенная многоуровневая иерархическая модель описывает семантику нейтрально-информативной и стилистически окрашенной лексики в синхронии и диахронии, позволяя интегрировать ряд существующих подходов к представлению структуры лексического значения.

Ключевые слова: лексическое значение, многоуровневая модель, иерархичность, страта, семантика, семасиология, пища, еда, французский язык, макроконцепт, полисемия, вторичная номинация, стилистическая окраска.

В) НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

*Статьи в ведущих научных журналах,
включенных в список ВАК и в базу данных РИНЦ*

Беседина Н.А. Морфология как способ языковой репрезентации концептуального содержания // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» – 2005. – № 2(8). – С. 63-70.

В статье вводится понятие морфологической репрезентации, которая предполагает категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм.

Ключевые слова: концептуальное содержание, ментальные структуры, морфологическая репрезентация, морфологически передаваемые концепты, морфологические категории.

Беседина Н.А. Когнитивные основания морфологической репрезентации в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. - № 2. – Том 1. Гуманитарные науки. – С. 18-23.

Статья посвящена выявлению когнитивных оснований морфологической репрезентации в языке, подразумевающей категориальный способ структурирования концептуального содержания посредством морфологических категорий и форм.

Ключевые слова: морфологические категории и формы, морфологически передаваемый концепт, морфологическая репрезентация, концептуальное содержание.

Беседина Н.А. Морфология как способ концептуализации языкового знания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. – Вып. 4 (44). – С. 469-475.

В статье анализируется роль морфологии в процессе концептуализации языкового знания.

Ключевые слова: концептуализация, морфология, языковое знание.

Беседина Н.А. Основы теории морфологической репрезентации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3. – С. 50-62.

В статье формулируются базовые положения теории морфологической репрезентации в языке, устанавливаются принципы, когнитивные и языковые механизмы, а также дополнительные лингвистические факторы, задействованные в процессе морфологической репрезентации.

Ключевые слова: теория морфологической репрезентации, принципы и механизмы морфологической репрезентации, дополнительные лингвистические факторы.

Беседина Н.А. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке // Известия РАН. Серия лит-ры и языка. – 2007. – том 66. - № 1. – С. 3-10. (в соавторстве с Болдыревым Н.Н.)

В статье рассматривается когнитивная специфика морфологической репрезентации как способа представления концептуального содержания в языке. Особое внимание при этом уделяется выявлению концептуальных оснований морфологических категорий и анализу их роли в формировании смысла в процессе речемыслительной деятельности.

Ключевые слова: концептуальное содержание, когнитивная специфика, концептуальные основания морфологических категорий.

Беседина Н.А. Принципы и механизмы морфологической репрезентации в языке // Филологические науки. – 2008. – № 6. – С. 44-52.

В статье формулируются принципы морфологической репрезентации в языке и на представительном языковом материале анализируются механизмы, обеспечивающие реализацию выявленных принципов.

Ключевые слова: язык, система репрезентации знаний, когнитивно-дискурсивная парадигма, морфологически передаваемый концепт.

Беседина Н.А. Логико-философская концепция языка Р.И. Павилениса и ее значимость для современных когнитивных исследований в лингвистике // Филология и человек. – 2008. – № 4. – С. 37-48.

В статье рассматривается логико-философская концепция языка Р.И. Павилениса. Исследуется значимость данного подхода для современных когнитивных исследований в лингвистике.

Ключевые слова: логико-философская концепция языка, Р.И. Павиленис, концептуальная система, языковое содержание, концепт.

Гаврилова Е.Д. О межкультурном аспекте оценочного значения // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов, 2009. - №1(3) – С. 46-51.

В статье рассматриваются проблемы, связанные с формированием оценочного смысла в предложении-высказывании с учетом аспекта межкультурной коммуникации, а также вопросы, касающиеся когнитивного основания оценки.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, языковая репрезентация оценки, языковая картина мира, ценностная картина мира.

Глушечкая С.М. Диахроническая полисемия национально-культурных номинаций (на примере немецкой этнореалии *Karpe*) // *Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия филология.* – 4 (18). – СПб., 2008. – С. 117 – 129.

В работе представлено обоснование необходимости специальных лингвистических научных исследований в сопоставительном аспекте лексики тематической группы «Мода», посвященных национально-культурным номинациям (и прежде всего «фоновой лексике»), с целью выявления лингвокультурологической специфики слов русского и немецкого языков. Отмечается необходимость разработки лингвокультурологических словарей, совмещающих как лингвистические, так и экстралингвистические сведения, что позволяет обратиться к проблеме выбора соответствующих приемов перевода.

Ключевые слова: национально-культурные номинации, тематическая группа «Мода», этнореалии, диахроническая полисемия, внутренняя форма слова, этимология, культурные коннотации, лингвокультура, межъязыковые эквиваленты, национальный компонент значения, история моды и костюма, культурно-имплицитное значение.

Глушечкая С.М. Диахроническая полисемия в контексте межкультурной компетенции (на материале идеогруппы «Mütze, Karpe, Mantel» // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета.* – № 4. – Челябинск, 2009. – С. 205-220. (в соавторстве с Дзенс Н.И.)

Статья посвящена обоснованию необходимости синхронно-диахронного подхода к анализу лексических единиц, с целью выявления динамики перераспределения значений в рамках идеогруппы «Mütze – Karpe – Mantel», изначально обозначающих верхнюю одежду и постепенно сменяющих друг друга на последовательных этапах развития немецкого языка и культуры, что позволяет выявить тенденцию в развитии отношения «слово – вещь», знание которого необходимо для формирования компетенции билингва.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, лингвокультура, национально-культурная номинация, диахроническая полисемия, этимология, лингвокультурологические аспекты развития значения.

Глушечкая С.М. Национально-культурная специфика лингвокультуронима Rock (к проблеме межкультурной конфронтации) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2009. – № 1(3). – С. 53 – 57.

Статья посвящена обоснованию необходимости синхронно-диахронного подхода к анализу вокабуляра, с целью выявления тенденции в развитии отношения «слово – вещь», в связи с чем отмечается необходимость разработки переводческих лингвокультурологических словарей, совмещающих как лингвистические, так и экстралингвистические сведения о реалиях сопоставляемых языков.

Ключевые слова: синхронно-диахронный подход, анализ вокабуляра, отношение «слово-вещь», переводческие лингвокультурологические словари, реалии языков.

Дутова Т.Н. К вопросу о презентации концептуальных полей сложными окказиональными номинациями в автобиографических произведениях Томаса Бернхарда // Вестник Поморского университета: Гуманитарные и социальные науки – Архангельск, 2009. – Вып.11 – С. 157-161.

Автор статьи рассматривает ряд способов репрезентации концептов на примере автобиографических произведений Томаса Бернхарда.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, окказиональная лексика, концептуальные поля, автобиографические произведения Томаса Бернхарда.

Колесникова К.А. Стилистическое использование кредитно-финансовых терминов в публицистическом тексте // Вестник Поморского университета: Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск, 2008. – Вып. 11. – С. 180-183.

Статья поднимает вопрос о необходимости исследования кредитно-финансовых терминов как одного из компонентов системы стилистических средств, используемых в публицистическом тексте. Основные свойства и функции кредитно-финансовых терминов рассматриваются в рамках терминосистемы (в научном тексте) и в публицистическом тексте.

Ключевые слова: термины, терминосистема, публицистическая литература, деспециализация термина, оценочность.

Колесникова К.А. Процесс формирования научного понятия в сознании человека и способы его вербальной репрезентации // Вестник государственного университета управления. Серия: Социология и управление персоналом. – М., 2008. – №2(40). – С 77-79.

Работа посвящена рассмотрению средств репрезентации базовых понятий кредитно-финансовой сферы. В статье поднимается вопрос о необходимости рассмотрения понятийной сферы кредитно-финансовых отношений с позиций когнитивного и общелингвистического подхода. В статье представлен анализ работ по терминологии и когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, термины, вербальные средства, предтермины.

Лагоденко А.М. Средства репрезентации концепта «тревога» в современном английском языке. // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. - 2007. - № 4. – С. 36-41.

Данная статья посвящена анализу концепта «тревога» и его репрезентации лексическими средствами английского языка. Комплексное описание позволит получить объективное представление о сущности и содержании абстрактного концепта.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный концепт, тревога.

Лагоденко А.М. Вербальные средства выражения эмоционального концепта «тревога» в современном английском языке// Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. – 2009. - № 1. – С.278-288.

Данная статья посвящена анализу концепта «тревога» и его репрезентации лексическими средствами английского языка. Анализ языковых средств репрезентации данного концепта представляется одним из способов исследования абстрактных понятий в концептуальной структуре. Комплексное описание позволит получить объективное представление о сущности и содержании абстрактного концепта.

Ключевые слова: эмоции, концепт, эмоциональный концепт, тревога.

Лагоденко А.М. Репрезентация эмоционального концепта «тревога» лексемами абстрактной семантики в современном английском языке// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2009. - № 4. – С. 105-109.

Данная статья посвящена рассмотрению абстрактных существительных, репрезентирующих концепт «тревога». В центре внимания данной работы находится изучение средств концептуализации названного концепта в современном английском языке. В фокусе внимания современной лингвистики находится проблема изучения абстрактных существительных. В связи с этим важным является всестороннее изучение и описание механизмов концептуализации и вербализации концепта «тревога» лексическими единицами в современном английском языке.

Ключевые слова: когниция, концептуализация, эмоции, концепт, эмоциональный концепт, тревога.

Малахова В.Л. Механизмы языковой концептуализации отношения посессивности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб, 2008. – № 3(15). – С. 64-69.

Целью статьи является выделение основных типов отношения посессивности и анализ языковых механизмов, участвующих в процессе концептуализации данного типа отношения. Главное внимание уделено исследованию концептуализации отношения посессивности на разных языковых уровнях (лексическом, морфологическом и синтаксическом) соответствующими языковыми средствами. Кроме того, изучаются способности языка создавать вариативные способы представления одного и того же содержания.

Ключевые слова: типы отношения посессивности, уровни языка, языковые механизмы, вариативные способы.

Малахова В.Л. Уровни языковой концептуализации отношения посессивности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. – Вып. 1 (69). – С. 18-21.

Статья посвящена исследованию уровней концептуализации отношения посессивности и систематизации языковых механизмов, участвующих в концептуализации данного типа отношения и образующих различные способы его языкового представления.

Ключевые слова: концептуализация, уровни концептуализации, отношение посессивности, языковые механизмы.

Морель Морель Д.А. К вопросу о служебных компонентах структуры лексического значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2008. – № 1 (1). – Ч. 2. – С. 68-73.

В статье на материале лексических средств репрезентации французского макроконцепта «NOURRITURE (пища)» рассматриваются виды отношений между содержательными компонентами в структуре лексического значения, а также репрезентирующие данные отношения служебные компоненты.

Ключевые слова: лексическое значение, структура, сема, служебный компонент значения, содержательный компонент значения, логические константы, градуатор, модальности.

Перелыгина Т.А. Психолингвистические и когнитивные аспекты исследования концептосферы «Корпоративная культура» // Вестник государственного университета управления. Серия: Социология и управление персоналом. – М., 2008. – №2(40). – С. 121-123.

В рамках статьи определяются основные психолингвистические аспекты исследования концептосферы «Корпоративная культура» в рамках современного когнитивного направления лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная структура, концепт, концептосфера, корпоративная культура.

Перельгина Т.А. Corporate dress code как структурный элемент фрейма «Corporate culture» (на материале современного английского языка) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск, 2008. – № 11– С. 193-196.

Статья посвящена изучению способов языкового выражения концептосферы *corporate culture* (корпоративная культура), рассматриваемой в рамках фреймовой модели, в процессе исследования вербальных средств репрезентации ее структурного элемента *corporate dress code*.

Ключевые слова: фрейм, *corporate dress code*.

Перельгина Т.А. Концепт «Corporate culture» как системное образование (на материале современного английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 37-42.

Статья посвящена изучению лингвокультурного концепта *корпоративная культура* (*corporate culture*), рассматриваемого как системное ментальное образование англоязычного социума. Содержание концепта описывается в рамках модели взаимодействующих способов познания.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, модель взаимодействующих способов познания, корпоративная культура, языковые способы репрезентации содержания концепта.

Плотникова Ю.А. Реконструкция семантической модели концепта INTEREST на основе словарных дефиниций // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Филология и искусствоведение. – 2009. – №1(2). – С. 35-37.

В статье автор осуществляет попытку определить наиболее значимые, часто актуализируемые в современном английском языке понятийные признаки концепта INTEREST, основываясь на данных толковых словарей.

Ключевые слова: концепт, понятийные признаки.

Степаненко С.Н. Лексическая концептуализация количества в современном английском языке // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып. 10. – С. 57-60.

В статье анализируется специфика лексической концептуализации количества в современном английском языке, устанавливаются ее закономерности, принципы и механизмы.

Ключевые слова: лексика, концептуализация, количество, английский язык.

Федотова О.В. Английские глаголы прикосновения в аспекте фреймовой семантики // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – Вып.4 (48). – С. 10-13.

В данной работе автор рассматривает фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ, как унифицированную структуру знания о ситуации прикосновения, которая мотивирует сходство лексических значений глаголов, репрезентирующих концепт ПРИКОСНОВЕНИЕ. Особое внимание уделяется способности фрейма к переструктуриации, что обеспечивает широкие возможности моделирования различных ситуаций прикосновения.

Ключевые слова: концепт, фрейм, структура фрейма, субкатегоризация глаголов прикосновения, функционально-семантические особенности глаголов прикосновения.

*Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов
и сборниках материалов конференций различного уровня*

Белоусов В.Ю. Особенности реферирования научно-технической литературы // Филология и проблемы преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. – Вып. 5. – М., 2009. – С. 26-34.

В настоящей статье рассмотрены вопросы, непосредственно относящиеся к проблеме обучения реферированию научно-технических текстов. Автор раскрывает важнейшие особенности языка научно-технической литературы, даёт основные характеристики реферативного изложения полученной информации, описывает типы и виды рефератов, существующие в настоящее время. Большая роль отводится обучению реферированию научно-технических текстов.

Ключевые слова: реферирование, научно-техническая литература, реферат, клише.

Беседина Н.А. Грамматические средства выражения восклицательности в современном английском языке // Язык. Речь. Коммуникация: межвуз. сб. ст. – Вып. 2. – Мурманск, 2000. – С. 17-22.

Работа посвящена рассмотрению явления восклицательности. Данную проблему автор описывает на примере модели типа *You+N!* В рамках статьи проведено описание характерных черт данной модели, приведено большое количество примеров, иллюстрирующих возможности ее употребления.

Ключевые слова: восклицательность, эмотивно-оценочное значение.

Беседина Н.А. Когнитивные основания изучения грамматических категорий // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: мат-лы Круглого стола. – М., 2000. – С. 13-16.

Автор рассматривает некоторые аспекты изучения грамматических категорий с точки зрения когнитивного подхода. В работе представлена

характеристика грамматических категорий и грамматически репрезентируемых концептов.

Ключевые слова: грамматические категории, когнитивные основы, концепт.

Беседина Н.А. Грамматически выражаемые понятия в концептуальной грамматике Л. Талми // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. - Вып. 3. – Красноярск, 2001. – С. 45-50.

В работе рассматривается теоретическая платформа Л. Талми, в рамках которой предпринимается попытка построить эмпирически обоснованную теорию когнитивных категорий, располагающихся над традиционной грамматической сеткой.

Ключевые слова: грамматический строй языка, грамматический концепт, когнитивные категории.

Беседина Н.А. Роль морфологии в объективации знания о мире // Вопросы филологии: междунар. науч. конф. «Язык и культура». – М., 2001. – С. 31-32.

Работа посвящена исследованию морфологии в рамках когнитивного подхода. Автор предпринимает попытку определить, как морфология помогает объективировать знание о мире и классифицировать его, что позволит, по мнению автора, по-новому осмыслить традиционные проблемы морфологии.

Ключевые слова: морфология, морфологически передаваемые концепты, когнитивный подход.

Беседина Н.А. Проблема морфологической репрезентации структур знаний в языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. трудов. – Вып. 5. – Белгород, 2001. – С. 177-181.

В работе рассматривается специфика репрезентации концептуальных структур с помощью морфологически передаваемых концептов. Проводя исследование в рамках когнитивной лингвистики, автор изучает особенности морфологически передаваемых концептов, их структуру.

Ключевые слова: концептуальные структуры, морфологически передаваемые концепты, структуры знаний.

Беседина Н.А. В поиске когнитивных оснований грамматических категорий // Аспекты изучения и преподавания родного и иностранного языков: межвуз. сб. ст. – Мурманск, 2001. – С. 120-124.

Статья посвящена описанию развития представления о грамматических категориях. Рассматривая традиционные подходы к изучению категорий, а именно: структуралистский, классический,

функционально-ориентированный, автор обосновывает необходимость более детального изучения грамматических категорий с позиций когнитивного подхода.

Ключевые слова: грамматические категории, когнитивный подход, грамматический концепт.

Беседина Н.А. Проблема репрезентации концептуальных структур средствами морфологического уровня // Филология и культура: мат-лы III-й междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001г. – В 3 ч. – Ч. 3. – Тамбов, 2001. – С. 75-79.

Статья посвящена описанию особенностей репрезентации концептуальных структур средствами грамматического и, в частности, морфологического уровня. Автор выделяет характерные черты грамматически передаваемых концептов, проводит разграничение лексически и фразеологически репрезентируемых концептов.

Ключевые слова: грамматические концепты, морфологически репрезентируемые концепты, когнитивная парадигма.

Беседина Н.А. Роль функционального фактора в моделированном отображении картины мира с помощью языковых знаков // Язык как функциональная система: сб. ст. к юбилею профессора Н.А. Кобриной. – Тамбов, 2001. – С. 35-39.

Статья посвящена исследованию коммуникативной целеустановки. В работе прослеживается развитие идеи целенаправленности в трудах различных лингвистов. Автор определяет роль коммуникативного намерения в моделированном отображении картины мира с помощью языковых знаков.

Ключевые слова: коммуникативное намерение, картина мира, языковые знаки.

Беседина Н.А. Проблемы изучения морфологии в когнитивном аспекте // Композиционная семантика: мат-лы Третьей междунар. shk-семинара по когнитив. лингвистике, 18-20 сент. 2002г. В 2 ч. – Ч. II. – Тамбов, 2002. – С. 39-41.

Статья посвящена изучению морфологического строя языка с точки зрения когнитивного подхода с учетом его связей и взаимодействия с другими областями языка. Автор рассматривает морфологически передаваемые концепты, описывает их структуру.

Ключевые слова: морфология, когнитивный подход, морфологически передаваемые концепты.

Беседина Н.А. Когнитивный подход к проблемам морфологии // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Мичуринск, 2002. – С. 157-169.

В работе прослеживаются основные тенденции в изучении морфологического строя языка в зарубежных и отечественных исследованиях различных школ и направлений. Детально разрабатываются основные направления изучения морфологии в рамках когнитивного подхода, формулируются и обосновываются некоторые задачи изучения морфологии в когнитивной парадигме.

Ключевые слова: грамматика, морфологический строй, когнитивный подход.

Беседина Н.А. Морфологическая репрезентация количества в современном английском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. Вып 7. В 2 ч. – Ч. I. – Белгород, 2003. – С. 45-49.

В работе развивается идея о том, что наиболее существенная часть концептуальной информации фиксируется в грамматике языка. Задачей статьи является изучение морфологических категорий с точки зрения когнитивной парадигмы. Данное исследование проводится на основе описания морфологически репрезентируемых концептов.

Ключевые слова: морфологические категории, концепт, когнитивная наука.

Беседина Н.А. Изучение проблем морфологии с когнитивной точки зрения // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 6. – Белгород, 2003. – С. 32-38.

В статье предпринимается попытка изложить некоторые положения, определяющие основы исследования морфологического уровня языка с когнитивной точки зрения. Автор рассматривает отношение языка к сознанию человека, описывает концептуализацию и ментальные пространства, вводит понятие морфологически передаваемых концептов, исследует их структуру и особенности.

Ключевые слова: когнитивный подход, ментальные пространства, морфологически передаваемые концепты.

Беседина Н.А. Морфология как форма объективации языкового сознания // Филология и культура: мат-лы IV междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 г. – Тамбов, 2003. – С. 125-127.

В статье осуществляется попытка описания роли морфологии в объективации языкового сознания. Проведенный анализ, по мнению автора, способствует профилированию роли и места морфологии в объективации языкового сознания.

Ключевые слова: морфология, когнитивная лингвистика, морфологические категории.

Беседина Н.А. Роль морфологии в создании языковой картины мира // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 9. – Саратов, 2003. – С. 124-131.

Статья посвящена проблеме соотношения языка и картины мира. Автор сопоставляет и описывает два понятия – концептуальная и языковая картины мира. В статье предпринимается попытка с точки зрения когнитивного подхода определить роль морфологии в создании языковой картины мира. Кроме того, автор исследует морфологически передаваемые концепты на примере концептов *время, вид и количество*.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, языковая картина мира, когнитивный подход, морфологически передаваемые концепты.

Беседина Н.А. Функционально-коммуникативный подход при обучении грамматике // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам: сб. науч. ст. – Вып. 2. – Белгород, 2003. – С. 18 -24. (в соавторстве с Прохоровой О.Н.).

В работе обосновывается необходимость применения в методике преподавания грамматики английского языка функционально-коммуникативного подхода. Выдвигается мысль о создании функциональной грамматики, описываются ее основы, приводятся случаи ее применения.

Ключевые слова: функционально-коммуникативный подход, функциональная грамматика, коммуникативные возможности.

Беседина Н.А. Морфологические категории в аспекте концептуализации мира // Res philologica: ученые записки Северодвинского филиала Поморского госуниверситета. – Вып. 4. – Архангельск, 2004. – С. 79-85.

В работе рассматриваются общетеоретические проблемы концептуализации, дается анализ некоторых особенностей морфологических категорий в аспекте концептуализации мира. Автор изучает роль морфологических категорий в объективации и репрезентации категориальных значений, исследует особенности морфологически репрезентируемых концептов, которые демонстрируются на примере концепта “*количество*”.

Ключевые слова: концептуализация, когнитивная лингвистика, морфологически репрезентируемые концепты, концепт “*количество*”.

Беседина Н.А., Малахова В.Л. Роль фразеологии в отображении национальной специфики мировосприятия // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. – В 5 ч. – Ч. 5. – Омск, 2004. – С. 17-24.

Целью работы авторы ставят изучение фразеологизма как культуруносной единицы. В статье описываются его особенности, сложности, возникающие в процессе межкультурной коммуникации.

Авторы изучают фразеологически репрезентируемые концепты, подробно останавливаются на таких их типах, как мыслительные картинки и фреймы.

Ключевые слова: фразеологизм, национально-культурная специфика, фразеологически репрезентируемые концепты.

Беседина Н.А., Митрохина И.В. Лингвистический аспект культурных концептов (на примере вербализации концепта «РАДОСТЬ» в современном английском языке) // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. В 5 ч. – Ч.5. – Омск, 2004. – С. 24-30.

В статье рассматривается лингвистический аспект такой абстрактной сущности как *радость*. При анализе словарных дефиниций авторами были выделены 12 содержательных признаков концепта *радость*, которые проиллюстрированы примерами фактического употребления. Кроме того, при анализе фактического употребления были выделены два дополнительных концептуальных признака, незафиксированных словарями.

Ключевые слова: концепт, вербализация, содержательные признаки, языковые средства.

Беседина Н.А. Концептуализация в морфологии // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 11. – Саратов, 2005. – С. 54-59.

Автором анализируются различные интерпретации понятия «концептуализация» в лингвистике и смежных науках и рассматриваются некоторые аспекты концептуализации в морфологии.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, психолингвистика, морфология, концептуализация, концептуальные категории, грамматические категории.

Беседина Н.А. Морфологическая репрезентация времени // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 8. – Ч.1. – Белгород, 2005. – С. 22-29.

В статье вводится понятие морфологической репрезентации, детально рассматриваются особенности морфологической репрезентации времени в современном английском языке.

Ключевые слова: английский язык, морфология, морфологическая репрезентация, время.

Беседина Н.А. Концептуальное пространство морфологии // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева. – Тамбов, 2005. – С. 149-156.

Автором обосновывается существование концептуального пространства морфологии и выявляется его структура, включающая три уровня концептуализации. Каждый из уровней представлен определенными

концептами и репрезентирующими их морфологическими категориями и формами.

Ключевые слова: морфология, концептуальное пространство, уровни концептуализации, концепт, морфологические категории и формы.

Беседина Н.А. Когнитивность морфологии и языковая картина мира // Язык. Человек. Культура: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. 21-23 марта 2005 г. Смоленск. В 2 ч. – Ч. 1. – Смоленск, 2005. – С. 139-146.

Автор рассматривает морфологические категории как результат репрезентации в языковой картине мира структур знания, наиболее существенных для построения всей концептуальной системы.

Ключевые слова: морфологические категории, репрезентация, языковая картина мира, концептуальная система.

Беседина Н.А. Концептуализация и категоризация в морфологии // Филология и культура: мат-лы V междунар. науч. конф. 19-21 октября 2005 г. - Тамбов, 2005. – С. 152-155.

В работе морфологические категории интерпретируются как единство концептуального содержания и средств его выражения в конкретном языке. Тем самым обеспечивается единство основных процессов познавательной деятельности – концептуализации и категоризации на уровне морфологической системы.

Ключевые слова: морфологические категории, концептуальное содержание, концептуализация, категоризация.

Беседина Н.А. Ментальные основы морфологии // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация: сб. ст. к юбилею проф. Н.А. Кобриной. – В 2 ч. – Ч.1. – Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения. – СПб, 2005. – С. 213-221.

В статье ставится вопрос о необходимости переосмысления роли и места морфологии в языке с учетом ментальных основ языка.

Ключевые слова: морфология, ментальные основы языка, концептуальное содержание, морфологическая концептуализация.

Беседина Н.А. Морфологическая репрезентация концептуальной картины мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. – Вып. 2. – Архангельск, 2005. – С. 304-310.

Морфологическая система рассматривается как результат взаимодействия когниции человека как совокупности процессов, служащих обработке и переработке информации, поступающей к человеку, с морфологическими параметрами, присущими данному языку.

Ключевые слова: концептуальная картина мира, морфологическая репрезентация, морфологическая система, уровни концептуализации.

Беседина Н.А. Роль и место морфологии в репрезентации концептуальной картины мира // Когнитивно-прагматические аспекты функционирования языка и дискурса в общетеоретическом и сопоставительном плане: межвуз. сб. науч. тр. Челябинск, 2005. – С. 21-26.

В работе в рамках общей проблемы взаимодействия языка и картины мира детально рассматривается роль морфологии в репрезентации концептуальной картины мира.

Ключевые слова: картина мира, концептуальная картина мира, концепт, языковая картина мира, репрезентация, морфология.

Беседина Н.А. Концептуальный и семантический уровни (проблемы разграничения и взаимодействия) // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы междунаrodn. науч. конф. – Вып. 9. – В 2 ч. – Ч. I. – Белгород, 2006. – С. 85-90.

Анализируя проблему разграничения концептуального и семантического уровней, автор приходит к выводу, что речь идет о принципиально отличных, но одновременно тесно связанных и взаимодействующих уровнях.

Ключевые слова: концептуальный уровень, семантический уровень, концептуализация, вербальные репрезентации.

Беседина Н.А. Морфологическая репрезентация фундаментальных концептов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: сб. науч. тр. – Вып. VIII. – Владикавказ, 2006. – С. 84-88.

В статье обобщаются свойства концептуальной системы и, в частности, такая особенность как неоднородность, приводящая к выделению фундаментальных и нефундаментальных концептов. Автор приводит доказательства в пользу того, что на уровне морфологии репрезентируются именно фундаментальные концепты.

Ключевые слова: концептуальная система, фундаментальные концепты, морфологическая репрезентация, морфологически передаваемый концепт.

Беседина Н.А. Морфологическая категория вида в аспекте концептуализации мира // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб-к науч. ст. – Вып. I. – Тамбов, 2006. – С. 47-49.

В статье выявляются особенности английской категории вида с точки зрения ее участия в процессе языковой концептуализации.

Ключевые слова: английский язык, морфология, категория вида, языковая концептуализация, морфологически передаваемый концепт «вид».

Беседина Н.А. Морфологически передаваемый концепт как единица знания о представлении мира в языке // Международный

конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов. 26-28 сентября 2006. – Тамбов, 2006. – С. 285-288.

В работе аргументируется возможность включения морфологически передаваемого концепта в классификацию концептов по способу языкового представления и систематизируются его основные характеристики как единицы знания о представлении мира в языке

Ключевые слова: морфологически передаваемый концепт, знание, единица знания, представление знаний о мире в языке, морфологические категории, грамматические смыслы.

Беседина Н.А. Концептуальный уровень как универсальная основа системы языка // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. – В 3 ч. – Ч. 2. – Тамбов, 2007. – С. 43-45.

В статье анализируются различные подходы к проблеме соотношения концептуального и языкового уровней, и обосновывается идея о том, что концептуальный уровень выступает важным условием существования и функционирования системы языка.

Ключевые слова: система языка, концептуальный уровень, семантический уровень, функционирование языковой системы.

Беседина Н.А. Когнитивная специфика морфологической репрезентации в языке // Филология и культура: мат-лы VI междунар. науч. конф. – 17-19 октября 2007. – Тамбов, 2007. – С. 386-389.

В работе обобщается когнитивная специфика морфологической репрезентации как категориального способа структурирования концептуального содержания в языке.

Ключевые слова: морфологическая репрезентация, концептуальное содержание, когнитивная специфика, морфологически передаваемые концепты.

Беседина Н.А. Языковое знание и морфология как способ его репрезентации // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. – Тамбов, 2007. – С. 28-37.

В статье анализируются проблемы языкового знания и выявляется роль морфологии в его репрезентации.

Ключевые слова: морфология, языковое знание, репрезентация.

Беседина Н.А. Роль и место морфологии в языковом представлении знаний // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. тр. – М., 2007. – С. 199-208.

В статье систематизируются общетеоретические установки исследования морфологического уровня с когнитивной точки зрения и исследуются принципы, механизмы и закономерности морфологической репрезентации как одного из способов представления знаний.

Ключевые слова: морфология, знания, языковое представление знаний, морфологическая репрезентация, морфологически передаваемый концепт.

Беседина Н.А. Взаимодействие когнитивных и языковых механизмов в процессе морфологической репрезентации // Альманах современной науки и образования. – 2008. – № 2(9). – Ч.2. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. – Тамбов, 2008. – С. 20-21.

В статье анализируются закономерности взаимодействия когнитивных и языковых механизмов, обеспечивающих процесс морфологической репрезентации в языке.

Ключевые слова: морфология, морфологическая репрезентация, когнитивные механизмы, языковые механизмы.

Беседина Н.А. Метод концептуально-репрезентативного анализа в когнитивных исследованиях языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. – Тамбов, 2008. – С. 61-72.

В статье анализируются основные методы когнитивной лингвистики и обосновывается возможность применения нового метода – метода концептуально-репрезентативного анализа – в когнитивных исследованиях языка

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, методы, концептуально-репрезентативный анализ.

Беседина Н.А. Концептуальные основы таксономии морфологических категорий // Языковая и речевая деятельность: лингвокультурологические и прагматические аспекты: мат-лы научн.-практ. конф. март 2008. – Белгород, 2008. – С. 13-17.

В статье анализируются классификации морфологических категорий, построенные на разных принципах, и предлагается новая таксономия категорий, основанная на их соотносительности с уровнями концептуализации в морфологии.

Ключевые слова: морфологические категории, классификация, уровни концептуализации, категориальные области в морфологии.

Беседина Н.А. Межуровневое взаимодействие в языке как проблема когнитивной лингвистики // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов. – Тамбов, 2008. – С. 58-61.

Автор обосновывает возможность изучения межуровневого взаимодействия в языке с позиций когнитивного подхода.

Ключевые слова: когнитивный подход, межуровневое взаимодействие, концептуальный уровень, морфологическая репрезентация, континуальность языковой системы.

Беседина Н.А. Форматы репрезентации языкового знания в морфологии // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. тр. – М.; Тамбов, 2008. – С. 185-192.

В статье морфологические категории рассматриваются как особый формат представления языкового знания.

Ключевые слова: морфологические категории, формат знания, репрезентация.

Беседина Н.А. Теоретические аспекты исследования процессов языковой концептуализации // Труды по когнитивной лингвистике. – Кемерово, 2008. – С. 10-15.

В статье систематизируются положения, методологически важные для исследования процессов языковой концептуализации.

Ключевые слова: языковая концептуализация, концепт, концептуальный уровень, языковая система, множественность воплощения когнитивных структур в языке.

Беседина Н.А. Категория степеней сравнения как средство репрезентации концептуального содержания в языке // Альманах современной науки и образования. – 2009. – № 2(9). – Ч.2. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. Тамбов, 2009. – С.17-19.

В статье рассматривается роль категории степеней сравнения в процессе представления концептуального содержания в языке.

Ключевые слова: концептуальное содержание, морфологически передаваемый концепт, степени сравнения, языковая репрезентация.

Беседина Н.А. Теоретические аспекты исследования морфологии в контексте познавательных процессов // Концептуальные исследования. Вып. 11. Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. науч. ст. – Севастополь, 2009. – С. 671-676.

В статье систематизируются основные положения теорий концептуализации, категоризации и морфологической репрезентации, позволяющие исследовать морфологию в контексте познавательных процессов.

Ключевые слова: морфология, познавательные процессы, концептуализация, категоризация, морфологическая репрезентация.

Беседина Н.А. Морфология и проблемы языковой концептуализации мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. – Вып. 4. – М.; Архангельск, 2009. – С. 307-312.

В статье обосновывается, что для процессов языковой концептуализации наиболее существенными оказываются морфологические и словообразовательные категории.

Ключевые слова: морфология, языковая концептуализация мира, морфология, словообразование.

Беседина Н.А. Методологические предпосылки когнитивных исследований в области морфологии // *Филология и культура: мат-лы VII междунар. науч. конф. 14-16 октября 2009 г. – Тамбов, 2009. – С. 44-46.*

В статье систематизируются основные методологические положения, создающие базу для изучения морфологии в рамках когнитивного подхода.

Ключевые слова: когнитивный подход, методологические положения, концепт, специфика морфологии, автономность морфологии.

Беседина Н.А. Морфология в аспекте познавательных процессов // *Когнитивные исследования языка. Вып. 5. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. /ИЯ РАН, ТГУ им. Державина. – М.; Тамбов, 2009. – С. 216-225.*

В статье морфологические категории и формы рассматриваются с точки зрения основных познавательных процессов – категоризации и концептуализации.

Ключевые слова: морфологические категории, концептуализация, категоризация, познавательная деятельность человека.

Беседина Н.А. Формирование смысла в процессе морфологической репрезентации // *В поисках смысла: сб. науч. тр. – С-Петербург, 2010. – С. 84-92.*

В статье рассматриваются основные закономерности, обеспечивающие формирование смысла в процессе морфологической репрезентации.

Ключевые слова: смысл, речемыслительная деятельность, морфология, концепт, абстрагирование, профилирование, конфигурирование.

Беседина Н.А. Взаимодействие мыслительных и языковых единиц в процессе морфологической репрезентации // *Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы всерос. науч. конф. 28 мая 2010г. – Тамбов, 2010. – С. 34-39.*

В статье предлагается анализ особенностей, принципов и механизмов взаимодействия ментальных и языковых единиц в процессе морфологической репрезентации.

Ключевые слова: ментальная единица, языковая единица, морфологическая репрезентация, принципы, механизмы, английский язык.

Беседина Н.А. Evaluation through Morphology // 3rd UK Cognitive Linguistics Conference. Language, Mind and Reality. University of Hertfordshire 6-8 July 2010: book of abstracts. – Hertfordshire, 2010. – P. 37.

Анализируется оценочный потенциал морфологических форм английского языка в основе которого лежит переход из сферы коллективного знания в сферу индивидуального знания.

Ключевые слова: морфологическая форма, оценка, коллективное знание, индивидуальное знание.

Бобрышева О.Н. Наиболее продуктивные модели сложных прилагательных в английском и немецком языках // Сб. студенч. науч. раб. Вып. VII. Ч. II. – Белгород, 2004. – С. 123-126.

В статье рассматриваются сложнопроизводные прилагательные, которые классифицируются по способам образования. Проведенный анализ показывает, что одни прилагательные являются устойчивыми образованиями и фиксируются словарями, другие свободно образуются в речи и имеют различные вариации.

Ключевые слова: словообразование, сложнопроизводные прилагательные, продуктивные модели.

Гаврилова Е.Д. Особенности семантики неопределенных местоимений someone и somebody в современном английском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Белгород, 2001. – С. 59-63.

Статья посвящена рассмотрению семантики неопределенных местоимений. Автор приводит различные точки зрения на проблему местоименного значения. В работе исследуются основные признаки данной группы местоимений и описывается узус их употребления.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, актант ситуации, семантическая структура.

Гаврилова Е.Д. Роль и место оценочных категорий в картине мира // Филология и культура: мат-лы IV междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003г. – Тамбов, 2003. - С. 50-51.

Статья посвящена выявлению роли естественной и ценностной картин мира при формировании целостной картины мира в сознании человека. Кроме того, автор предпринимает попытку установить значение оценочных концептов и категорий в процессе формирования целостной картины мира.

Ключевые слова: естественная и ценностная картины мира, целостная картина мира, оценочные концепты.

Гаврилова Е.Д. Языковая репрезентация оценочных категорий “good” и “bad” в современном английском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы

региональной научной конференции 8-9 октября 2003г. Вып 7. – В 2 ч. – Белгород, 2003. – Ч. I. – С. 59-63.

Статья посвящена исследованию оценочных категорий *good* и *bad* с позиций антропоцентрического подхода. Автор рассматривает процесс формирования, функционирования подобных категорий, а также их влияние на смысл высказывания. В работе представлено большое количество примеров языковой репрезентации оценочных категорий *good* и *bad*.

Ключевые слова: оценочные категории, языковая репрезентация, антропоцентрический подход, контекст.

Гаврилова Е.Д. Языковая репрезентация оценочной категории “GOOD” // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2003. – Вып. 9. – С. 112-114.

Целью статьи является изучение функционирования и влияния оценочных категорий на смысл высказывания. Данное исследование осуществлено на примере оценочной категории *good*. Особое внимание автор уделяет конкретизации значения оценочного концепта *good* в зависимости от контекста, а также выявлению наиболее характерных контекстов употребления данного оценочного прилагательного.

Ключевые слова: оценочная категория, контекст.

Гаврилова Е.Д. Особенности презентации грамматического материала на экономическом факультете // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам: сб. науч. ст. – Вып. 2. – Белгород, 2003. – С. 56-61.

Автор описывает этапы презентации грамматического материала на экономическом факультете, их специфические черты. Кроме того, в работе приводится система упражнений для совершенствования грамматических умений.

Ключевые слова: грамматический материал, грамматические умения, коммуникативная компетенция.

Гаврилова Е.Д. Специфика оценочных концептов и их место в картине мира // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2004. – Вып. 10. – С. 55-60. (в соавторстве с Болдыревым Н.Н.).

Работа посвящена изучению формирования картины мира в общем, и ценностной картины мира, в частности, с позиций антропоцентрического подхода. Авторы исследуют явления оценочной категоризации и концептуализации, рассматривают оценочные концепты на примере оценочных прилагательных *good* и *bad*.

Ключевые слова: картина мира, оценочная категоризация, концепт, оценочные прилагательные *good* и *bad*.

Гаврилова Е.Д. Специфика репрезентации оценочных концептов “good” и “bad” в английском языке // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. тр. - Вып. 3 – Мичуринск, 2004. - С. 26-30.

В рамках статьи осуществлена попытка определения специфики функционирования оценочных концептов на примере оценочных концептов *good* и *bad* с учетом процессов категоризации и концептуализации знаний. В работе выявляется зависимый характер оценочного концепта, существенное влияние когнитивного контекста на его содержание.

Ключевые слова: оценочный концепт, *good* и *bad*, контекст.

Гаврилова Е.Д. Особенности структурного строения оценочных категорий // Единицы языка и их функционирование межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 11. Саратов, 2005.– С. 164-167.

Данная статья посвящена рассмотрению структурных особенностей оценочных категорий на примере оценочных категорий *good* и *bad*.

Ключевые слова: прототипическое строение категорий, принцип «семейного сходства», вариантно-ивариантный принцип.

Гаврилова Е.Д. Проблемы формирования оценочных категорий // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. межвуз. сб. научн. тр.– Белгород, 2005. – С 147-150.

Статья посвящена рассмотрению специфики и природы оценочных концептов *good* и *bad*, составляющих когнитивную основу оценочных категорий *good* и *bad*.

Ключевые слова: оценочный концепт, оценочная категория, релятивный характер оценочной категоризации.

Гаврилова Е.Д. Специфика формирования оценочных категорий (на примере оценочных категорий “good” и “bad”) // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. научн. тр. – Вып. 1. – Тамбов, 2006. – С. 98-100.

В данной статье на примере оценочных категорий “good” и “bad” определяются особенности формирования соответствующих оценочных категорий.

Ключевые слова: система ценностей индивида, стереотипы, нормы, стандарты, индивидуальная шкала оценок.

Гаврилова Е.Д. Специфика природы оценочных концептов // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 26-28 сентября 2006г. – Тамбов, 2006. – С. 150-154.

Данная работа освещает природу оценочного концепта, которая, вероятно, заключается в зависимости от характера оцениваемой сущности.

Ключевые слова: оценочные концепты, концептуальные структуры, релятивность.

Гаврилова Е.Д. Специфика процесса оценочной концептуализации // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. научн. тр. – Вып. 2. – Тамбов, 2007. – С. 67-70.

Статья посвящена рассмотрению особенностей процесса оценочной концептуализации, которые, по мнению автора, обусловлены, с одной стороны, индивидуальной системой ценностей человека, с другой, - общественной системой норм и стандартов.

Ключевые слова: индивидуальная шкала ценностей, общественная шкала ценностей, зависимый характер оценки.

Гаврилова Е.Д. Репрезентация знаний оценочного характера в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: межвуз. сб. научн. тр. - Тамбов, 2007. – С. 140-150.

Данная работа посвящена рассмотрению основных когнитивных и языковых механизмов формирования суждений оценочного характера.

Ключевые слова: когнитивный/языковой механизм оценочной категоризации, профилирование, сравнение, центральные/периферийные характеристики.

Гаврилова Е.Д. О возможности выделения базового уровня оценочной категоризации // Филология и культура: мат-лы VI межд. науч. конф. 17-19 октября 2007 г. – Тамбов, 2007. – С. 165-169.

В статье рассматривается вероятность отнесения оценочных категорий good и bad к базовому уровню категоризации, содержащему объективное знание и отношение к объектам и явлениям действительности.

Ключевые слова: базовый уровень, оценочная категоризация, суперординатный/субординатный уровень, объективное знание, индивидуальное знание.

Гаврилова Е.Д. Особенности формирования оценочных смыслов в языке // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. научн. тр. – Ч.2. – Тамбов, 2008. – С. 31-33.

В статье описывается такая особенность формирования оценочных категорий как зависимость оценки от оцениваемой сущности или предмета. Природа оценки отвечает природе оцениваемой сущности или предмета действительности.

Ключевые слова: релятивность оценки, природа оценки, структура оценочной категории.

Гаврилова Е.Д. Структура и принципы формирования оценочных категорий // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: межвуз. сб. научн. тр. - № 8 (27). - Ч.2. – Тамбов, 2009. – С.46-49.

В статье рассматривается структурное строение оценочных категорий и принцип, лежащий в основе строения этих категорий.

Ключевые слова: прототипическое строение, принцип «семейного сходства», инварианто-вариантное строение, принцип «мозаики».

Гаврилова Е.Д. О проблеме оценочной концептуализации и категоризации мира // Филология и культура: мат-лы VII Междунар. науч. конф. 14-16 октября 2009г. – Тамбов, 2009. – С. 271-273.

В статье представлены основные отличия оценочной концептуализации и категоризации мира от естественной.

Ключевые слова: оценочная категоризация/концептуализация, субъективная оценка, естественная категоризация/концептуализация, объективная оценка.

Гаврилова Е.Д. Когнитивные основы формирования оценочного смысла в языке // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: мат-лы всерос. науч. конф. 28 мая 2010г. – Тамбов, 2010. – С. 92-97.

Статья рассматривает природу и специфику оценки, а также основные когнитивные и языковые механизмы, лежащие в основе формирования оценочных смыслов в языке.

Ключевые слова: оценка, оценочный смысл, когнитивные механизмы, языковые механизмы, английский язык.

Глушецкая С.М. Сопоставительный анализ этнокультурных номинаций немецкого и русского языков (на материале тематической группы «мода») // Системное и асистемное в языке и речи: мат-лы междунар. научн. конф. (Иркутск, 10 – 13 сентября 2007 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rus-lang.com/nir/collection/collection4/>

Статья посвящена рассмотрению национально-культурных номинаций, обозначающих модели одежды, отмечается необходимость лингвокультурологических фоновых знаний как одного из важнейших компонентов переводческой компетенции.

Ключевые слова: национально-культурные номинации, реалии, тематическая группа «Мода», лингвокультурология, приемы перевода, переводческие эквиваленты, культурная картина мира.

Глушецкая С.М. Национальная специфика диминутивных образований немецкого и русского языков и приёмы их перевода // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр. – Вып. 8. – Воронеж, 2008. – С. 354 – 366.

В статье рассматривается категория диминутивности и способы репрезентации данной категории в немецком и русском языках, отмечается проблема выбора переводческих соответствий диминутивных образований, а

также переводческие возможности при передаче диминутивов, обнаруживающих ярко выраженную национальную специфику.

Ключевые слова: категория диминутивности, уменьшительно-ласкательные суффиксы, экспрессивно-оценочное значение, функционально-семантическое поле диминутивности.

Глушецкая С.М. Становление лингвокультурологии в кругу лингвистических дисциплин // Альманах современной науки и образования. Серия: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: – № 2 (21). - В 3-х ч. - Ч. 2. – Тамбов, 2009. – С. 34 – 37.

Статья рассматривает формирование лингвокультурологии как лингвистической дисциплины, отмечаются два направления развития лингвокультурологического подхода: философский и филологический, а также предметы исследования в рамках этих подходов.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвострановедение, этнолингвистика, картина мира, лингвокультурный анализ.

Глушецкая С.М. Лингвокультурная компетенция как условие успешного межкультурного общения // Филология и культура: мат-лы VIII междунар. науч. конф. 14-16 окт. 2009 г. – Тамбов, 2009. – С. 422 – 424.

Статья рассматривает использование лингвокультурологического подхода при изучении языка. Отмечается необходимость системного исследования лексики с позиций диахронно-динамического подхода, предполагающего рассмотрение развития значения лексем в рамках лексико-семантических групп, объединенных некоторым центральным понятием (культурным концептом).

Ключевые слова: системно-диахронный подход, культурная коннотация, диахронический аспект, межкультурная коммуникация, перераспределение значений, диахроническая полисемия.

Гулова О.О. Генитивная метафора: структура и функции // Филологические исследования: междунар. сб. науч. тр. - Запорожье-Белгород, 2003. - С. 35-38.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению особенностей метафоры, выражаемой генитивной конструкцией. В ходе исследования автор предпринимает попытку выяснить, что обуславливает возможность создания таких метафор. В работе устанавливаются отношения между компонентами генитивной структуры, выявляются основные структурные типы генитивных метафор.

Ключевые слова: метафора, генитивная структура, препозиция, постпозиция, экспрессивный потенциал.

Гулова О.О. Структурные особенности генитивной метафоры // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003 г. Вып 7. В 2 ч. – Ч. II. – Белгород, 2003. – С. 165-167. (в соавторстве с Романцовой Л.М.)

Статья посвящена рассмотрению особенностей структуры метафоры, выражаемой генитивной конструкцией. Авторы акцентируют внимание на двуплановости метафоры, изучают основные компоненты, участвующие в ее образовании. Конструкция с метафорическим родительным падежом исследуется в работе на основе анализа художественных произведений немецких писателей.

Ключевые слова: метафора, генитивная структура, препозитивные конструкции, постпозитивные конструкции.

Зайцева С.Н. Особенности построений с волитивными глаголами в предложениях со сложным дополнением // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. Вып 7. – В 2 ч. – Ч. I. – Белгород, 2003.– С. 151-155.

Статья посвящена исследованию основных характеристик и отличительных черт, а также функционирования волитивных глаголов в предложениях со сложным дополнением. В работе приводятся точки зрения как отечественных, так и зарубежных лингвистов, изучавших волитивные глаголы английского языка.

Ключевые слова: волитивные глаголы, лексическое значение, функциональные свойства.

Зайцева С.Н. Особенности осуществления контроля при обучении иностранному языку специальности студентов экономического факультета // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе: межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 3. - Белгород, 2003. – С. 350-353.

Автор выявляет роль контроля при определении уровня владения студентами языковым материалом и речевыми умениями. Автор разрабатывает систему контрольно-обучающих упражнений и тестов при оценке диалогической и монологической устной речи студентов на примере работы с конкретной темой.

Ключевые слова: контроль, оценка, умения, контрольно-обучающие упражнения, тесты.

Зайцева С.Н. Семантические особенности прилагательных с параметрическим значением в современном английском языке // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2004. – Вып. 10. – С. 7-10.

В статье предлагается рассмотрение проблемы описания размеров в английском языке посредством некоторых параметрических прилага-

тельных. Автор исследует семантику прилагательных данной группы, их признаки и роль оценочного компонента.

Ключевые слова: параметрические прилагательные, размер, оценка.

Зайцева С.Н. Функциональные характеристики прилагательных с параметрическим значением // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 3. – Мичуринск, 2004. – С. 62-66.

Целью статьи является исследование параметрических прилагательных в атрибутивной и предикативной позиции в современном английском языке. Автор исследует разветвленную систему сочетаемости данных прилагательных, прослеживает основные отличия прилагательного-предикатива от прилагательного-атрибутива, иллюстрируя их особенности примерами из произведений английских писателей.

Ключевые слова: параметрические прилагательные, атрибутивная и предикативная позиции, интенсификатор.

Камышанченко Е.А. Взаимодействие семантики глагола и грамматической категории залога (на примере подкласса глаголов с дерогативной семей [НЕРЕАЛИЗОВАННОСТЬ/НЕДОСТАТОЧНОСТЬ] // Язык как функциональная система: сб. ст. к юбилею профессора Н.А. Кобриной. – Тамбов, 2001. – С. 78-83.

В работе исследуется система залога в английском языке, рассматривается оппозиция актив/пассив. Семантическая обусловленность этой категории прослеживается на примере глаголов с дерогативной семей.

Ключевые слова: залог, оппозиция актив/пассив, дерогативная сема.

Камышанченко Е.А. Онтологический компонент значений глаголов *want, need, require* // Аспекты изучения и преподавания родного и иностранного языков: межвуз. сб. ст. – Мурманск, 2001. – С. 174-180.

В статье на основании анализа понятийных категорий *необходимость, желательность, потребность* выделяется онтологический компонент значений глаголов *want, need, require*. Автор рассматривает семантический признак *необходимость*, как один из компонентов значения глаголов с общей семей *недостаточность*.

Ключевые слова: понятийные категории, онтологический компонент, семантический признак.

Камышанченко Е.А. Функциональная категоризация глагола *fail* // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. – Вып 7. – В 2 ч. – Ч. II. – Белгород, 2003.– С. 26-30.

В рамках данной статьи рассматриваются три значения глагола *fail* – *нереализованность*, *утрата*, *недостаточность*. Автор определяет функциональную категоризацию и особенности глагола *fail*, приводит большое количество примеров, иллюстрирующих употребление данного глагола в языке.

Ключевые слова: функциональная категоризация, глагол *fail*, модусный предикат, функторная природа.

Камышанченко Е.А. Репрезентация концепта «нереализованность действия» в современном английском языке // *Филология и культура: мат-лы IV международной научной конференции 16-18 апреля 2003 г. – Тамбов, 2003. – С. 170-171.*

Работа посвящена выявлению глаголов, которые репрезентируют в английском языке концепт НЕРЕАЛИЗОВАННОСТЬ ДЕЙСТВИЯ. Автор дифференцирует глаголы данного ряда по признаку волитивности/вынужденности нереализованности действия.

Ключевые слова: концепт, признак волитивности/вынужденности, нереализованность действия, когнитивное основание.

Камышанченко Е.А. Особенности употребления глаголов с негативной семантикой в повелительном наклонении (на примере глаголов со значением «нереализованность») // *Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Вып. 6. – Белгород, 2003. – С. 89-93.*

В рамках статьи проводится исследование назначения императива. Автор рассматривает случаи наличия или отсутствия форм императива и прослеживает данное явление на примере глаголов со значением *нереализованность*.

Ключевые слова: императив, значение нереализованности, негативная семантика.

Камышанченко Е.А. Representation of the concept INSUFFICIENCY in modern English / Репрезентация концепта НЕДОСТАТОЧНОСТЬ в современном английском языке // *Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Мурманск, 2004. – С. 37-39.*

В работе рассматривается репрезентация концепта *недостаточность* глаголами *lack*, *want*, *need*, *require*. Автор исследует семантическую структуру данных глаголов, учитывая семантический и дифференцирующий признаки.

Ключевые слова: концепт, недостаточность, семантическая структура, дифференцирующий признак.

Камышанченко Е.А. Функциональная категоризация глаголов со значением «нереализованность восприятия» // *Языкознание и*

литературоведение в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. – Вып. 1. – Тамбов, 2006. С. 219- 221.

Работа посвящена проблеме категоризации английских глаголов. В рамках статьи проведен анализ категориальных признаков английских глаголов со значением «нереализованность восприятия» и выявлено их категориальное значение на функциональном уровне.

Ключевые слова: функциональная категоризация, категориальные признаки, субъектно / объектно – ориентированные признаки.

Камышанченко Е.А. Место курса «Второй иностранный язык» в языковой подготовке будущих мировых экономистов // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г.Белгород, 19-20 ноября 2007г.) – Белгород, 2007. – С.141-144.

Работа посвящена проблеме значимости курса Второй иностранный язык в языковой подготовке мировых экономистов. В статье определяются цели и задачи курса, этапы курса и их особенности, дается ряд методических рекомендаций, направленных на более успешную реализацию целей и задач курса.

Ключевые слова: речевые умения, коммуникативные навыки, профессионально направленный характер.

Камышанченко Е.А. «Вини Пух» – сказка или научный трактат // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы – Тамбов: «Грамота», 2008. – №8 (15): В 2 ч. – Ч.1. – С. 79-82.

В статье проводится сравнительный анализ трех вариантов перевода сказки А. Милна «Вини Пух» и выявляются специфические особенности стилистических приемов.

Ключевые слова: перевод художественного текста, лингвистические и литературные особенности, конфликт между автором и переводчиком.

Колесников А.А. Функциональный статус умлаута в немецком языке // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Вып. 3. – Красноярск, 2001. – С. 133-137.

Автор проводит последовательный анализ умлаутных перегласовок в немецком языке, опираясь на полученные данные всех смежных, близлежащих языковых уровней: фонетики, фонологии, морфологии. В статье исследуются умлаутные альтернации и основные функции умлаута.

Ключевые слова: умлаут, альтернация, диахроническая морфонология.

Колесников А.А. Лексофонологический статус умлаута в немецком языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Белгород, 2001. – С. 319-323.

Работа посвящена рассмотрению умлаута в немецком языке в рамках диахронической процессуальной морфонологии. Автор исследует выполняемые умлаутом функции: фонологические, морфологические и лексические.

Ключевые слова: умлаут, диахрония, лексическая функция.

Колесников А.А., Беседина Н.А. Multimedia im Deutschunterricht der zukünftigen Ökonomen im Bereich der Außerpolitik / Мультимедиа на занятиях по немецкому языку будущих экономистов-международников // Исследование языка специальности и дидактики в России. – СПб., 2002. – С. 59-62.

В работе рассматриваются возможности использования новых мультимедийных средств на занятиях по немецкому языку на современном этапе обучения. Авторы дают определение понятия мультимедийных средств, описывают преимущества их использования. Кроме того, авторы исследуют такое явление, как коммуникация.

Ключевые слова: мультимедийные средства, интерактивная коммуникация, синхронная/асинхронная коммуникация.

Колесников А.А. Проблемы употребления немецких модальных частиц студентами-экономистами на занятиях по устной речи // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам: сб. науч. ст. – Вып. 2. – Белгород, 2003. – С. 129-132.

В статье исследуется роль модальных частиц в привнесении коммуникативной направленности и эмоциональности в речь говорящего. Автор описывает проблемы, возникающие при изучении модальных частиц, предлагая пути их разрешения.

Ключевые слова: модальные частицы, коммуникативная направленность.

Колесников А.А. Морфонологический статус лексических единиц с перегласовками в немецком языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. – Вып 7: В 2 ч. – Белгород, 2003. – Ч. II. – С. 35-38.

Статья посвящена изучению немецкого умлаута с позиций морфонологии. Автор описывает особенности и основные функции умлаута, исследует его статус.

Ключевые слова: морфонология, умлаут, диахрония.

Колесников А.А. Diachrone Morphologie und morphologische Prozesse in den germanischen Sprachen /

Диахроническая морфонология и морфонологические процессы в германских языках // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – Ч.2. – Мурманск, 2004. – С. 82-87.

Статья посвящена исследованию проблем современной диахронической морфонологии и морфонологических процессов. Рассмотрению подвергаются звуковые и языковые изменения на примере явлений умлаута в германских языках, объясняются его функции.

Ключевые слова: диахрония, морфонология, умлаут.

Кудрявцева Н.Б. К понятию мотивации и внутренней формы слова // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. – Вып. 7. – В 2 ч. – Ч. II. – Белгород, 2003. – С. 38-44.

Статья посвящена рассмотрению системы номинативных единиц с опорой на описание мотивационных процессов. Исследование мотивации, лежащей в основе номинативного процесса, автор осуществляет наряду с изучением внутренней формы слова. Рассматривая внутреннюю форму слова и мотивацию, автор затрагивает проблему структуры и типов номинаций.

Ключевые слова: мотивация, внутренняя форма слова, номинация.

Лагоденко А.М. Актуализация концепта “care” синонимичными существительными в современном английском языке // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 13. – Саратов, 2007. – С. 61-66.

В данной работе анализируются абстрактные субстантивы эмоциональных состояний на примере концепта “care” и актуализирующих его синонимов. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что тревога является одним из ключевых концептов культуры, т.е. обусловленной культурой ядерной (базовой) единицей картины мира, обладающей экзистенциальной значимостью и для отдельной языковой личности, и для лингвокультурного сообщества в целом.

Ключевые слова: концепт, абстрактные субстантивы, эмоции, тревога.

Лагоденко А.М. Объективация эмоционального концепта «тревога» в английской лингвокультуре // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов – Тамбов, 2008. – С. 222-224.

Целью данной работы является исследование концептуализации понятия «тревога» в современном английском языке. Абстрактные существительные, будучи чрезвычайно интересным объектом изучения, всегда привлекали к себе внимание лингвистов, поэтому исследование абстрактных существительных в рамках когнитивной лингвистики предполагает анализ средств языковой объективации концептов в целях представления в речи разных признаков концепта.

Ключевые слова: эмоции, концептуализация, абстрактные существительные, тревога.

Лагоденко А.М. Концептуальный анализ эмоционального концепта «тревога» // *Филология и культура: мат-лы VII междунар. науч. конф. 14-16 окт. 2009г. – Тамбов, 2009. – С. 291-293.*

Настоящая работа посвящена анализу концепта «тревога» и его репрезентации лексическими средствами английского языка. Наиболее ярко свойства эмоциональных концептов могут быть представлены через существительные. При анализе динамических свойств этих существительных можно сделать вывод о выборе сочетаемости в языке. В нашем исследовании для концептуального анализа концепта «тревога» мы применяем такие категории как STATE, OBJECT, PROPERTY, AMOUNT.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный концепт, концептуальный анализ, категория, категориальный признак.

Лагоденко А.М. Репрезентация эмоционального концепта «тревога» в современном английском языке // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. 25-26 апреля 2008 года. – Т. №2. Челябинск, 2008. – С. 188-191.*

Объектом исследования в настоящей работе являются абстрактные существительные, репрезентирующие концепт «тревога». Целью данной работы является исследование концептуализации понятия «тревога» в современном английском языке. В настоящей статье для описания эмоционального концепта «тревога» мы применяем метод концептуального анализа, который заключается в выявлении признаков, формирующих структуру концепта, их классификации, интеграции и интерпретации.

Ключевые слова: эмоции, эмоциональный концепт, тревога, концептуальный анализ, категория.

Малахова В.Л. Фразеологически репрезентируемые концепты в современном английском языке // *Сборник студенческих науч. работ. Вып. VII. Ч. II. – Белгород, 2004. – С. 88-91.*

Статья посвящена исследованию фразеологии с новой точки зрения, а именно с точки зрения когнитивного подхода. В работе рассматривается понятие концепта и дается его краткая характеристика. Особое внимание автор уделяет фразеологически репрезентируемым концептам, изучая их основные типы: мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии.

Ключевые слова: когнитивный подход, концепт, фразеологически репрезентируемые концепты.

Малахова В.Л. Когнитивный подход к изучению отношения посессивности в современном английском языке // *Альманах*

современной науки и образования. Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов, 2007. – Ч. 1. – С. 186-187.

В статье предпринимается попытка обосновать возможность применения когнитивного подхода к исследованию отношения посессивности в языке. В работе дается краткая характеристика категории посессивности, история ее изучения. Также описываются разноуровневые языковые средства концептуализации отношения посессивности.

Ключевые слова: отношение посессивности, когнитивный подход, уровни и средства концептуализации отношения посессивности.

Малахова В.Л. Концептуализация отношения посессивности в языке (к постановке проблемы) // Филология и культура: мат-лы VI междунар. науч. конф. 17-19 октября 2007 года. – Тамбов, 2007. – С. 191-194.

Статья посвящена изучению проблемы концептуализации отношения посессивности в языке в аспекте концептуализации мира. Предпринимается попытка установления роли языка в концептуализации отношения посессивности. Особое внимание уделяется выявлению того, какие языковые уровни и механизмы, а также какие когнитивные механизмы задействованы в процессе формирования данного концептуального содержания.

Ключевые слова: концептуализация отношения посессивности, языковые уровни и механизмы, концептуальное содержание.

Малахова В.Л. Способы выражения отношения посессивности в современном английском языке // Альманах современной науки и образования: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – Ч. 3. – Тамбов, 2007. – С. 146-147.

Целью статьи является систематизация средств языка, участвующих в концептуализации отношения посессивности и образующих различные способы его языкового представления. Предпринимается попытка выявить и описать языковых средств концептуализации отношения посессивности, а также установить содержание концепта *посессивность* и специфику его языковой репрезентации.

Ключевые слова: концептуализация отношения посессивности, концепт посессивность, языковая репрезентация.

Малахова В.Л. Механизмы концептуализации отношения посессивности в современном английском языке // Труды по когнитивной лингвистике. Серия: Концептуальные исследования. – Вып. 10.- Кемерово, 2008. – С. 406-411.

В статье предпринимается попытка выделения основных типов отношения посессивности и систематизации языковых механизмов,

участвующих в процессе концептуализации данного типа отношения. Дается анализ языковых механизмов концептуализации отношения посессивности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка.

Ключевые слова: концептуализация отношения посессивности, типы отношения посессивности, уровни языка, языковые механизмы.

Малахова В.Л. Языковые механизмы концептуализации отношения посессивности // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат.-лов. – Тамбов, 2008. - С. 294-296.

Статья посвящена изучению концептуализации отношения посессивности на разных языковых уровнях. Особое внимание уделяется типам отношения посессивности и возможности передачи одного содержания различными альтернативными средствами, дополняющими и уточняющими посессивные смыслы и их оттенки.

Ключевые слова: концептуализация отношения посессивности, типы отношения посессивности, уровни языка, языковые механизмы.

Маркова Е.И. Графические особенности французского рукописного текста XV века Fr.Q.v.VI.1 «Трактат о сохранении здоровья» // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции XXI века: мат.-лы междунар. конф., посв. 60-летию юбилею факультета иностранных языков. – Красноярск, 2007. – С. 233-236.

В статье рассматриваются фонетико-графические особенности рукописного текста XV века. Устанавливаются принципы написания, повлиявшие на манеру письма сcribe. Делается вывод о несомненном влиянии латинского языка на графемный состав кодекса.

Ключевые слова: этимологический принцип написания, геминаты, явление гиперкоррекции, ложная этимология.

Маркова Е.И. Графическая вариативность рукописного текста XV века // Известия РГПУ им. А.И.Герцена: Аспирантские тетради: Научный журнал. – СПб., 2007. – № 7 (25). – С. 86-89.

Статья посвящена анализу графических вариантов, зафиксированных во французской средневековой рукописи. Варианты в написании являются характерной чертой не только изучаемого манускрипта, но и всей средневековой графики в целом. Систематизация вариантов позволила выделить их фонетическую, морфологическую, этимологическую, историческую и региональную направленность. В статье выдвигается предположение о существовании строгих нормативных установок бургундских скрипт, в русле которых выполнена изучаемая рукопись.

Ключевые слова: диакритические согласные, графическая вариативность, нормативные установки бургундских скрипт.

Маркова Е.И. Основные лингвистические характеристики бургундской рукописи XV века // Универсум языка и личности: сб. ст. по мат-лам науч. конф. с междунар. участием. – М., 2009. – С. 115-118.

В статье приводятся доказательства принадлежности рукописного текста XV века «Трактат о сохранении здоровья» бургундской письменной традиции (скрипте). Даны основные лингвистические характеристики рукописи и бургундской скрипты, в рамках которой выполнена рукопись.

Ключевые слова: бургундская письменная традиция (скрипта), фонетико-графические варианты форм.

Матюхина Н.С. Парные словосочетания немецкого языка в прагматическом аспекте // Университеты как регионообразующие научно-образовательные комплексы. В 5 ч. – Ч.5. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004.– С. 92-97. (в соавторстве с Пристинской Т.М.)

В статье предпринимается попытка осветить некоторые аспекты прагматической характеристики немецких парных фразеологизмов с целью выявления и систематизации их наиболее типичных прагматических функций. Авторы исследуют стилистическую окраску парных сочетаний и шкалу их стилистического использования.

Ключевые слова: интенсификация, динамизация, прагматический аспект.

Михайлова Ю.С. Способы репрезентации концептов с помощью фразеологизмов-зоонимов в русском, английском и немецком языках // Языки и межкультурная коммуникация в современном мире: мат-лы первой междунар. науч.-практич. конф. – Т. 2. – Новомосковск, 2006. – С. 5-8. (в соавторстве с Прохоровой О.Н.)

Работа посвящена рассмотрению репрезентации концептов «смелость, решительность», «осторожность», «кротость», «высокомерие, гордость», «ложь, обман» с помощью фразеологизмов-зоонимов в русском, английском и немецком языках.

Ключевые слова: концепт, зооним.

Михайлова Ю.С. Семантические особенности синонимичных существительных, репрезентирующих концепт «труд» в современном английском языке // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: труды и мат-лы 3-й междунар. науч.-практич. конф. - Ульяновск, 2008. – С. 80-84.

Работа посвящена рассмотрению семантических особенностей синонимичных существительных (occupation, employment, business, pursuit, calling, job, work, labor, toil, travail, grind, drudgery), репрезентирующих концепт «труд» в современном английском языке.

Ключевые слова: концепт, синоним, семантические особенности.

Михайлова Ю.С. Квасисинонимы «работа» и «труд» в русском и английском языках // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. – Челябинск, 2008. – С. 340-342.

Работа посвящена рассмотрению семантических особенностей квазисинонимов «работа» и «труд» в русском и английском языках.

Ключевые слова: квазисиноним, семантические особенности.

Михайлова Ю.С. К вопросу о национально-культурной специфике языковой единицы (на примерах «кошка» и «собака» в зоонимах русского, английского и немецкого языков) // Проблемы прикладной лингвистики: междунар. науч.-практич. конф.: сб. ст. – Пенза, 2008. – С. 137-139.

Работа посвящена рассмотрению национально-культурной специфики языковой единицы (на примерах «кошка» и «собака» в зоонимах русского, английского и немецкого языков).

Ключевые слова: национально-культурная специфика, языковая единица, зооним.

Михайлова Ю.С. Сопоставительный анализ фразеологизмов-зоонимов в русском, английском и немецком языках // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. – Белгород, 2009. – С. 159-162.

В работе проводится сопоставительный анализ фразеологизмов-зоонимов в русском, английском и немецком языках.

Ключевые слова: зооним, фразеологизмы, сопоставительный анализ.

Михайлова Ю.С. Функционирование языковых единиц «лошадь» и «конь» в аспекте национально-культурной специфики (на материале русского, английского и немецкого языков) // Язык профессионального общения и лингвистические исследования: сб. ст. междунар. науч.-практ. семинара. – Белгород, 2009. – С. 162-167. (в соавторстве с Багана Ж.)

Работа посвящена выявлению национально-культурной специфики языковых единиц «лошадь» и «конь» в русском, английском и немецком языках.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, языковая единица.

Михайлова Ю.С. К вопросу о национально-культурной специфике безэквивалентной лексики и лакунарности // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур: сб. науч. ст. (по итогам научного российско-украинского семинара). – Вып. 4.– Белгород, 2009. – С. 194-196. (в соавторстве с Багана Ж.)

В работе рассматривается национально-культурная специфика безэквивалентной лексики и лакунарности на примере языковой единицы «кошка» в русском, английском и немецком языках.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, языковая единица, безэквивалентная лексика, лакунарность.

Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика с точки зрения лингвокультурологии // Актуальные проблемы образования в высшей школе: сб. науч.-метод. ст. Мат-лы II междунар. очно-заочной науч.-практич. конф. «Проблемы и перспективы изучения и преподавания иностранных языков». – Тула, 2010. – С. 162-170.

В работе рассматривается понимание и изучение национально-культурной специфики с точки зрения лингвокультурологии.

Ключевые слова: национально-культурная специфика, лингвокультурология, нация, культура.

Морель Морель Д.А. Концепт как фрактал: к постановке проблемы // Молодые ученые СГА. – М., 2008. – С. 90-94.

В работе кратко приводится ряд аргументов в пользу наличия у концептов фрактальной организации.

Ключевые слова: фрактал, фрактальность, концепт, иерархический уровень.

Морель Морель Д.А. Фрактальность концептов и их систем // Лингвистика. Герменевтика. Концептология: сб. науч. тр., посв. 60-летнему юбилею проф. Е.А. Пименова. – Кемерово, 2008. – С. 34-44.

В статье показывается, что как отдельные концепты, так и формируемые ими комплексы различного иерархического уровня, вплоть до концептосферы в целом, обладают свойством самоподобия (полного или частичного) и могут рассматриваться как фрактальные объекты.

Ключевые слова: фрактал, фрактальность, самоподобие, концепт, концептуальная картина мира, концептосфера, изоморфизм, иерархический уровень.

Морель Морель Д.А. К вопросу о средствах репрезентации рефлексивного концепта «ПЕРИМЕТР БЕЗОПАСНОСТИ» (сопоставительный аспект исследования) // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – № 2 (9). – Ч. 2. – Тамбов, 2008. – С. 101-106. (в соавторстве с Зубковой К.В.)

В работе сопоставляются английская и русская системы средств репрезентации концепта «ДОМ». Показано, что он является системообразующим элементом рефлексивного концепта «ПЕРИМЕТР БЕЗОПАСНОСТИ», а связи между ними имеют регулярный, систематический характер и репрезентируются значительным количеством

вербальных средств разных уровней. В рамках статьи анализируются имена концептов, одноименные лексико-семантические группы, вербальные реакции (ассоциаты) на имя концепта, паремии.

Ключевые слова: *периметр безопасности, рефлексивный концепт, картина мира, Леруа-Гуран, дом, house, home, интерпретационное поле концепта, паремия, ассоциация.*

Морель Морель Д.А. Языковая репрезентация связей между концептами (дискурсивный аспект) // Актуальные направления современной лингвистики: Сб. мат-лов междунар. науч. конф. «Иностранные языки и литературы: актуальные проблемы образования и науки», 12 апреля 2008 г. – Пермь, 2008. – С. 31-34.

В статье показано, что уровень и динамика эксплицированности связей между концептами зависит как от типа языковых средств репрезентации (лексико-семантические или синтагматические), так и от типа дискурса, в котором эти средства реализуются.

Ключевые слова: *концепт, дискурс, системные связи, концептосистема, семантика, синтагматика.*

Морель Морель Д.А. Репрезентация связей макроконцептов «ПИЩА» и «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» во французском и русском рекламном дискурсе // Национально-культурные особенности дискурса: Сб. мат-лов всерос. науч.-практич. конф. 9-10 апреля 2008 г. – Воронеж, 2008. – С. 78-80.

На материале рекламного дискурса показаны национальные особенности репрезентации связей между макроконцептами «ПИЩА» и «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» средствами французского и русского языков. Выявлено сильное влияние экстралингвистических факторов (особенностей маркетинговой политики производителей).

Ключевые слова: *концепт, дискурс, рекламный дискурс, системные связи, общедискурсивный макроконцепт, пища, напитки, сверхъестественное, nourriture, surnaturel, boisson.*

Морель Морель Д.А. Электронный словарь как средство обучения и исследовательский ресурс // Альманах современной науки и образования. № 8 (15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – Ч. 1. – Тамбов, 2008. – С. 131-133. (в соавторстве с Шатилиной С.И., Шашкиным Л.М.)

На примере электронной версии французского толкового словаря «Nouveau Petit Robert» рассматриваются возможности использования электронных лексикографических ресурсов при проведении научно-исследовательских (в том числе студенческих) работ и в образовательном процессе вузов, и старших классов средних школ. В статье приводятся

возможные виды учебных заданий, связанные с различными элементами интерфейса указанного словаря.

Ключевые слова: лексикография, электронный словарь, лексикографический ресурс, *Nouveau Petit Robert*, словарная статья, поиск, интерфейс, учебная деятельность.

Морель Морель Д.А. Поисковая оболочка электронного словаря как инструмент лингвистического исследования // *Труды Современной гуманитарной академии. № 9 (13).* – М., 2008. – С. 105-119.

В статье раскрываются основные отличия электронного словаря от традиционного «бумажного», детально анализируются особенности интерфейса поисковой оболочки электронной версии французского толкового словаря «*Nouveau Petit Robert*». Рассматриваются возможности его применения в различных видах лингвистических исследований.

Ключевые слова: лексикография, электронный словарь, *Nouveau Petit Robert*, поиск, интерфейс, гипертекст, источник языкового материала, инструмент лингвистического исследования.

Морель Морель Д.А. Обзор и сравнительный анализ возможностей французских электронных лексикографических ресурсов // *Гуманитарные науки: сб. науч. тр. – Вып. 16.* – Белгород, 2008. – С. 149-159. (в соавторстве с Шашкиным Л.М., Шатилиной С.И.)

В статье дается обзор возможностей целого ряда французских электронных лексикографических ресурсов, доступных на CD, DVD и в Интернете. Показано, что их отличительной чертой является сочетание традиционно высокого для французской лексикографии качества обработки языкового материала с дружественным, эргономичным интерфейсом, включающим более или менее продвинутую систему поиска в корпусе словаря.

Ключевые слова: электронный лексикографический ресурс, толковый словарь, энциклопедический словарь, поисковый интерфейс, *on-line-pecypc*; *Trésor de la langue française*, *ATILF*, *Robert*, *Littré*, *Larousse*, *Hachette*.

Морель Морель Д.А. Изоморфизм и гомоморфизм в организации систем концептов и средств их лексикализации // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 10.* – Владикавказ, 2008.– С. 39-45.

В статье показывается, что отношения между составляющими различного иерархического уровня внутри концептосферы и лексической системы языка имеют преимущественно изоморфный характер, тогда как сами эти две системы находятся в отношении гомоморфизма, причем первая выступает прообразом для второй.

Ключевые слова: изоморфизм, гомоморфизм, прообраз, самоподобие, фрактальность, концепт, концептосфера, лексическая система, лексико-семантическая группа, многозначное слово, лексическое значение.

Морель Морель Д.А. Особенности лексико-семантических средств объективации французского макроконцепта «NOURRITURE» // Актуальные проблемы коммуникации и культуры: международный сб. науч. тр. – Вып. 7. – М.; Пятигорск, 2008. – С. 362-371. (в соавторстве с Шашкиным Л.М.)

В статье на материале французских наименований пищи анализируется ряд особенностей системной организации и динамики лексики и семантики. Рассматриваются авторская многоуровневая модель лексического значения, ее сфера приложимости, основные отличия от существующих моделей, критерии стратификации лексического значения и средства его интеграции внутри и между стратами.

Ключевые слова: лексическое значение, структура, многоуровневость, иерархия, модель, сема, страта, компонентный анализ, стилистическая окраска, служебные компоненты, диахрония, концепт, пища, nourriture.

Морель Морель Д.А. Социально-исторические и семантические особенности заимствований в систему французских средств лексикализации концептосферы «ПИЦЦА» // Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2008. – С. 258-269.

В статье в диахронном аспекте анализируются заимствования (как процесс и результат) во французскую систему наименований пищи. Показана устойчивая корреляция между динамикой притока заимствований и историческими особенностями межкультурных (межцивилизационных) коммуникаций. Выявлены некоторые особенности динамики семантической организации заимствованных наименований.

Ключевые слова: заимствование, диахрония, динамика, семантика, лексическое значение, экстралингвистические факторы, межкультурная коммуникация, пища, nourriture.

Морель Морель Д.А. Проблема аттракторов концепта в свете фрактальности его организации // Наука и образование: мат-лы VII междунар. науч. конф. (14-15 марта 2008 г.): В 4 ч. – Ч. 3. – Белово, 2008. – С. 432-436.

В статье предлагается выделение в пространстве состояний концептосферы четырех аттракторов: «природного», «человеческого», «социального» и «сверхъестественного», соответствующих макрорубрикам картины мира. В силу фрактальности ментальных образований и с учетом возможности частичного самоподобия данная четырехвекторная модель переносима на любой концепт.

Ключевые слова: концептосфера, концепт, картина мира, аттрактор, пространство состояний, фрактал, самоподобие.

Морель Морель Д.А. Рефлексивный концепт «ПЕРИМЕТР БЕЗОПАСНОСТИ»: элементы и связи // Наука и образование: мат-лы VII междунар. науч. конф. (14-15 марта 2008 г.). – В 4 ч. – Ч. 3. – Белово, 2008. – С. 436-439.

В статье предлагается модель рефлексивного концепта «ПЕРИМЕТР БЕЗОПАСНОСТИ»: выявляются его основные компоненты, внутренние и внешние связи.

Ключевые слова: периметр безопасности, Леруа-Гуран, рефлексивный концепт, картина мира, фрейд.

Морель Морель Д.А. Разнообразие теоретических подходов к проблеме соотношения концепта, понятия, слова и значения // Гуманитарные науки: сб. науч. тр. – Вып. 16. – Белгород, 2008. – С. 159-174.

В статье приводится обзор различных подходов, существующих в современной отечественной и зарубежной когнитивной лингвистике, к решению ряда дискуссионных вопросов, связанных с соотношением концепта с понятием, а также словом и значением.

Ключевые слова: концепт, понятие, слово, значение.

Морель Морель Д.А. Проблемный характер определения, структурирования и типологизации концептов // Труды по когнитивной лингвистике. Серия: Когнитивные исследования. – Вып. 10 – Кемерово, 2008. – С. 204-211.

В статье приводится обзор различных подходов, существующих в современной отечественной и зарубежной когнитивной лингвистике, к пониманию и описанию концептов, приводятся различные критерии выделения структурных элементов, а также видов концептов.

Ключевые слова: концепт, структура, типология, классификация.

Морель Морель Д.А. Метафора как средство репрезентации системных связей и динамики макроконцепта «ПИЩА» (на материале французского и английского языков) // Альманах современной науки и образования. – № 2 (21): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – Ч. 3. – Тамбов, 2009. – С. 108-112. (в соавторстве с Купиной Ю.Л.)

В статье на материале французских и английских метафор рассматриваются особенности языковой репрезентации внутренней и внешней динамики макроконцепта «ПИЩА» (с акцентом на анализ его внешних связей) в свете предложенной автором модели развертывания концептов (четыре направления развертывания в соответствии с основными макрорубриками картины мира и пять видов развертывания в соответствии с изменением концептуальной соотнесенности в процессе номинации).

Ключевые слова: метафора, динамика, системные связи, концепт, языковая репрезентация, номинация, пища, *pourriture*, food.

Морель Морель Д.А. Метафора и метонимия как средства репрезентации связей в национальных концептосферах // Гуманитарные науки: Сб. раб. магистрантов, аспирантов и преподавателей Белгородского филиала СГА. – Вып. 13. – Белгород, 2009. – С. 83-94. (в соавторстве с Купиной Ю.Л.)

В статье анализируется вклад метафоры и метонимии в объективацию межконцептуальных связей. В рамках статьи на материале русских, французских и английских наименований пищи и напитков выявляются общие модели метафорических и метонимических переносов, из чего следует, что репрезентируемые ими связи между концептами (в пределах национальных концептосфер) имеют универсальный, наднациональный характер.

Ключевые слова: метафора, метонимия, семантическая деривация, реляционная динамика, системные связи, концепт, концептосфера, картина мира, языковая репрезентация.

Морель Морель Д.А. Аспекты динамики концептов и средств их лексикализации (на материале французского макроконцепта «NOURRITURE») // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Вып. 9. – Тверь, 2009.– С. 65-74.

Целью работы является выявление видов и основных проявлений динамики концептов и систем лексико-семантических средств их репрезентации. В рамках статьи рассматриваются структурно-содержательные и реляционные проявления динамики концептов и репрезентирующей их лексики. Исследование проводится на материале французских наименований пищи и имеет диахронный характер.

Ключевые слова: концепт, лексика, семантика, динамика, системные связи, заимствование, элиминация, рекомбинация, ассимилирование, *pourriture*, aliment.

Морель Морель Д.А. К вопросу о системном характере динамики концептов и средств их лексикализации // Молодые ученые СГА. – М., 2009. – С. 31-37.

В статье приводятся аргументы в пользу того, что общие проявления динамики, а также ее системные предпосылки и факторы у концептов и репрезентирующей их лексики как открытых систем имеют аналогичный характер, несмотря на их принадлежность к разным планам (ментальному и языковому соответственно).

Ключевые слова: концепт, лексика, значение, динамика, системный подход, изоморфизм, гомоморфизм, экстралингвистические факторы, структурно-содержательный аспект, реляционный аспект.

Морель Морель Д.А. Языковая динамика: несколько тезисов в свете синергетической парадигмы // Материалы за 5-а международна научна практична конференция «Найновите научни постижения – 2009». 17-25 март, 2009. – Т. 16: Филологични науки. – София, 2009.– С. 30-34.

В статье с позиций общей теории систем и синергетики рассматриваются сущностные, системные предпосылки динамики языка, показана ее обусловленность следующими свойствами языка как системы: открытостью, неравновесностью, диссипативностью, самоорганизуемостью.

Ключевые слова: язык, динамика, открытая система, неравновесная система, диссипативность, самоорганизация, синергетическая парадигма.

Морель Морель Д.А. Комплексный характер процессов семантической деривации (на материале французских наименований напитков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 11. – Владикавказ, 2009.– С. 213-217. (в соавторстве с Шашкиным Л.М.)

В статье показывается, что изолированное проявление различных видов семантической деривации, их действие в «чистом виде» в процессе вторичной номинации не является общим правилом, а случаи, когда новое значение является результирующей нескольких видов семантической деривации, не являются единичными исключениями.

Ключевые слова: семантическая деривация, метафора, метонимия, вторичная номинация, напитки, boissons.

Морель Морель Д.А. «Пищевые» метафоры во французском языке и концептосфере // Исследования в области французского языка и французской культуры: языковая картина мира и межкультурная коммуникация: мат-лы III междунар. науч. конф. 22-24 апреля 2009 г. – Пятигорск, 2009. – С. 224-229.

В статье показано значение во французской картине мира макроконцепта «NOURRITURE (пища)» как области-источника и области-мишени в процессах метафорических переносов.

Ключевые слова: метафора, метафорический перенос, метафорическая модель, область-источник, source, область-мишень, target, картина мира, пища, nourriture.

Морель Морель Д.А. Роль компонентного анализа в семантических и лингвокогнитивных исследованиях // Гуманитарные науки: Сборник работ магистрантов, аспирантов и преподавателей Белгородского филиала СГА. – Вып. 13.– Белгород, 2009. – С. 111-121. (в соавторстве с Шашкиным Л.М.)

В статье рассматриваются возможности, проявляемые ставшим традиционным для лингвистики методом компонентного анализа в

исследовании концептов, в частности при анализе их структуры и выявлении особенностей эмоциональной и аксиологической составляющих.

Ключевые слова: компонентный анализ, сема, лексическое значение, семантика, концепт, когнитивная лингвистика, эмоциональная окраска, оценочная деятельность, оценка, аксиологическая составляющая.

Morel Morel D.A. About peculiarities of national language world mapping // Materiály V Mezinárodní vědecko-praktická konference "Nastolení moderní vědy – 2009", 27 září – 05 října 2009 roku. – Díl 7: Filologické vědy. Filosofie. – Praha, 2009.– S. 63-67.

В статье на материале русского, французского и английского языков приводится сопоставительный анализ национальных особенностей (структурной организации и количественного распределения) языковой репрезентации универсального концепта «АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ».

Ключевые слова: национальная картина мира, картирование, категоризация, концептуализация, алкогольные напитки.

Morel Morel D.A. Dynamics of "Food" and "Drinks" Concepts as Parts of "Security Perimeter" // Materia y V Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji "Nauka i inowacja – 2009", 7-15 października 2009 roku. V. 8: Filologiczne nauki. Muzyka i życie. Przemysł, 2009. – S. 72-77.

В статье рассматриваются концепты «FOOD» и «DRINKS» как интегральные компоненты концепта-фрейма «SECURITY PERIMETER». По результатам анализа различных аспектов их динамики, репрезентируемых лексико-семантическими процессами в языке, уточняется модель взаимодействия компонентов внутри указанного концепта-фрейма.

Ключевые слова: динамика, концепт, периметр безопасности, Леруа-Гуран, семантическая деривация, заимствование.

Морель Морель Д.А. К вопросу о свойствах концепта как системы // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. ст. – Севастополь, 2009. – С. 148-157.

В статье приводится обзор отечественных и зарубежных исследований в области когнитивной лингвистики, направленных на выявление сущностных, системных свойств концепта. В рамках статьи рассматриваются следующие его характеристики: многомерность, сложноорганизованность, неоднородность, гетерогенность, полиморфность, устойчивость, приспособляемость к внешним изменениям, нежесткость структуры и диффузность границ, дискретность, неизолированность, открытость, диссипативность, неравновесность, динамичность, фрактальность.

Ключевые слова: концепт, система, структура, открытая система, динамика, изоморфизм, полиморфизм, фрактал, аттрактор, самоорганизация.

Морель Морель Д.А. К вопросу о фрактальности лексико-семантической системы языка // Лингвистика: традиции и современность: мат-лы междунар. науч. конф. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 184-186.

В статье показывается возможность представления лексической системы языка как фрактального объекта. Аргументация строится на выявлении непрерывной цепочки отношений самоподобия внутри различных уровней данной системы: от компонентов лексического значения до лексических макроклассов. Дополнительным свидетельством может служить также выявляемый частичный изоморфизм семантических, лексических и концептуальных древовидно-иерархических структур.

Ключевые слова: фрактал, фрактальность, самоподобие, изоморфизм, гомоморфизм, лексика, лексический класс, семантика, многозначное слово, значение, сема, концепт, концептосфера.

Морель Морель Д.А. Вклад заимствований в динамику лексики // Язык и культура: мосты между Европой и Азией: сб. науч. ст. по мат-лам междунар. лингвокультуролог. форума. – Хабаровск, 2009. – С. 248–258.

В статье рассматриваются различные аспекты динамики лексики, обусловленной процессами заимствования. В рамках статьи анализируется изменение притока заимствований в систему французских обозначений пищи с течением времени и выявляются экстралингвистические факторы данного аспекта динамики. Уделяется внимание лексико-семантическим процессам в системе французского языка (структурно-содержательным и реляционным аспектам динамики), инициируемым процессами заимствования.

Ключевые слова: заимствование, французский язык, межкультурная коммуникация, история Франции, экстралингвистические факторы, диахрония, динамика, лексика, семантика, пища.

Морель Морель Д.А. Особенности языковой концептуализации алкогольных напитков во французском, английском и русском языках // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. – Вып. 4. – М.; Архангельск, 2009.– С. 271-279.

В статье анализируются национальные (французского, английского и русского языков) системы лексических средств репрезентации универсального концепта «АЛКОГОЛЬНЫЕ НАПИТКИ»: сопоставляются количественные показатели, особенности структурирования, соотношение исконной и заимствованной лексики, выявляются основные модели и сферы-источники метафорических и метонимических переносов.

Ключевые слова: концепт, лексика, средства репрезентации, алкогольные напитки, заимствование, метафора, метонимия, модель переноса, сфера-источник.

Морель Морель Д.А. Структурирование и динамика концепта «Алкогольные напитки»: сопоставительный аспект исследования [Электронный ресурс] // Мат-лы межрегиональной научно-практической конференции «Динамика языковой картины мира». – Ч. 1. – Воронеж, 2009. – С. 25-38. – Режим доступа: <http://vepi.ru/science/materials>. (в соавторстве с Пургиной Ю.А., Мельниковой О.В.)

В статье сопоставляются национальные системы лексических средств репрезентации универсального концепта «Алкогольные напитки» в русском, французском и английском языках. Рассматриваются особенности, структурирования, формирования, развития и функционирования данных систем, концепта в соответствующих национальных картинах мира, на их материале выявляются некоторые аспекты внешней реляционной динамики данного концепта.

Ключевые слова: концепт, лексика, средства репрезентации, алкогольные напитки, динамика, заимствование, метафора, метонимия, ограничения употребления.

Морель Морель Д.А. «Периметр безопасности» в английском языке: особенности организации, динамики, лексикализации [Электронный ресурс] // Доклады. Межрегиональная научно-практическая конференция (заочная) «Актуальные проблемы науки и практики в современном мире», 01.09.09–30.10.09. – М.: СГА, 2009. – Режим доступа: http://www.conf.muh.ru/090901/thesis_Morel_Morel.htm.

В статье на материале лексических средств английского языка, репрезентирующих основные составляющие концепта-фрейма «ПЕРИМЕТР БЕЗОПАСНОСТИ», анализируются его внутренние и внешние связи и предлагается модель его организации.

Ключевые слова: периметр безопасности, Леруа-Гуран, концепт, фрейм, дом, утварь, мебель, одежда, еда, напитки, оружие, амулет, интегративная функция.

Мусатова Е.П. Функционально-семантическое пространство неличных форм глаголов в современном английском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. Вып 7. – В 2 ч. – Ч. I. – Белгород, 2003. – С. 182-186.

В работе предпринимается попытка построить функционально-семантическое поле неличных форм глагола в современном английском языке на основе концепции полевого принципа системной организации языковых явлений. Автор моделирует полицентрическое поле с именным и

глагольным центрами, опираясь на их характерные синтаксические функции.

Ключевые слова: функционально-семантическое пространство, неличные формы глагола, полицентрическое поле.

Орлянская Е.Г. Функционально-семантическое поле отчуждения // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сб. науч. ст. – Вып. 5. – Красноярск, 2006. – С. 56-66.

Работа посвящена проблеме семантической интерпретации языковых единиц с семантикой отчуждения. В рамках статьи проводится выделение ядерной и периферийной части в составе функционально-семантического поля отчуждения и описание лексико-семантической парадигмы, включающей синонимические объединения слов и лексико-семантические группы.

Ключевые слова: функционально-семантический подход, функционально-семантическое поле, лексико-семантические группы, синонимия.

Орлянская Е.Г. К вопросу о структурно-семантической организации предложений с семантикой отчуждения // Язык. Коммуникация. Культура: тенденции 21 века: мат-лы междунар. конф., посвящ. 60-летию юбилею факультета иностранных языков, 5-6 октября 2006 г. – Красноярск, 2007. – С. 264-271.

Работа посвящена анализу одно-, двух- и трёхместных моделей предложений с глаголами отчуждения, а также рассмотрению их структурно-семантических особенностей.

Ключевые слова: вербоцентрический подход, актант и сирконстант.

Орлянская Е.Г. «Э. Кестнер «Граница»: учеб.-метод. пособие по развитию навыков устной и письменной речи на нем. яз. – Белгород, 2008. – 36 с.

Учебно-методическое пособие предназначено для студентов институтов и факультетов иностранных языков, изучающих немецкий язык как вторую специальность на продвинутых этапах обучения, а также для учащихся старших классов специализированных языковых школ. Пособие составлено на основе романа Э. Кестнера «Граница», содержит страноведческий и культурологический комментарий, лексико-грамматические упражнения трансформационного и переводного характера, коммуникативные задания к тексту романа.

Ключевые слова: страноведение, коммуникативные упражнения.

Орлянская Е.Г. К вопросу о соотношении мыслительных и языковых категорий // Альманах современной науки и образования. № 8 (27): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и

методика преподавания языка и литературы: в 2-х ч. – Ч. 2. Тамбов, 2009. – С. 137-139.

Работа посвящена рассмотрению одного из аспектов проблемы соотношения языка и мышления, обозначенной в лингвистике как проблема мыслительных и языковых категорий. В рамках статьи проводится анализ сложившейся научной традиции трактовки данной проблемы в отечественной и зарубежной лингвистической школах.

Ключевые слова: история лингвистических учений, понятийная категория, семантическая категория.

Орлянская Е.Г. Принципы отбора ядерных единиц в составе функционально-семантического поля отчуждения // В поисках смысла: сб. науч. тр.– СПб., 2010. – С. 178-182.

Работа посвящена проблеме полевой структуризации семантической категории отчуждения на материале современного немецкого языка. В рамках статьи проводится описание семантико-функциональных особенностей глаголов nehmen, bekommen, geben, verlieren, составляющих ядро функционально-семантического поля отчуждения.

Ключевые слова: семантика эгоцентрических категорий, функционально-семантическое поле, конверсивность.

Перельгина Т.А. Об особенностях фреймовой модели концепта «Corporate culture» // Альманах современной науки и образования. № 8 (15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – В 2 ч. – Ч. 1. Тамбов, 2008. – С. 153-155.

Статья посвящена рассмотрению фреймовой модели концепта *Corporate culture* как многомерной структуры, включающей основную типичную и потенциально возможную информацию, которая ассоциируется с данным концептом у определенной части англоязычного сообщества. На основе понятия фрейма интерпретации за счет привлечения естественного языкового текста демонстрируется активирование феномена *corporate culture*.

Ключевые слова: фреймовая модель, концепт «corporate culture», фрейм интерпретации.

Перельгина Т.А. Особенности репрезентации концепта «Corporate Work-Health Culture» в англоязычном социуме // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях. Серия: Концептуальные исследования: сб. ст. – Вып. 11 – Севастополь, 2009. – С. 356-365.

В рамках статьи *corporate eating* (корпоративное питание) рассматривается как один из важнейших структурных компонентов концепта *corporate work-health culture*, и как один из структурных

компонентов концептуального целого *corporate culture* в англоязычном социуме.

Ключевые слова: *corporate eating, corporate work-health culture.*

Перельгина Т.А. Особенности моделирования структурной организации концептосферы «Corporate culture» в англоязычном социуме // Филология и культура: материалы VII междунар. науч. конф. 14-16 октября 2009. Тамбов, 2009. – С. 101-103.

Статья посвящена изучению особенностей моделирования структурной организации концептосферы *Corporate culture* в англоязычном социуме. Была предпринята попытка смоделировать данную структуру с выделением ядра – концепта *corporate culture* и периферии - ряда (семьи) концептов, вычлененных на основе семейного (фамильного) сходства.

Ключевые слова: *ядерный концепт, семья концептов, понятие семейного (фамильного) сходства.*

Перельгина Т.А. Актуализация концептосферы «Corporate culture» в текстах корпоративных слоганов и заявлений о миссии // Альманах современной науки и образования. – № 1 (32). – В 2 ч. – Ч. 1. – Тамбов, 2010. – С. 124-126.

Статья посвящена особенностям актуализации концептосферы *Corporate culture* в текстах корпоративных слоганов и заявлений о миссии.

Ключевые слова: *концептосфера «corporate culture», корпоративный слоган, корпоративное заявление о миссии.*

Плотникова Ю.А. Анализ внутренней формы значения лексемы номинанта (на примере концепта INTEREST в английском языке) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. 25-26 апр. 2008 г., – Т. 2. Челябинск, 2008.– С. 274-276.

Целью статьи является описание процедуры анализа внутренней формы значения лексемы номинанта, использующегося в когнитивных исследованиях в качестве дополнительного источника информации о содержании и структуре концепта (на примере становления значения слова *interest*, репрезентирующего концепт INTEREST).

Ключевые слова: *концепт, внутренняя форма, значение.*

Плотникова Ю.А. Некоторые аспекты семантики лексем, репрезентирующих концепт INTEREST в английском языке // Записки по германистике и межкультурной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. III. – Пятигорск, 2008. – С. 131-136.

В настоящей работе автор рассматривает особенности языковой репрезентации концепта INTEREST средствами современного английского языка, а также описывает структурные и содержательные особенности данного концепта.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация, концептуальный признак.

Плотникова Ю.А. Внутренняя форма слова в когнитивных исследованиях (на примере концепта ИНТЕРЕС в английском и русском сознаниях) // Язык. Коммуникация. Культура: сб. матер. Всерос. научно-практич. электрон. конф. с междунар. участ. (21-28 января 2008 г.). – Курск, 2008. – С. 203-206.

В работе предпринимается попытка описать процесс формирования концепта ИНТЕРЕС в языковом сознании англичан и русских, а также выявить сходства и различия в содержании данного концепта в английском и русском языках на современном этапе.

Ключевые слова: концепт, внутренняя форма, диахронический анализ.

Плотникова Ю.А. Виды языковой репрезентации концепта INTEREST (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея») // Язык. Культура. Коммуникация: мат.-лы. междунар. заоч. науч.-практ. конф. – Ульяновск, 2008. – С. 118-120.

Работа посвящена рассмотрению особенностей языковой объективации концепта INTEREST (на примере романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»). В рамках статьи автор описывает языковые средства манифестации тех или иных содержательных характеристик указанного концепта, приводит ряд иллюстраций.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация.

Плотникова Ю.А. Некоторые особенности языковой репрезентации концепта HOBBY как составной части концептосферы INTEREST // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат.-лов. – Тамбов, 2008. – С. 807-809.

В статье рассматривается специфика объективации концепта HOBBY средствами современного английского языка, описываются некоторые содержательные особенности названного концепта, выявленные в результате анализа толкований лексем-репрезентантов, а также анализа контекстов их употребления.

Ключевые слова: концепт, языковая репрезентация, концептуальный признак.

Плотникова Ю.А. Признаки стихий в структуре концепта INTEREST // Актуальные проблемы романо-германских и восточных языков. VII Степановские чтения: матер. докл. и сообщ. междунар. конф. (21-22 апреля 2009г.). – М., 2009. – С. 95-97.

Статья посвящена описанию образной составляющей концепта INTEREST, в частности, того, как образы стихий представлены в

содержании названного концепта и какие средства используются для их объективации в языке.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, признаки стихий.

Плотникова Ю.А. Признаки неживой природы концепта INTEREST // Записки по германистике и межкультурной коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. IV. – Пятигорск, 2009. – С. 125-130.

В статье автор излагает свою точку зрения по поводу структурной организации концепта INTEREST, а также описывает его некоторые содержательные особенности, рассматривая признаки неживой природы данного концепта, которые представлены признаками стихий, вещества и предметов.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, признаки неживой природы.

Плотникова Ю.А. Признаки живого существа в структуре концепта INTEREST // Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. ст. – Севастополь, 2009. – С. 628-633.

Настоящая статья представляет результаты исследования содержания и структуры концепта INTEREST, сосредотачиваясь на специфике концептуализации указанного концепта признаками живого существа.

Ключевые слова: концепт, концептуальная метафора, признаки живой природы.

Раздабарина Ю.А. Концептуальная система в теории смысла Р.И. Павилениса // Альманах современной науки и образования. – № 8(27): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – В 2-х ч. – Ч. 2. Тамбов, 2009. С. 155-156.

Работа посвящена рассмотрению концептуальной системы в теории смысла Р.И. Павилениса. В рамках статьи проведено описание этапов формирования концептуальной системы в логико – философской концепции Р.И. Павилениса, приведен ряд примеров.

Ключевые слова: концептуальная система, теория смысла, концептуальная структура.

Серкина О.В. Проблема кореференции в отношении предложений с абсолютной конструкцией в английском языке // Язык. Речь. Коммуникация: межвуз. сб. ст. – Вып. 2. – Мурманск, 2000. – С. 111-118.

В статье исследуются кореферентные/некореферентные отношения между основным предложением и абсолютной конструкцией с учетом

типов контекста. По мнению автора, особенности того или иного контекста определяют особенности самой конструкции, ее функции и специфичность ее употребления.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, кореферентные/некореферентные отношения, контекст.

Серкина О.В. Абсолютная конструкция и контекст // Когнитивная семантика: Матер. 2-й междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике 11-14 сентября 2000г. – Тамбов, 2000. – С. 242-244.

Автор проводит исследование особенностей абсолютной конструкции в английском языке в зависимости от типа контекста. Автор рассматривает дескриптивный и недескриптивный контексты, иллюстрирует употребление абсолютной конструкции примерами.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, дескриптивный/недескриптивный контекст, кореференция, референция.

Серкина О.В. Предикативность абсолютной конструкции в современном английском языке // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. – Вып. 3. – Красноярск, 2001. – С. 223-228.

Статья посвящена исследованию предикативных отношений в абсолютной конструкции. В работе рассматриваются трансформации исходного предложения в абсолютной конструкции на примере процессов номинализации и деривации.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, предикативность, пропозиция, трансформация, номинализация, деривация.

Серкина О.В. Особенности функционирования абсолютной конструкции в публицистическом стиле // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Белгород, 2001. – С. 127-130.

Статья посвящена изучению тенденции в современном английском языке именного способа оформления высказывания с целью уменьшения перегруженности формальной структуры и повышения информативности предложения. Явление номинализации английского предложения описывается на примере абсолютной конструкции в публицистических текстах.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, публицистический стиль, номинативность.

Серкина О.В. Особенности семантики основного предиката в предложении с абсолютной конструкцией // Аспекты изучения и преподавания родного и иностранного языков: межвуз. сб. ст. – Мурманск, 2001. – С. 217-224.

Работа посвящена исследованию особенностей взаимодействия абсолютной конструкции и предиката основного предложения. Особенности абсолютной конструкции, ее функции и отношения с предикатом основного предложения автор описывает на примере глаголов положения в пространстве.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, основное предложение, глаголы положения в пространстве, описательное обстоятельство.

Серкина О.В. Абсолютная конструкция в функции описательного обстоятельства // Язык как функциональная система: сб. ст. к юбилею проф. Н.А. Кобриной. – Тамбов, 2001. – С. 145-151.

В работе подробно рассматриваются семантические особенности абсолютной конструкции в функции описательного обстоятельства. В статье дано схематическое представление отношений кореференции между абсолютной конструкцией рассматриваемого типа и основным предложением.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, кореференция, семантическое согласование.

Серкина О.В. Абсолютная конструкция в функции приложения // Иноземні мови та методика їх викладання: сб. науч. тр. – Харьков, 2001. – С. 85-90.

В статье рассматриваются отличия абсолютной конструкции-приложения от абсолютной конструкции-определения. Автор подробно останавливается на характеристике абсолютной конструкции в функции приложения.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, кореференция, дескриптивный/недескриптивный контекст.

Серкина О.В. Уровневый подход при обучении деловому иностранному языку // Язык. Культура. Коммуникация // мат.-лы. междунар. науч.-практич. конф. – Часть 2. – Барнаул, 2002. - С.72-77.

Кратко рассматривается история возникновения терминов «функциональный язык» и «язык для специальных целей». Выделяются основные особенности языка для делового общения. Анализируются некоторые существующие учебные пособия для обучения студентов экономических специальностей. Показана необходимость создания авторских курсов делового английского языка с учетом уровневого подхода.

Ключевые слова: функциональный язык, язык для специальных целей, язык для делового общения, уровневый подход.

Серкина О.В. Culture and Learning Styles in a Foreign Language Classroom – Культура и стили обучения при изучении иностранных

языков // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: межвуз. сб. науч. тр. по мат-лам междунар. семинара (Мурманск, 5-9 мая 2003 г.) – Мурманск, 2004. – С.19-21.

В работе рассматривается необходимость учета стилей обучения в процессе изучения иностранных языков. Отмечается, что в свете проводимых реформ в системе образования не обращается внимание на несоответствие стилей обучения студентов и стилей преподавания учителей, что может привести к серьезным последствиям как в плане качества преподавания, так и в плане воспитания. В отношении роли культуры в обучении иностранных языков в России наблюдается односторонность, то есть студенты и преподаватели настроены на англоязычную культуру. Однако с изменяющимися реалиями в свете увеличивающегося числа иностранных студентов, обучающихся в России, встает вопрос о необходимости для преподавателей английского языка повышать свою культуру относительно стран своих студентов.

Ключевые слова: культура, стиль обучения, стиль преподавания,

Серкина О.В., Степаненко С.Н. Некоторые приемы работы с лексическим материалом при обучении профессиональному иностранному языку // Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе. – Вып. 4. – Белгород, 2005. – С. 205-212.

В работе рассматриваются особенности работы с лексическим материалом при обучении студентов экономических специальностей: критерии отбора лексических единиц (ЛЕ), этапы работы с ЛЕ на примере использования учебника «Курс английского языка для финансистов» С.Н.Любимцевой и В.Н.Кореновой (М., 2000).

Ключевые слова: лексическая единица, лексический минимум, лингвистические критерии, лингводидактические критерии, методические критерии, беспереводной/ переводной метод.

Серкина О.В. Абсолютная конструкция в функции обстоятельства времени // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Вып. 8. – Ч. 2. – Белгород, 2005. – С. 173-180

В работе исследуются основные темпоральные значения абсолютной конструкции в рамках двух типов контекста – дескриптивном и недескриптивном. Кроме того, определяется структурный состав абсолютных конструкций при выражении различных временных значений, релевантность положения конструкции по отношению к основному предложению.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, темпоральный, хронотоп, одновременность, предшествование и следование.

Серкина О.В. Когнитивный подход к изучению абсолютной конструкции в английском языке // Когнитивная лингвистика:

ментальные основы и языковая реализация: сб. ст. к юбилею проф. Н.А.Кобриной. – Ч. 1. – СПб., 2005. – С. 283-288.

В работе уточняется современное представление об абсолютной конструкции и ее роли в отражении многослойной ситуации действительности. Основное внимание уделяется попытке исследовать абсолютные конструкции с позиции когнитивной лингвистики с целью выявления структурных типов, используемых для выражения концептов «акциональность», «процессуальность», «свойство», «каузативность» и «состояние», «релятивность».

Ключевые слова: абсолютная конструкция, полипредикативный, номинализация, деривация, концепты («акциональность», «процессуальность», «свойство», «каузативность», «релятивность»).

Серкина О.В. Интернет-проект как форма языковой подготовки экономистов-международников // Интеллектуальные технологии в образовании, экономике и управлении: сб. мат-лов IV междунар. науч.-практ. конф. – Воронеж, 2007. – С. 74-78.

В статье обобщается опыт использования Интернет-проекта при обучении английскому языку студентов экономических специальностей. Основное внимание уделяется процедуре подготовки проекта, руководства и оценки результатов.

Ключевые слова: информационные технологии, Интернет-проект.

Серкина О.В. Тестовый контроль знаний по английскому языку в вузе // Актуальные проблемы современного научного знания: сб. мат-лов I междунар. науч.-практ. конф. – Пятигорск, 2008. – С. 61-66.

В работе делается попытка проанализировать эффективность использования тестов при обучении иностранным языкам: рассматриваются недостатки и преимущества тестов и делается вывод о специфичности языковых тестов при оценке языковой компетенции.

Ключевые слова: оценка знаний, тест, языковая компетенция.

Серкина О.В. Абсолютная конструкция в английском языке в условиях недескриптивного контекста // Гуманитарные науки: сб. работ магистрантов, аспирантов и преподавателей Белгородского филиала СГА. – Вып. 13. – Белгород, 2009. – С. 100-111.

В работе анализируется функционирование абсолютной конструкции в условиях недескриптивного контекста и делается вывод, что в большинстве случаев АК действует в рамках недескриптивного контекста в каузальном значении.

Ключевые слова: абсолютная конструкция, дескриптивный/ недескриптивный контекст, каузативность.

Степаненко С.Н. Уровни языковой концептуализации количества в современном английском языке // Единство системного и функцио-нального анализа языковых единиц: мат-лы междунар. науч. конф. 11-13 апреля 2006 г. – Вып. 9. – Ч. I. – Белгород, 2006. – С. 185 -189.

Работа посвящена изучению особенностей процесса концептуализации количества посредством лексических и грамматических единиц количественной семантики в современном английском языке. Автор анализирует средства лексико-семантического и лексико-грамматического уровней, концептуализирующие количество как определенное/неопределенное.

Ключевые слова: концептуализация, концептуальный уровень, концептуальная система, фундаментальные (базовые) концепты, концепт КОЛИЧЕСТВО.

Степаненко С.Н. Количество в аспекте языковой концептуализации мира // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: межвуз. сб. науч. ст. – Вып.1. – Тамбов, 2006. – С. 478 - 480.

В статье анализируются работы лингвистов, исследовавших вопросы лексической семантики, словообразования, грамматики и синтаксиса в процессе изучения количества как понятийной категории. В результате автор приходит к заключению о необходимости комплексного изучения разноуровневых средств концептуализации количества в языке с учетом взаимодействия языкового и концептуального уровней.

Ключевые слова: языковая картина мира, прототипическая категория, принципы и механизмы концептуализации количества в языке, концептуальная система.

Степаненко С.Н. Проблема языкового представления количества в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 8. – Владикавказ, 2006. – С. 40 - 44.

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы языкового представления количества в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы. В статье проводится анализ различных подходов к изучению количества в языке, и определяются направления дальнейшего исследования проблемы с учетом взаимодействия языкового и концептуального уровней. Автором подробно обосновывается необходимость когнитивного подхода в изучении количества в языке.

Ключевые слова: роль языка в концептуализации количества, взаимодействие языкового и концептуального уровней, методы когнитивно-дискурсивной парадигмы, концептуальный анализ, концептуально-репрезентативный анализ, когнитивное моделирование, прототипическая семантика.

Степаненко С.Н. Некоторые аспекты концептуализации количества в современном английском языке // XII Державинские чтения. Институт филологии: мат-лы науч. конф. преподавателей и аспирантов, февраль 2007 г. – Тамбов, 2007. – С. 183 - 185.

В данной работе рассмотрение проблем количества в современном английском языке с точки зрения когнитивного подхода как новой парадигмы научного знания сопряжено с исследованием особенностей количества с учетом его соотношения со структурами ментального уровня, а также в контексте одного из основных познавательных процессов – концептуализации.

Ключевые слова: концептуализация, концепт, концептуальное пространство языка, субъективный характер человеческого восприятия, количественный смысл.

Степаненко С.Н. Роль грамматики в процессе концептуализации количества в современном английском языке // Филология и культура: мат-лы VI междунар. науч. конф. 17-19 октября 2007 г. – Тамбов, 2007. – С. 409 - 412.

В работе предпринимается попытка изучить и описать структуру и содержание концепта КОЛИЧЕСТВО, как одного из фундаментальных для построения концептуальной картины мира. Автор рассматривает особенности процесса его концептуализации средствами грамматического уровня. В работе описаны языковые механизмы концептуализации количества на морфологическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: языковая концептуализация количества, языковой механизм концептуализации, количественное понятие, базовые концептуальные характеристики.

Степаненко С.Н. Языковые и когнитивные механизмы концептуализации количества в современном английском языке // Альманах современной науки и образования. Серия: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. – Вып. 8 (15) – Тамбов, 2008. – С. 196-198.

В работе рассматриваются разноуровневые средства языка, выступающие в качестве языковых механизмов концептуализации. Автор определяет специфику лексической и грамматической концептуализации, изучает способы концептуализации количества на выделенных уровнях и описывает действие когнитивных механизмов концептуализации в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: концепт КОЛИЧЕСТВО, онтологическая категория, лексическая /грамматическая концептуализация, языковой механизм, когнитивный механизм, абстрагирование, профилирование, сравнение, градуирование, конкретизация, фокусирование.

Степаненко С.Н. Роль словообразования в процессе концептуализации количества в современном английском языке // **Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов. – Тамбов, 2008. – С. 424 - 426.**

В работе осуществляется анализ словообразовательных средств концептуализации количества. Автор заключает, что семантика аффикса задает направление изменения семантики исходного слова, в результате чего в семантике вторичной единицы появляется количественное значение.

Ключевые слова: процесс концептуализации, концепт, концептуальная структура, языковой механизм концептуализации, аффикс, префикс, суффикс, профилирование, содержание концепта, базовая /дополнительная характеристика.

Степаненко С.Н. Существительные как средства концептуализации количества в современном английском языке // **Филология и культура: мат-лы VII междунар. науч. конф. 14-16 октября 2009 г.– Тамбов, 2009. – С. 302 - 305.**

В данной работе существительные количественной семантики в современном английском языке, а также смыслы, формируемые ими в рамках предложения-высказывания, рассматриваются в аспекте познавательного процесса концептуализации.

Ключевые слова: уровни языковой концептуализации количества, концепт КОЛИЧЕСТВО, содержание концепта, количественная семантика, языковой механизм концептуализации, профилирование, фокусирование, дефокусирование, дополнительный лингвистический фактор концептуализации, базовые и дополнительные концептуальные характеристики.

Степаненко С.Н. Имя прилагательное как средство концептуализации количества в современном английском языке // **Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: мат-лы IV междунар. науч. конф. (сентябрь 2009 г.). – М.; Архангельск, 2009. – С. 313-318.**

В работе автор подробно анализирует особенности процесса концептуализации количества посредством прилагательных количественной семантики.

Ключевые слова: процесс концептуализации, содержание концепта, профилирование, частные концептуальные характеристики, номинативные средства языка.

Степаненко С.Н. Глагол как средство концептуализации количества в современном английском языке // **В поисках смысла: сб. науч.тр. – СПб., 2009. – С. 224 - 228.**

Статья посвящена изучению особенностей процесса концептуализации количества средствами лексического уровня – глаголами количественной семантики.

Ключевые слова: концептуализация, неоднородность концептуальной системы, онтологическое основание, дискретность/недискретность, профилирование, фокусирование, дополнительный лингвистический фактор концептуализации, количественный смысл.

Тимофеева С.Н. Влияние контекста на актуализацию значения глаголов ментальной деятельности to think, to know, to suppose // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Белгород, 2001. – С. 130-135.

Статья посвящена выявлению и анализу специфических особенностей глаголов ментальной деятельности в современном английском языке. Автор акцентирует внимание на актуализации конкретного значения глаголов в определенном контексте и в специфическом окружении.

Ключевые слова: глаголы ментальной деятельности, контекст, валентность.

Тимофеева Т.Н. Функционально-семантические поля модальности в английском языке // 2001 – век языков: человек, язык, коммуникация, культура в свете новых парадигм знаний: сб. студенч. раб. – Харьков, 2001. – С. 103-105.

В статье рассматривается категория модальности с точки зрения функционально-семантических полей. Автор описывает поля, на которые распадается микрополе действительности, являющееся составной частью категории модальности, а именно: предметная модальность, модальность волеизъявления и эпистемическая модальность.

Ключевые слова: функционально-семантические поля, модальность, коммуникативный аспект.

Тимофеева Т.Н. Проблема модальности в английском языке с точки зрения функционально-семантических полей // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. Вып 7. – В 2 ч. – Ч. I. – Белгород, 2003. – С. 205-208.

Предметом рассмотрения данной работы является категория модальности с точки зрения функционально-семантических полей. Автор характеризует особенности данной категории с опорой на описание коммуникативного аспекта языка, иллюстрируя их конкретными примерами.

Ключевые слова: категория модальности, функционально-семантические поля.

Федотова О.В. Лексическая репрезентация фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ в современном английском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. – Вып.8. – Ч.2. – Белгород, 2005. – С. 214-217.

В статье предпринимается попытка исследования фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ и его репрезентации лексическими единицами, которыми являются глаголы английского языка с общим значением прикосновения.

Ключевые слова: прикосновение, концепт, фрейм, когнитивная семантика, фреймовый подход.

Федотова О.В. Генезис глаголов прикосновения в современном английском языке // Франція та Україна, науково-практичний досвід у контексті діалогу національних культур. – XI Міжнародна конференція: Матеріали. – Дніпропетровськ, 2006. – С. 135-137.

В данной статье рассматривается генезис группы глаголов прикосновения. В статье содержатся результаты анализа некоторых работ, посвященных изучению и описанию данного пласта лексики.

Ключевые слова: глаголы физического и механического воздействия на объект, лексико-семантическая группа, семантика.

Федотова О.В. Субъект и объект в структуре фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 12. – Саратов, 2006. – С. 221-227.

В данной статье автор представляет результаты анализа особенностей субъекта и объекта в структуре фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ, а также рассматривает способы лексической репрезентации этих компонентов фрейма.

Ключевые слова: облигаторные компоненты фрейма, понятие категории, семантические роли.

Федотова О.В. Факультативные компоненты фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы междунар. науч. конф. 11-13 апреля 2006 г. – Вып. 9. – Ч. 1. – Белгород, 2006. – С. 196-199.

Автор выделяет и описывает факультативные компоненты фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ и в результате анализа их особенностей приходит к выводу о том, что в отличие от обязательных компонентов фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ, эксплицирующих стереотипное представление о ситуации прикосновения, факультативные компоненты обеспечивают широкую вариативность дополнительных знаний о прикосновении.

Ключевые слова: облигаторные компоненты фрейма, факультативные компоненты фрейма, когнитивная семантика.

Федотова О.В. Когнитивный аспект изучения семантики английских глаголов прикосновения // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 26-28 сентября 2006 года. Тамбов, 2006. – С. 181-183.

В данной статье автор предпринимает попытку анализа группы глаголов с общим значением прикосновения в когнитивном аспекте. Автор выделяет выделяет содержательные признаки концепта ПРИКОСНОВЕНИЕ. Изучение глаголов прикосновения с когнитивной точки зрения позволяет рассмотреть их более широко, а именно, как средство репрезентации в языке знаний (о ситуации прикосновения).

Ключевые слова: концептуальный анализ, концептуальная структура прикосновения, лексическая репрезентация.

Федотова О.В. Фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ как структура знания, репрезентируемая английскими глаголами прикосновения // Проблемы и методы современной лингвистики. – Вып. 2. – М., 2006. – С. 83-87.

В данной статье автор продолжает исследование фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ, как структуры знания о ситуации прикосновения.

Ключевые слова: концепт, фрейм, структура знания, лексическая репрезентация.

Федотова О.В. Функционально-семантические особенности глаголов, репрезентирующих фрейм ПРИКОСНОВЕНИЕ в современном английском языке // Язык. Культура. Коммуникация: мат-лы межрегион. науч.-практич. конф. 5-7 апреля 2006 года. – Липецк, 2006. – С. 67-72.

Целью данной статьи является выявление функционально-семантических особенностей глаголов прикосновения. Автор также описывает субкатегоризацию внутри лексико-семантической группы глаголов прикосновения.

Ключевые слова: категоризация, субкатегоризация, лексическая репрезентация.

Федотова О.В. Репрезентация фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ глаголами других лексико-семантических групп // Филология и культура: мат-лы VI междунар. науч. конф. 17-19 октября 2007 года. Тамбов, 2007. – С. 365-368.

Данная статья посвящена объяснению возможности фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ быть репрезентированным глаголами других лексико-семантических групп за счет взаимодействия фрейма ПРИКОСНОВЕНИЕ со смежными ему фреймами ДВИЖЕНИЕ, МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, ОЩУЩЕНИЕ, РАЗРУШЕНИЕ.

Ключевые слова: структура фрейма, межфреймовые и внутрифреймовые связи.

Федотова О.В. Глаголы прикосновения в рамках фреймовой семантики // *Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 8-10 октября 2008 года. Тамбов, 2008. – С. 763-765.*

В данной статье автор приводит новые результаты исследования глаголов прикосновения в рамках фреймовой семантики. Приводит типологию глаголов внутри лексико-семантической группы глаголов, с общим значением прикосновения.

Ключевые слова: фреймовая семантика, репрезентация знаний, компоненты фрейма.

Федотова О.В. Место профессионально-ориентированного курса «Computer English» в языковой подготовке студентов-информатиков // *Альманах современной науки и образования – № 8(15): Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы: – В 2 ч. – Ч. 1. – Тамбов, 2008. – С. 217-219.*

В статье рассматривается место, профессионально-ориентированного курса «Computer English» в языковой подготовке студентов, обучающихся по специальности «Информатика». Особое внимание уделяется целям, задачам и содержанию курса.

Ключевые слова: языковая компетенция, иностранный язык в профессиональной сфере, цели, задачи, содержание обучения иностранному языку в профессиональной сфере.

Фирсова Ю.В. Семантические характеристики глаголов, образованных по конверсии // *Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. Вып 7. – В 2 ч. – Ч. II. – Белгород, 2003.– С. 76-79.*

Статья посвящена исследованию явления конверсии. В работе рассматриваются разновидности конверсии, особенности глаголов, образованных по конверсии, и их семантические связи.

Ключевые слова: конверсия, семантические связи, глаголы, образованные по конверсии.

Фирсова Ю.В. Конверсия как продуктивный способ обогащения словарного состава современного английского языка // *Сб. студенч. науч. раб. – Вып. VI. - Ч. II. – Белгород, 2003. – С. 138-139.*

Целью данной статьи является изучение и описание различных подходов к рассмотрению конверсии, а также выявление наиболее существенных принципов классификации конверсионных производных. Объектом исследования являются конверсионные пары слов и типы семантических отношений, возникающие в процессе образования конверсионных производных.

Ключевые слова: конверсия, конверсионные производные, словообразование.

Францева Ю.В. Особенности организации процесса обучения английскому языку на основе учета индивидуальных особенностей обучаемых // *Лингводидактические проблемы обучения иностранным языкам в школе и вузе: межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 3. - Белгород, 2003. – С. 74-78.*

В статье раскрывается понятие индивидуализации процесса обучения иноязычному говорению. Автор говорит о необходимости выделения трех групп упражнений на основании индивидуальных особенностей обучаемых.

Ключевые слова: индивидуализация, коммуникативный подход, адаптивные упражнения, корректирующие упражнения, совершенствующие упражнения.

Чернякина Е.В. Модальность предположения в современном английском языке // *Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. – Вып. 7. – В 2 ч. – Ч. I. – Белгород, 2003. – С. 213-217.*

Статья посвящена рассмотрению категории модальности в современном английском языке в рамках функционально-системного подхода. Более подробно автор останавливается на исследовании микрополя предположения, характеризуя его основные черты и иллюстрируя актуализацию значения предположения.

Ключевые слова: модальность, функционально-семантическое поле, предположение.

Шибика Н.В. Развитие коммуникативной компетенции в учебном процессе у экономистов-международников // *Исследование языка специальности и дидактика в России. - СПб., 2002. - С. 143-146.*

Статья посвящена проблеме развития коммуникативной компетенции в учебном процессе у экономистов-международников на примере использования компьютерной программы Deutsch Gold 2000. Основное внимание автор уделяет изучению возможностей применения мультимедийных средств, которые могут быть успешно использованы на занятиях иностранного языка, в частности немецкого.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, коммуникация, программное обеспечение, навыки.

Шибика Н.В. Презентация фразеологических единиц в экономическом дискурсе (на материале современного немецкого языка) // *Единство системного и функционального анализа языковых единиц: мат-лы регион. науч. конф. 8-9 октября 2003г. – Вып. 7. – В 2 ч. – Ч. II. – Белгород, 2003. – С. 84-87.*

В работе исследуются свойства, критерии, основные модели фразеологических единиц, функционирующих в экономических текстах и дискурсах. Для иллюстрации данного явления автор использует в работе большое количество примеров, приводит сравнения в немецком и русском языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, экономический текст, дискурс.

Шибика Н.В. Лингвокультурологические особенности фразеологизмов в экономическом дискурсе (на материале современного немецкого языка) // Филология и культура: мат-лы IV междунар. науч. конф. 16-18 апреля 2003 г. – Тамбов, 2003. - С. 254-255.

Автор исследует фразеологические единицы современного английского языка, функционирующие в экономическом дискурсе. В работе прослеживается взаимосвязь плана выражения и плана содержания на примере фразеологических единиц, выражающих материально-денежные отношения, а также определяется национальная специфика данных языковых единиц.

Ключевые слова: фразеологические единицы, лингвокультурологические особенности, «материально-денежные отношения», экономические тексты.

Шибика Н.В. Ключевое слово «Geld» в немецких пословицах // Проблемы лингвистики и лингводидактики в высшей школе: мат-лы всерос. методич. научн. конф. 16 июня 2004. – Вып. 5. – СПб, 2004. С. 82-87.

В рамках статьи рассматривается концепт *деньги*, вербально реализуемый немецкими пословицами (паремиями), и отражающий особенности концептосферы немецкого народа. Источником эмпирического материала исследования послужили пословицы, собранные Х. Байером в книге «Немецкие пословицы и поговорки».

Ключевые слова: пословицы, Geld, концепт, культура.

Шибика Н.В. Phraseologische Einheiten des phraseosemantischen Feldes «Geld» // Вопросы лингвистики и преподавания иностранных языков. - Мурманск, 2004. – С. 51-54.

В работе проводится исследование фразеологических единиц с общим значением *Geld* с точки зрения их структурного, семантического и исторического аспектов. Автор выводит закономерности их употребления, прослеживает структурно-семантические уровни, на которых проявляется экономическая информативность данных языковых единиц.

Ключевые слова: фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения, Geld.

II. УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

А) УЧЕБНИКИ

Беседина Н.А. Английский язык для студентов юридических специальностей: учебник. – Белгород, 2009. – 356 с. (в соавторстве с Земляковым В.Д., Навроцкой И.Н.)

Допущен МВД РФ в качестве учебника для курсантов, слушателей и студентов образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России.

Учебник содержит необходимый лексический и грамматический минимум для развития всех видов профессионально ориентированной речевой деятельности на английском языке.

Предназначен для студентов юридических специальностей вузов и рассчитан на 170-200 часов аудиторных занятий.

Ключевые слова: языкознание, английский язык, юриспруденция, лексика, грамматика, профессионально ориентированная речевая деятельность, учебники, высшее образование.

Б) УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

Беседина Н.А., Гаврилова Е.Д. Small Business / Малый бизнес. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2004. – 104 с.

Рекомендовано УМО по образованию в области финансов, учета и мировой экономики в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальностям «Финансы и кредит», «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Мировая экономика».

Учебное пособие предназначено для студентов экономических специальностей, изучающих курс профессионального английского языка. Пособие состоит из трех разделов. Первый раздел ориентирован на аудиторную работу и содержит аутентичные английские тексты, объединенные темой «Малый бизнес», снабженные системой коммуникативных упражнений. Второй и третий разделы ориентированы в большей степени на самостоятельную работу студентов и включают английские тексты для чтения и обсуждения, а также тексты на русском языке для реферирования.

Ключевые слова: языкознание, английский язык, экономика, учебники, высшее образование, малый бизнес, аутентичные тексты, коммуникативные упражнения, самостоятельная работа, реферирование.

Гаврилова Е.Д. Профессиональный английский язык (часть 1). Туризм и путешествие. A Course of Professional English: Tourism and Travelling. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 135 с.

Данное пособие предназначено для студентов экономических специальностей, изучающих курс профессионального английского языка в сфере туризма. Пособие используется на начальном этапе изучения блока

профессионального курса английского языка, как центральной части в языковой подготовке специалистов туристического профиля.

Ключевые слова: аутентичные тексты, коммуникативные упражнения, самостоятельная работа.

Камышанченко Е.А. Прототипическая семантика негативных глаголов: Учебное пособие. – Белгород: Политерра, 2005. – 78 с.

Пособие содержит материалы, освещающие результаты изучения английских негативных глаголов с позиций прототипической семантики. Пособие состоит из двух глав. В первой главе рассматривается теоретический аспект функциональной категоризации языковых единиц на основе прототипического подхода к формированию языковых категорий. Вторая глава посвящена анализу семантико-функциональной категоризации негативных глаголов в современном английском языке.

Данное пособие предназначено для студентов-филологов старших курсов университетов и аспирантов филологических специальностей.

Ключевые слова: функциональная категоризация, прототипическая семантика, негативные глаголы.

Камышанченко Е.А. Let's start learning English: Учебное пособие. - Белгород: Политерра, 2008. – 110 с.

Пособие предназначено для студентов экономического факультета (специальность «Мировая экономика»), изучающих английский язык как второй иностранный язык.

Пособие включает 6 лексических тем, ориентированных на изучение основ речевой коммуникации в ситуациях повседневного и делового общения. В пособии использованы аутентичные тексты, диалоги и развивающие задания на коммуникативной основе.

Колесников А.А. Пособие по домашнему чтению на немецком языке. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 91 с.

Учебное пособие предназначено для использования на этапе изучения общего курса немецкого языка со студентами специальности «Мировая экономика» 1-2 курсов. Пособие включает в себя оригинальные художественные тексты немецких писателей, различные задания к каждому уроку и может использоваться на занятиях по домашнему чтению. В конце текстов приводятся также комментарии с переводом наиболее трудной лексики и выражений. Кроме того, пособие может быть также рекомендовано для организации самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: домашнее чтение, самостоятельная работа.

Колесников А.А. Экономика, предприятия и банки Германии. – СПб.: Антология, 2003. – 112 с.

Рекомендовано УМО по образованию в области финансов, учета и мировой экономики в качестве учебного пособия для студентов, обучающихся по специальности «Мировая экономика».

Учебное пособие предназначено для студентов 2-3 курсов экономических факультетов, изучающих профессиональный немецкий язык как основной иностранный язык. Пособие включает в себя аутентичные тексты экономической и банковской направленности, словарь с переводом наиболее трудной лексики и тренировочные упражнения. Также прилагаются задания для самостоятельной работы.

Ключевые слова: экономика, предприятия, банки.

Серкина О.В. Пособие по домашнему чтению на английском языке по рассказу А. Кристи “The Body in the Library”. – Белгород: изд-во БелГУ, 2002. – 147 с.

Пособие по домашнему чтению предназначено для студентов 2 курса, изучающих английский язык в качестве основной специальности. В основе пособия – рассказ известной английской писательницы детективного жанра Агаты Кристи. Рассказ разбит на блоки, каждый из которых снабжен языковым комментарием и заданиями. В конце книги представлены дополнительные задания лексического и грамматического характера. Данное пособие может использоваться как на занятиях по домашнему чтению, так и для индивидуального чтения студентов и всех изучающих английский язык.

Ключевые слова: домашнее чтение, индивидуальное чтение, самостоятельная работа.

Серкина О.В., Тимофеева Т.Н. Пособие по домашнему чтению на английском языке по рассказу У. Коллинза «Женщина в белом». – Часть 2. – Белгород, 2005. – 141 с.

Пособие по домашнему чтению предназначено для студентов 1-2 курсов языковых и неязыковых факультетов с углубленным изучением английского языка. В основе пособия – рассказ У. Коллинза «Женщина в белом». Рассказ разбит на блоки, каждый из которых снабжен языковым комментарием и заданиями. В конце книги представлены дополнительные задания лексического и грамматического характера. Данное пособие может использоваться как на занятиях по домашнему чтению, так и для индивидуального чтения студентов и всех изучающих английский язык.

Ключевые слова: домашнее чтение, индивидуальное чтение, самостоятельная работа.

Серкина О.В., Зайцева С.Н., Тимофеева Т.Н., Федотова О.В., Францева Ю.В. Пособие по домашнему чтению на английском языке. Часть 3. – Белгород, 2005. – 121 с.

Пособие по домашнему чтению предназначено для студентов 1-3 курсов языковых и неязыковых факультетов с углубленным изучением

английского языка. В пособии представлены задания к двум произведениям британских авторов: А.Кристи «Происшествие в Кингз Эббот» и С.Моэм «Театр» и роману американца Т.Драйзера «Дженни Герхардт». Задания представляют из себя три отдельных блока, каждый из которых включает упражнения для работы с лексикой, с текстом и задания для обсуждения.

Ключевые слова: домашнее чтение, индивидуальное чтение, самостоятельная работа.

Серкина О.В., Камышанченко Е.А., Зайцева С.Н., Колоколова И.В., Малахова В.Л., Бутылева Е.П., Степаненко С.Н., Тимофеева Т.Н., Фирсова Ю.В., Федотова О.В., Чернякина Е.В. Let's Talk and Write English. Пособие по обучению практике устной и письменной речи (начальный этап) на английском языке. Отв. ред. О.В.Серкина. – Белгород, 2007. – 411 с.

Пособие представляет собой комплексную базу по обучению английскому языку студентов 1-2 курсов экономических специальностей (с углубленным изучением иностранного языка). Основываясь на принципе антропоцентризма – ставя во главу угла студента с его сформировавшейся системой ценностей – пособие логично представлено в виде трех блоков, каждый из которых включает в себя разделы, последовательно развивающие главную тему блока. Каждый их разделов включает непосредственно задания по развитию лексических навыков (Building-up Your Vocabulary), навыков устного общения (Acquiring Communication Skills) и навыков письма (Writing). Пособие снабжено приложениями.

Ключевые слова: английский язык, аутентичный языковой и речевой материал, развитие навыков устного и письменного общения, учебное пособие.

Степаненко С.Н. A Course of Professional English (Part II): Hotel Industry/ Профессиональный английский язык (Часть II): Гостиничный бизнес.– Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 156 с.

Учебное пособие предназначено для развития коммуникативных умений и навыков в условиях профессионального общения в области гостиничного бизнеса у студентов, обучающихся по специальности «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)». Пособие включает восемь разделов по следующим темам: The Accommodations Industry, Hotel Types Classifications, Hotel Facilities and Services, Conference Facilities, Food and Beverage Service, The Reception Area, Hotel Industry Occupations, Hotel Chains и содержит блок итоговых заданий творческого характера по курсу Hotel Industry (Project Work). Данное учебное пособие может быть использовано для организации самостоятельной работы студентов, изучающих основы управления гостиничным бизнесом, а также лицами, желающими углубить знания в области профессионального английского языка.

Ключевые слова: аутентичный текстовый материал, коммуникативный навык, принцип интегративного обучения иностранному языку, активное овладение специальной лексикой, реферирование, аннотирование.

Федотова О.В. Computer English: Учебное пособие к профессионально-ориентированному курсу англий-ского языка для студентов, обучающихся по специальности «Информатика» с дополнительной специальностью «Иностранный язык» (Часть I). – Белгород, 2009. – 180 с.

Пособие предназначено для развития коммуникативных навыков высказывания в условиях профессионального общения у студентов, обучающихся по специальности информатика с дополнительной специальностью «Иностранный язык». Пособие включает шесть тематических блоков, сопровождается списком компьютерных терминов и аббревиатур, а также списком сокращений, использующихся в электронных письмах.

Ключевые слова: английский язык для профессионального общения, компьютерные науки и информационные технологии, реферирование.

В) ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Белоусов В.Ю. Professional English for Distance Learning / Профессиональный английский для дистанционной формы обучения – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2008.

Учебный курс «Professional English for Distance Learning» разработан для студентов заочной формы обучения по специальностям 010503.65 Математическое обеспечение и администрирование информационных систем, 080801.65 Прикладная информатика (в экономике), 210406.65- Сети связи и системы коммутации, 210405.65 Радиосвязь, радиовещание и телевидение. Курс посвящен продолжению изучения английского языка и затрагивает вопросы о том, как устроен простейший телефон, что такое передача голоса по Интернет-протоколу и многое другое, заканчивая вопросами беспроводной передачи данных. Данный курс состоит из 10 разделов, каждый из которых включает в себя профессионально-ориентированную оригинальную статью, лексико-грамматические упражнения и тесты для самоконтроля. Лексико-грамматические упражнения построены на основе повторения изученных ранее грамматических конструкций и лексическом материале, пройденном в каждом разделе. По окончании изучения каждого раздела студенту необходимо выполнить тест для самоконтроля и реферирование статьи. Пособие представлено в сетевой программной оболочке «Пегас» по адресу: <http://pegas.bsu.edu.ru>.

Ключевые слова: английский язык для профессионального общения, профессионально-ориентированная лексика, реферирование.

Беседина Н.А. Английский язык (для системы дистанционных образовательных технологий МВД России). Электронный учебник. / Под общ. ред. Н.А. Бесединой. 2010 г. (в соавторстве с Земляковым В.Д., Навроцкой И.Н.). – Электронный ресурс. – Центральный портал системы дистанционных образовательных технологий в сети ЕИТКС ОВД.

Допущен Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве электронного учебника для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России.

Учебник состоит из трех основных частей. В первой части представлен материал вводного курса, построенного на основе фонетического, грамматического, лексического материала программы общеобразовательных учреждений, и скорректированного с учетом специфики обучения в образовательных учреждениях МВД России. Вторая и третья части включают в себя грамматический и лексический разделы.

Приложение содержит методический материал по основам перевода с английского языка на русский, тесты для самоконтроля, проверочные ключи к упражнениям и тестам.

Ключевые слова: языкознание, английский язык, юриспруденция, лексика, грамматика, профессионально-ориентированная компетенция, электронные учебники, высшее образование.

Глушецкая С.М., Колесников А.А., Нерубенко Н.В., Чернова О.О. Computer Deutsch für DistancE-Learning. Teil 2: Учебно-методическое пособие по немецкому языку для студентов факультета КНиТ. Часть 2 – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2007.

Учебно-практическое пособие по курсу «Иностранный язык (профессиональный)» для студентов заочной формы обучения представляют собой теоретический материал и практикум по тому же курсу. Пособие предназначено для специальностей 010503 Математическое обеспечение и администрирование информационных систем; 010505 Прикладная информатика (в экономике); 210406 Сети связи и системы коммутации; 210405 Радиосвязь, радиовещание и телевидение, а также в соответствии с учебной программой.

Полная версия УМК представлена в электронном виде на CD-ROM и в сетевой программной оболочке «Пегас» по адресу <http://pegas.bsu.edu.ru>. Печатная версия включает в себя учебно-практическое пособие и глоссарий.

Данный курс сориентирован как на самостоятельную познавательную деятельность слушателей, так и на их умение работать в иноязычной среде с аутентичными текстами на немецком языке. Тексты учебного пособия носят информационный характер и вводят студентов не

только в немецкую среду компьютерных коммуникаций и Интернет, но и помогают более полно получить представление об использовании различной компьютерной информации и технологий, терминологии в немецком языке.

Ключевые слова: учебно-методическое пособие, немецкий язык, информатика, связь, радиовещание, тексты, лексика, грамматика.

Колесников А.А., Нерубенко Н.В. Введение в профессионально-ориентированный курс иностранного языка: Учебное пособие по немецкому языку для студентов факультета бизнеса и сервиса – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2009

Учебное пособие по курсу «Введение в профессионально-ориентированный курс иностранного языка» ориентировано на студентов I курса факультета бизнеса и сервиса, специальность «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», изучающих немецкий язык как основной.

Цель пособия — сформировать у студентов навыки работы с текстами профессиональной направленности, расширить их знания в области туристического и социально-экономического развития общества.

Пособие представляет собой сборник аутентичных текстов, объединенных в две части. Каждый текст снабжен словарем с наиболее трудной для перевода лексикой и заданиями, направленными на развитие навыков чтения, работы над текстом, аудирования, говорения и письма.

Ключевые слова: немецкий язык, учебное пособие, чтение, аудирование, говорение, письмо.

Морель Морель Д. А. Le français professionnel de l'industrie touristique (pour l'enseignement à distance): Учебное пособие по французскому языку для студентов дистанционной формы обучения факультета бизнеса и сервиса. – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2010.

Учебное пособие по курсу «Иностранный язык (профессиональный)» предназначено для обучения профессиональному французскому языку студентов факультета бизнеса и сервиса дистанционной и заочной форм обучения и содержит аутентичные тексты и диалоги, лексический и идиоматический материал, упражнения и творческие задания. Учебное пособие составлено в соответствии с требованиями к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки специалиста с высшим образованием и Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальности 080502.65.02 «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», а также в соответствии с учебной программой.

Ключевые слова: французский язык, туризм, гостиничное дело, ресторанное дело.

Морель Морель Д. А. Le français d'affaires (pour l'enseignement à distance à la faculté des affaires et du service): Учебное пособие по французскому языку для студентов дистанционной формы обучения факультета бизнеса и сервиса. – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2010.

Учебное пособие по курсу «Деловой иностранный язык» предназначено для обучения деловому французскому языку студентов факультета бизнеса и сервиса дистанционной и заочной форм формы обучения и содержит аутентичные тексты и диалоги, лексический и идиоматический материал, упражнения и творческие задания. Учебное пособие составлено в соответствии с требованиями к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки специалиста с высшим образованием и Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальности 080502.65.02 «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», а также в соответствии с учебной программой.

Ключевые слова: французский язык, деловая переписка, деловое общение, рекламный бизнес, маркетинг, трудоустройство, кадровая политика, менеджмент.

Нерубенко Н.В., Орлянская Е.Г. Иностранный язык (профессиональный): Учебно-методическое пособие по немецкому языку для студентов факультета бизнеса и сервиса дистанционной формы обучения. – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2010

Пособие является обязательным модулем, предназначенным для студентов факультета бизнеса и сервиса дистанционной формы обучения по курсу «Иностранный язык (профессиональный)», содержит аутентичные тексты, некоторые из которых сокращены, но неадаптированы, словарь к каждому тексту и систему тренировочных упражнений. Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с требованиями по обязательному минимуму содержания и уровню подготовки специалиста с высшим образованием Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальностям «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», а также в соответствии с учебной программой.

Ключевые слова: немецкий язык, индустрия туризма, развитие сферы услуг, виды путешествий в туризме, экологически безопасный туризм, учебные пособия.

Орлянская Е.Г., Нерубенко Н.В. Деловой иностранный язык: Учебно-методическое пособие по немецкому языку для студентов факультета бизнеса и сервиса дистанционной формы обучения. – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2010.

Пособие является обязательным модулем, предназначенным для студентов факультета бизнеса и сервиса дистанционной формы обучения по курсу «Деловой иностранный язык», содержит аутентичные тексты и систему тренировочных упражнений. Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с требованиями по обязательному минимуму содержания и уровню подготовки специалиста с высшим образованием Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальностям «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», а также в соответствии с учебной программой.

Ключевые слова: немецкий язык, гостиничный бизнес, развитие сферы услуг, индустрия туризма, виды путешествий в туризме.

Степаненко С. Н., Гаврилова Е. Д. Professional English for Tourism for Distance E-Learning Students: Учебное пособие по английскому языку для студентов дистанционной формы обучения факультета бизнеса и сервиса. – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2010.

Учебное пособие является обязательным модулем, предназначенным для студентов дистанционной формы обучения факультета бизнеса и сервиса по курсу «Иностранный язык (профессиональный)». Оно может использоваться с целью совершенствования языковых умений и речевых навыков студентов заочной и дистанционной форм обучения, обнаруживающих средний уровень владения английским языком.

Пособие состоит из 2-х частей, логически связанных между собой, и подразделяются авторами на несколько разделов (Units). Содержит аутентичные тексты, некоторые из которых сокращены, словарь к каждому тексту и систему тренировочных упражнений.

Учебно-методическое пособие составлено в соответствии с требованиями по обязательному минимуму содержания и уровню подготовки специалиста с высшим образованием Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальностям «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», а также в соответствии с учебной программой.

Ключевые слова: индустрия туризма, развитие сферы услуг, виды путешествий в туризме, экологически безопасный туризм.

Степаненко С. Н., Гаврилова Е. Д. Business English for Tourism for DistancE-Learning Students: Учебное пособие по английскому языку для студентов дистанционной формы обучения факультета бизнеса и сервиса. – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2010.

Учебное пособие является обязательным модулем, предназначенным для студентов дистанционной формы обучения факультета бизнеса и сервиса по курсу «Деловой иностранный язык». Данное учебное

пособие представляет собой продолжение серии учебных пособий профессиональной направленности для студентов дистанционной формы обучения: оно предполагает, что студенты освоили курсы общего иностранного языка, введения в профессионально-ориентированный иностранный язык и профессионального иностранного языка и продолжают обучение на новом уровне. Таким образом, учебное пособие обеспечивает взаимосвязь курсов и позволяет сохранить целостную систему преподавания иностранного языка.

Пособие состоит из разделов (Units), каждый из которых включает систему упражнений, предусматривающих работу с текстом, предъявленным на английском языке, словарь к каждому тексту и систему тренировочных упражнений.

Учебное пособие составлено в соответствии с требованиями по обязательному минимуму содержания и уровню подготовки специалиста с высшим образованием Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по специальностям «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», а также в соответствии с учебной программой.

***Ключевые слова:** туристическая компания, деловая коммуникация, профессии в туризме, жалобы и конфликтные ситуации в туризме.*

Терентьева Е.Ю., Перелыгина Т.А., Колесникова К.А. English for Tourism for DistancE-learning (Introduction). – Электронный ресурс. – Белгород: системная оболочка «Пегас» БелГУ, 2009

Представляет собой учебно-практическое пособие по дисциплине «Введение в профессионально-ориентированный курс иностранного языка (английский)» для студентов факультета Бизнеса и Сервиса по специальности «Экономика и управление на предприятии (туризм и гостиничное хозяйство)», которые продолжают изучение английского языка и уже владеют им в объеме начального курса.

Учебное пособие состоит из двух частей: «Hotels and Hotel Business» («Гостиницы («Отели») и гостиничный бизнес») и «Means of Travelling» («Средства передвижения»). Тексты и лексико-грамматические упражнения учебного пособия расширяют словарный запас студентов за счет овладения ими современной терминологией, активизируют ранее полученные знания, умения и навыки, формируют практические навыки употребления профессиональной лексики для сферы туризма в предложенных ситуациях.

В конце пособия имеется глоссарий по данной тематике.

Пособие является частью УМК и представлено в сетевой программной оболочке «Пегас» по адресу: <http://pegas.bsu.edu.ru>.

***Ключевые слова:** английский язык, учебно-практическое пособие, туризм, отели, гостиничный бизнес, лексика, грамматика.*

Научное издание

В ПРОСТРАНСТВЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Сборник научных статей

Ответственный редактор
Беседина Наталья Анатольевна

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *О.В. Федотовой*

*Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в типографии ООО «Планета-Полиграф».
Подписано в печать 28.05.10. Формат 60×84/16.*

Бумага офсетная. Гарнитура Time

Усл.печ. л. 20,75 Уч. –изд. л. 14,8

Тираж 150 экз. Заказ № 17.

